

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3 (2)

Киров
2008

Главный редактор

В. С. Данюшенков, доктор педагогических наук, профессор,
чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор
(зам. главного редактора);

А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент
(отв. секретарь);

К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;

В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;

С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор;

О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, доцент;

М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка – Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Чернова С. В. Лингвистика и ее место в междисциплинарном научном пространстве 8

ЛИНГВИСТИКА

Сверхтекст. Языковое сознание. Концепт. Коммуникация.

Коммуникативные стратегии и тактики. Прецедентные тексты

Лошаков А. Г. Метаконцепты и метатексты в аспекте концепции сверхтекста 14

Сергиева Н. С. Ядро языкового сознания: содержание и структура 19

Гурьянов С. М. Формы выражения авторского начала в документальной фотографии 22

Рубцова О. В. Вербализация концепта «социальное пространство»

в жанре научной фантастики (на основе романа Г. Уэллса «Машина времени») 24

Натяженко Е. В. Когнитивный анализ локутивного речевого акта

(на материале современного немецкого языка) 27

Ячкова О. В. Языковые средства, реализующие кооперативную стратегию

в реалити-шоу (на материале русского языка) 32

Фахрутдинова Д. Р. Стратегия дифференциации «своих» и «чужих»

в военном институциональном дискурсе 38

Закирова Л. Р. Роль модальных лексических единиц,

выражающих уверенность на коммуникативном уровне 43

Вашунина И. В. Иллюстрирование как средство визуализации текстовой информации 47

Сторожева Е. М. Социальные компоненты коннотации 51

Никонова Ж. В. Основные положения фреймового анализа речевых актов

(на материале современного немецкого языка) 52

Голубева Н. А. Прецедент и прецедентность в лингвистике 56

Голубева Н. А. Лингвокогнитивные признаки прецедентных единиц 61

Золотухина Е. Н. Механизмы интертекстуальности в современной разговорной речи 65

Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней

Калинина А. В. Семантика и функционирование в современной речи

номинативных единиц *звезда, элита, средний класс* 68

Люляева Н. А. Изменения в жаргонной лексике участников биржевой деятельности

1997–2008 гг. (на примере лексико-семантической группы

«Наименования участников биржевой деятельности») 73

Письмак Т. Г. Семантика неконтролируемого действия

(на материале русской и французской глагольной лексики) 78

Наумова Н. Г. Номинативные единицы, обозначающие Чичикова,

как средство создания образа персонажа (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») 81

<i>Аюпова Е. И.</i> Метафорические наименования ребенка: деривационная и функциональная специфика	86
<i>Шведова Е. И.</i> Интерпретирующий компонент в структуре словарной статьи (на материале конфессиональной лексики)	90
<i>Грошева Т. Н.</i> Семантическая преемственность производных в словообразовательном гнезде <i>бедный</i>	94
<i>Метликина Л. С.</i> Сложные окказиональные прилагательные как средство художественной выразительности прозы Б. А. Пильняка	97
<i>Сакаева А. Р.</i> Структурно-грамматическая организация фразеологических единиц с компонентом-фитонимом, семантически ориентированных на характер человека в английском языке	99
<i>Гриценко А. В.</i> Фразеология лжи	102
<i>Ахметзянова Л. М.</i> Система антропонимических формул в произведениях Д. Хармса	108
<i>Иосилевич Н. В.</i> Семантический аспект как самостоятельный аспект предложения	112
<i>Пыстина О. В.</i> Тематическая структура автобиографического дискурса: тема дороги	115

Контрастивная лингвистика. История языка. Диалектология

<i>Ефимова А. В.</i> К истории слов с корнем * <i>kostř-</i> в русском и других славянских языках	120
<i>Шелестова О. В.</i> Сопоставительный анализ способов образования аффиксальных глаголов английского и арабского языков	122
<i>Труфанова Л. А.</i> Межъязыковые фразеологические соответствия (на материале английских и русских фразеологических единиц неантропоцентрической направленности)	126
<i>Антипова И. А.</i> Способы толкования в «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского	133
<i>Гилязетдинова Г. Х.</i> К вопросу о метафоризации восточных лексических элементов в истории русского литературного языка	135
<i>Озтюрк Л. И.</i> Наименования лиц женского пола в современной катойконимике	139
<i>Закиров М. И.</i> Лексема <i>снег</i> в русских и татарских народных приметах	142
<i>Денисова Л. Н.</i> Чрезмерно-кратный и чрезмерно-интенсивный типы протекания действия (на материале диалектных глаголов)	146
<i>Гапонова Ж. К.</i> Праздники и праздничные традиции мологжан (на материале мологских говоров Ярославской губернии)	150

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская и зарубежная литература

<i>Лихонина О. В.</i> «Мышеловка» как форма театральности в пространстве советской культуры конца 1920–1930-х гг.	155
<i>Пинегина Е. А.</i> «Прогулки в распрекрасном Петербурге»: пасторальная традиция в поэме-пьесе А. Н. Егунова «Беспредметная юность»	157

<i>Атрохин А. М.</i> Творчество Д. С. Мережковского периода эмиграции (методы и подходы к изучению).....	160
<i>Курмелев А. Ю.</i> Американская «Чайка». А. П. Чехов в интерпретации Т. Уильямса	162
<i>Шабанова А. В.</i> Внутренняя форма поэмы О. Уайльда «Сфинкс» в переводе Н. С. Гумилева	165
<i>Черниговский Д. Н.</i> А. В. Тыркова-Вильямс об общественно-политических взглядах Пушкина	170
<i>Раскова А. М.</i> Гертруда Стайн: поэтика автобиографизма	173
<i>Алилова Д. Г.</i> Своеобразие поэтики поздних од Т. Грея (на примере оды «Роковые сестры»).....	177
<i>Кабулова Г. С.</i> Восприятие и обожествление окружающей природы – один из основных факторов духовной культуры осетин	180

CONTENTS

- Chernova S. V.* Linguistics and its place in interdisciplinary scientific space
- Losbakov A. G.* Metaconcepts and Metatexts in the Aspect of Ultratext Conception
- Sergieva N. S.* Nuclei of Lingual Sense: Content and Structure
- Gurjanov S. M.* The forms of expression of author's style in documentary photography
- Rubtsova O. V.* Verbalization of the concept "social space" in the genre of scientific fantasy (on the basis of the novel by G. Wells "Time machine")
- Natyazhenko E. V.* Cognitive analysis of the locutionary speech act (on the basis of modern German language)
- Yachkova O. V.* Language means used in reality-shows to realise cooperative strategy
- Phakbrutdinova D. R.* A strategy of differentiation «us» from «them» in the military institutional discourse
- Zakirova L. R.* The role of the modal lexical items denoting certainty on the communicative level
- Vashunina I. V.* Illustration as text information visualisation means
- Storozheva E. M.* Social components of connotation
- Nikonova Zh. V.* Basic thesises of the frame-analysis of speech acts (on the basis of german language)
- Golubeva N. A.* Precedent and precedency in linguistics
- Golubeva N. A.* Linguocognitive characteristics of precedent units
- Zolotubina E. N.* Intertextual Mechanism in Modern Informal Speech
- Kalinina L. V.* Semantics and functioning of the words *star*, *elite* and *middle class* in modern speech
- Lyulyaeva N. A.* Changes in jargon lexis of stock-market activity participants
- Pismak T. G.* Semantics of Uncontrolled Action (on the Material of Russian and French Verbs)
- Naumova N. G.* The nominative units defining Chichicov as the means of creating the characters image (based on the novel "The dead souls" by N. V. Gogol)
- Ayupova E. I.* Metaphoric child-designations: derivational and functional peculiarities
- Shvedova E. I.* Interpretive Component in the Dictionary Entry Structure (on the Material of Confessional Vocabulary)
- Grosheva T. N.* Semantic Succession of Derivatives in Word-formative Family "Bednyi" (*poor*)
- Metlikina L. S.* Complex Occasional Adjectives as a Mean of Artistic Expressiveness in Prose by B. A. Pilnyak
- Sakaeva L. R.* Structurally-Grammatical Outline of Phraseological Units with Phitonim Component and Semantically Person-Oriented in English language
- Gricenko A. V.* Phraseology of lie
- Abmetzyanova L. M.* The system of anthroponomical formulas in the works of D. Kharms
- Iosilevich N. V.* Semantic Aspect as a Self-Contained Aspect in the Sentence
- Pystina O. V.* Thematic Structure of Autobiographical Discourse: the Way Theme
- Efimova A. V.* From the History of the Worlds with Root **kostr-* in Russian and Slavic languages
- Shelestova O. V.* Comparative analysis of ways of word-formation of affixal verbs in English and Arabic
- Trufanova L. A.* Interlingual Phraseological Equivalence (on the Material of English and Russian Phraseological Units of Nonanthropocentric Orientation)
- Antipova I. A.* The ways of interpretation in «Words» and «Parables» by Kiril Turovsky
- Gilazetdinova G. H.* To the question of metaphORIZATION of oriental lexical elements in the history of the Russian literary language
- Ozturk L. I.* Female Designation in Modern Catoikononyms
- Zakirov M. I.* The lexeme snow in Russian and Tatar folk omens

-
- Denisova L. N.* Extremely short and extremely intensive types of process (based upon dialectal verbs)
- Gaponova Zh. K.* Holidays and holiday traditions of Mologa citizens (on the material of Mologa dialects of Yaroslavl province)
- Libonina O. V.* «Mousetrap» as a theatricality form in the Soviet Culture at the end of 1920–1930
- Pinegina E. L.* “Walks in the most beautiful St. Petersburg”: the pastoral tradition in the play in verse “Aimless youth” by A. N. Yegunov
- Atrobin A. M.* Creative Work of D. S. Merejkovsky during his Life in Emigration (Methods and Approaches to Analysis)
- Kurmelev A. Y.* American « Gull ». A. P. Chekhov in Interpretation by T. Williams
- Shabanova A. V.* The internal form of O. Wilde’s poem «Sphinx» translated by N. S. Gumilev
- Chernigovsky D. N. A. V.* Tyrkova-Williams about Pushkin’s political views
- Raskova A. M.* Gertrude Stein: Poetics of Autobiographism
- Alilova J. G.* «The fatal sisters»: particular poetics in Gray’s gothic odes
- Kabulova G. S.* Nature Perception and Worshipping as One of the Main Factors in Ossetian Spiritual Culture

**ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ МЕСТО
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ НАУЧНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

В статье речь идет о связях лингвистики с другими областями знаний, говорится о плодотворности такого рода связей и о том, что взаимодействие наук не приводит к утрате ими самостоятельности. Причины этого автор видит в том, что междисциплинарное взаимодействие наук основывается на функционализме как общем для гуманитарных, естественных и технических наук подходе к описанию и интерпретации фактов.

The question of the article is the relationship between linguistics and the other fields of knowledge. It is spoken about the fruitfulness of such sort of the relationships. It is showed that the interaction of the sciences does not conduct them to loss of their independence. The reasons of this the author sees in the fact that interdisciplinary relationship of the sciences is founded on the principle of functionalism as the general for humanitarian, natural and technical sciences in their approach to the description and interpretation of the facts.

Все то, что я не могу выразить в форме речи, высказать в форме, понятной другому, я и сам не осознаю в качестве общественного индивида, в качестве человека.

Ильенков Э. В. Дialeктика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 43.

«Функциональное предназначение науки как отрасли человеческой деятельности, – пишет Н. В. Маслова, – состоит в получении знаний о всеобщих, универсальных, специальных или частных явлениях, Законах Мира, общества и пости-

жения. Среди важнейших задач науки – оформление знаний, теорий, гипотез, правил, формул, методов и т. д. и предоставление их обществу» [1].

Такого рода предназначение («оформление знаний, теорий, гипотез... и предоставление их обществу») наука может выполнить, лишь будучи деятельностью, интегрирующей, обобщающей достижения как внутри конкретных наук, так в междисциплинарной сфере на основе какой-либо общезначимой идеи.

Объединение наук происходит уже на стадии членения их на науки естественные, гуманитарные, технические и т. д. «Поскольку язык является важнейшим средством коммуникации в обществе и тесно связан с мышлением и сознанием, языкознание входит (в качестве одной из центральных наук), в круг гуманитарных (социальных) научных дисциплин, исследующих человека и человеческое общество» [2].

Слово *гуманитарный* закрепилось за целым комплексом наук, которые соотносятся с определенными профессиональными занятиями, связанными с истолкованием поведения, деятельности человека как части социума, его духовной жизни и мира созданной им культуры. Гуманитарные науки – понятие весьма широкое. К числу гуманитарных относят как лингвистику, так и философию, историю, культурологию, экономику, юриспруденцию, право, педагогику, искусствоведение, психологию, журналистику, социологию, этику, эстетику, антропологию, археологию, графологию, политологию, этнографию, науковедение, литературоведение, криминалистику и другие науки. В «Толковом словаре иноязычных слов» в дефиниции слова *гуманитарный* подчеркивается отличие гуманитарных наук от естественных и технических. Ср.: *Гуманитарный... 1. О науках: относящийся к изучению культуры и истории народа (в отличие от естественных и технических наук)* [3]. Однако непреходимой грани между гуманитарными, естественными и техническими науками сегодня не существует.

Будучи гуманитарной наукой, лингвистика связана не только с другими гуманитарными науками, но также с науками естественными и техническими. Характеристике и обоснованию такого рода связей лингвистики с другими научными дисциплинами посвящена известная статья Р. О. Jakobsona «Лингвистика в ее отношении к другим наукам» [4]. Сегодня это положение принимается как данность.

Приведем, например, суждения ученых, работающих в разных областях знаний. Языковед, историк языка, Ф. П. Филин, в частности, отмечает: «В русской исторической и лингвистической литературе сохранилась традиция начинать *ab ovo*, когда речь идет о происхождении славян и их языков. Это вполне естественно: чтобы понять, как сложился тот или иной народ и его речь, нужно уяснить себе его исторические истоки» [5].

В современной книге по лингвокультурологии читаем следующее: «...Структура культуры обнаруживает определенное сходство со структурой языка. А видение мира определенной социальной группой обусловлено ее культурой: одни и те же явления реальности по-разному понимаются и интерпретируются различными группами. Проблема, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы определить, как язык, используемый данной социальной группой, отражает ее представление о мире» [6].

Математик А. В. Гладкий обращает внимание на то, что «лингвистика становится все более точной наукой – не переставая, разумеется, быть наукой гуманитарной» [7]. Примеры такого рода можно продолжать и продолжать... Лингвистику сближают с гуманитарными, техническими, естественными и другими науками не случайно.

Лингвистика как наука берет начало в XIX в., когда возникло и стало активно развиваться сравнительно-историческое языкознание, выработавшее свой, собственно лингвистический, метод анализа языковых фактов. Суть сравнительно-исторического метода состоит в реконструкции

праязыка, в обнаружении соответствий между единицами разных уровней реконструируемых языков [8]. Это весьма точные и строгие процедуры, на которые и сегодня опирается компаративистика. Ср.: «*Реконструкция так же точна, как и описание живого языка*, поскольку с ее помощью можно добраться до исчезнувшей языковой системы» [9]. Следовательно, лингвистическая наука в области сравнительно-исторического языкознания – это наука, с самого своего возникновения стремящаяся к точности в описании языкового материала.

Идеи, высказанные В. фон Гумбольдтом, крупнейшим ученым-энциклопедистом второй половины XIX – первой трети XX в., являющимся основоположником теоретического языкознания, направили лингвистику в гуманитарное русло, сблизив с философией, культурологией и историей. Так, рассуждая о необходимости сравнения различных древних и новых языков, В. Гумбольдт писал: «Однако мысль о том, чтобы собрать, насколько это возможно, всю массу языкового материала во всей его полноте, произвести внутри его сравнение по всем мыслимым законам аналогии, чтобы, понимая язык как следствие, создавать и совершенствовать его в соответствии с поведением человека, либо, понимая его как причину, делать выводы о внутреннем мире людей, и все это с философским рассмотрением общей человеческой природы и с историческим рассмотрением судеб различных народов, – вот эта мысль, я полагаю, до сих пор остается без внимания...» [10].

Ф. де Соссюр, мысли которого о языке стали известны ученому миру в 20-е годы XX в., заявил о лингвистике как семиотической и строгой науке о знаках. Ср.: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем. Следовательно, можно представить себе науку,

---

изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от греч. *σημείον* «знак»)..
Лингвистика – только часть этой общей науки» [11].

На протяжении XX в. языковые факты были подвержены многоаспектному анализу в рамках разных школ и направлений лингвистики [12]. Наиболее ярко проявила себя структурная (формальная) лингвистика, давшая ответ на вопрос, как устроен язык. Это лингвистика в духе Ф. де Соссюра, т. е. наука, изучающая «язык в себе и для себя», как систему знаков естественного языка, сходную с другими семиотическими системами, исключая при анализе языковых фактов опору на так называемые экстралингвистические факторы и не учитывающая то, как служит язык своему носителю – человеку [13].

На основе системного подхода возникла функциональная лингвистика. Системное описание языка соединилось с функциональным. А. В. Бондарко как ученый, работающий в русле функциональной лингвистики, отмечает, что «взаимная связь системного (системно-структурного) и функционального подходов на пути познания сущности изучаемого объекта проявляется во внутренней логике развития научного познания... В лингвистической теории (как и во всякой научной теории) системно-структурное и функциональное направления образуют единство, далекое от отношений равновесия и равномерного распределения его компонентов. Доминирует либо то, либо другое направление, во многом определяя и недоминирующие аспекты анализа... Специфика функционального подхода заключается в том, что объект изучается с точки зрения его функций, закономерностей его функционирования, его связей с окружающей средой... Функционирование единиц строя языка (грамматических форм слова, синтаксических конструкций и «строевых лексем») осуществляется во взаимодействии с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды» [14].

Сегодня в лингвистике доминирует именно *функционализм*. «Принцип функционализма, – пишет М. Макаров, – опираясь на метафору “языка-инструмента”, исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая служит или используется для достижения каких-либо целей, выполнения каких-либо функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учете влияния употребления языка на его структуру» [15].

Функциональная лингвистика, по мнению А. Е. Кибрика, «основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности языка, а именно о том, что язык (как механизм, устройство, средство и т. д.), чтобы осуществлять свое предназначение (успешно использоваться), должен иметь не произвольную природу (структуру), а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования» [16].

В. З. Демьянков обращает внимание на то, что «функционализм – форма объяснения, промежуточная между формулированием законов (подобных законам природы) и рациональным культурологическим объяснением (традиционно принятым для событий культуры). Иначе говоря – это компромисс между различными способами объяснения» [17].

Функционализм – это научный подход, имеющий место в разных науках. Наряду с лингвистическим существует функционализм в социологии, философский функционализм, литературоведческий функционализм. На это понятие опираются математические и биологические исследования [18].

Лингвистический функционализм развивается в русле тех же идей, что и функционализм в других науках. Например, Б. Малиновский, социолог и этнограф, представитель функциональ-

ной школы в антропологии, пишет: «Я полагаю, что форма всегда определяется функцией, и пока такая зависимость остается не установленной, мы не можем оперировать элементами формы в научных рассуждениях. Кроме того, в такой реальности, в которую мы не можем ввести внутренние взаимосвязанные элементы, концепция не связанных друг с другом элементов, на мой взгляд, бесполезна» [19].

Функционализм – это то общее, что роднит сегодня гуманитарные, естественные, технические и другие науки. В современном научном пространстве вхождение лингвистики в сферу наук, опирающихся на функциональный принцип в описании материала, обеспечило ей прочное место в системе научных знаний и возможность активного и разнообразного взаимодействия с другими науками.

Языковой материал является источником полезной информации для представителей разных наук. Обработывая данные языка своими методами, различные науки стали получать сведения, ценные для разных отраслей знаний за пределами лингвистики. Например, известный психолог Е. П. Ильин в качестве приложения к своей книге «Мотивация и мотивы» приводит два словаря: «Бытовой словарь терминов, характеризующих мотивационную сферу личности» (он включает слова типа *авантюра*, *возможность*, *догадка*, *завещание*, *замысел*, *намерение* и др.) и «Фразеологический мотивационный словарь» (в нем находим фразеологизмы типа *без руля и без ветрил*, *встречать в штаны*, *плясать под чужую дудку* и др.). Исследователь полагает, что анализ лексических и фразеологических единиц русского языка может помочь психологам разобраться со структурой мотива [20].

Связи лингвистики с другими науками способствуют расширению ее прикладных возможностей, появлению целого ряда смежных с лингвистикой научных дисциплин, использованию в лингвистических исследованиях экстралингвистических методов (социолингвистических, психо-

лингвистических, логико-математических) [21]. Сегодня существуют и успешно развиваются *лингвистическая философия*, *когнитивная лингвистика*, *акустика речи*, *артикуляторная лингвистика*, *нейролингвистика*, *психолингвистика*, *лингвистическая палеонтология*, *филологическая лингвистика*, *математическая лингвистика*, *афеальная лингвистика*, *лингвогеография*, *инженерная лингвистика*, *компьютерная лингвистика*, *политическая лингвистика* и т. д.

В сферу интересов лингвистики втягиваются все новые области. Лингвисты живо реагируют на запросы времени. В мире заговорили о глобализации, и эту проблему уже обсуждают с лингвистических позиций. С. А. Ромашко, например, пишет: «Лингвистическая проблематика глобализации чрезвычайно разнообразна. Это и интернационализация коммуникативных процессов, и определение соотношения “своего” и “чужого” в языковом и культурном пространстве, и структурные сдвиги в обществе, заново определяющие отношения между разными группами (возрастными, гендерными и др.), и превращение мегаполиса в особую коммуникативную среду, порождающую новые возможности существования человека» [22].

По причине активного взаимодействия лингвистики с другими науками ее статус как самостоятельной научной дисциплины является предметом постоянных дискуссий. Высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Приведем мнения известных ученых.

Ю. С. Степанов, например, рассуждает таким образом. Ср.: «Непреходящие лингвистические ценности связаны не с ответвлениями и ветвями, а с центральным стволом лингвистики. Если ветви – это лингвистика с каким-либо ограничивающим определением («прикладная», математическая, инженерная, семиотическая, системная, бионическая и т. д.), то ствол – это лингвистика просто, лингвистика в собственном смысле слова. Как бы ни были важны ответвления сами по себе, они невозможны без ствола... Именно в

рамках центрального русла лингвистики сохраняются и шлифуются фундаментальные понятия науки о языке, но в нем также и ставятся новые проблемы, разработкой которых некоторое время спустя начинает заниматься та или иная специальная ветвь [23].

А. А. Леонтьев высказывает противоположное мнение. Ср.: «Пережив бурный расцвет, на наших глазах “чистая” лингвистика к настоящему времени практически сошла со сцены. Простой анализ выходящей под маркой общей лингвистики литературы показывает, что она носит откровенно прикладной характер, либо перерастает в психолингвистику, нейролингвистику, социолингвистику и т. д., либо, наконец, сростается с логикой как наукой о выводном знании, философией и т. д.» [24].

Полагаем, что суть дела в том, что данные лингвистической науки сегодня востребованы в разных областях знаний. Востребованность языковых данных разными науками – процесс, протекающий на наших глазах и обусловленный тем, что лингвистика сегодня является наукой, которая выступает как опирающаяся на *функционализм как основной способ представления знаний*. Этот способ представления знаний главенствует и в других науках, обуславливая их сближение и взаимодействие.

В рамках этого взаимодействия можно говорить не только о *междисциплинарности* лингвистики, понимая междисциплинарность как «кооперацию различных научных областей, циркуляцию общих понятий для понимания некоторого явления», но и о ее *полидисциплинарности*, «когда какой-либо феномен или объект... изучается одновременно с разных сторон несколькими научными дисциплинами», а также *трансдисциплинарности*, когда «исследования идут “через”, “сквозь” дисциплинарные границы, выходят за пределы конкретных дисциплин» [25]. Это приводит в конечном счете к конструктивному диалогу между специалистами, работающими в разных научных областях, что ведет к взаимному

обогащению каждой их наук и отнюдь не предполагает утраты этими науками статуса самостоятельных научных дисциплин.

Представление знаний обществу должно осуществляться в максимально обобщенной, синтетической форме. В этом функциональное предназначение науки. Определенные шаги в направлении синтеза естественнонаучных и гуманитарных дисциплин делает сегодня синергетика [26] как «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются процессы перехода от хаоса к порядку и обратно (процессы самоорганизации и самодезорганизации) в открытых нелинейных средах самой различной природы» [27]. Идеи синергетики уже получают воплощение в лингвистических исследованиях, где делаются попытки определить синергетические истоки сопряженного кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления [28].

Примечания

1. Маслова, Н. В. Периодическая система Всеобщих Законов Мира [Текст] / Н. В. Маслова. М., 2005. С. 153.
2. Иванов, В. В. Лингвистика [Текст] / В. В. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. М., 1998.
4. Яковсон, Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам [Текст] / Р. О. Яковсон // Избранные труды. М., 1985. С. 369–420.
5. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков [Текст] / Ф. П. Филин. М., 1972. С. 5.
6. Маслова, С. Лингвокультурология [Текст] / С. Маслова. М., 2001. С. 75.
7. Гладкий, А. В. Союз лингвистики и математики: Взгляд через сорок лет [Текст] / А. В. Гладкий // Слово в тексте и словаре: сб. статей к семидесятилетю академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 481.
8. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. М., 1938.

9. *Одри, Ж.* Индоевропейский язык [Текст] / Ж. Одри // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в зарубежной индоевропеистике. М., 1988. С. 26.
10. *Гумбольдт, В.* Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков [Текст] / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 346–347.
11. *Соссюр, Ф.* Место языка в ряду явлений человеческой жизни. Семиология [Текст] / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию (Курс общей лингвистики). М., 1977. С. 54.
12. *Алпатов, В. М.* История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. М., 2001.
13. *Апресян, Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. Краткий очерк [Текст] / Ю. Д. Апресян. М., 1966.
14. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст]. Л., 1987. С. 5–6.
15. *Макаров, М.* Основы теории дискурса [Текст] / М. Макаров. М., 2003. С. 84.
16. *Кибрик, А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] / А. Е. Кибрик. М., 1992. С. 33.
17. *Демьянков, В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука XX века. М., 1995. С. 263–264.
18. *Демьянков, В. З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков. This page copyright © 2003 V. Dem'jankov. Режим доступа: <http://www.infolex.ru>
19. *Малиновский, Б.* Функциональный анализ [Текст] / Б. Малиновский // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1977. С. 683.
20. *Ильин, Е. П.* Мотивация и мотивы [Текст] / Е. П. Ильин. СПб., 2000. С. 347–362.
21. *Васильев, А. М.* Методы современной лингвистики [Текст] / А. М. Васильев. Уфа. 1997.
22. *Ромашко, С. А.* Предисловие. Человек, язык и реальность в меняющемся мире [Текст] / С. А. Ромашко // Человек. Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Теории истины. Язык в контексте глобализации: ежегодник. М., 2005. С. 8.
23. *Степанов, Ю. С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья [Текст] / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 5.
24. *Леонтьев, А. А.* Надгробное слово «чистой» лингвистике [Текст] / А. А. Леонтьев // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Междунар. конф. Т. II. М., 1995. С. 308.
25. *Князева, Е. Н.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. М., 2006. С. 132–133.
26. Там же. С. 143.
27. Там же. С. 194.
28. *Алефиренко, Н. Ф.* Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград, 2006.
-

ЛИНГВИСТИКА

Сверхтекст. Языковое сознание. Концепт. Коммуникация. Коммуникативные стратегии и тактики. Прецедентные тексты

А. Г. Лошаков

МЕТАКОНЦЕПТЫ И МЕТАТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ СВЕРХТЕКСТА

В статье раскрывается понятие метаконцепта как когнитивной структуры, рассматривается его роль в создании модално-тематического единства сверхтекста. Последний понимается как ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью автономных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально воспринимаются в качестве целостного словесно-концептуального образования.

The author deals with the methaconcept as a cognitive structure. The article covers its role in creating the polytext modal&thematic integrity. The latter is stipulated to be a number of autonomous texts marked with associative and semantic homogeneity, which are either actually or potentially perceived as a coherent word&concept formation in the linguistic cultural practice.

Сверхтекст понимается нами как ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально воспринимаются в качестве целостного диссипативного словесно-концептуального образования. В этом статусе сверхтекст представляет собой концептуально-тематическую составляющую ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы. Сверхтекст – это динамическое, многомерное, кросс-темпоральное, кросс-референтное, актуально или потенциально кросс-персональное, полижанровое, полистилистическое образование. В нем проявляются системные свойства каждого из входящих в него текстов, при этом в той или иной его составляющей – отдельном тексте, субтексте, их единицах так или иначе отражаются свойства целого – сверхтекста.

Обозначенное понимание сверхтекста не противоречит его характеристике в известных трудах В. Н. Топорова, посвященных петербургско-

му тексту. В них сверхтекст представлен как некое целостное множество тематически изоморфных текстов, преломляющих в себе единую, но внутренне антитетичную телеологическую установку на художественное постижение идеологически противоречивого образа Петербурга. Подчеркнем, что наличие «монолитной» максимальной смысловой установки (интенции, идеи, «высшего смысла»), которая выражена следующим образом: «путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром» [1], – квалифицировалось ученым в качестве одного из главных факторов целостности петербургского сверхтекста. Такое понимание, думается, позволяет видеть в смысловой установке-доминанте своего рода концептуальный вектор для направленной текстовой рефлексии, обеспечивающий возможность мыслить множество концептов «центрированно», в проекции на единую (пусть и нечетко проявленную) смысловую ось.

Целостность многих сверхтекстов воспринимается интуитивно, однако в полной мере она проявляет себя только в процессе «профилированного чтения» (Р. Барт), которое предполагает осознанную ориентацию в пространстве составляющих сверхтекста, выдвижение в качестве приоритетных определенных интенционально-интерпретативных установок, задающих и поддерживающих направление смыслопорождающих процессов в рамках релевантных контекстных условий. Следует учитывать, что активность человеческого сознания избирательна, оно выделяет индивидуальные и типические свойства объектов, те или иные их аспекты. По словам А. Шюца, «утверждение, что данный объект имеет характерное свойство p , в форме “ S есть p ” – это эллиптическое суждение. Ибо S , взятое независимо от того, каким оно выглядит в моих глазах, представляет собой не только p , но также и q , и r , и многое другое. Полное суждение должно читаться: “ S есть, наряду с тем, что оно и q , и r , также и p ”. Если по отношению к элементу мира, считающемуся само собой разу-

меюшимся, я утверждаю: “*S есть p*”, я делаю так потому, что при наличных обстоятельствах *S* интересует меня в качестве *p*, а его бытие как *q* или *r* я оставляю без внимания как нерелевантное» [2].

Данная характеристика особенностей «структур повседневного мышления» значима для нас как раскрывающая содержание принципа центрации, который обуславливает, с одной стороны, селекцию текстов при складывании сверхтекста, охвате его целостности, с другой – способ релевантных смысловых линеаризаций в теле его составляющих, задает ту или иную комбинаторику взаимодействия их семантических единиц. Сверхтекст, таким образом, оказывается принципиально открытым для множества интерпретаций (количественный аспект), и потому для вариативных линеаризаций (качественный аспект) – т. е. для прочерчивания определенных смысловых траекторий в нелинейном словесно-смысловом пространстве, при этом в соответствии с принципом смысловой центрации, который не должен противоречить авторской концепции текстов, которые интегрируются в сверхтексте.

Авторская картина мира разворачивается в каждом художественном тексте, в каждом авторском сверхтексте. Ею определяется состав и конфигурация базовых метапонятий и понятий сверхтекста, которые, активизируя разные мнемонические и ассоциативные каналы, содержательно специфицируют его разнотипные пространства – хронотопическое, фактуальное, этическое, мифологическое и пр. Авторская картина мира, авторские ценностные установки программируют характер сверхтекстовых связей и отношений и, в конечном итоге, формируют представление об индивидуально-авторской модели мира, воплощенной в сверхтексте, что позволяет диссоциировать его по отношению к другим текстовым и сверхтекстовым образованиям. Актуализация определенных участков концептосферы текста, активация концептуальных связей создает возможность его реципиенту обнаруживать в текстовых составляющих несистемные, неструктурируемые явления, некий спектр волевых, эмоциональных, оценочных, одним словом, коннотативных явлений, посредством которых находит выражение, с одной стороны, устремленность текста к миру субъективно-объективных знаний и ценностей и, с другой – обращенность мира знаний и ценностей на данный текст. Все это придает общению через текст поистине творческий характер, открывая новые глубинные смысловые пласты текста, расширяя его смысловой горизонт.

Таким образом, концептуальное пространство текста представляет собой актуализированный в процессе осмысления текстовой (языковой) се-

мантики фрагмент концептосферы языка (культуры), оно характеризуется нежесткими, нечеткими границами, подвижностью. Концептуальное и семантическое пространства текста относительно друг друга проявляют асимметричность, а их единицы, соответственно, находятся в отношениях включения, взаимообусловленности, генерализации и спецификации, инвариантности и вариантности. Степень проникновения в глубинную структуру текста зависит, таким образом, от учета как определенной системы отношений его материальных единиц, так и способов, средств актуализации содержания понятий, опосредованно, через текстуальные знаки, связанных с мыслительно-креативной деятельностью автора, от активизации концептуальных связей, интроекции предназначенных смыслов в интерпретируемый текст.

Прагматико-филологическая компетенция профилированного продуцента и реципиента словесных текстов предполагает, с одной стороны, знания различных типов текстов как социально нормированных схем речевого поведения в определенных ситуациях и владение ими [3], с другой – знания (декларативного и процедурного) достаточного корпуса тех текстов, которые оставили заметный вклад в истории культуры, и прежде всего литературы. Поэтому, признавая, что в содержании понятия находят отражение существенные, значимые признаки явления («идея предмета»), в них можно обнаружить не только образные представления, но и зафиксированные моменты специального знания, связанного с литературно-критическим, литературоведческим аспектом осмысления текстов, освоенную метаинформацию о том или ином авторе, произведении, жанре, направлении и пр. – моменты метаописательности [4].

Своего рода специализация (направленность) определенных лингвокультурных и ряда художественных понятий на интерпретацию, оценку произведений писателя, текста его жизни позволяет, во-первых, выделять среди понятий сформировавшиеся, устоявшиеся метапонятия (“трагическое”, “жанр”, “романтика” и т. д.), с другой – приписывать метапонятийный статус тем понятиям или их содержательным компонентам, речевые репрезентанты которых оказываются выполняющими в метатекстовой дискурсивной практике метатекстовые функции. В одних случаях эти репрезентанты становятся своего рода поэтологическими метафорами, а позже и терминами («препарировать» семантику слова (Л. О. Чернейко), эстетическое наслаждение, глубинный смысл, сильная позиция текста и пр.). В других – остаются таковыми только в рамках конкретного текста, авторского сверхтекста, как, например, выражение *высовывать язык*, которое

в текстах «Свистка» (сатирического приложения к журналу «Современник») представляет смысловой компонент метаконцепта «сатирическое осмеяние». Ср., с одной стороны, в «Программе “Свистка”»: *До сих пор в нашей публике чувствуется потребность такого издания, в котором бы шутка имела значение сатиры и назначалась бы собственно для того, чтобы содействовать общему делу преследования зла и неправды. С целью пополнить этот недостаток предпринимается издание газеты «Свисток»*. И с другой – в одном из его фельетонов: *Обвиняют так называемых «свистунов» в высовывании языка. Я не видал, как они это делают, но, должно быть, у них выходит недурно. Я рассуждаю так потому, что «свистуны» народ молодой, веселый, добродушный, следовательно, если и высовывают языки, то именно тем, кому следует, и тогда, когда следует. Притом же и языки у них востренькие, чистенькие, как есть человеческие языки. Видеть такие языки даже приятно. Но представьте себе, что перед вами неожиданно высовывает язык будочник; представьте себе, что язык старый, желтый, распухший, покрытый слизью [5].* Надо полагать, что в любом из этих случаев средства выражения (актуализации) метаконцепта не утрачивают «родства» со своим когнитивным «прототипом», инвариантом, оставляя возможность воссоздавать его деривационную историю. Исследователи-когнитивисты подчёркивают, что инвариант есть лишь «некоторая абстрактная идея, связанная с данным значением», облегчающая восприятие концепта, они же указывают на то, что метафора обязательно обладает двумя когнитивными зонами – *донорской*, которая всегда конкретна, антропоцентрична и мотивирована, и *реципиентной*. Так, например, зона «движение» является донорской для реципиентной зоны «речь» [6].

Понятие метаконцепта (оно используется нами в качестве рабочего) мыслится как лингвоментальная структура декларативного (теоретического) и операционного знания, которая содержит в себе ценностный и регулятивный компоненты и в силу этого оказывается способной задавать сеть смысловых координат, схем, правил, соответствующий эмоциональный модус для осмысления текстовой информации. Метаконцепт участвует в центрации смыслов, связанных с разными концептами, соподчиняя эти смыслы «максимальной смысловой установке» (иначе – концептуально-тематической) текста (сверхтекста). Можно полагать, что именно метаконцепты обеспечивают переход от «чтения для удовольствия» к чтению профилированному (более связанному с рациональной ориентированностью, нежели с интуитивным познанием), к метатекстовой рефлексии, когда структурная организация текста,

структуры его кодов уже достаточно проявлены, а релевантные пресуппозиции актуализированы.

Знания, составляющие содержание метаконцептов, зримо, весомо, в эксплицитной форме проявляются в метатекстах, метавысказываниях, метатекстовых толкованиях слова. Наиболее ощутимо и разнообразно реализуются метаконцепты в процессе вторичной литературной коммуникации (метакоммуникации) – «творческого процесса, объектом которого является результат творческого процесса», а конечным продуктом – метатексты [7]. В семиотических исследованиях функция метакоммуникации толкуется как развитие, отрицание или трансформация инвариантных особенностей прототекста в тексте вторичном – метатексте [8]. Для теоретического обоснования регулятивной сущности метаконцепта могут быть использованы разноплановые определения и характеристики метатекста, содержащиеся в работах Ю. М. Лотмана. Метатексты, в понимании ученого, это и тексты, которые выполняют нормативную и регулятивную функции (нормы, правила, трактаты и пр.); и те вторичные тексты, которые толкуют тексты первичные; это и сама интерпретативная функция текста, реализуемая при опоре на смысл предыдущего текста. Важно отметить, что метатекст толкуется Лотманом как функциональная сущность: по отношению к культурному контексту и реальной действительности он выполняет роль описывающего механизма; а по отношению к текстам, принадлежащим разным культурам – роль некоего кода, организующего диалог между ними [9]. Кроме того, Лотман указывает, что «авторское повествование об авторском повествовании» представляет в тексте особый, метаструктурный уровень с метаструктурными, или метатекстовыми, элементами, которые передают информацию не только о содержательных компонентах того текста, частью которого они являются, но и о других текстах [10].

Очевидна взаимосвязь метатекста и метатекстовых конструкций с понятием сильной позиции текста, которое возникло в стилистике декодирования. Если Лотман в качестве сильной позиции рассматривал рамочную конструкцию, создаваемую начальной и конечной фразами текста, то И. В. Арнольд усматривала сильные элементы не только в этих формально выделенных частях текста, но и в заглавии, эпиграфе, прологе, «чужом слове», цитатах, а также в таких кодовых включениях, как иностилевые лексика и грамматические конструкции, которые контрастируют с принимающим контекстом и создают ассоциативные связи с привычной для них сферой [11].

Метаконструкции, соотносясь с метаконцептами, участвуют в структурировании текста, разгра-

ничении главной и второстепенной информации, в программировании режима интерпретации, прогнозировании и реализации оценки, в представлении «я» говорящего и «ты» получателя, в выражении авторской позиции. Актуализируясь, концептуальные знания создают значимый ценностный фон для восприятия текста (текстов), обеспечивают условия для интроецирования в тексты релевантных смыслов и имплицирования подтекстов, для обнаружения мотивирующих начал авторского замысла, «мотивов-цели» и «мотивов-причины» (А. Шюц), для конструирования образа автора, его личности. Ср.: «Субъективная интерпретация возможна только как выявление мотивов, определяющих данный ход действия. Соотнося тип действия с лежащими в его основе мотивами, мы начинаем конструировать тип личности. Последний может быть более или менее анонимным, т. е. лишенным содержания» [12]. Таким образом, определяется синтез двух возможных пересекающихся друг с другом подходов (индуктивного и дедуктивного) к интерпретации текста, берущих во внимание следующие уровни: текст – дискурс – картина мира – культурное пространство.

Представляется справедливой мысль о том, что «прославленное», «сбывшееся» произведение «рождает ряд иноформ исходного смысла, которые получают право представлять или замещать собой весь текст. Эмблемы начинают *жить отдельно от текста*, определяя характер других эмблем в других текстах: иначе говоря, идет взаимодействие не только целых романов или поэм, но и (по большей части) их эмблем» [13]. Стоит, однако, отметить, что возникновение и взаимодействие «эмблем», о которых пишет А. В. Карасев, может толковаться двояко: в одном случае как «свертывание» текста, превращение его в текст-концепт, прецедентный феномен (В. В. Красных), в другом – как его редуцирование к форме литературного стереотипа. При этом оба они заключают в себе объективно-субъективные смыслы-ценности и могут проявлять себя как в масштабах культурного пространства, так и в его составляющих – текстах и сверхтекстах, осмысляясь в качестве (и/или в составе) метаконцептуальных образований, способных выполнять метатекстовые (интерпретативно-оценочные) функции.

Многомерность смысловой структуры текста словесного искусства, характер его вписанности в текст культуры оказываются доступными осмыслению во многом именно благодаря релевантным для них метаконцептам, которые программируют режим интерпретации текста, стратегии линейного или/и нелинейного его прочтения, создают возможность ориентироваться в спонтанных смысловых потоках (текстформирующих

«деривационных» процессах, которые возникают в результате направленного и ненаправленного ассоциирования).

Полагаем, что сложившееся представление о метатекстах объясняет логику подведения под статус метаконцептов содержания традиционных эстетико-литературоведческих категорий. Ценные рассуждения о роли концептуального анализа для раскрытия «собственной жизни» категории (А. Ф. Лосев), проникновения в ее смысл содержатся в исследовании Л. О. Чернейко. По ее словам, «концептуальный анализ как менее утилитарный позволяет осуществиться более филологическому подходу к анализу абстрактных имен-интуиций, так как преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за фрагментом идеальной действительности и в конечном счете – самого языкового сознания» [14].

Так, метаконцепты «трагическое», «комическое» могут актуализировать «память жанра», задавать способ понятийного осмысления, ориентируя его на поиск объективированных в тексте концептуальных признаков, предвосхищать эмоциогенные процессы, которые будут сказываться на характере рефлексии о тексте. Например, в гаршинском сверхтексте особо значим метаконцепт «трагическое». Эта значимость определяется, с одной стороны, знанием «текста жизни» писателя, с другой – главенствующими в его произведениях темами жизни и смерти, войны и мира, добра и зла. При опоре на данные знания, вкупе с ними метаконцепт «трагическое» служит, во-первых, основой для имплицирования следующего определения «максимальной смысловой установки» сверхтекста: показ трагического удела личности, ищущей пути спасения человека и мира в обезбоженном мире, и в силу этого, во-вторых, для выдвижения различных языковых и собственно текстуальных средств, реализующих трагическую модальность и тем самым создающих концептуально-тематическое, модальное единство сверхтекста. Акцентированными таким образом оказываются и цельности *концептуально-фонового* плана – те или иные эпизоды текстов писателя, ассоциируемые с его жизненной и духовной трагедией; и цельности *тематического, событийно-референтного* плана, представляемые различными субтекстами, которые корреспондируют со сценариями «самоубийства», «убийства», «болезни», «войны», «творческих мук», ситуациями «нравственного выбора», «поиска смысла жизни» и др.; и цельности *ценностно-смыслового* плана, выражаемые текстуальными единицами, маркированными «этической» семантикой и коррелирующими с содержанием таких концептов, как «совесть», «болезнь», «долг», «правда», «грех», «любовь», «насилие», «тоска» и др.); и *цельности фрагментально-эстетическо-*

го плана, репрезентируемые изобразительно-выразительными средствами – ключевыми словами-образами, деталями, «готовыми предметами», именами собственными, цветовой и числовой символикой, общим ритмом повествовательных форм с преобладанием субъективированной, приемами «потока сознания», различного рода параллелизма и др. Таким образом, становится возможным уже на иной – рациональной – основе установление определенных соответствий между теми или иными текстуальными единицами и составляющими метакоцепта “трагическое” (‘трагическая личность’, ‘трагическая судьба’, ‘трагическое событие (ситуация)’, ‘трагический сюжет’ и ‘трагедийные ходы’ (связанные, например, с болезнью, гибелью, безответной любовью героя), ‘трагический разлад человека и общества’, ‘трагическая вина’, ‘трагическое мироощущение’, ‘трагедия совести’ и т. д.). Так, при опоре на многочисленные контексты, в которых реализуются значения, речевые и символические смыслы слова-коцепта *трус* (‘буря, волнение, трясение, дрожание, страх, коренная ломка, гибель’ и др.), и на базе этих смыслов конституируются межтекстовые и внутритекстовые связи в гаршинском свертке. В результате заглавие гаршинского рассказа «Трус» становится метонимическим и символическим знаком духовной болезни героя, трагедии его совести, его трагического разлада с обществом, его гибели, знаком, выражающим апокалиптическую идею. В таком статусе заглавие получает символическое и метаязыковое развертывание не только в этом рассказе, но и в других текстах писателя, направленно взаимодействуя с содержательными компонентами метакоцепта “трагическое” [15].

В статусе метакоцепта может быть осмыслено и понятие жанротипа (как лингвокогнитивная инвариантная структура), которое не только вбирает в себя дефинитивные, классификационные признаки речевого и литературоведческого понятия жанра, но и, представляя собой результат свертки некоторого числа однотипных текстов (метатекстов), категоризации их существенных свойств, заключает в себе комплекс правил, стратегий порождения, понимания, интерпретации соответствующих данному жанру текстов. Этот понятийно-операционный комплекс входит на правах важной составляющей в филологическую компетенцию профессионально ориентированного реципиента культуры.

Итак, тексты, их целостные смысловые сопряжения становятся фактами культурной реальности в том случае, если они спровоцировали метакоммуникацию, стали отправной точкой для по-

рождения метатекстов, метаописаний, «поэтической мифологии», обусловили процессы, детерминирующие их «бытие в культуре», «общение в культуре» (В. С. Библер). Метакоцепты, которые соотносятся с текстами словесного искусства, в большей мере принадлежат сфере специальных знаний и используются в культурной практике профилированного чтения. В свертке метакоцепты выступают когнитивным средством, обеспечивающим его концептуально-тематическое, модальное единство.

Примечания

1. *Топоров, В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. труды [Текст] / В. Н. Топоров. СПб., 2003. С. 27.
2. *Шюц, А.* Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] / А. Шюц // Социологические исследования. 1988. № 2 // Режим доступа: <http://remington.samara.ru/~philosophy/exlibbris/shutz.html>.
3. *Трошина, Н. Н.* О статусе типологических исследований в лингвистической теории текста [Текст] / Н. Н. Трошина // Проблемы типологии текста: сб. науч.-аналитич. обзоров. М., 1984. С. 9.
4. *Рягузова, Л. Н.* Метаязыковая концептуализация сферы «творчество» в эстетической и художественной прозе В. В. Набокова [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Рягузова. Краснодар, 2002. С. 53.
5. *Свисток.* Собрание литературных, журнальных и других заметок: сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859–1863 [Текст]. М., 1981. С. 330, 321–322.
6. *Рахилина, Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. М., 2000. С. 362, 360.
7. *Ревзин, И. И.* Схема языка с конечным числом состояний и возможность ее применения в поэтике (к механизму пародии) [Текст] / И. И. Ревзин // Poetyka: poetics: Поэтика. Ч. 2. Warszawa, 1966. С. 123.
8. *Попович, А.* Проблемы художественного перевода [Текст] : пер. со словацкого / А. Попович. М., 1980. С. 47–48, 184.
9. *Лотман, Ю. М.* Избр. статьи [Текст] : в 3 т. / Ю. М. Лотман. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 55–56, 132, 162, 207; *Лотман, Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь [Текст] : кн. для учителя / Ю. М. Лотман. М., 1988. С. 98.
10. *Лотман, Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь... С. 56, 96–99.
11. *Арнольд, И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] : сб. статей / И. В. Арнольд. СПб., 1999. С. 223–238, 355, 369.
12. *Шюц, А.* Указ. соч.
13. *Карасев, А. В.* Вещество литературы [Текст] / А. В. Карасев. М., 2001. С. 41.
14. *Чернейко, Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. М., 1997. С. 285.
15. *Лошаков, А. Г.* Рассказ В. М. Гаршина «Трус» в контексте авторского свертка [Текст] / А. Г. Лошаков // Русский язык в школе. 2008. № 2. С. 42–47.

Н. С. Сергиева

ЯДРО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Статья посвящена проблемам языкового сознания и его этнокультурной специфики, исследованной с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Автором рассматривается ядро русского языкового сознания, его структура и содержание.

The paper deals with the problem of language consciousness and its ethnic and cultural specificity investigated with associative experiment. The author presents the lexical core of Russian language consciousness, its structure and cultural characteristics.

Языковое сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные модели действительности, выраженные в значении слова [1]. По мнению Т. Н. Ушаковой, в научном исследовании языкового сознания недостаточно простого указания на отражение сознания в речи. Можно выделить две линии исследований, приближающие к пониманию глубинной природы связи языка и сознания: психофизиологические данные о межсловесных временных связях и данные речевого онтогенеза. Вербальные ассоциации, данные о которых служат материалом для суждения о языковом сознании, являются отражением межсловесных связей, образующих материю так называемых «вербальных сетей» в нервной системе [2].

В настоящее время наиболее полно моделью русского языкового сознания является «Русский ассоциативный словарь» (далее – РАС), построенный по прямому (от стимула к реакции) и обратному (от реакции к стимулу) принципам [3] и имеющий статус тезауруса, т. е. он охватывает всю лексику языка и фиксирует отношения, существующие между его единицами. Составители словаря рассматривают его как новый – наряду с текстовым и системным – способ репрезентации русского языка, расширяющий возможности его представления, модель речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети. Каждое ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских [4].

С учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей исследователи выделяют ядерную часть лексики, называемую «ядром ментального лексикона» или «ядром языкового сознания». Такая методика была разработана А. А. Залевской. Из «The Associative Thesaurus of English» было выделено 75 слов-ре-

акций, которые были вызваны наибольшим количеством стимулов. Ссылаясь на результаты исследований структуры ассоциативных сетей, проведенных киевскими психологами, А. А. Залевская отмечает, что «максимальное число связей имеют слова, представляющее особое значение для испытуемого как личности и отражающие самые емкие понятия, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения». По структуре лексические единицы, входящие в ядро, представляют собой вершины в системе иерархий, организуемых весь лексический состав языка [5].

По мнению Т. Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющегося на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [6].

Таким образом встает вопрос о структуре языкового сознания, который можно поставить и как вопрос об отношениях между ядерной и неядерной лексикой как в формальном, так и в содержательном плане. Думается, эти отношения носят сложный и опосредованный характер в силу того, что они отражают существующие в вербализованной форме знания и представления об отношениях в окружающей действительности, и вряд ли поддаются исчерпывающему описанию. За внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания могут стоять совершенно различные образы мира, например *друг* или *деньги* в русской и английской культурах [7]. В то же время и различия в языковых картинах мира, как показывают исследования, далеко не всегда свидетельствуют о кардинальных различиях на определенных участках картины мира.

Впервые ядро русского языкового сознания было выделено Н. В. Уфимцевой в количестве 75 слов еще в ходе работы над РАС [8]. В данной работе использован «Русский ассоциативный словарь» в 2-томном издании 2002 г., в котором объединены материалы всех трех этапов массового ассоциативного эксперимента. Из второго тома РАС нами были выделены 531 ассоциат, имеющий количественный показатель входящих связей не менее 100. Полученный массив был разделен на 5 слоев в зависимости от количества входящих связей (см. табл. 1), при этом мы полностью следовали послойной структуре ядра, предложенной Н. О. Золотовой, которая квалифицирует структуру ядра как центр (1-й слой) и периферию (2–5-й слои) [9]. Нам представляется, что при выделении центра и периферии в структуре ядра языкового сознания можно рассматривать 2-й слой скорее как переходный, который можно привлекать для анализа наравне с единицами 1-го слоя, составляющими центр ядра, или дополнительно к ним. Следует заметить, что

в целом это соответствует сложившейся практике исследований, когда для анализа привлекаются первые 75 единиц ядра языкового сознания.

Таблица 1
Структура ядра русского языкового сознания

Слои	Кол-во входящих связей	Кол-во ассоциатов
1-й слой	от 1355 до 300	51
2-й слой	от 299 до 250	32
3-й слой	от 249 до 200	60
4-й слой	от 199 до 150	113
5-й слой	от 149 до 100	275
Всего	от 1355 до 100	531

Ассоциаты, составляющие 1-й и 2-й слои русского языкового сознания в сумме составляют список из 79 слов, представленный в табл. 2, который и принимается нами за ядро русского языкового сознания (ранги присвоены нами). При этом *человек* 1355 – *старый* 303 входят в 1-й слой ядра, *мальчик* 299 – *глупый* 251 – во 2-й.

Н. В. Уфимцева проследила динамику языкового сознания русских, опираясь на данные существующих ассоциативных словарей – «Словаря ассоциативных норм русского языка» (материалы собирались в течение 1969–1972 гг.), «Русского ассоциативного словаря» (материалы собирались в течение 1988–1991 гг.), «Славянского ассоциативного словаря» (материалы собирались в течение 1999–2000 гг.) [10]. Было установлено, что системность языкового сознания русских,

Таблица 2

Ядро русского языкового сознания
(по материалам РАС-2002)

Ранг	Ассоциат		Ранг	Ассоциат		Ранг	Ассоциат	
1	человек	1355	27	стол	359	53	страх	285
2	дом	845	28	парень	354	54	умный	283
3	жизнь	694	29	дорога	352	55	далеко	281
4	плохо	677	30	дерево	350	56	сильный	279
5	хорошо	665	31	мир	349	57	долго	276
6	большой	662	32	есть	348	59,5	боль	275
7	нет	660	33,5	время	347	59,5	всегда	275
8	деньги	564	33,5	говорить	347	59,5	город	275
9	дурак	552	35	думать	342	59,5	черный	275
10	друг	548	36	жить	341	62	зеленый	273
11	лес	432	37	свет	338	63	море	272
12	хороший	425	38	я	337	64	счастье	268
13	мужчина	424	39	разговор	336	65	муж	265
14,5	день	419	40	мой	326	66	собака	264
14,5	много	419	41	красный	323	67	кино	263
16,5	любовь	418	42	женщина	322	68	солнце	259
16,5	работа	418	43,5	книга	317	69	ум	258
18	вода	412	43,5	машина	317	70	маленький	257
19,5	все	400	45	грязь	312	71	урок	256
19,5	ребенок	400	46	дома	311	73,5	он	254
21	радость	392	47	идти	307	73,5	предмет	254
22	красивый	385	48	старый	303	75	вечер	253
23	дело	380	49	мальчик	299	75	вопрос	253
24	смерть	376	50	белый	298	75	очень	253
25	плохой	371	51	девушка	297	77,5	сделать	252
26	быстро	362	52	мужик	293	77,5	сон	252
						79	глупый	251

вскрываема по результатам массовых ассоциативных экспериментов, остается достаточно стабильной и центральными для языкового сознания русских с 60-х гг. XX в. являются такие понятия, как *человек, дом, жизнь, хорошо, друг, нет*. Можно добавить, что все перечисленные шесть единиц входят в круг так называемых универсальных составляющих языкового сознания, а пять – *человек, дом, жизнь, хорошо, друг* – занимают среди них самые высокие позиции. Эти единицы были выявлены на основании анализа ядра языкового сознания разных народов по материалам имеющихся исследований и ассоциативных словарей. В результате было выделено десять наиболее важных единиц языкового сознания: *жизнь, человек, хорошо, любовь, красивый, радость, счастье, дом, друг, деньги* [11].

Таким образом, можно утверждать, что в центре языкового сознания находится сам *человек* и его *жизнь*, а языковое сознание имеет положительную оценочность и является в целом оптимистичным (*хорошо, счастье*). При этом важными в жизни человека представляются его отношения с другими людьми (*любовь, друг*), место, где он живет (*дом*), и материальное обеспечение своей жизни (*деньги*). Столь же значимыми сторонами являются эмоциональная (*радость, любовь, счастье*) и эстетическая (*красивый*).

Как особенность состава ядра языкового сознания русских можно отметить чрезвычайно высокую позицию такой единицы, как *дом*, сходные показатели наблюдаются только в ядре языкового сознания белорусов, у других народов – значительно ниже. В целом же на фоне общей оптимистичной картины ядро русского языкового сознания выглядит наиболее «мрачным»: только у русских среди десяти единиц, занимающих первые позиции в ядре, выделенном по материалам РАС, зафиксированы три единицы с негативной семантикой и отрицательной оценкой – *плохо, нет, дурак*. У других таких единиц не более одной. При этом можно уверенно говорить, что слова *нет* и *плохо* являются стабильными компонентами ядра. Так, слово *нет* занимает относительно постоянную позицию в структуре ядра языкового сознания во всех русских ассоциативных словарях, что подтверждается и данными речевого онтогенеза [12].

Что касается остальных единиц (*плохо, дурак*), то можно предполагать, что их высокие ранги объясняются состоянием общественного сознания на момент обследования, т. е. в 1988–1997 гг. [13] При этом *плохо* остается ядерной единицей и фиксируется во всех трех русских ассоциативных словарях с 1968 по 2000 г. Слово *дурак* появляется в составе ядра языкового сознания только в РАС, причем с весьма высоким ранговым показателем. Если мы проследим динамику интересующих нас ядерных единиц по

трем этапам РАС [14], то увидим, что слово *дурак* на I этапе (1998–1991 гг.) имело ранг 24, на II этапе (1992–1995 гг.) – ранг 8,5, на III этапе (1995–1997 гг.) – ранг 5,5. Подобная тенденция прослеживается и в отношении слова *плохо*, однако она выражена слабее: ранговые показатели распределяются по трем этапам соответственно как 6–7–4, в целом – ранг 4. Действительно, именно III этап РАС (1995–1997 гг.) дает наибольший прирост реакций с отрицательной семантикой и оценкой. Можно говорить и об отражении кризисов в развитии общества в его языковом сознании, однако только в качестве общего наблюдения. Характер подобного отражения сложен, непрямолинеен и представляет собой отдельный предмет исследования.

Примечания

1. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В. Ф. Петренко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 12.
2. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2000. С. 18–19.
3. Русский ассоциативный словарь [Текст] : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 992 с.
4. Русский ассоциативный словарь [Текст]. Т. 1. С. 6–8.
5. Залевская, А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова [Текст] / А. А. Залевская // Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 111–112.
6. Ушакова, Т. Н. Указ. соч. С. 16.
7. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания [Текст] / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2000. С. 146–150, 160.
8. Там же. С. 139–162.
9. Золотова, Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык [Текст]: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. С. 61–62.
10. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / под ред. А. А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.; Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Текст] / Н. В. Уфимцева [и др.]. М., 2004. 792 с.
11. Сергиева, Н. С. Ядро языкового сознания и его ключевые единицы [Текст] / Н. С. Сергиева // Вестник МГЛУ. Вып. 525. Языковое сознание как образ мира. Сер. Лингвистика. М., 2006. С. 168–184.
12. Уфимцева, Н. В. Культура и проблема взаимодействия [Текст] / Н. В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 161.
13. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1998. С. 160.
14. Уфимцева, Н. В. Культура и проблема взаимодействия... С. 156–157.

С. М. Гурьянов

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты и формы функционирования авторского начала в документальной фотографии на основе осмысления феноменологии фотоискусства.

Характеристика документальной фотографии как культурологического феномена требует взглянуть на те формы авторской позиции, которые свойственны фотоискусству. Это уместно не только потому, что и в наше время традиционная наука чаще всего отказывает фотографии в праве принадлежать к миру прекрасного, но еще и потому, что у фотографии, в отличие от прозы, театра или кино, нет так называемых форм субъективной организации материала, пространственных комментариев от автора и тому подобного. Поэтому многие критики, рассматривающие фотографию, делают вывод, что авторского начала в ней нет вовсе, а основа ее – сама действительность, документально точно зафиксированная камерой [1]. Отсутствие человеческого начала и творческой переработки многие исследователи фотографии считают установленным фактом на том основании, что в снимке присутствие автора остается незаметным.

Такое утверждение, в свою очередь, исходит из особенностей техники этого вида творчества. Обманчивое впечатление об отсутствии авторства связано как раз с тем, что в создании образа здесь участвует неодушевленный предмет – фотоаппарат. Возражая этому, сторонники фотографии не раз замечали, что даже в узких границах технического подхода к проблеме этот аргумент неточен. Так называемое «бездушие» камеры компенсируется разнообразием применяемой во время съемки оптики. Это позволяет в некоторой мере индивидуализировать «видение» камеры, то есть приблизить ее к индивидуальным наклонностям фотографа и регулировать окончательный результат фотографирования в процессе печати снимка. Легкость, с которой фотография достигает документальности, оказывается, приводит к сложностям, стоящим перед нею в процессе одухотворения этого документа.

Можно выделить две формы авторского начала в фототексте. Это деление достаточно условно, так как строгих границ между выделенными темами нет. Первое – это выбор предмета документирования. Легкость, с которой каждый может произвести любое число снимков, несом-

ненно, обесценивает момент выбора в фотографии.

Но есть одно обстоятельство, которое в значительной степени затрудняет спокойный, вдумчивый выбор фотографом предмета документирования. В отличие от живописца, черпающего свои образы из воспоминаний и представлений, фотограф ограничен обликом самой природы. И в сам момент съемки он никоим образом не может изменить этот облик. Множество объектов таково, что в следующее мгновение из выразительных и привлекательных они становятся совершенно неинтересными, а то и исчезают вовсе. Вот что писал об этом известный кинооператор и новатор 20-х гг. XX в. Дзига Вертов: «Повторение – единственно невозможная вещь на земле. Если я не зафиксирую на плёнке то, что сейчас вижу (одновременно с тем, как вижу), то я точно этого никогда не зафиксирую. Ставлю диагноз и фиксирую одновременно. Ни позже, ни раньше, а только в данный момент. Через секунду будет уже другое, лучшее или худшее, но другое...» [2]

Выбор предмета фиксации для фотографа является таким важным обстоятельством, что некоторые считают, что в нем одном фактически заключен весь эстетический потенциал снимка. «Умение видеть» при этом признается решающим. Сторонники этой точки зрения исходят из того, что в жизни присутствуют красивые предметы и явления. И фотограф, одаренный зорким глазом и хорошим вкусом, способен это увидеть и запечатлеть фотокамерой. Таким образом, выбор того, что будет запечатлено, и его фотографическая интерпретация являются первым и очень важным обстоятельством, в котором формируется авторское начало в создании фотодокументальных образов.

В качестве примера рассмотрим две работы. Первая фотография – без названия, ее автор неизвестен. Вторая фотография – работа Юрия Пирогова «Российский перекресток. Начало 1990-х».

Эти два снимка похожи, на обоих присутствует дорога и машины, но на первом веревка разделяет два мира: «неживая», холодная природа – и наполненный красками теплый человеческий мир. Белье на веревке предстает границей двух миров, на страже которой – обычная женщина (она в черном, как символ прошлого этого мира) и девочка (слева, в ярком сарафане) – его будущее.

На втором снимке запечатлено обычное российское бездорожье начала 90-х гг., но снимок интересен своей символичностью. На перепутье сошлись три разные России: первая – уходящее прошлое (его символизируют лошади с повозкой), вторая – современная Россия – представлена машиной; и третья – символ нашей страны

за границей (как «они» видят и представляют себе Россию в виде страшной, мощной военной машины). Автор четко уловил исторический момент и передал в символической, метафорической форме историко-социальное положение России в начале 90-х гг. Этот снимок также интересен своими интертекстуальными переключками. Автор как в композиционном, так и в смысловом решении ориентируется на специфику мотивной структуры русского фольклора, в частности его триадичности. Три дороги, открывающиеся перед персонажем (в данном случае это может быть автор или зритель), – это три способа достижения цели, сопряженные с трудностями и драматизмом осуществления. Ассоциация нам подсказывает: «направо пойдешь... налево пойдешь... прямо пойдешь...» В сегодняшней социокультурной и исторической ситуации содержание этого снимка наделяется новым смыслом.

Второе – точка зрения, с которой автор подходит к факту. Точка зрения диктуется фотографу его взглядами, убеждениями, чувствами. Интерпретируя факт в соответствии со своей точкой зрения, фотограф делает его носителем своих собственных чувств и представлений. Вот как объяснял это французский фотограф А. Картье-Брессон: «Для меня фотография – это поиски в самой действительности пространственных форм, линий и соотношений... Действительность предлагает нам огромное обилие сюжетов и надо уметь выбрать главный, надо всегда стремиться, чтобы в видоискатель попало то, что наиболее ярко выражает какое-то явление действительности...» [3]

При всем стремлении фотографа передать то, что перед ним происходит без всяких изменений, это оказывается практически невозможным, потому что фотокамера, при всем техническом совершенстве, без человека представляет собой лишь кусок металла. Отличие одного автора от другого проявляется уже в том, какие именно моменты и события выбраны для съемки, с какой точки и с какого расстояния сделан снимок.

В качестве примера приведем три снимка актрисы Инны Железновой, выполненные разными фотоаппаратами. У каждого из них складывается образ «своей» Железновой. Нежная и печальная героиня кадра с дождевыми каплями у Ракаускаса разительно отличается от демонического су-

щества на снимке В. Крохина. Взгляд исподлобья тяжел, накидка превратилась в крылья, она будто несется над землей, окидывая мрачным и презрительным взором все живущее. Метаморфоза, произошедшая с героиней, столь велика, что кажется, будто Ракаускас и Крохин снимали двух разных девушек. У П. Кривцова на снимке «Мелодия» та же модель не олицетворение грусти и хрупкости и не демон. В проеме открытого окна возникает девушка с флейтой – словно видение, словно пришелец из другой эпохи или другой реальности. И только сознание, что перед нами – фотография, возвращает нас в современность. Модель служила для фотографов как бы гипсом или воском, из которого ваялся желаемый образ.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что чистая документальность в рамках фотоискусства исключена. И не потому, что хроника противопоставлена искусству, а потому, что откровенная эстетизация противопоставлена документальной функции, и «рядом с замечательными живописными и скульптурными портретами, схватывающими глубинное и сущностное в великих мирах сего, интересны фотоснимки, на которых отражается случайное и поверхностное» [4]. И у документальной фотографии здесь особое положение. <...> Все посредники между фотоснимком и реальностью расположены в основном на территории личного «я» фотографа, который является «носителем соответствующих семиотических кодов, ибо фотограф – это часть своей культуры, наиболее чуткий к визуальной событийности “аппарат”» [5].

Примечания

1. Документальное и художественное в современном искусстве [Текст]. М., 1975; Дробашенко, С. Феномен достоверности: очерки по теории документального фильма [Текст] / С. Дробашенко. М., 1972; Искусство и научно-технический прогресс [Текст]: сб. статей / сост. Л. Новикова, В. Соколов. М., 1973.
2. Ветров, Д. Киноки. Переворот [Текст] / Д. Ветров // ЛЕФ. 1923. № 3. С. 135–143.
3. Цит. по: Никитин, В. А. Рассказы о фотоаппаратах и фотографиях [Текст] / В. А. Никитин. М., 1993. С. 55.
4. Панфилов, Н. Искусство фотографии [Текст] / Н. Панфилов, М. Панфилов. М., 1985. С. 78.
5. Козаченко, Н. Фотография как средство познания действительности [Текст] / Н. Козаченко // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1990. № 4. С. 12–20.

О. В. Рубцова

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
«СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»
В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
(НА ОСНОВЕ РОМАНА Г. УЭЛЛСА
«МАШИНА ВРЕМЕНИ»)**

Анализ вербализации концепта «социальное пространство» в жанре научной фантастики на примере классической английской литературы позволил сделать вывод о том, что, этот процесс происходит через вербализацию описания физического пространства, в котором находится человек, путем использования различных языковых стилистических приемов.

The analysis of the process of verbalization of the concept "social space" in the science fantasy genre is based on examples from classical English literature. It showed the possibility of verbalization by means of description of physical space in which a person exists using different linguistic stylistic devices.

Явление «пространство» (от лат. – spatium, англ. – space) всегда интересовало философов, лингвистов и представителей других наук начиная со времен Аристотеля. Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие «пространство», а также и представление о его свойствах: непрерывность/прерывность, абсолютный или относительный характер, конечность/бесконечность, протяженность, трехмерность, размерность, геометрическая и топологическая разновидности, стали различать геометрическое, физическое, географическое, космическое и другие виды пространства. Соответственно слово «пространство» используется в многочисленных сложных терминах в таких науках, как философия, лингвистика, математика, медицина, география, психология, физика и т. д. Ученые рассматривают понятие "space" как нечто абстрактное, невидимое, то, что можно измерить с помощью совершенно реальных действий, можно заполнить людьми и предметами: "space – an area that is empty and can be used or filled by objects or people..." [1]

В социологии пространство есть «межсубъектное пространство (физическое, экономическое, культурное и т. д.), сотворённое и постоянно сотворяемое в процессе общения» [2]. Основоположник термина «социальное пространство», Пьер Бурдьё, представляет его как понятие абстрактное, не физическое, но, тем не менее, социальное пространство стремится реализоваться в физическом. П. Бурдьё определяет понятие пространство как социальную конструкцию и

проекцию социального пространства. Это «социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [3]. Социальное пространство представляется в форме пространственных схем, а язык, повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве, изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства.

Поскольку данная статья посвящена рассмотрению способов вербализации социального пространства в текстах художественной научной фантастики, то целесообразно обратиться к трактовке этого понятия в художественной литературе. Что касается художественной литературы, надо отметить, что редкое произведение обходится без описания социального пространства. Концепт социального пространства тесно взаимосвязан с взаимоотношениями человек – природа, человек – общество, человек – Вселенная. Структура концепта социальное пространство обусловлена социальными отношениями. «Социальное явление проходит через пространственно-временное и социальное различия» [4]. Задача автора художественного произведения заключается в том, чтобы как можно реалистичней передать эти взаимоотношения через описание природы, пейзажей, общественно-социального строя, архитектуры того времени и пространства, в котором находится герой.

Для анализа заявленной в статье проблематики нами был использован роман Г. Уэллса «Машина времени». Исследователи творчества Герберта Уэллса считают одной из его главных заслуг создание «совершенно новой формы научно-фантастического произведения», в которой сочетаются «крайняя фантастика» «с самыми реалистическими, самыми обыденными подробностями» [5]. Уэллс придавал этому сочетанию форм немалое значение. В одном из предисловий к своим романам он писал: «Коль скоро читатель обманут и поверил в твою фантазию, остается одна забота: сделать остальное реальным и человеческим. Подробности надо брать из повседневной действительности и для того, чтобы сохранить самую строгую верность фантастической посылке, ибо всякая лишняя выдумка, выходящая за ее пределы, придает целому оттенку глупого сочинительства» [6].

В своем романе «Машина времени» Уэллс, переживая время политической, социальной и научно-технической революции, нашел тот элемент, который мог бы соединить научное и социально-этическое. Это отразилось даже на композиционном строении произведения: первая часть посвящена доказательству возможности преодоления временного барьера, во второй части автор целиком обращается к социальным про-

блемам, распространяя принцип научно-художественного предвидения на социальную действительность. Нужно отметить, что Уэллс в своем произведении избегал перегрузки излишним научным материалом. Даже машина времени, описанная как искусно сделанный блестящий металлический предмет, кажется каким-то дилетантским, не научным: "...the Time Traveller held in his hand was a glittering metallic framework, scarcely larger than a small clock, and very delicately made. There was ivory in it, and some transparent crystalline substance" [7].

По словам Н. Черной, Уэллса интересовала «общественная и биологическая сущность современного человека, технический и научный прогресс, направление его развития и влияние на судьбы человека и общества, критика современного общественного уклада и фантастическая проекция основных его черт в будущее и др.» [8]. Поэтому на протяжении всего романа Уэллс использует определенные лексические приемы (гротеск, аллегорические иносказания, метафоры, символика, эпитеты, изобразительные сравнения, параллели и др.) для описания социального пространства, через которое идет прямая связь героя с настоящим и будущим. Так, вторая часть романа, посвященная характеристике будущего Социального пространства, пронизана гротескными формами в описаниях. Архитектура, например, описывается с использованием красочных эпитетов, метафор и сравнений: "A colossal figure, carved apparently in some white stone... It was very large, for a silver birch-tree touched its shoulder. It was of white marble, in shape something like a winged sphinx" [9]; "Already I saw other vast shapes – huge buildings with intricate parapets and tall columns, with a wooded hill-side dimly creeping in upon me through the lessening storm..." [10]; "The building had a huge entry, and was altogether of colossal dimensions. I was naturally most occupied with the growing crowd of little people, and with the big open portals that yawned before me shadowy and mysterious" [11].

Местность описывается как: "My general impression of the world I saw over their heads was a tangled waste of beautiful bushes and flowers, a long-neglected and yet weedless garden. I saw a number of tall spikes of white flowers, measuring a foot perhaps across the spread of the waxen petals" [12].

В гротескно-заостренной форме представлен результат дальнейшего развития и заострения непримиримых противоречий между двумя антагонистическими классами общества – рабочими и капиталистами.

«На "Машине времени" вы умчались вместе с автором на 80 000 лет вперед – и опять вы находите там те же наши два мира: подземный – мир

рабочих, и надземный – мир праздных людей. И тот, и другой класс выродились: одни – от тяжелой работы, другие – от тяжелого безделья. И классовая борьба приобрела жестокие, звериные формы. В 80 000 году выродившиеся потомки угнетенных классов просто – по-звериному – пожирают своих "буржуев". В уродливых образах жестокого зеркала Уэллсовской фантазии – мы опять узнаем себя, наше время, последствия все тех же болезней старой европейской цивилизации» [13]. Речь идет о двух социальных пространствах, которые в произведении, как выше уже было упомянуто, условно автор представил как надземное (пространство элоев) и подземное (пространство морлоков). Социальные пространства, будучи разнополюсовыми, Г. Уэллс противопоставляет друг другу, используя символика "day" – "night", "light" – "darkness".

Описывая внешность их представителей, автор использует метафору, сравнивая элоев с милыми дрезденскими статуэтками: "And then, looking more nearly into their features, I saw some further peculiarities in their Dresden-china type of prettiness" [14], а морлоков – с обесцвеченными червями, отвратительно холодными на ощупь: "They were just the half-bleached colour of the worms and things one sees preserved in spirit in a zoological museum. And they were filthily cold to the touch" [15]. Соответственно и отношение героя – Путешественника во времени – к двум противоположностям разное. Уэллс дает эмоциональную оценку ощущениям: нервной дрожи и неприязни по отношению к морлокам и симпатии к элоям: "I felt a peculiar shrinking from those pallid bodies. Probably my shrinking was largely due to the sympathetic influence of the Eloi, whose disgust of the Morlocks I now began to appreciate" [16].

Социальное пространство надземного мира Уэллс называет коммунизмом через описание физического пространства местности, архитектуры: "Looking round with a sudden thought, from a terrace on which I rested for a while, I realized that there were no small houses to be seen. Apparently the single house, and possibly even the household, had vanished. Here and there among the greenery were palace-like buildings, but the house and the cottage, which form such characteristic features of our own English landscape, had disappeared. "Communism," said I to myself" [17].

И в то же время, глядя на развалины галерей, заросших лугов, полуразрушенных зданий, он приходит к выводу, что это человечество находится в эпоху увядания: "It seemed to me that I had happened upon humanity upon the wane" [18]. Автор использует пример аллегии, сравнивая закат солнца с закатом человечества: "The ruddy sunset set me thinking of the sunset of mankind" [19].

Подземное же социальное пространство (мир морлоков) Уэллс ассоциирует с многочисленными подземными туннелями, вентиляторными люками, колодцами: “Beneath my feet, then, the earth must be tunnelled enormously, and these tunnelling were the habitat of the new race. The presence of ventilating shafts and wells along the hill slopes – everywhere, in fact, except along the river valley – showed how universal were its ramifications” [20].

Проводя параллель между двумя социальными мирами, пространствами настоящего и будущего, автор приходит к выводу, что, несмотря на разницу во времени, условия жизни остались примерно те же. Осталась двухклассовость: капиталисты и рабочие, – существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации: “There is a tendency to utilize underground space for the less ornamental purposes of civilization; there is the Metropolitan Railway in London, for instance, there are new electric railways, there are subways, there are underground workrooms and restaurants, and they increase and multiply” [21]. Капиталисты и рабочие, элои и морлоки, – каждый живет в своем времени (настоящем и будущем), но в разных социальных пространствах.

Подводя итоги изучения языковой презентации понятия «социальное пространство» на примере научной фантастики, можно сделать следующий вывод: прибегая к вербализации социального пространства методом гротескных форм, использования таких тропов, как олицетворение, аллегория, метафоры, эпитеты и другие, Уэллс создает не только художественную иллюзию реальности, сообщающей фантастическому повествованию убедительность хорошего, захватывающего сна, но и стремится привлечь читателя к обсуждению серьезных социальных, философских, нравственных и прочих проблем современности, или, выражаясь его словами, «очеловечить» фантастику. Красочно и точно описывая социальное пространство будущего, Уэллс выступал против тех, кто полагал, что «эволюция работает на человека и делает для него мир все лучше и лучше» [22]. Автор делает удивительно правильные выводы относительно движущих сил в социальном обществе в любом временном от-

резке существования: “Strength is the outcome of need; security sets a premium on feebleness” [23] – (Сила есть только результат необходимости, обеспеченное существование ведет к слабости). “It is a law of nature we overlook, that intellectual versatility is the compensation for change, danger, and trouble” [24] – (Мы забываем о законе природы, который гласит, что гибкость ума является наградой за изменения, опасности и проблемы в жизни).

Примечания

1. Longman Dictionary [Text]. UK Limited 1993 plc, Great Britain by Days Ltd, St. Ives. P. 127.
2. Шепель, В. М. Имиджология. Как нравиться людям [Текст] / В. М. Шепель. М.: Народное образование, 2002. С. 25.
3. Бурдые, П. Социология политики [Текст] : пер. с фр. А. Шматко / П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33–52.
4. Качанов, Ю. А. Начало социологии [Текст] / Ю. А. Качанов. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. Гл. 11. С. 167.
5. Андреев, К. Предисловие [Текст] / К. Андреев // Герберт Уэллс. Избранные научно-фантастические произведения: в 3 т. Т. I. М., 1956, С. 18.
6. Уэллс, Г. Собр. соч. [Текст] : в 15 т. Т. 14 / Г. Уэллс. М., 1964. С. 351.
7. Уэллс, Г. «Машина времени» и др. произведения [Текст] : сборник; на англ. яз. / Г. Уэллс; сост. Н. А. Самуэльян. М.: Изд-во «Менеджер», 2004. С. 11.
8. Черная, Н. И. Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности [Текст] / Н. И. Черная. Киев: Наукова думка, 1972. С. 197.
9. Уэллс, Г. «Машина времени» и др. произведения... С. 30–31.
10. Там же. С. 32.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 37–38.
13. Замятин, Е. Герберт Уэллс [Текст] / Е. Замятин. Пб.: Изд-во «Эпоха», 1922. С. 40.
14. Уэллс, Г. «Машина времени» и др. произведения... С. 35.
15. Там же. С. 75.
16. Там же. С. 75.
17. Там же. С. 42.
18. Там же. С. 45.
19. Там же. С. 45.
20. Там же. С. 71.
21. Там же. С. 72.
22. Уэллс, Г. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. С. 352.
23. Уэллс, Г. «Машина времени» и др. произведения... С. 45.
24. Там же. С. 114.

Е. В. Натяженко

**КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ЛОКУТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена рассмотрению локутивного акта как деятельностного акта эмитента по производству речевого акта (РА) под непосредственным и доминирующим влиянием иллокутивной составляющей РА. Анализ локутивного акта производится с позиции теории речевых актов (ТРА). В свете этой теории локутивный акт признается автором статьи отличным от пропозиционального содержания высказывания и необходимым для гармоничного описания всех составляющих РА.

The article is devoted to consideration of the locutionary act as an emitter speech act produced under the direct and dominant influence of illocutionary part of speech act. The analysis of the locutionary act is made from the cognitive analysis standard of grammar categories interaction produced by the statement. From the standpoint of speech act theory the locutionary act is considered by the author to be different from the propositional content of the statement. Up to the text standard the author determines such aspects of the locutionary act as description, narration, explication and argumentation.

На современном этапе развития лингвистической науки одним из актуальных направлений исследования является рассмотрение языковых явлений в русле теории речевых актов (далее – ТРА), которая имеет достаточно широкий спектр проблем, требующих дальнейших научных изысканий. Центральным понятием ТРА является речевой (у многих авторов также коммуникативный) акт (далее – РА), к рассмотрению которого обращаются как зарубежные, так и отечественные исследователи, начиная с основоположников ТРА (Остин, Серль, Витгенштейн, Wunderlich; Motsch, Viehweger; Hinderlang; Harras; Habermas, Вандервекен, Стросон, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, Кубрякова, Выготский, Жинкин, Колшанский, Канцельсон, Хельбиг и др.).

Под речевым актом в современной лингвистической литературе понимается «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. Речевые акты всегда соотносены с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создает дискурс» [1].

В ходе научного поиска ученые обращаются к разным аспектам РА. В частности, конвенциональная и координационная природа РА рассматривается в работах (Витгенштейн 1953; Остин 1973; Серль 1971; Стронсон 1986; Doll 1979; Плотников 1999 и др.). К описанию РА на основе анализа речевого поведения обращались Борисова 2001; Петрова 2004; Азнабаева 1998; Гольшклина 2000; Караулов 1987; Формановская 1989; Долинин 1985; Мороховский, Воробьева и др. 1984; Золотова, Осипенко, Сидорова 1998; Москальская 1981; Анисимова 1989 и др. Имеется также целый ряд исследований, посвященных закономерностям порождения и восприятия речи, вопросам, связанным с социальной ролью речи, с проявлениями национальных обычаев и традиций в речи и т. д. (Например, Выготский 1984; Жинкин 1958; Леонтьев 1977; Лурия 1974; Караулов 1987; Ушакова 1985 и др.) Выраженность в речи отдельных индивидуальных свойств субъекта речевой деятельности исследуется в работах: Витт 1981; Лейтес 1960; Мирошкина 1991; Чеботарева 1996 и др. Наряду с вышеперечисленными работами имеют место быть исследования, посвященные изучению структуры и составляющих РА и классификациям (Остин, Серль, Якобсон 1975; Почепцов 1986; Невзорова 1986; Бахтин 1979; Кобозева 1986; Аллен, Перро 1986; Вундерлих 1972; Арутюнова 1972; Апресян 1995; Богданов 1977 и др.).

С точки зрения структурного аспекта речевой акт есть «намеренное действие, которое имеет в качестве параметров говорящего, слушающего и пропозициональное содержание, выполнение которого ведет к производству высказывания» [2]. Целеустановка РА рассматривается и как функция иллокутивного акта в теории Дж. Серля, который выделяет в РА: акт произнесения; пропозициональный акт, осуществляющий референцию и предикацию; иллокутивный акт, реализующий целеустановку говорящего [3].

Данное представление структуры речевого акта является, на взгляд автора данной работы, наиболее адекватно описывающим его природу, так как в нем учтены все составляющие РА при речепорождении: процесс вербализации когнитивных единиц, пропозициональное содержание РА как результат актов референции и предикации и иллокутивный акт, который является необходимым условием любого РА. Поэтому, согласно теории Дж. Серля [4], любой РА можно представить формулой $F_{(p)}$, где F – иллокутивный акт, p – пропозициональное содержание высказывания.

Иллокутивная составляющая достаточно подробно изучена зарубежными и отечественными лингвистами, на что указывают имеющиеся в современной лингвистической литературе многочисленные классификации иллокутивных актов, представленные в работах (Остин 1986; Серль 1979;

Серль, Вандервекен 1995; Стронсон; Wunderlich 1977, 1979, 1980; Leech 1983; Вендлер; Москальская 1981; Арутюнова 1990; Падучева 1996; Добрушина 1997; Почепцов; Сусов; и др.). К изучению же локутивного акта практически никто из ученых не обращается, ссылаясь на то, что локутивный акт, понимаемый как пропозициональное содержание высказывания (Серль, Витгенштейн, Апресян, Арутюнова, Алисова, Почепцов, Сусов, Падучева, Москальская и др.), широко изучен в рамках традиционного языкознания, и в частности в контексте синтаксической семантики. (Алисова 1970, 1971; Апресян 1967, 1971, 1972, 1973, 1974; Арутюнова 1971, 1976, 1983, 1988; Банару 1976, 1980, 1982; Богданов 1976, 1977, 1982, Бульгина 1982; Вардуль 1973, 1976, 1977; Гак 1968, 1972, 1973, 1977, 1986, 1988; У. Вайнрайх, Ч. Филмор, У. Чейф, Дж. Макколи, Дж. Лакофф, Ф. Саусворс, Г. М. Ильин, Б. М. Лейкина, Т. Н. Никитина, М. И. Откупщикова, С. Я. Фиталова и др.)

Локутивный акт рассматривается в основном лишь основоположником ТРА Дж. Остиным как «говорение» в полном обычном смысле этого слова. Локутивный акт интересует его в основном своей природой: ее прояснение поможет отделить его от других актов. В ходе исследования локутивного акта Остин, освещая понятие локутивного акта, ограничивается лишь также пространством выделением фонетического, фатического и ретического актов, где фонетический акт – это просто акт произнесения определенных звуков, фатический акт – это произнесение определенных вокабул, или слов, то есть определенных типов звукосочетаний, принадлежащих определенному словарю, соответствующих определенной грамматике и выступающих именно в этом качестве. Ретическим актом называется осуществление акта использования этих вокабул с некоторым более или менее определенным смыслом и референцией [5].

Дж. Серль, в отличие от Дж. Остина, понимает локутивный акт (*Äuseungsakt*) как реализацию абстрактных грамматических моделей (звук и словоформы, предложения). Результат локутивного акта может быть оформлен или не оформлен грамматически (фонологически, лексически или синтаксически) [6]. В дальнейших своих исследованиях (Серль 1971, 1975, 1979 и др.) Серль избегает понятия локутивного акта, уточняя его понятиями актов референции и предикации.

Однако исследования последних лет в рамках ТРА говорят о том, что вопрос о прояснении сущности локутивного акта является необходимым для всестороннего рассмотрения составляющих РА, поскольку многие ученые напрямую или косвенно ссылаются на взаимосвязь локутивного и иллокутивного актов (Серль, Грайс, Лакофф, Гордон, Дэйвисон и др.) и во многих

работах даже опираются на понятие локутивного акта, трактуемое по умолчанию как пропозициональное содержание высказывания (РА). Но почему пропозициональное содержание высказывания является локутивным актом? Почему его можно считать таковым? Зачем необходим термин «локутивный акт», если имеется устоявшийся термин «пропозициональное содержание высказывания»? Все эти вопросы на сегодняшний день остаются открытыми.

Автор настоящего исследования акцентирует внимание на том, что рассмотрение локутивного акта не сводится лишь к изучению семантики РА, поскольку, рассматривая каждое высказывание с точки зрения ТРА и исследуя локутивный акт, следует подчеркнуть прежде всего деятельностную природу РА. Совершая локутивный акт посредством актов референции и предикации, говорящий производит его в непосредственном сочетании или параллельно с иллокутивным актом. В связи с этим в ходе данного исследования РА рассматривается с позиций когнитивной лингвистики как новой парадигмы лингвистического знания. Данная парадигма, которая признается многими лингвистами перспективной для исследования лингвистических явлений «не в препарированном виде, а в действии, т. е. с точки зрения того, какие процессы приводят к их формированию и каким образом они выбираются и используются носителем языка в процессе коммуникации» [7], базируется на постулате интегративности и предполагает изучение какого-либо лингвистического объекта в действии и во множестве своих свойств и характеристик. Это позволит в дальнейшем проанализировать и понять, как говорящий пользуется данным языковым явлением (в данном случае РА) в процессе коммуникации и почему эмитент применяет (или реализует) некую языковую сущность (иллокутивный акт) именно так, а не иначе.

Рассмотрим это на конкретных примерах, проанализировав, как формируется поверхностная структура следующего высказывания (РА): **Die letzten Tage in Tokyo verbrachte ich bei meinem Freund Akira Nakao und seiner Familie** [8].

Схематично поверхностную и глубинную структуры данного высказывания можно представить следующим образом:

ПС: Die letzten Tage in Tokyo verbrachte ich bei meinem Freund Akira Nakao und seiner Familie.

ГС: Ich teile mit: ich verbrachte die letzten Tage in Tokyo bei meinem Freund und seiner Familie.

По формуле РА компоненты глубинной структуры будут выглядеть как:

F – Ich teile mit: (p) – ich verbrachte die letzten Tage in Tokyo bei meinem Freund und seiner Familie.

Глубинная структура данного высказывания, представленная иллокутивным компонентом F (Ich teile mit:) и пропозициональным содержанием (ich verbrachte die letzten Tage in Tokyo bei meinem Freund und seiner Familie), свидетельствует о том, что данное высказывание есть некое сообщение (Mitteilung) эмитента. Это сообщение о взаимоотношениях, представленных в высказывании референтов (Ich, Tage, Tokyo, Freund, Familie) в их пространственном соотношении друг с другом. В этом высказывании можно выделить 5 референтов: главный – Ich, по отношению к которому предикативуются кореференты Tage, Tokyo, Freund, Familie. Акт предикации настоящего высказывания (РА) состоит в том, что эмитент приписывает названным референтам некое пространственное и временное соположение через предикативный признак, номинированный в современном немецком языке глаголом verbringen, и пространственный маркер «bei». Логическая связь компонентов глубинной структуры высказывания четко показывает одномоментное свершение иллокутивного акта «сообщение» (Mitteilung) во взаимодействии актов референции (Ich) и акта предикации (verbringen). Теперь проследим, как рождается данный РА при взаимодействии указанных составляющих. Это возможно сделать на основе анализа плана содержания и плана выражения грамматических категорий, формирующих высказывание.

Категория предикативности является ведущей грамматической категорией, формирующей грамматическую основу высказывания на основе предикативного знака [9]. Под предикативным знаком понимается знак, репрезентирующий категориальное значение предикативности в языке и выступающий в этом смысле в качестве коммуникативной единицы, формирующей предложение, в отличие от называющих единиц – слова и словосочетания [10]. Предикативный знак состоит из имени в именительном падеже и спрягаемого глагола, которые находятся друг с другом в отношении логической конъюнкции (Nn*Vf). Как абстрактная единица языка, предикативный знак индифферентен как к конкретному лексическому значению, так и к конкретным формам выражения финитности его компонентом (Vf). Предикативный знак реализуется в речи монопредикативно (в виде одного предикативного ядра) и полипредикативно (в виде нескольких предикативных ядер) [11]. Таким образом, в рассматриваемом высказывании категория предикативности формирует на основе предикативного знака предложение с главным референтом Ich (личное местоимение 1-го лица, единственного числа) и предикативной частью, которая выражена глаголом verbringen (Imperfekt, Indikativ, Aktiv, 1-го лица, единственного числа), и зависимыми от него компонентами.

Языковые средства, выражающие категорию темпоральности (в данном высказывании глагол в форме (Präsens), указывают на то, что РА «Mitteilung» протекает в актуальном настоящем времени (т. е. непосредственно в момент речи). Категория модальности указывает на отношение высказывания к объективной реальности, выраженное через изъявительное наклонение глагола (Indikativ des Verbs) и отношение говорящего к высказыванию (субъективная модальность), выраженное через иллокутивные маркеры коммуникативного типа РА (Mitteilung), в частности: форму повествовательного предложения (Aussagesatz) и соответствующую ему интонацию или пунктуацию (в анализируемом случае – пунктуацию) и форму изъявительного наклонения глагола (Indikativ des Verbs).

Категория синтаксического залога выражается в поверхностной структуре высказывания через форму активного залога глагола «verbringen». С точки зрения категории утверждения/отрицания высказывание является позитивным, поскольку характеризуется отсутствием в поверхностной структуре отрицательных компонентов. Синтаксические связи между компонентами высказывания указывают на компоненты вербальной структуры предложения, выраженные определенными членами высказывания. Эти взаимоотношения выражаются, в частности: через дополнение, выраженное существительным в винительном падеже без предлога (verbrachte die letzten Tage); обстоятельство, выраженные существительными в дательном падеже с предлогами in, bei и характеризующие разворачивание акта предикации частные характеристики высказывания. Исходя из приведенного анализа поверхностной структуры высказывания, видно, как грамматические категории формируют ткань поверхностной структуры высказывания. Формирование поверхностной структуры происходит, во-первых, в зависимости от ее глубинной структуры и предикативного знака, на основе которого формируется глубинная структура высказывания. Предикативный знак является свидетельством свершившихся актов референции и предикации, поэтому можно сказать, что предикативный знак как результат актов референции и предикации свидетельствует о действительной природе свершающегося речевого акта, и в данном случае – локутивного акта как одной из составляющих целой структуры высказывания (РА). Однако формирование поверхностной структуры высказывания посредством выражения грамматических категорий разворачивает локутивный акт, который формирует поверхностную структуру предложения таким образом, чтобы выразить иллокутивную силу РА, т. е. под действием импульса иллокутивного маркера. Следовательно, иллокутивный акт является доминиру-

ющим или предопределяющим локутивный акт. Рассмотрим в доказательство данного тезиса еще один пример.

Wasch die Hände! [12] Поверхностная структура данного высказывания формируется на основе его глубинной структуры *Ich fordere auf: du wäschst die Hände*. В данном примере предикативный знак (Np*Vf) выражается не через структуру главных членов предложения, находясь в глубинной структуре высказывания (*Ich fordere auf*), а через устоявшуюся в языке и существующую только для данных целей грамматическую форму – форму повелительного наклонения глагола во 2-м лице единственного числа (*Imperativ 2. Person Singular*). С помощью данной грамматической формы выражается главная коммуникативная интенция настоящего высказывания «побуждение» (*Aufforderung*), которая эксплицирована в глубинной структуре. Категория модальности формирует в анализируемом примере отношение эмитента к высказыванию (субъективную модальность) и вербализует данное значение через имеющуюся форму повелительного наклонения (*Imperativ 2. Person Singular*). Категория темпоральности в данном случае нейтрализуется, поскольку здесь мы наблюдаем прямое побуждение. На передний план выходит не действие, а желание говорящего, состоящее в том, чтобы реципиент совершил определенные действия. Поэтому темпоральная характеристика действия аннулируется, а соответствующая языковая категория нейтрализуется. Данное высказывание является положительным, потому что в высказывании отсутствуют как эксплицитные, так и имплицитные отрицания. Что касается выражения отношений между компонентами глубинной структуры предложения, то они сведены в поверхностной структуре высказывания к объектным отношениям, выраженным существительным в винительном падеже множественного числа (*die Hände*).

Анализ средств выражения грамматических категорий данного высказывания, как и в первом случае, свидетельствует о том, что поверхностная структура высказывания, выражающая его глубинную структуру, и вербализуемый в речи предикативный знак, являющийся свидетельством свершившихся актов референции и предикации, также свидетельствует о том, что акты референции и предикации не просто формируют пропозициональное содержание высказывания, а демонстрируют некоторый деятельностный акт в сознании эмитента по выражению определенного смысла в акте коммуникации. Данный акт равносителен свершенному иллокутивному акту и является актом сознания по формированию и выражению поверхностной структуры высказывания в полном взаимодействии с иллокутивным маркером и подчиняющийся именно ему. Подробнее структуру иллокутивной и локутивной

составляющих РА рассмотрим на примере следующего высказывания:

Liebe Kollegen, werte Kunden, herzliche Weihnachtsgrüße schickt

Ihnen Ihr Swena – Tours Team. [13]

Если «разложить» анализируемый речевой акт по формуле речевого высказывания $F_{(p)}$, где F – иллокутивный акт, (p) – пропозициональное содержание высказывания, на произведенный перлокутивный акт и его пропозициональное содержание, то получим результаты, которые можно представить в виде следующей таблицы:

<i>Главный дискурсивный речевой акт (макроречевой перлокутивный акт) –</i> Gratulieren (поздравление)	<i>Пропозициональное содержание речевого акта –</i> тема РА
<i>Подчиненный речевой акт (микроречевой акт), подчиненный реализации главной дискурсивной интенции –</i> ansprechen	<i>Референты –</i> liebe Kollegen, werte Kunden
<i>Второстепенный речевой акт, подчиненный реализации главной дискурсивной интенции –</i> wünschen	<i>Кореференты –</i> Weihnachtsgrüße, Ihnen
<i>Второстепенный речевой акт, подчиненный реализации главной дискурсивной интенции –</i> sich nennen	<i>Кореферент –</i> Ihr Swena – Tours Team

Перед нами – сложный речевой акт со всеми его структурными и прагматическими характеристиками: перлокутивный акт, направленный на совершение речевого действия по отношению к реципиенту – поздравления, состоящего в выражении положительных эмоций и отношения со стороны эмитента и пожелания в связи с праздником. Конвенциональные правила выражения данного речевого акта в немецкоязычном сообществе в письменном виде предполагают обязательное называние коммуникантов и участие указанных второстепенных РА, любое отступление от конвенциональных правил функционирования РА в письменном дискурсе ведет к неполному или неправильному его декодированию. Поскольку рассматриваемый вид РА поздравления «складывается» по установленным в конкретном языковом обществе правилам письменного дискурса и речевого этикета из определенного набора, конкретного стереотипного «сцепления» второстепенных по отношению к главному РА, главный РА может быть выражен разными речевыми единицами, если они: 1) в полной мере выражают релевантные для протекающей главной РА второстепенные РА, 2) необходимы и формируют смысловые и семантические признаки протекающего РА при формировании дискурса, – как в виде одного высказывания, так и в форме нескольких высказываний и других речевых единиц в зависимости от ситуации общения.

Как показывают вышеприведенные примеры, построение пропозиционального содержания высказывания в них заметно отличается друг от друга. И данное отличие имеет место быть благодаря тому, что в глубинных структурах данных речевых актов находятся совершенно разные типы иллокутивных актов: в первом случае – *Mitteilung*, во втором – *Afforderung*. И можно с высокой степенью уверенности утверждать, что речь в данных примерах идет не просто о наличии пропозиционального содержания высказываний, а о совершении локутивного акта, который происходит, согласно Остину и Серлю, одновременно с иллокутивным актом. При всем этом мы можем наблюдать взаимосвязь данных актов: изменение коммуникативной интенции говорящего (иллокутивного акта) приводит к непременно изменению локутивного акта. Сквозь призму построения данных высказываний мы можем говорить о том, что суждения, складывающиеся в сознании человека, реализуются через слова только посредством актов, в частности, посредством локутивного акта. Как показывает анализ отдельных высказываний, рассматривать (следовательно, формировать) иллокутивные акты в отрыве от локутивных актов невозможно.

Косвенное подтверждение данному тезису можно увидеть в некоторых лингвистических исследованиях. В частности, идея немецкого языковеда Клауса Бринкера о типах тематического развертывания текста, которая представляется важной для дальнейшего исследования локутивного акта.

Под тематическим развертыванием текста Клаус Бринкер понимает мыслительную и языковую реализацию темы текста. Тематическое развертывание, по мнению Бринкера, управляется коммуникативными и ситуативными факторами порождения текста, к которым относятся коммуникативное намерение, коммуникативная цель эмитента, характеристики партнерских отношений эмитента и реципиента, оценка партнеров по коммуникации, (т. е., прежде всего, иллокутивные маркеры текста). Тем самым Клаус Бринкер косвенно указывает на то, что тематическое развертывание текста осуществляется под воздействием иллокутивного акта. Если рассматривать текст как макроречевой акт и провести прямую аналогию между текстом и РА, как это делают многие исследователи (Анисимова 1989; Гиндин 1972; Овчинникова 2001; Левицкий 1998; Винокур 1993; Грайс 1985; Михайлов 1992; Кубрякова 1991; Залевская 1999; Леонтьев 1997; Мурзин, Штерн 1991 и др.), то идею Клауса Бринкера можно применить к исследованию локутивного акта. В связи с этим локутивный акт также можно рассматривать как макролокутивный акт (пропозициональное содержание текста как РА) и микролокутивный акт (пропозициональное содер-

жание отдельных высказываний данного текста). Так можно проанализировать любой текст как макроречевой акт сквозь призму его иллокутивных и локутивных составляющих и рассмотреть текст как деятельностный акт эмитента по вербализации его мысли. Это вносит определенную гармонию в структуру анализа РА.

Суммируя вышеизложенное, еще раз отметим, что локутивный акт как составляющая каждого РА (высказывания как микроречевого акта или текста как макроречевого акта) есть основа для формирования поверхностной структуры высказывания. При этом локутивный акт формирует пропозициональное содержание высказывания, акцентируя деятельностный аспект формирующегося РА и демонстрируя динамичный характер РА.

Формирование и разворачивание локутивного акта на уровне речи напрямую зависит от иллокутивной составляющей РА, т. е. от иллокутивного маркера высказывания (РА). Поэтому Серль был абсолютно прав, говоря о том, что РА есть одномоментное свершение трех составляющих РА: локутивной, иллокутивной и фатической, как «овеществление» иллокутивной и локутивной составляющей через материальную оболочку звука или графических знаков. Данные когнитивного анализа полностью это подтверждают. Поэтому подробное освещение основных характеристик, видов и природы локутивного акта как составляющей РА необходимо для гармоничного исследования РА в целом, и ТРА на современном этапе не может обойти стороной рассмотрение локутивного акта как неотъемлемой составляющей РА.

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 412.
2. Ален, Дж. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании [Текст] / Дж. Ален, Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 331.
3. Лингвистический энциклопедический словарь... С. 412.
4. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 171.
5. Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 84.
6. Лингвистический энциклопедический словарь... С. 151–169.
7. Беляевская, Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: Критерии выбора метода [Текст] / Е. Г. Беляевская // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: РАН, 2006. С. 79.
8. Иностранные языки [Текст]: пособие для подготовки к тестированию. Центр тестирования МОРФ. М., 2002. С. 49.

9. Кукушкина, А. Т. Предикативность и предикация в немецком языке [Текст] / А. Т. Кукушкина, Ж. В. Никонова // Человек и языковое пространство. Аспекты взаимоотношений. Н. Новгород, 2006. Вып. 2. С. 89–93.

10. Кукушкина, А. Т. Еще раз о предикативности [Текст] / А. Т. Кукушкина // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: тезисы международной конференции. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 89–90.

11. Лобановская, Е. В. Способы выражения предикации в современном немецком языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Лобановская. НГЛУ, 1996. С. 7–8.

12. Бим, И. А. Сборник упражнений по грамматике немецкого языка для 5–9 классов общеобразовательных учреждений [Текст] / И. А. Бим, О. В. Каплина. М.: Просвещение, 2002. С. 11.

13. Königsberger Express. 2006. № 12. Dezember, 14. Jahrgang. С. 22.

О. В. Ячкова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, РЕАЛИЗУЮЩИЕ КООПЕРАТИВНУЮ СТРАТЕГИЮ В РЕАЛИТИ-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Настоящая статья представляет результаты анализа зависимости употребления языковых средств от ориентации говорящего на сотрудничество с партнером, определяется инвентарь, выявляются функции языковых средств обеспечивающих стратегию кооперации в русском реалити-шоу («Офис», «Дом-2»).

The article describes the language dependence on speaker's orientation towards cooperation with his interlocutor. It also determines the variety of the language means which provide cooperation strategy in the Russian reality show ("Ofis", "Dom-2").

Материалом нашего исследования не случайно стало реалити-шоу («Дом-2», «Офис»). Данные телепередачи моделируют реальное общение и позволяют выявить, с помощью каких языковых средств реализуется стратегия кооперации.

Для наших целей большое значение имеет различие *видов общения*. А. А. Леонтьев выделяет предметно-ориентированное (осуществляемое в ходе совместной предметно-практической деятельности) и «чистое» общение, которое делится на социально-ориентированное и личностно-ориентированное. В свою очередь, *личностно-ориентированное* (межличностное) общение выступает в двух формах: *диктальное*, выражающееся в согласовании позиций и обмене с партнером информацией о предстоящей деятельности, и *модальное*, называемое в обиходе «выяснением отношений» [1]. Аспект содержания и аспект

отношений в сообщении различают П. Вацлавик, Ж. Бивин и Д. Джексон [2]. Этот подход реализуют также Е. Марк и Д. Пикар, отмечая, что сообщение передает содержание (информацию, чувства и т. д.), но одновременно с помощью него устанавливается определенное отношение между собеседниками [3]. Характерно, что обе эти формы общения можно проследить в реалити-шоу. Тем не менее в силу специфики материала исследования в статье основной акцент делается на модальный уровень общения, так как в реалити-шоу участники общения не столько говорят о деле, сколько строят отношения.

Прежде чем перейти к языковым средствам, реализующим кооперацию, рассмотрим понятия коммуникативных стратегий и тактик и их типологию. Собеседники в процессе общения для достижения своих целей используют определенные стратегии и тактики, исследованием которых занимались как отечественные, так и зарубежные лингвисты. Так, Т. А. ван Дейк в своей модели обработки дискурса выделяет стратегии говорящего и адресата, помогающие осуществлять отбор нужной информации для интерпретации конкретных ситуаций [4]. В прагмалингвистике стратегия применяется для достижения определенных целей и предполагает речевое воздействие на собеседника с помощью общего плана ведения диалога и схемы речевых действий [5]. Согласно И. П. Тарасовой, понятие стратегии включает в себя организацию речевой интеракции с учетом как конкретных ситуаций общения, так и личностных особенностей собеседников [6]. Учитывая психологические и лингвистические факторы, мы понимаем под стратегией комплекс принципов организации речевых действий, направленных на достижение определенной цели.

Вслед за В. С. Третьяковой представляется целесообразным придерживаться типологии, в основе которой лежит тип диалогического взаимодействия по результату коммуникативного события. Если собеседники осуществили свои коммуникативные намерения и при этом сохранили «баланс отношений», значит, общение строилось на основе стратегий кооперации. К стратегиям кооперации относятся стратегии вежливости, искренности и доверия, близости, сотрудничества, компромисса и др. Автор указывает на то, что между речевыми стратегиями и речевыми тактиками существует жесткая соотнесенность и для реализации кооперативных стратегий используются тактики кооперации: предложения, согласия, уступки, одобрения, похвалы, комплимента и др. [7]

Следует отметить, что существуют также двузначные тактики, например тактика лжи. Она выполняет кооперативную функцию при реализации стратегии вежливости, цель которой «не

навредить» партнеру, «поднять» своего собеседника. В то же время данная тактика может быть конфликтным средством при использовании ее в рамках стратегий конфронтации, например при дискредитации собеседника. К двузначным относятся также тактики иронии, лести, подкупа, замечания, просьбы, смены темы и др. [8]

На наш взгляд, выделенные В. С. Третьяковой кооперативные стратегии очень близки, по сути, кооперативным тактикам. Поскольку трудно определить четкие критерии различения коммуникативной стратегии и тактики, нам представляется целесообразным говорить об общей кооперативной стратегии, которая может быть реализована через определенную коммуникативную тактику (и чаще через комплекс таких тактик).

О. С. Иссерс отмечает, что понятие речевой тактики соотносится с понятием семантического хода у ван Дейка [9]. Однако тактики могут использоваться как изолированно, так и комплексно, в отличие от семантического хода, который определяется функционально относительно предшествующего и последующего хода [10]. Основное предназначение тактик, по справедливому замечанию И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, состоит в том, чтобы «менять сюжетные повороты в развитии общения (интеракции)» [11].

По нашим наблюдениям, к основным средствам, реализующим стратегии кооперации, относятся: 1) средства получения представления о точке зрения говорящего и достижения взаимопонимания (запрос информации, уточнение вопроса, конкретизация, синонимические повторы и др.); 2) средства смягчения категоричности (перифразы, конкретизация, повторы и др.); 3) средства выражения положительных эмоций (комплимент, положительно окрашенная лексика); 4) контактоустанавливающие и контактоподдерживающие средства (различные сигналы говорящего и слушающего, обращения); 5) средства, выражающие волю, желания по отношению к собеседнику (перифраза, использование модальных конструкций). Следует отметить, что большинство средств могут реализовываться как стратегии кооперации, так и конфронтации, например, средства получения представления о точке зрения говорящего; средства, выражающие волю, желания по отношению к собеседнику; контактоустанавливающие средства.

Наиболее распространенным средством получения представления о точке зрения партнера и достижения взаимопонимания являются вопросительные предложения. С коммуникативной точки зрения А. П. Чахоян выделяет следующие виды вопросов: 1) верификативный, целью которого является получение утверждения истинности или ложности его содержания («Ты обо что-то споткнулся?»); 2) апеллятивный, задаваемый в

целях выяснения отношения собеседника к факту, который номинируется в форме придаточного предложения («Ты думаешь, что все будет хорошо?»), хотя возможно и отсутствие номинации факта («Вы серьезно?»); 3) переспрос, представляющий собой повторную номинацию одного элемента семантико-синтаксической структуры высказывания или целой коммуникативной формы («Скажи мне, почему ты такая стерва? – «Почему я такая стерва?»); 4) уточняющий, который задают с целью получения добавочной информации («Я злилась на него!» – «Злилась на него? Из-за чего?»); 5) эксплицирующий, выражающий запрос относительно разъяснения отдельных элементов семантической структуры предыдущего высказывания («Мы играем, и ты видишь медведя и белку? Итак, это он, а это я». – «В смысле?»); 6) антиципирующий, который задается тогда, когда говорящий прерывает сообщение собеседника, предвосхищая последующее высказывание («Думаете, есть два вида? Нет, есть другой еще...» – «Что за вид?»); 7) идентифицирующий – вопрос, начинающийся с вопросительного слова и направленный на идентификацию какого-либо элемента семантической структуры («Что это вы положили в свой карман?», «Что случилось?») [12].

Данная классификация, на наш взгляд, не совсем безупречна. Так, апеллятивный вопрос «Вы серьезно?», заданный без номинации факта, может быть расценен также и как верификативный, а антиципирующий «Что за вид?» как идентифицирующий. Представляется, что нет необходимости столь детального различия выделенных А. П. Чахоян видов вопросов при анализе речи героев реалити-шоу. Важнее определить, какую коммуникативную цель преследует говорящий, осуществляя запрос информации, например: 1) выяснить точку зрения партнера на совместную деятельность; 2) получить или уточнить мнение собеседника относительно какого-либо факта; 3) задать фатический вопрос, имеющий контактоустанавливающую или контактоподдерживающую функцию.

В нашей работе под вопросом мы понимаем, вслед за Г. Г. Почепцовым, «формально выраженный запрос информации, при осуществлении которого говорящий преследует определенные цели» [13]. По признаку запроса информации вопросы можно разделить на информативные и риторические, между которыми существует градуальное пространство, заполняемое эмоционально-оценочными, модальными и отрицательными компонентами [14].

Приведем пример кооперативного использования запроса информации на уровне содержания: Василий (В.): *Ты сам понимаешь, да, зачем я здесь?*

Семен (С.): Нет, Василий.

В.: Нам нужен человек, который умеет очень жестко руководить своими сотрудниками. Я думаю, это будет Марго. *Ты поддержишь ее на выборах?*

С.: Да, конечно, поддержу.

В.: *Ну, ты понимаешь, да, что если просто ты поддержишь – это еще не победа?*

С.: Да.

(«Офис»)

Фатический вопрос, заданный Василием, имеет контактоустанавливающую функцию. Далее с помощью запроса информации он пытается выяснить точку зрения Семена и склонить его на свою сторону, реализуя тактику просьбы. Для закрепления результата Василий использует запрос информации с риторическим признаком.

Рассмотрим примеры запроса информации на уровне отношений, работающего на сотрудничество:

Андрей (А.): *Как тебе свидание с Михаилом, понравилось?*

Люба (Л.): Ой, у меня все отличненько, да, прошло. Но в принципе то, что я и ожидала...

А.: *Обычно, просто хорошо?*

Л.: Да, женская интуиция меня все-таки не подвела в очередной раз и я... ну, убедилась...

А.: *В чем ты убедилась, я не могу понять?!*

(«Дом-2»)

Запрос информации, используемый Андреем, явно свидетельствует о его заинтересованности и преследует цель выяснить мнение Любы относительно ее свидания. Последующий уточняющий вопрос и переспрос подтверждают его неподдельный интерес к собеседнице и подчеркивают кооперативную линию поведения и выбранную коммуникантами тактику доверия.

В следующем примере коммуникантам, Роме и Оле, через запрос информации удается найти приемлемое решение в сложившейся ситуации:

Р.: *Ну так что поделаться? Если нет способов изменить ситуацию, то что делать?*

О.: *Поехали со мной...*

Р.: *В Петербург? Ну и чего я там буду делать? С тобой на лекциях сидеть?* О, как интересно, а! Боюсь, что мне там будет неинтересно...

О.: *Я буду тебе готовить кушать...*

Р.: *Так, а еще что?*

О.: *А вечером будем вместе кино смотреть.*

Р.: *Так у тебя же нет там совсем времени, суслик! А?.. Ну, давай, я к тебе на два денька съезжу...*

О.: *Давай!*

(«Дом-2»)

Используемый коммуникантом запрос информации, направленный на достижение взаимопонимания, имеет как фатический признак (так как

задается не для того, чтобы получить информацию, а скорее для того, чтобы показать собеседнице, что ситуацию изменить нельзя), так и информативный (Рома преследует цель выяснить точку зрения собеседницы относительно их совместного будущего).

Нередко стратегии кооперации реализуют не отдельные языковые средства, а целый комплекс, например:

Айгюн (А.): *А что, он тебе еще нравится?*

Александра (Ал.): *Как кто?*

А.: *Как мужчина.*

Ал.: *Ты знаешь, если бы я с ним встречалась – это было бы недолго. У меня бы сменился интерес к кому-нибудь другому. А так, ну, симпатичный, да, хорошенький... Хорошенький, умный...*

А.: *Но тебе он симпатичен больше, чем Степа?*

Ал.: *Да... мне как-то одинаково... Я не могу сказать, что я торчу от Степы. Никак не могу ничего сказать, потому что этого нет и вообще...*

(«Дом-2»)

Данный диалог содержит запрос информации как средство получения представления о точке зрения говорящего. Прямые ответы, содержащие синонимические повторы, указывают на доверительные отношения собеседниц, а использование конкретизации («Как мужчина») свидетельствует о том, что коммуниканты избегают любого рода недопонимания. Совокупность используемых собеседницами языковых средств реализуют тактику доверия.

Средства смягчения категоричности демонстрирует следующий пример на уровне отношений:

Антон (Ан.): *Праздник – не праздник, вместе мы – не вместе, но я приготовил тебе небольшой сюрприз...*

Алена (Ал.): *Это подарок?*

Ан.: *Да. Одевай.*

Ал.: *Что, у нас сегодня два месяца?! Я забыла.*

Ан.: *Нет, сегодня у меня праздник, и я дарю подарки. Два месяца на проекте.*

(«Дом-2»)

Антон, желая наладить свои отношения с Аленой, показывает через противопоставление фрагментов текста и их повторов с отрицанием (в данном контексте как средство смягчения категоричности), что для него не принципиально, что произошло. Использование приема конкретизации свидетельствует о том, что он не желает ставить девушку в неудобное положение из-за ее забывчивости и придерживается тактики компромисса и примирения.

Рассмотрим пример употребления средств смягчения категоричности на уровне содержания, который плавно перетекает в уровень отно-

шений. Обсуждая рабочий процесс, Лена признается Марго в своих симпатиях к Андрею Майорову:

Марго (М.): Лично ты к Андрею никаких антипатий не испытываешь!? И то, что ты проявляешь по отношению к нему, это исключительно по поводу его работы?

Лена (Л.): Да, если честно, то *это единственный человек, которого я просто вот здесь вот, ну, он мне нравится, понимаешь, он мне нравится как человек.*

М.: *Оказывается, ты просто к нему неровно дышишь*, поэтому к нему тогда...

Л.: Я не сказала, что я к нему неровно дышу, Маргош, я просто сказала, *что он мне нравится, он мне нравится как человек, понимаешь! Он мне нравится, как я не знаю, как нормальный мужик!* Когда что-то нет, он может и кулаком, и за нож, и бабе замочить и все такое, *нормальный мужик!*

(«Офис»)

Отвечая на вопрос Марго, Лена выражает свое отношение к Андрею через конкретизацию и повторы, подчеркивая, что на проекте он единственный, кто ей нравится. Через перифразу по отношению к словам Лены (как средство смягчения категоричности, так как используется довольно мягкая формулировка «*неровно дышишь*» вместо «*влюбилась*») Марго пытается больше узнать о чувствах девушки, которая, используя буквальные повторы, пытается донести свою точку зрения до собеседницы, реализуя тактику доверия и искренности.

Средства выражения положительных эмоций демонстрируют следующие примеры на уровне отношений:

Андрей: Да не хочу я прикасаться к ней, она меня начнет целовать, я же знаю.

Женя: Ну, боже мой, ну что же, ну куда деваться-то, ну *ты обаятельный мужчина и что же теперь делать, Розалии повезло!*

(«Офис»)

Женя Макарова, делая комплимент Андрею, успокаивает его после ссоры с Леной, которая легла на его кровать, сглаживая тем самым накаленную обстановку и реализуя тактику похвалы.

Розалия, обсуждая с Леной своего мужа Андрея, также делает комплимент девушке:

Розалия: Да ладно, Лен, вот *ты-то мудрая девушка*, могла бы не издеваться над моим мужем!

Лена: Никто над ним не издевается, он сам кого хочешь достанет! На нем где сядешь, там и слезешь, на вашем Андрюше!

(«Офис»)

Ответ Лены, которая явно не так дружелюбно настроена, как ее собеседница, позволяет нам

предположить, что Розалия через комплимент пытается оставаться в рамках кооперативной стратегии, используя тактику лести.

Рассмотрим другой пример. Андрей разговаривает со своей поклонницей Галиной:

Г.: Андрей, я вам хочу выразить огромную симпатию!

А.: Ой, спасибо! Очень приятно!

Г.: Вы знаете, *Вы самый приятный, Вы самый супер!* Я сначала на вас смотрела, извините, как на придурка, а сейчас вот смотрю, *вы самый здравомыслящий там человек!*

А.: Да это просто обстоятельства такие были, *а так я совсем не придурок, совсем не придурок.*

Г.: Не, это понятно, это же шоу. Ну, вот знаете, чем дальше я смотрю, тем больше убеждаюсь в том, что *боссом должны быть именно Вы!*

А.: Вот эта мысль меня не покидает, не покидает эта мысль меня!

Г.: *Мне так хочется, чтобы Вы встали обратно на это место!*

(«Офис»)

Галина выказывает свое расположение к Андрею с помощью комплиментов, при построении которых используется грамматический параллелизм и положительно окрашенная лексика. Мысль о том, что она хотела бы видеть его боссом, дважды выражена через перифразу, а признание, что вначале она явно не испытывала к Андрею симпатию, свидетельствует о ее искренности.

При кооперативной стратегии общающиеся пытаются поддерживать контакт с помощью так называемых сигналов говорящего и слушающего. К ним относятся и контактоустанавливающие средства, выполняющие следующие функции:

1) привлечение внимания собеседника («*видишь*», «*представляешь*»);

2) контроль за тем, слушает ли нас собеседник («*да?*», «*нет?*»);

3) установление обратной связи, чтобы знать, понимает ли нас слушающий («*понимаешь?*»);

4) выражение просьбы к партнеру согласиться с мнением говорящего («*правда?*», «*верно?*») [15].

Приведем пример употребления сигналов говорящего и слушающего на уровне отношений. Коммуниканты Рустам и Гена в доверительной беседе на крыше обсуждают ребят после того, как они распылили в их сторону огнетушитель:

Гена (Л.): *А знаешь, вот это заселение нас сюда, в заточение...*

Рустам (Р.): ...Оно на многое открыло глаза, *да?*

Г.: ...На многое... Например, что у Сэмика вместо мозгов... *пробка!* То, что *Гобозов* был *пустым барабаном*, это всем известно... Но то, что *Третьяков* – *фашист*, это стало мне только

известно сейчас! Подозрение на то, что он любит мальчиков...

Г.: Потому что его *козявка* уже не устраивает.

Р.: *Слушай*, они не целуются, *Ген!* О чем ты говоришь?! Они не целуются даже...

Г.: А может он?.. *Слушай*, а может он тайком с Сэмиком чем-то занимается? Ты не задавался таким вопросом?

Р.: Ох... *Ты знаешь*, я думаю, что наступит такой момент, когда мы все об этом узнаем что-нибудь, *понимаешь*...

(«Дом-2»)

Интересен тот факт, что собеседники, которые явно относятся к конфликтно-манипуляторскому типу личности [16] (об этом свидетельствуют различные оскорбления, а также использование фамилий без имени в адрес других участников проекта), по отношению друг к другу проявляют себя как кооперативно-комформные типы личности. Коммуниканты используют контактоустанавливающие средства как с целью привлечения внимания собеседника, так и с целью контроля и установления обратной связи.

Для привлечения внимания коммуниканты часто используют обращения. Приобретая стилистическую окраску с помощью деривации, они могут работать как на уровне отношений, так и на уровне содержания на кооперацию и на конфронтацию. Приведем пример, отражающий уровень отношений:

Андрей (А.): Хорошо, какие эмоции вызываю у тебя я?

Люба (Л.): Как друг, как человек – положительные, а...

Камила (К.): А как мужчина негативные!

Л.: Не, *Андрюх*, не негативные, ну никаких пока не вызываешь как мужчина.

(«Дом-2»)

В данном примере суффикс *-юх* в обращении *Андрюх* указывает на доверительное расположение к собеседнику и работает на сотрудничество. Люба, не желая обидеть Андрея утверждением, что он ей не интересен как мужчина, выражается завуалированно, применяя тактику вежливости.

Дальнейший анализ показывает, что нейтральное обращение по имени-отчеству не всегда воспринимается позитивно, так как вежливое обращение может быть колкостью, если присутствует ирония, например, на уровне содержания (в этом диалоге участники, выясняя отношения, попутно говорят о деле, а именно, кто, что и по каким правилам должен делать):

Лена (Л.): Ну как, *Андрей Михалыч*, трудовые будни?

Андрей (А.): Очень хорошо.

Л.: А почему ты с Васькой ругаешься?

А.: Ничего делать не надо и получаешь большую зарплату.

Л.: Я рада за тебя. *Ты*, почему с Васькой ругаешься? Чего ты ему вредишь?

(«Офис»)

Ироническое употребление имени-отчества подтверждается контекстом. Об этом свидетельствуют и обращение на *ты*, и жесткая критика в адрес собеседника. Однако, придерживаясь иронической тактики, собеседники остаются в рамках кооперативной стратегии.

Рассмотрим средства, выражающие волю, желание по отношению к собеседнику на уровне отношений. «Серые кардиналы офиса» Василий и Кристина замышляют очередную интригу против новенькой участницы:

Кристина (К.): *Вась*, почему тебе не нравится кандидатура Скаковской?

В.: Нет, она мне нравится, *но понимаешь*, в чем дело, дело в том, *да*...

К.: У нас с тобой здесь расхождения.

В.: Почему ты так считаешь?

К.: Потому что, *понимаешь*, она, во что бы то ни стало, хочет выиграть. У нее есть вторая мотивация, ей нужны деньги, она всех ненавидит... *Я хочу ей дать власть* и посмотреть... *Я хочу, чтобы Маргарита Скаковская не могла больше сказать, что она всех любит* и что она самый добрый человек на земле, чтобы не осталось уже сомнений никаких по поводу ее личности. *Вот, что я хочу!* *Я не хочу сама в это вмешиваться*, пусть она всем покажет, кто она есть на самом деле!

В.: Да.

(«Офис»)

Кристина через дискредитацию Скаковской и многократные повторы модальной конструкции «*я хочу...*» успешно навязывает свою точку зрения партнеру по коммуникации, применяя тактику заговора. Использование контактоустанавливающих средств, т. е. обращения в целях привлечения внимания и сигналов говорящего и слушающего для установления обратной связи, также способствует реализации выбранной коммуникантами кооперативной стратегии.

В следующих примерах речевого взаимодействия на уровне содержания собеседники также используют средства, выражающие волю и желания по отношению друг к другу. Новый босс Марго говорит с Василием о его работе:

Василий (В.): Что, *Марго*, ты хотела услышать от меня?

Марго (М.): *Сядь, пожалуйста*.

В.: Куда, на пол?

М.: *Василий, возьми стул*.

В.: *Марго, я не хочу говорить здесь на эту тему*.

М.: Василий, я хотела поговорить с тобой о работе.

В.: А я сказал, что на этой неделе я работать не буду, и ты прекрасно знаешь, почему... Все, кто в моем подчинении, всех надо на улицу, а еще лучше в клинику, на опыты.

М.: Ну, это же невозможно, ты же понимаешь, Вася, мы гуманная организация, мы не можем...

В.: Ладно, я хочу, если тебе не сложно, чтоб ты пришла сейчас на кухню и объявила, что я все-таки их начальник, чтоб они не расслабились, хорошо?! Чтобы ты поддержала!

М.: Вася, я вообще считаю, что ты можешь рассчитывать на меня в этом смысле. Твой авторитет должен быть непоколебим!

(«Офис»)

Через повелительные и модальные конструкции «сядь», «не хочу», «не буду», «невозможно», «можешь» собеседники пытаются навязать друг другу свою волю, однако положительный настрой Марго и выбранная ею тактика уступки позволяет коммуникантам реализовать кооперативную стратегию. С целью привлечения внимания собеседники также используют обращения и контактоустанавливающие средства.

Марго пытается восстановить авторитет Василия в глазах участников проекта:

Марго (М.) У вас теперь есть начальник, и его нужно беспрекословно слушаться! Все распоряжения он получает от меня! Кого что не устраивает, лично ко мне! Начальника слушаться, все распоряжения выполнять!

Артем (А.): Марго, может лучше поставить такого человека, которого мы будем уважать!

М.: Подожди, я Василию доверяю, и я его уважаю.

А.: Вопрос в том, видишь ли, доверяют ли Василию другие сотрудники?!

М.: Вы слишком рано беретесь осуждать! Очень легко осуждать, легче легкого, легче простого. Я еще раз говорю, что Василий выполняет здесь функцию меня!

А.: Ладно, ладно.

(«Офис»)

Марго через повторы и перифразу, содержащие инфинитивные конструкции, отдает приказ своим подчиненным, давая тем самым понять, что ни на какие компромиссы она не пойдет и ее воля – закон для подчиненных. Однако, объяснив свою позицию с помощью перифразы и повторов, ей удается реализовать кооперативную стратегию.

Таким образом, анализ употребления языковых средств, реализующих стратегию кооперации с партнером на диктальном и модальном уровнях, показал, что коммуниканты используют средства получения представления о точке зрения говорящего и достижения взаимопонимания (через запрос информации, конкретиза-

цию, синонимические повторы и др.); средства смягчения категоричности (перифразы, конкретизацию, повторы); средства выражения положительных эмоций (комплимент, положительно окрашенную лексику); контактоустанавливающие и контактоподдерживающие средства (различные сигналы говорящего и слушающего, обращения); средства, выражающие волю, желания по отношению к собеседнику (перифраза, модальные конструкции) в тактиках просьбы, доверия, согласия, компромисса, искренности, похвалы, лести, вежливости, иронии, заговора, уступки и комплимента. По нашим наблюдениям, стратегию кооперации часто реализуют не отдельные языковые средства, а целый комплекс. Следует оговорить, что исследование речевых высказываний на разных уровнях условно и предпринято для удобства анализа, так как коммуниканты, говоря о деле, могут одновременно выяснять отношения.

Примечания

1. Леонтьев, А. А. Психология общения [Текст] / А. А. Леонтьев. М., 1997. С. 249–253.

2. Watzlawick, P., Beavin J. H., Jackson, D. D. Menschliche Kommunikation. Formen, Störungen, Paradoxien. Stuttgart, Wien: Hans Hueber. 1972. S. 53–56.

3. Marc, E. L'Interaction Sociale [Text] / E. Marc, D. Picard. Paris: PUF. 1989. P. 43–44.

4. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

5. Сухих, С. А. Прагматическое моделирование коммуникативного процесса [Текст] / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. Краснодар, 1998. С. 42.

6. Тарасова, И. П. Структура смысла и структура личности коммуниканта [Текст] / И. П. Тарасова // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 108–110.

7. Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи [Электронный ресурс] / В. С. Третьякова. [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027\(03_14-2003\)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027(03_14-2003)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp)

8. Там же.

9. Иссерс, О. С. Паша – «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации [Текст] / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 52.

10. Там же.

11. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики [Текст] / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2005. С. 170.

12. Чахоян, А. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка [Текст] / А. П. Чахоян. М., 1979. С. 80–87.

13. Почепцов, Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения: к построению теории прагматического синтаксиса [Текст] / Г. Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 18.

14. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. 1970. № 3. С. 45.

15. Schwitalla, J. Dialogsteuerung. Vorschläge zur Untersuchung [Text] / J. Schwitalla // Projekt

Dialogstrukturen: Ein Arbeitsbericht / Berens F.-J., Jäger K.-H., Schank G., Schwitalla J. München: Hueber. 1976. S. 86; *Schwitalla, J.* Dialogsteuerung in Interviews [Text] / J. Schwitalla. München: Max Hueber Verlag. 1979. S. 90.; *Rath, R.* Kommunikationspraxis: Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch [Text] / R. Rath. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 1979. S. 122–124, 128–130; *Ширяев, Е. Н.* Структура разговорного повествования [Текст] / Е. Н. Ширяев // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 117; *Герасимов, В. И.* Прагматика устного общения [Текст] / В. И. Герасимов, С. А. Ромашко // Звучащий текст: сб. обзоров. ИНИОН. М., 1983. С. 205–207.

16. *Седов, К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К. Ф. Седов. М.: Лабиринт. 2004. С. 88–90.

Д. Р. Фахрутдинова

СТРАТЕГИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ВОЕННОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются способы языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свои – чужие» в американском военном институциональном дискурсе. Данная культурная константа рассматривается как прагматическая доминанта военного дискурса, актуализирующаяся в рамках коммуникативных стратегий идентификации «своих» и «противника».

The paper presented focuses upon the realization of a conceptual opposition «we – they» in the contemporary American military institutional discourse. The structure of the opposition is analyzed through two communicative strategies representing it, i.e. «forming one's own image» strategy and «forming enemy's (other's) image» strategy.

Известно, что структурирование внешнего мира по методу оппозиций восходит к архаическим стадиям культуры, к временам, когда «в основе общественной жизни лежало антитетическое и антагонистическое устройство самого общества, и весь его мыслительный мир был организован по противоположностям этой дуалистической структуры» [1]. Так в недрах архаико-мифологического мышления зародились базовые бинарные оппозиции, отражающие архетипные представления человека об устройстве мира: «мужской – женский», «старший – младший», «верх – низ», «жизнь – смерть», «свет – тьма» и др. Универсальные по своей природе, они сохраняют свое значение и остаются неизменными на всем протяжении человеческого развития. Они воспроизводятся в структурировании социума, отображаются в коммуникативной деятельности людей и находят разнообразное воплощение в языке и культуре народов.

Среди множества бинарных архетипов, определяемых К. Юнгом как «трансцендентные явления, лежащие вне сферы рационального познаваемого, являющиеся общими и врожденными для всего человечества», как «некий набор вечных образов и сюжетов, находящийся в коллективном бессознательном» [2], выделяется культурная константа «свои – чужие», которая выступает в качестве одного из стержневых противопоставлений в жизни и устройстве общества. По мнению Ю. С. Степанова, «это противопоставление в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [3]. Будучи архаической моделью восприятия действительности, лежащей в основе этнического самосознания, концептуальная оппозиция «свои – чужие» предстает как важнейшая модель интерпретации отношений в социуме. В виде коррелирующих противопоставлений «мы – они», «наши – не наши», «мы – чужие», «образ Нас – образ Других», «друг – враг» она находит свою репрезентацию в самых разнообразных видах дискурсивных практик, экземплифицируя стратегии позитивного представления «своих» и негативного представления «чужих».

Дихотомически противопоставленные единицы «свой» и «чужой» являются основными концептами семантической категории «свой круг», которую исследователи относят к базовым когнитивным категориям персуазивного дискурса [4]. Как отмечает О. С. Иссерс, «продуктивность этой категории объясняется гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием: автор осуществляет самопрезентацию, каждый раз заново (в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией) очерчивая «свой круг», отделяя «своих», «наших» от «чужих» [5].

Ставя перед собой задачу описать приемы формирования семантики «своего круга» в военном дискурсе, мы исходим из следующих положений. Само функционирование военного института предопределяет разграничение противостоящих (или противоборствующих во времена конфликта) сил – «своих» и «противника» («врага»). Концепты «свой» и «чужой» эксплицитно либо имплицитно находят свое выражение в жанровом пространстве военного дискурса и обуславливают его конститутивные признаки. Дуальная оппозиция «свои – чужие» выступает как прагматическая доминанта военного дискурса, и апелляция к ней в институциональной коммуникации служит действенным инструментом речевого воздействия на адресата.

Военный дискурс выделяется применительно к современному обществу наряду с другими видами институционального дискурса. Военная

организация, будучи важнейшим социальным институтом, призвана осуществлять одну из основных функций государства – обеспечение его военной безопасности. Военное дело (военная деятельность) характеризуется как чрезвычайно сложная система, функционирование которой обусловлено содержанием военной доктрины, основными направлениями внешней и внутренней политики государства, особенностями господствующего мировоззрения, организационной структурой вооруженных сил и масштабностью решаемых ими задач.

Мы определяем военный дискурс как комплексный коммуникативно-речевой процесс, который включает совокупность устных и письменных текстов, ориентированных на обслуживание сферы военной коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения. Он характеризуется жесткой иерархией базовых участников коммуникации, определенным хронотопом, открытым утверждением ценностей и норм военного института. Цель военного дискурса обуславливается функцией военной организации государства и может быть сформулирована как *управление деятельностью, направленной на обеспечение военной безопасности страны*. Это «глобальное намерение» конкретизируется интенциями, определяющими коммуникативные стратегии и тактики военного дискурса. Последние актуализируются в его жанрах и моделируют их содержательную структуру.

Основу жанрового пространства военного дискурса формируют жанры, составляющие его институциональный компонент: они в наибольшей степени соответствуют ведущей интенции военной коммуникации, полно и точно отражают специфику профессиональной деятельности. К таковым принадлежит военная доктрина государства, представляющая собой текст информационно-прескриптивного характера, который по сути можно отнести к ориентационному жанру. Назначение военной доктрины как «обезличенного высказывания военного института» заключается в том, чтобы сообщить адресату принятую в государстве на данное (определенное) время систему официальных взглядов и положений на сущность, цели, характер возможной будущей войны, на подготовку к ней страны и вооруженных сил, на способы и формы ее ведения. Отсюда правомерно говорить о внешнем и внутреннем адресате военной доктрины. Внешний адресат – это интернациональное мировое сообщество, прежде всего, профессиональное военное сообщество, вооруженные силы страны.

Предметом нашего анализа с точки зрения реализации стратегии дифференциации «своих»

и «чужих» послужили тексты «The National Defense Strategy of the United States of America, 2005» («The NDS»), «2006 Quadrennial Defense Review Report» («QDR»), в совокупности отражающие действующие военные доктринальные установки США [6].

В институциональных жанрах военного дискурса противопоставление «свои – чужие» традиционно предстает как оппозиция «свои силы» – «силы противника», которому предстоит противостоять в случае возникновения военного конфликта. При этом в основе идентификации «своих» лежит эксплицитная самоподача с целью создания максимально привлекательного образа, «противник» как некая определенная страна (ее вооруженные силы) напрямую не обозначается, это противник гипотетический (would-be opponent), не имеющий «географической прописки», его наличие подразумевается и маркируется на имплицитном уровне через идеологические коннотации и тональность дискурса. Такой подход, естественный по своей сути, лежит в основе официальных документов мирного времени. Военное противостояние государств вносит закономерные коррективы в композиционно-содержательную структуру жанровых образцов военного дискурса. Характерная для кризисного исторического времени гиперактуализация оппозиции «свой – чужой» неминуемо приводит к идентификации «противника»: он обретает свое лицо и получает существенные характеристики, его образ конструируется с помощью специальных маркеров.

Так, рефреном действующей военной доктрины США звучит фраза «*America is a nation at war*», подтверждающая статус воюющего на сегодняшний день государства. Как показывает анализ материала, суггестивный потенциал названных документов военного ведомства США обращен на то, чтобы а) создать в сознании реципиента образ супердержавы, мирового лидера, чья военная мощь и военно-политическая деятельность направлены на борьбу с международным терроризмом, поддержание мира и стабильности; б) способствовать осознанию реципиентом масштабы существующих в мире угроз и вызовов; в) нацелить Вооруженные Силы страны на принятие конкретных мер по предотвращению реальных и возникающих для безопасности США и ее союзников асимметричных угроз. Данные коммуникативные интенции определяют реализуемые в дискурсивном пространстве военной доктрины стратегии и тактики, в основе которых лежит дихотомия «свои – чужие». Дифференциация этих категориальных концептов актуализируется в рамках коммуникативных стратегий идентификации «своих» и идентификации «противника», каждая из которых представлена

«номенклатурой типовых тактик». В рамках данной статьи мы рассмотрим наиболее характерные коммуникативные тактики, репрезентирующие эти стратегии, и определим языковые средства их реализации.

Стратегия идентификации «своих» соотносится с целью конструирования позитивного образа страны и, прежде всего ее Вооруженных Сил. Изначально она реализуется через тактику отождествления, которая тесно связана с выбором имиджа.

На мировой арене США традиционно позиционируют себя как страну – поборницу демократических прав и свобод. Трагические события 11 сентября 2001 г., ставшие новой точкой отсчета в современной истории Америки, и последовавшие за этим военные операции в Афганистане и Ираке обусловили ее вхождение в еще один образ – непримиримого борца с международным терроризмом и экстремизмом. Актуализация этих образов осуществляется на эксплицитном уровне. США – страна, приверженная идеалам демократии: *We will use our position “to build a safer, better world that favors human freedom, democracy, and free enterprise”* («The NDS»). США – страна, ведущая войну против экстремизма: *Since the attacks of September 11, 2001, our Nation has fought a global war against violent extremists who use terrorism as their weapon of choice, and who seek to destroy our free way of life* («QDR»).

Эксплицитное обозначение получают и доминанты имиджа Вооруженных Сил страны. Армия предстает в образе стража мира и интересов США: *The US Armed Forces protect and advance U.S. interests and values. They are often asked to be protectors of the peace and providers of relief. They are a force for good* («QDR»). Армия США – самая сильная в мире: *The U.S. military predominates in the world in traditional forms of warfare* («The NDS»). Армия США – «освободительница», гарант демократических преобразований и свобод: *Since 2001, U.S. forces have helped to establish the Afghan National Army, to support their first free election in a generation, and to set security conditions for enduring freedom in Afghanistan* («QDR»). *The international coalition is succeeding in setting security conditions for the emergence of a democratic Iraq* («QDR»).

Армия США – это «спасительница», сила, которая первой оказывается в районах стихийных бедствий и решает задачи по оказанию гуманитарной помощи: *U.S. forces continue to conduct humanitarian assistance and disaster relief operations around the globe* («QDR»). При описании конкретных примеров оказания армией гуманитарной и стабилизационной помощи постоянно акцентируется **скорость** действий армейских

подразделений: *early action, speedy transfer of responsibility, among the first on the scene, at the vanguard of an international effort to provide relief. US military hospitals were quickly established; The US Pacific Command, US Transportation Command responded rapidly, deploying a Joint Task Force to Thailand, Indonesia and Sri Lanka within five days of the catastrophe. Strategic airlift, supplemented by the arrival of an aircraft carrier, amphibious ships, and a hospital ship provided urgent relief* («QDR»). Объем гуманитарной помощи эксплицитно повторяющаяся метафора «потока»: *the flow of aid; the flow of humanitarian assistance*.

Тактика самопрославления. В рамках данной тактики подчеркивается исключительная роль США на мировой арене, сила политического влияния, лидерство страны в международных организациях, превосходящая военная мощь, экономический, технологический и культурный потенциал: *our leading position in world affairs, our strength as a nation state, our capacity to influence global events, our advantages in political, economic, technological, and cultural elements of national power* («QDR»). *We will have no global peer competitor and will remain unmatched in traditional military capability. We will continue to play leading roles on issues of common international concern and will retain influence worldwide* («The NDS»).

В связи с этим закономерен наблюдаемый здесь коммуникативный прием **демонстрации права сильного**, который констатирует право США в одиночку, по своему усмотрению решать вопрос о нанесении ударов для предотвращения террористической угрозы: *We will defeat adversaries at the time, place, and in the manner of our choosing* («The NDS»). Свой долг США видят в том, чтобы принимать меры в отношении зреющих угроз еще до того, как они окончательно сформируются: *The United States must defeat the most dangerous challenges early and at a safe distance, before they are allowed to mature* («The NDS»). Так доктрина демонстрирует открытое присвоение страной имиджа вершителя судеб мира.

Тактика позиционирования союзников. Для США, как, впрочем, и для любого государства, очень важно иметь на международной арене сильных союзников – это рассматривается как необходимое условие создания системы коллективной безопасности: *The nation's alliances provide a foundation for working to address common security challenges* («QDR»). *Shared principles, a common view of threats, and commitment to cooperation provide far greater security than we could achieve on our own* («The NDS»). В исследуемых документах последовательно акцентируется мысль об исключительной роли коалиции стран во главе с США в объявленной войне против международного терроризма: *In Afghanistan, a multinational*

coalition defeated a regime that provided one of the world's principal havens for terrorists. In Iraq, an American-led effort toppled the regime of Saddam Hussein <...> («The NDS»). The ability of the United States and its allies to work together to influence the global environment is fundamental to defeating terrorist networks («QDR»).

На лексико-семантическом уровне средствами реализации данной тактики служат языковые единицы со значением совместности и собираемости, которые представлены: а) местоимениями: *we, our, us, ourselves*; б) существительными: *allies, (key) partners, friends, alliances, partnerships, circle (of security partners), coalition, cooperation, community, network integration* и др.; в) прилагательными и причастиями: *international, multinational, common, collective, united, shared* и др.; г) глаголами и глагольными словосочетаниями: *share, work together, act with others, develop partnerships, build a world, fulfill (alliance) commitments, lend assistance, use/ meet collectively*.

Интеграция усилий США и их союзников описывается в доктринальных текстах исключительно посредством возвышенно-эмоциональной лексики оценочного свойства: *an unprecedented level of international cooperation; the nation's greatest sources of strength; a principal source of our strength, the benefit of strong international partnerships*.

Семантический повтор на лексическом и синтаксическом уровнях, обилие оценочных и экспрессивно окрашенных единиц, активно участвующих в реализации данной тактики, служит действенной мерой внушения, о которой еще в 1903 г. В. М. Бехтерев писал: «Внушение может быть введено в психическую сферу или мало-помалу путем постоянных заявлений одного и того же рода и уговора, или же сразу наподобие повелительного приказа» [7]. Для адресанта крайне важно представить взгляды на решение обозначенных в документах военных и военно-политических проблем настоящего и обозримого будущего, как коллегиально выработанное мнение США и его союзников. Так формируется «свой круг» – круг единомышленников, друзей, партнеров, география которых обширна, так на языковом уровне осуществляется легитимизация процесса военного вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Стратегия идентификации «противника» соотносится с целью конструирования образа врага, против которого США и их союзники ведут длительную войну (*fighting the long war*), получившую красноречивое название *Global War on Terrorism*. Главный враг – это международный терроризм и экстремизм: *The enemies in this war are not traditional conventional military forces but rather dispersed, global terrorist networks <...> («QDR»). Today's war is against terrorist extremist networks, including their state and non-state*

supporters («NDS»). Адресант достигает своей цели, определив характер глобальных угроз, существующих сегодня в мире, и прямо указав на силы, эти угрозы олицетворяющие. Следовательно, мы можем говорить о реализации в рамках названной стратегии тактики номинации противника и тактики вычленения угроз.

Тактика номинации противника. Р. М. Бларкар в статье «Язык как инструмент социальной власти» писал: «Выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь» [8]. Номинация «чужих» в пространстве военной доктрины разворачивается по принципу от «общего» к «конкретному»: *enemies, opponents, adversaries, terrorists, extremists, insurgents, paramilitaries, criminals, regional rivals, terrorist groups, hostile non-state actors, non-state terrorist networks, terrorist organizations 6 the Taliban and their associates, the Al-Qaeda terrorist network, regime of Saddam Hussein*. Использование существительных во множественном числе (*enemies, opponents, adversaries, terrorists, extremists* и т. п.) и существительных с семой неопределенного количества (*groups, networks, organizations, movements, a collection of, some hostile forces*) создает образ противника как обобщенного неперсонифицированного субъекта, несущего агрессию, дестабилизацию и деструкцию. Персонификация же «противника» сопровождается его жесткой отрицательной характеристикой, в основе которой лежат приемы обличения и обвинения: *the Taliban's repressive theocratic dictatorship, the tyrannical regime of Saddam Hussein, a vicious tyranny in Iraq*. У адресата не должно быть сомнений о сути политических режимов как в Афганистане: *a regime that provided one of the world's principal havens for terrorists («NDS»)*, так и в Ираке: *the regime of Saddam Hussein – a tyrant who used weapons of mass destruction, supported terrorists, terrorized his population, and threatened his neighbors («NDS»); <...> a vicious tyranny, in which government authority stemmed solely from fear, terror, and brutality («QDR»).*

Так в сознание реципиента внедряется образ «чужого», угрожающего не только США, но и всему остальному миру: *regimes; powerful states that embarked on aggressive courses; ungoverned areas; dictatorships; weak states*, причем термин *regime* употребляется в доктрине в оценочно-негативном смысле для характеристики недемократических, антигуманных государств и правительств. На этом фоне становится особенно заметной клишированность оценки, приводящая к тому, что используемые в документах выражения обретают статус фразеологизированных речевых паттернов, обладающих высокой воспро-

изводимостью: *safe havens for terrorists; crucial battleground; enemies of freedom; rogue states; problem states; asymmetric threats; adaptive adversaries; terrorist extremist networks.*

Следует отметить тот весьма существенный факт, что, идентифицируя противника, американцам крайне важно дать понять миру, особенно мусульманскому, что США ведут войну против исламских экстремистов, а не против Ислама вообще: *<...> Reinforcing the message that the Global War on Terrorism is not a war against Islam, but rather is an outgrowth of a civil war within Islam between extremists and those who oppose them («NDS»).*

Воссозданию образа противника наряду с приемами негативной оценки и критики содействует также прием устрашения. Он выражается в описании устремлений и действий террористов и экстремистов, направленных на подрыв мирного сосуществования государств, разрушение традиционных устоев и ценностей американского общества: *multi-national and multi-ethnic networks of terrorists are hostile to freedom, democracy, and other U.S. interests; use attacks to perturb the international community; seek to break the will of nations; use intimidation, propaganda and indiscriminate violence in an attempt to subjugate the Muslim world under a radical theocratic tyranny; seek nuclear and biological weapons, to commit mass murder; bleed the United States, terrorize our population, undermine our partnerships, and erode our global influence; kill ordinary people of all faiths and ethnicities alike; oppose globalization and the expansion of freedom it brings.*

В семиотическом смысле стратегия устрашения – это создание знаков страха и дискурсивное оперирование ими. Глагольные словосочетания, описывающие действия и планы экстремистов, выступают в доктрине как инструмент психолого-идеологического воздействия. Неслучайно война, которую ведут США и их союзники, провозглашается как война и идеологий тоже: *This war is both a battle of arms and a battle of ideas – a fight against terrorist networks and against their murderous ideology («QDR»).* Мы видим, что борьба сознаний и борьба за овладение чужим сознанием с целью доминирования и получения преимущества в конкретном противостоянии обеспечивается двояко: во-первых, демонстрацией собственного могущества и силы врагу и, во-вторых, за счет создания у социума, как своего, так и социума противной стороны, собственного позитивного имиджа.

Тактика вычленения угроз. Исследование показывает, что в основе данной тактики лежат логические приемы классификации, обобщения и обращения к дефинициям. Профессиональное военное сообщество должно иметь четкое представление о

потенциальных и существующих для национальной безопасности США угрозах, чтобы адекватно им противостоять. Здесь актуализируется экспликативная (объяснительная) функция доктрины, заключающаяся в толковании фактов, т. е. в описании характера угроз и в прогнозировании событий – описании ответных мер, которые должны предпринять вооруженные силы страны. Именно в рамках данной тактики мы наблюдаем, как образный, характеризующийся гипероценочностью язык сменяется «сухим», насыщенным военной терминологической лексикой языком, репрезентирующим сферу профессиональных знаний и понятий.

Угрозы (*challenges*) подразделяются в доктрине на четыре группы: *An array of traditional, irregular, catastrophic, and disruptive capabilities and methods threaten U.S. interests («NDS»).* Они не существуют строго по отдельности и могут применяться противоборствующей стороной в комплексе: *These categories overlap. <...> ...our adversaries in Iraq and Afghanistan presented both traditional and irregular challenges. Terrorist groups like al Qaeda are irregular threats but also actively seek catastrophic capabilities. North Korea at once poses traditional, irregular, and catastrophic challenges («NDS»).* В описании каждого типа угроз господствуют существенные с семантикой генерализации, которые обладают устойчивой повторяемостью в сходных контекстах и являются стереотипными компонентами содержательной и формальной организации доктринальных текстов: *armies, navies, and air forces (traditional challenges); terrorism and insurgency, political, religious, and ethnic extremism (irregular challenges); proliferation of weapons of mass destruction (WMD) (catastrophic challenges); advances in biotechnology, cyber operations, space, or directed-energy weapons (disruptive challenges) («NDS»).*

К специфическим особенностям содержательного построения американской военной доктрины следует отнести то, что вычленение угроз сопровождается своеобразной оценочной классификацией стран мирового содружества, где наряду с четким противопоставлением «своих» (*allies, international strategic partners*) и «чужих» (*problem states, rogue states* – здесь можно говорить о т.н. приеме «наवेशивания ярлыков») появляется третья сторона, обозначаемая как «*key states*», «*major and emerging powers*», «*responsive stakeholders*». Речь идет о России, Китае и Индии, которые рассматриваются американской стороной как партнеры, готовые взять на себя вместе с США ответственность за международную безопасность: *India, Russia and China will be key factors in determining the international security environment of the 21st century («QDR»).* Доктрина определяет статус этих стран и сферы возможного взаимовыгодного сотрудничества.

В то же время особо оговариваются направления их деятельности, которые вызывают озабоченность, тревогу и откровенное неприятие США, и расцениваются как угрожающие безопасности США факторы: *Internationally, the United States welcomes Russia as a constructive partner but views with increasing concern its sales of disruptive weapons technologies abroad and actions that compromise the political and economic independence and territorial integrity of other states* («QDR»). *China continues to invest heavily in its military, particularly in its strategic arsenal and capabilities designed to improve its ability to project power beyond its borders. The United States encourages China to take actions to make its intentions clear and clarify its military plans* («QDR»).

Резюмируем. Концептуальная оппозиция «свои – чужие» как прагматическая доминанта национального военного институционального дискурса актуализируется в рамках коммуникативных стратегий идентификации «своих» и «противника». Реализующие данные стратегии тактики способствуют внедрению в сознание адресата положительного образа «своих» и отрицательного образа «противника». Усиление воздействующего потенциала создаваемых образов достигается за счет а) целенаправленного подбора языковых единиц, интенсификации позитивного и негативного признаков средствами семантической гиперболизации оценки; б) большого удельного веса национал-патриотической риторики, которая присутствует наряду с базовыми для подобного рода текстотипов клише профессионального военного подъязыка. Реальность такова, что более уместные в политической коммуникации, нежели в официальном военном документе, патетические военно-политизированные клише стали неотъемлемой частью прототипных жанров военного национального дискурса США (яркий тому пример и воинские уставы).

В целом реализация стратегий идентификации «своих» и «чужих» направлена на убеждение адресата в обоснованности отношения к каким-либо идеям, целям, ценностям, личностям и группам и выработку у адресата нужной позиции в плане идентификации этих объектов.

Примечания

1. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хейзинга; пер. с нидерланд. М.: Прогресс, 1992. С. 68; Уваров, М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры [Электронный ресурс] / М. С. Уваров. СПб.: БГТУ, 1996. 214 с. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/uvarov/01/01.html>, свободный. Загл. с экрана.

2. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов [Текст] / К. Г. Юнг; пер. с англ. М.; Киев: Порт-Рояль-Совершенство, 1997. С. 230.

3. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. М., 2001. С. 126.

4. Китайгородская, М. В. «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 93–116; Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич // Новое в жизни, науке и технике. 1991. № 10. С. 40–48.

5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. М.: КомКнига, 2006. С. 45–46.

6. The National Defense Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.defense-link.mil/news/Mar2005/d20050318nds1.pdf>, свободный. Загл. с экрана; 2006 Quadrennial Defense Review Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/awc-doct.htm>, свободный. Загл. с экрана.

7. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 62.

8. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном контексте) [Текст] / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.

А. Р. Закирова

РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ УВЕРЕННОСТЬ НА КОММУНИКАТИВНОМ УРОВНЕ

Данная статья посвящена модальным лексическим единицам со значением уверенности и их роли на коммуникативном уровне. В ней также рассматриваются средства передачи модальности, морфологический, синтаксический и коммуникативный статус модальных лексических единиц, коммуникативная модальность. Автор делает ряд выводов, согласно которым, исследуя выражение концепта «уверенность» в языке, нельзя не заметить модальную окраску уверенности говорящего в мысли, выраженной в предложении. Кроме того, затрагиваются терминологические проблемы, связанные с описанием модальных лексических единиц, а также теоретические предпосылки для выделения и описания их позиции в предложениях.

The article is devoted to the modal lexical items denoting certainty and their role on the communicative level. This article also deals with the means of modality transmission, morphological, syntactical and communicative statuses of modal lexical items, communicative modality. Analyzing this question it is worth emphasizing that researching the representation of the concept «certainty» in the language, you can't but notice the modal tinge of the speaker's certainty in the thought, expressed in the sentence. Besides, it is necessary to point out that the article concentrates on terminological problems, connected with the description of modal lexical items. Moreover, it reflects the theoretical preconditions required by the emphasizing and description of their position in sentences.

© Закирова А. Р., 2008

Лингвистика прошла долгий и извилистый путь в исследовании модальности, основываясь на достижениях логики, семиотики и психологии. Однако модальность до сих пор не получила полного объяснения в связи с ее многоплановостью, специфичностью языкового выражения и функциональными особенностями. Исследователи дают разные определения категории «модальность». Модальные лексические единицы имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего в мысли выраженной в предложении. Модальные слова выполняют функцию вводного члена предложения и обычно относятся ко всему предложению в целом. Однако не всякое слово, выступающее в роли вводного члена предложения, относится к классу модальных слов. Модальные слова – особая часть речи, а в роли вводных членов могут выступать и другие части речи и сочетания слов: наречия, предложные обороты, инфинитивные конструкции и т. д. К модальным словам как части речи относятся только слова, которые всегда, во всех случаях употребляются в роли вводного члена предложения.

Рассмотрев данные определения модальных слов, мы можем сказать, что модальные лексические единицы занимают особое место в системе частей речи. Их общее грамматическое значение связано с выражением модальности, то есть отношения сообщения к реальности, которое устанавливается говорящим лицом.

Модальные лексические единицы – это часть речи, сейчас находящаяся в процессе оформления и развития. Она продолжает пополняться новыми словами, развивающимися из наречий, семантика которых может способствовать развитию абстрагированного значения субъективного отношения к высказыванию.

Модальные лексические единицы выражают:

а) логическую оценку высказывания, реальность сообщаемого: *действительно, безусловно, несомненно, конечно, бесспорно, очевидно, разумеется* и др.;

б) возможность, вероятность сообщаемого, предположение, сомнение в его достоверности: *возможно, вероятно, наверно, видимо, видно, по-видимому, кажется, пожалуй* и др.

Исследуя выражение концепта «уверенность» в языке, нельзя не заметить модальную окраску уверенности говорящего в мысли, обозначенной в предложении. Выражая уверенность, субъект обнаруживает тем самым свое отношение к высказываемой идее, свою оценку выраженной мысли, имеющей непосредственное отношение к действительности. В современном английском языке к модальным словам, выражающим уверенность, относят следующие слова: *certainly, of course, no doubt, apparently, surely, undoubtedly,*

assuredly, actually, obviously, naturally, evidently, indeed, possibly, probably, course, to be sure, sure enough, really, exactly, positively, precisely, right, undoubtedly.

Лексико-семантическая группа модальных наречий со значением «уверенность» требует обращения к целому ряду проблем, общих и частных. Такими общими проблемами являются статус модальных наречий на глубинном уровне, коммуникативная модальность, теория поля, синонимия. Частные проблемы включают в себя морфологический, синтаксический и коммуникативный статус модальных лексических единиц, терминологические проблемы, связанные с описанием модальных лексических единиц, теоретические предпосылки для выделения и описания позиции модальных лексических единиц в предложении.

Присущая модальным лексическим единицам как наречиям предикативность особенно отчетливо проявляется на глубинном уровне. При установлении иерархических отношений выяснилось, что модальные наречия являются включающими предикатами, на базе которых может быть образовано предложение, способное синтаксически подчинить себе другое предложение, причем статус включающего предиката влияет на синтаксические характеристики модальных лексических единиц даже в том случае, если они употреблены в предложении в функции модальной парентезы.

Модальность изучается в терминах поля. Понятие поля, традиционно называемого семантическим, появилось в лингвистике в XIX в. в связи с системным изучением лексики. В настоящее время выделяют: парадигматические, синтагматические и комбинированные поля [1]. При этом комбинированные включают в себя два подхода: синтагматический и парадигматический. Семантические поля выделяют на основании разных критериев: 1) семантико-логического, 2) структурного, 3) психофизического, 3) психолингвистического, 4) функционально-семантического.

Лингвистическая (коммуникативная) модальность – универсальная категория, проявляющаяся в каждом речевом акте: каждое высказывание включает в себя такой конструктивный признак, как модальное значение [2]. В любом высказывании выделяют две составляющие – модус и диктум, или текст и метатекст, или информативный и оценочный элемент. Под первыми понимается присущая каждому высказыванию субъективная оценка, под вторыми – содержащаяся в этом высказывании информация, подлежащая оценке со стороны субъекта высказывания. Таким образом, коммуникативная модальность всегда предполагает наличие субъекта, производящего высказывание. Она принадлежит к

числу центральных языковых категорий. Коммуникативная модальность есть способ манифестации субъекта высказывания. Степень эксплицитности выражения модуса в предложении может быть различной: от отдельного предложения до полной имплицитности. Модальности в предложении могут накладываться или дублироваться, образуя иерархию. Как правило, модальное значение уверенности не имеет специальной формы выражения и передается типом предложения и наклонением – повествовательное утвердительное предложение в изъявительном наклонении. Одним из способов экспликации и усиления этого модального значения является употребление модальных лексических единиц группы, выражающей «уверенность», наряду с целым рядом других средств, таких, как логическое и эмфатическое ударение, наложение модального значения на немодальную лексику. Таким образом, в английском языке существует обширное лексико-грамматическое поле с модальным значением уверенности, фрагментом которого является лексико-грамматическое поле, образованное модальными наречиями группы *certainly* и их функциональными эквивалентами, используемыми в предложении в качестве модальной парентезы, а на коммуникативном уровне выполняющими функцию модуса со значением уверенности. Значение элементов этого поля – модальных лексических единиц группы *certainly* – складывается из показателей четырех уровней: семантического, морфологического, синтаксического и коммуникативного, – поэтому можно говорить о его многоуровневой природе. Рассматриваемое поле организовано по принципу синонимии.

Коммуникативный уровень – это уровень непосредственного общения, когда в той или иной форме эксплицитован субъект высказывания и актуализирована дихотомия модус диктум. Единицей сообщения на коммуникативном уровне является не предложение, а высказывание [3]. Как полагает Н. Д. Арутюнова, предложения вместе с другими синтаксическими конструкциями образуют синтаксическую систему языка и изучаются формально-грамматическим, конструктивным синтаксисом как абстрактная, виртуальная единица, описываемая в отвлечении от ее лексического наполнения и выражаемого в ней коммуникативного задания. Высказывания, независимо от их строения, продолжает Н. Д. Арутюнова, представляют собой единицы речи, сообщения, изучаемые в рамках актуального (коммуникативного, функционального) синтаксиса в связи с выражаемыми или коммуникативным заданием, ситуативными значениями. Таким образом, предложение изучается в отвлечении от выражаемого в нем коммуникативного задания, иначе – коммуникативной функции, а высказы-

вания изучаются в связи с выражаемым ими коммуникативным заданием и распределением динамических центров.

Согласно А. А. Киселевой, коммуникативная функция (функция общения, обмена языковой информацией) образует первый ярус в иерархии функций языка [4], несмотря на то, что предложение изучается в отрыве от коммуникативного задания (коммуникативной функции), тем не менее в нем нельзя элиминировать материальные следы коммуникативного задания, поэтому, говоря о предложении, Н. Д. Арутюнова тоже выделяет две функции синтагматической организации предложения: номинация события и выражение коммуникативного задания.

Как уже говорилось, на коммуникативном уровне актуализируется оппозиция модус. Модус, присутствуя в каждом высказывании, не всегда эксплицитован в предложении. Для анализируемой группы модальных лексических единиц, являющихся одним из способов экспликации модуса, коммуникативное задание состоит в передаче говорящим модальной оценки уверенности.

Рассмотрим следующие высказывания.

1. *It is certain* that two and two make four [5].
2. He will *certainly* die if you don't get a doctor [6].
3. It *sure* was cold *Surely* [7].
4. I've met you before somewhere [8].
5. He meant to help, *no doubt*, but in fact he has been a hindrance [9].
6. The moon goes round the earth and the earth goes round the sun [10].

В таком развернутом виде, как пример (1), данный модус обычно не употребляется, а редуцируется до одной лексической единицы, примеры (2), (3), (4), (5), причем последняя либо примыкает к диктуму, либо инкорпорирована в него. Модус может быть редуцирован до нуля, как в примере (6), то есть в этом случае мы имеем дело с неполнозначным модусом. Именно поэтому иногда говорят об избыточности или плеонастичности модуса.

Манифестация модального значения уверенности связана с распределением динамических центров (распределением информации в тексте). Для того чтобы модальное значение уверенности могло реализоваться в тексте, необходимо, чтобы модальная лексическая единица находилась в рематической части высказывания, в противном случае происходит нейтрализация указанного модального значения, и модус, выраженный одной из модальных лексических единиц, выступает как плеонастический или риторический элемент, указывая скорее на общеизвестность, банальность сообщаемого факта, чем на эмфатическое подтверждение точки зрения говорящего. Указанное явление тоже может быть причиной

того, что, как уже говорилось выше, иногда говорят о плеонастичности модальных лексических единиц.

На уровне текста оценочный компонент обычно относится к составу нового, а объект оценки может относиться как к составу нового, так и к составу данного. Рематической является препозиция относительно предложения, если содержание объекта оценки известно из предшествующего предложения. Связь между модальностью уверенности и распределением информации в тексте может быть представлена следующим примером:

"They are Americans", said Mr. Bone. "Assuredly, they are Americans" [11].

Рассматривая модальные наречия, А. М. Медведева приходит к выводу о том, что модальные наречия, употребляемые вводно, могут находиться в начале предложения, предваряя, как это свойственно модусу, диктум и выполняя роль добавочной ремы, пример А. М. Медведевой: "Undoubtedly it awoke some memory in him".

Способом экспликации рематического характера употребления модальных лексических единиц может быть эллипсис тематической части высказывания в силу того, что элиминируются прежде всего тематические элементы высказывания, в которых не эксплицирована тема. Употребление модальных лексических единиц в условиях полного эллипсиса очень типично для диалогической речи:

"...would you mind if I tried it, too?"

"Certainly", he answered.

Средством указания на рематическое употребление модальных лексических единиц может служить логическое или эмфатическое ударение. Именно логическое ударение однозначно выражает рему – смысловой центр сообщения. Наряду с логическим ударением такую же функцию выполняет эмфатическое ударение. Приведем пример: "I certainly didn't take it then".

Еще одним способом помещения модальных лексических единиц в рематическую позицию можно считать так называемое расчленение предложения:

I had been in states like this before. Possessing the salt of Mohammed or Buddha I could have founded a religion. Doubtless. It is that I would not have had too many followers.

С другой стороны, формальными признаками тематического (нейтрализованного) употребления модальных лексических единиц будет перенос логического ударения на глагол.

I could deny it if I liked.

I could deny anything if I liked.

But my name certainly is John. It has been John for years [O. Wilde].

Другим фактором, вызывающим нейтрализацию модального значения уверенности, можно считать употребление модальных лексических единиц в конструкции с уступительным *but*:

"Certainly, it's true that ..... but on the other hand" [O. Wilde]. Функционально ослабленной является также постпозиция относительно предложения:

"A bad business, certainly, if one had to go" [J. B. Priestley].

Именно поэтому вводится прием расчленения, о котором говорилось выше, если нужно передать модальное значение уверенности. Выделение двух противоположных значений: уверенности и общеизвестности еще раз подтверждает тот факт, что мы имеем дело с полевой структурой, организованной по принципу синонимии, а не просто с синонимическим рядом.

Как уже было отмечено выше, наряду с модальными наречиями группы *certainly* используют и другие средства: логическое ударение, наложение модального значения на немодальную лексику и изъявительное наклонение в сочетании с соответствующим типом наклонения. Этот набор средств передачи модальности можно рассматривать как многоуровневое лексико-грамматическое поле, фрагментом которого является поле, образованное лексическими единицами группы, выражающими уверенность, модальное значение которых реализуется не только в определенных синтаксических условиях, но также требует определенного сочетания характеристик и на других уровнях: семантическом, морфологическом и коммуникативном.

Примечания

1. Васильев, А. М. Теория семантических полей [Текст] / А. М. Васильев // Вопр. языкознания. 1971. № 5. С. 108.

2. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 55.

3. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156–249.

4. Киселева, А. А. Коммуникативные языковые функции и семантическое строение словесного значения [Текст] / А. А. Киселева // Проблемы семантики. М., 1974. С. 66–75.

5. Christie, A. Funerals are fatal [Text] / A. Christie // Penguin Books. 1999. P. 152.

6. Там же. С. 152.

7. Там же. С. 105.

8. Там же. С. 115.

9. Там же. С. 230.

10. Там же. С. 162.

11. Там же. С. 136.

И. В. Вашунина

ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются возможности визуального представления различных видов информации. Иллюстрирование текста всегда вызывает определенное изменение восприятия содержания вербального текста. С одной стороны, иллюстрация привносит дополнительное содержание, а с другой – она обедняет образы, возникающие в сознании реципиентов при восприятии вербального текста, путем их конкретизации в изображении.

In the article possibilities of different information kinds visual presentation are considered. Text illustration always cause certain change of verbal text contents reception. On the one hand illustration contribute additional content, on the other hand it reduce images appearing in recipients consciousness while verbal text receiving by means of their concretization in illustration.

Сопровождая изображениями вербальные тексты, авторы, с одной стороны, преследуют цель «оживить» и украсить сообщение, а с другой – стремятся к улучшению восприятия информации путем двойного кодирования: вербального и визуального. Несомненно, красивая иллюстрация украшает вербальный текст, делает его более привлекательным для читателей. В принципе, верно и то, что представление информации двумя способами – вербальным и визуальным – облегчает ее получение из сообщения. При этом может упускаться из виду тот факт, что каждый из способов представления информации имеет свои особенности, которые объясняются существованием формальной стороны как вербального текста, так и изображения. Форма не только накладывает определенные ограничения на передаваемую информацию (отображается лишь то, что может быть передано вербально или визуально), но и имеет свое содержание, которое присутствует при употреблении этой формы независимо от намерений автора.

Обсуждая проблему иллюстрирования, мы имеем в виду «добросовестных» иллюстраторов и предполагаем, что содержание вербального текста и содержание иллюстрации находятся в отношениях перекрещивания, а в основе содержания иллюстрации лежит содержательно-фактуальная информация вербального текста. Совершенно очевидно, что в силу особенностей материальной формы на иллюстрации не может изображаться развертывание действия, последовательность событий, описываемых в тексте (комикс не имеется в виду). Сложно также визуализировать большой объем информации. Поскольку вся тек-

стовая информация не может быть представлена визуально (тексты, состоящие из нескольких слов, нами не рассматриваются), художник должен с самого начала определить, какую именно информацию он собирается визуализировать. Этот выбор оказывает сильное влияние на реципиентов, поскольку им сразу же дается фокус восприятия вербального текста. Однако иллюстрация не только содержательно редуцирует вербальный текст, она также дополняет его.

Образ, возникающий в сознании реципиента при восприятии лексической единицы, имеет определенную степень абстрактности. Он лишен некоторых деталей и характеристик, имеющих у реальных объектов. На изображении эти не упоминаемые в тексте характеристики могут появиться. Разумеется, если в тексте нет указаний на свойства объекта (его цвет, размер и т. д.), то выбор остается за иллюстратором. Тогда он управляет восприятием изображаемого объекта, приписывая ему характеристики, которые оказывают определенное воздействие на реципиента. Например, необходимыми элементами при изображении лиственного дерева являются ствол и крона. Если в вербальном тексте нет никаких указаний, иллюстратор сам выбирает толщину, высоту, наклон, изгиб ствола и конкретную форму кроны. Представим себе длинные тонкие, короткие толстые, наклоненные вправо или влево, по-разному изогнутые стволы в сочетании с редкими, густыми, круглыми, «буйными», плоскими кронами. Все это будут геометрические фигуры, различно воздействующие на реципиента. При помощи геометрической формы можно регулировать восприятие таких параметров, как «упорядоченность/хаос», «сила/слабость», «активность/пассивность». В случае если речь идет об изображении объектов, имеющих естественный цвет (форму), который входит в состав образа объекта (например, животные, растения), и иллюстратор намеревается максимально точно отобразить содержание вербального текста, то вопрос о цвете (форме) не встает, выбор предопределен заранее. Если же объект изображения естественного цвета не имеет, то иллюстратор может принимать решение о цветовом оформлении, опираясь на другие виды информации, содержащиеся в вербальном тексте (к этому вопросу мы вернемся ниже). Компоненты формальной стороны иллюстрации могут вызывать различные ассоциации (например, в случае если изображенный объект похож на какой-либо другой объект), мотивированные или не мотивированные содержанием текста.

Но и будучи упомянутыми в тексте, многие характеристики объектов при визуализации получают несколько иное содержание. В связи с этим встает вопрос: а возможно ли вообще без

искажений перевести слово в рисунок? Л. А. Соколов отмечает, что «само различие знаковых систем исключает структурное тождество оригиналу» [1].

Пространственные представления, по мнению исследователей, с трудом подлежат вербализации. «Вербальные представления о пространстве крайне бедны и средства описания его очень ограничены. Напротив, перцептивные представления и средства ориентации в пространстве чрезвычайно богаты», – пишет В. П. Зинченко [2]. Из этого следует, что, переводя слова текста в рисунок, иллюстратор встает перед проблемой расположения элементов на иллюстрации, проблемой, которую он всегда решает практически самостоятельно (в тексте могут быть лишь общие указания «справа», «далеко», «внизу»). Посредством организации пространства художник регулирует распределение внимания реципиентов, влияет на восприятие таких параметров, как «упорядоченность/хаос», «активность/пассивность», «положительная/отрицательная динамика (подъем/падение)», «сила/слабость» (размеры, удаленность, вес объектов). Исследование свойств проксимального стимула показало, что воспринимаемые визуальные свойства могут сопровождаться дополнительными ощущениями: «так, например, в восприятии размера помимо объективного размера содержится ощущение протяженности объекта в поле зрения...; в случае направления имеется ощущение положения в поле...; в случае положения, возможно, имеется ощущение псевдодвижения...» [3]

Наши вербальные представления о форме, напротив, очень точны. В. П. Зинченко пишет: «Мы можем сравнительно легко в понятных и привычных терминах описать практически любые формы» [4]. Однако здесь возникает другая проблема. Все знают, что в текстах (за исключением точных наук), а уж тем более в художественных текстах практически не встречаются геометрически точные описания объектов. Мы скорее сталкиваемся с такими определениями, как «длинный», «широкий», «высокий», «круглый» (при этом, например, «круглый» в сочетании «круглое лицо» не означает, что лицо является правильной геометрической фигурой, которую можно построить при помощи циркуля). Иллюстратор сам определяет геометрические параметры изображения. Несомненно, если иллюстрация создается в реалистической манере, вариативность визуальных параметров ограничена действительностью.

Изображение цвета, казалось бы, не должно представлять трудности для художника. Необходимо, однако, иметь в виду, что механизмы восприятия названий цвета и самих цветов отличаются: основную роль в различении цвета игра-

ет правое полушарие, в то время как переработка слов-цветообозначений осуществляется левым полушарием [5]. Кроме того, в тексте редко дается точная характеристика цвета. Такую характеристику, вероятно, дать практически невозможно. Р. М. Фрумкина убеждена, что существует «мир цвета», и утверждает, что не видит «способа, позволяющего описывать смысл слов – имен цвета путем толкований» [6]. Результаты исследований показывают, что для некоторых цветов (оранжевого, серого, лилового, фиолетового, коричневого) точная характеристика вообще невозможна [7]. К трудно вербализуемым цветам относят также бирюзовый и малиновый [8]. Одно название может распространяться на группу из нескольких цветовых тонов (например, цветообозначение «оранжевый» относится к 47 тонам, «лимонный» – к 15) [9]. Н. Н. Корж и Т. А. Ребеко подтвердили существование не точечного, а зонного характера цветового эталона. Проведя серию опытов, они установили, что некоторые участки цветового круга описываются практически одним термином. Кроме того, ими была выявлена подвижность сенсорных эталонов отдельных цветов (в частности, красного и синего). Например, один и тот же цвет испытуемые в разных сериях опытов называли то синим, то зеленоватым. Исследователи утверждают, что образный и вербальный коды «не только не зеркальны друг другу, но несоответствие между ними также имеет плавающий характер...» [10] Как пишет Ф. Н. Шемякин, «не существует ни физических, ни психологических границ между цветовыми тонами, а также единичными цветами» [11]. Тем не менее каждое цветообозначение имеет визуальный коррелят в виде тона, для которого это слово употребляется чаще, чем для остальных тонов.

Иллюстрируя текст, художник вынужден выбирать между множеством различных оттенков, каждый из которых имеет свой воздействующий потенциал. Например, желтый цвет является «веселым» и «солнечным». Однако очень яркий желтый ощущается как «беспокойный», «навязчивый», а холодный желтый (с легким зеленоватым оттенком) – как «болезненный» и «ядовитый» [12]. При этом было бы неверным полагать, что, прочитав слова «желтая рубашка», читатель сразу представляет себе какой-то конкретный оттенок желтого и, соответственно, попадает под его влияние. Слова-цветообозначения, вероятно, вообще лишены нюансов, обязательно присутствующих при визуальном восприятии конкретного цвета. В. В. Кандинский пишет: «Красный цвет, который мы не видим материально, а представляем себе абстрактно, вызывает... более или менее точное или неточное внутреннее представление... То, что звучит в слове «красное», не имеет

самостоятельно никакого особо выраженного перехода к понятию теплого или холодного. Последнее приходится добавлять мысленно, как и более тонкие нюансы красного цвета. По этой причине я называю такое духовное видение не-точным» [13]. Е. Ю. Артемьева экспериментально подтвердила это утверждение. Она приводит результаты эксперимента по оценке испытуемыми названий цветов и самих цветов и выявила разницу между этими оценками, касающуюся в основном эмоционально-оценочных шкал [14]. Обобщив данные, можно утверждать, что вызываемые цветами физиологические изменения, чувства, эмоциональные состояния возникают у реципиентов при визуальном восприятии конкретного цвета. Что касается вербальных цветообозначений, то они воздействуют на читающего несколько по-иному, вызывая более слабую эмоциональную реакцию. Вероятно, в общем объеме текста отдельное цветообозначение может пройти практически незамеченным и не влечет за собой никакого психологического воздействия. Однако психологическое воздействие неизбежно возникает при визуальном восприятии цвета. Этот факт дает возможность утверждать, что визуализация цветообозначений, присутствующих в вербальном тексте, всегда будет приводить к появлению дополнительной информации, получаемой в результате действия вызываемых конкретным цветом чувств и эмоциональных состояний.

Исследователями отмечалось, что одной из основных функций эмоции является функция оценки [15]. С. Л. Рубинштейн пишет: «Эмоция в себе самой включает влечение, желание, стремление, направленное к предмету или от него, так же как влечение, желание, стремление всегда более или менее эмоционально» [16]. Кроме того, эмоция сигнализирует о «жизненной значимости предмета», она дает сигнал «Внимание!» [17]. «Предмет возникшего эмоционального переживания спонтанно и, как правило, мгновенно овладевает вниманием субъекта, то есть становится одновременно и предметом “наиболее ясного” восприятия, занимает в феноменологическом поле сознания место “фигуры”, по отношению к которой все прочее воспринимаемое выступает в качестве “фона”» [18]. Поэтому визуализация цветообозначений может сместить акценты в восприятии информации вербального текста и приведет к появлению оценки, соотношение которой с содержанием вербального текста может быть различным. Акценты, расставляемые эмоциями, увеличивают вероятность запоминания содержания [19], причем при восприятии КТ должно запомниться комплексное содержание, возникшее в результате креолизации текста и появления эмоциональной оценки как следствия воздействия цвета.

Слова-цветообозначения вызывают также некоторые другие ассоциации по сравнению с реальными цветами. Есть данные исследований, свидетельствующие о том, что слова-названия вызывают больше ассоциаций, чем сами цвета [20]. Этот факт может объясняться отнесенностью цветообозначения к нескольким (а то и нескольким десяткам) цветовым тонам. Конкретный тон реального цвета вызывает только «свои» ассоциации. Например, невозможно представить себе цвет, который одновременно вызывал бы ассоциации с плесенью, горошком и елью, а цветообозначение «зеленый» такие ассоциации вызывает [21]. Однако в речевом произведении сказывается ограничительное действие контекста, который «отсекает» не соответствующие содержанию вербального текста ассоциации.

Соединение геометрической формы с цветом составляет изображение конкретного объекта. При этом вербальное обозначение объекта и его изображение будут восприниматься неодинаково. Ч. Осгуд провел серию экспериментов, в результате которых доказал, что по-разному оцениваются не только слово и изображение, а также и различные изображения одного и того же объекта [22]. Подобные данные на материале русского языка получила Е. Ю. Артемьева [23].

Все сказанное выше касалось особенностей визуализации содержания, стоящего за денотативным значением языковых единиц. Коннотативное значение (компонентами которого являются образность, оценочность, эмоциональность и экспрессивность) также может быть представлено визуально. В основе образного употребления языковых единиц (тропов) лежит наглядное представление, которое получает материальное воплощение при иллюстрировании. Оценочность, эмоциональность и экспрессивность могут быть визуализированы путем использования таких параметров изображения, как цвет, геометрическая форма, пространственное расположение. При этом материальная форма привнесет некоторый объем информации.

Таким образом, очевидно, что при иллюстрировании объект получает дополнительные признаки. В связи с этим встает вопрос о мотивировке выбора той или иной характеристики изображения (когда выбор зависит от художника). Если основной целью иллюстрирования считать визуальное представление содержания вербального текста, то выбираемые художником параметры изображения должны нести информацию, максимально перекрещивающуюся с информацией текста. Когда отношения перекрещивания с содержанием фактуальной информацией текста невозможны (например, в тексте нет никакой характеристики объекта), то параметры изображения могут отображать содержательно-концепту-

альную и содержательно-подтекстовую информацию. Эти виды информации задают модель интерпретации текста, которой может следовать иллюстратор. Поскольку восприятие содержательной-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации характеризуется высокой степенью субъективности, при ее визуальном представлении большое значение имеет личный фактор. Тексты, содержащие много невербализованной информации, предполагают наличие практически неограниченного количества возможностей иллюстрирования в соответствии с тем, что вычитывает из них каждый художник.

Однако, «расширяя» вербальный текст, иллюстрация одновременно также «сужает» его. Свойством образа, возникающего в сознании человека, является неопределенность. Выбирая для визуализации определенные свойства объекта, художник как бы блокирует воспроизведение в сознании реципиента неактуализированных свойств. Например, если в тексте упоминается лес без всякой конкретизации, то, изобразив густой темный хвойный лес, художник, с одной стороны, расширяет образ леса за счет дополнительных признаков, а с другой стороны, он мешает реципиенту представить лес любого другого вида (например, светлую березовую рощу). Что касается визуального представления эмоциональности, оценки и экспрессии, то оно обладает лишь некоторой степенью содержательного переключения с их вербальным выражением. При визуализации этих характеристик значительная часть их содержания пропадет, поскольку она не имеет визуального выражения. Визуальное представление содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации «навязывает» читателю точку зрения художника, ограничивая число степеней свободы понимания текста.

В зависимости от наличия разных видов информации тексты имеют различные возможности иллюстрирования.

Рассмотрев возможности визуального представления различных видов информации, присутствующих в вербальном тексте, можно сделать вывод, что иллюстрирование текста всегда вызывает определенное изменение восприятия содержания вербального текста. С одной стороны, иллюстрация привносит дополнительное содержание (содержание своей материальной формы), а с другой — она обедняет образы, возникающие в сознании реципиентов при восприятии вербального текста путем их конкретизации в изображении.

Примечания

1. Соколов, Л. А. Теоретические проблемы иллюстрирования художественной литературы [Текст] :

автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.05 / Леонид Алексеевич Соколов. М., 1985. С. 12.

2. Зинченко, В. П. Образ и деятельность [Текст] / В. П. Зинченко. М.; Воронеж, 1997. С. 393.

3. Рок, И. Введение в зрительное восприятие [Текст] / И. Рок. Т. 2. М.: Педагогика, 1980. С. 257.

4. Зинченко, В. П. Указ. соч. С. 397.

5. Иванов, Вяч. Вс. Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Текст и культура. Труды по знаковым системам XVI: ученые зап. / Тартуский ун-т. 1983. Вып. 683. С. 3–14; Николаенко, Н. Н. Функциональная асимметрия мозга и образительные способности // Текст и культура. Труды по знаковым системам XVI: ученые зап. / Тартуский ун-т. 1983. № 683. С. 84–98.

6. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р. М. Фрумкина. М.: Наука, 1984. С. 18.

7. Тонквист, Р. Аспекты цвета. Что они означают и как могут быть использованы? [Текст] / Р. Тонквист // Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993. С. 43.

8. Корж, Н. Н. Красный цвет: существует ли он? [Текст] / Н. Н. Корж, Т. А. Ребеко // Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993. С. 121–136.

9. Шемякин, Ф. Н. Язык и чувственное познание [Текст] / Ф. Н. Шемякин // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 38–65.

10. Корж, Н. Н. Указ. соч. С. 135.

11. Шемякин, Ф. Н. Указ. соч. С. 52.

12. Riedel, I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie [Text] / I. Riedel. Stuttgart: Kreuz, 1999.

13. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве [Текст] / В. В. Кандинский // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 186.

14. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики [Текст] / Е. Ю. Артемьева. М.: Наука; Смысл, 1999.

15. Вилюнас, В. К. Психология эмоциональных явлений [Текст] / В. К. Вилюнас. М.: Изд-во МГУ, 1976.

16. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. М.: Педагогика, 1973. С. 489.

17. Вилюнас, В. К. Указ. соч. С. 56.

18. Там же. С. 57.

19. Там же. С. 58.

20. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е. И. Горошко. М.; Харьков: ИД «ИНЖЭК», 2003.

21. Там же; Василевич, А. П. Каталог названий цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. М.: Смысл, 2002; Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Т. А. Черкасова. Кн. 1. М.: Помовский и партнеры, 1994.

22. Осгуд, Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам [Текст] / Ч. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум // Семиотика и искусствознание. М.: Мир, 1972.

23. Артемьева, Е. Ю. Указ. соч.

Е. М. Сторожева

СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
КОННОТАЦИИ

В статье коннотация рассматривается как социопсихолингвистический феномен, т. е. в зависимости от таких факторов коммуникативной ситуации, как социальные характеристики носителя языка. Согласно такому подходу в структуре коннотативного значения мы выделяем социальные (или как мы их называем идиомные) компоненты. Наше исследование социальных элементов коннотации основано на эксперименте, который показывает, что границы между различными идиомными компонентами коннотации размыты и не ощущаются носителями языка.

In this article the connotation is considered as sociopsycholinguistical phenomenon that depends on the functioning the word in the communicative situation. Within such model of connotation we can mark out the sociolinguistical components of connotation. Our investigation is based on experiment, which show, that boundaries between different components of connotation are fuzziness.

Исследование коннотации, ее структурных элементов в настоящее время очень актуально. Однако до сих пор, несмотря на большое количество работ по данной теме (Апресян 1995, Долинин 1987, Стернин 1985, Телия 1986 и др.), проблема коннотации остается нерешенной.

Существует множество подходов к описанию коннотации: ее трактуют с позиций лингвистической семантики, стилистики, семиотики, психолингвистики, этнолингвистики и т. д.

Мы предлагаем использовать термин коннотация как объединяющий для целого круга явлений. Под коннотацией мы понимаем любое добавочное значение в слове, дополняющее его предметно-понятийное и грамматическое содержание.

Коннотация, на наш взгляд, имеет достаточно четкую структуру: она состоит из элементов, при этом ее компоненты тесно между собой связаны.

Все компоненты коннотации мы делим на две группы в соответствии с факторами коммуникативной ситуации: внутриязыковые (диахронические, мотивационные) и внешнеязыковые коннотации (функционально-стилистические, идиомные, психологические, национально-культурные).

Особо мы рассматриваем в структуре коннотативного значения слова социальные, или, как мы их называем, идиомные компоненты, так как вопросу о социальной обусловленности коннотации в литературе не уделяется достаточного внимания, хотя еще Л. Блумфилд одним из первых говорил о том, что коннотация несет указание на определенный уровень речи, обусловленный социальными, региональными, технически-

ми и культурными факторами. Важным в работе Л. Блумфилда является то, что он разграничил индивидуальные и социально закрепленные коннотации. Также Л. Блумфилд выделил и описал различные компоненты коннотации, связанные с употреблением слов различными социальными слоями [1].

В нашей концепции социальных элементов коннотативного значения мы вслед за Е. В. Ерофевой (2005), которая выделяет микро- и макроидиомы [2], описываем макро- и микроидиомные компоненты коннотации. *Макроидиомные* элементы коннотации свидетельствуют о принадлежности слова к макроидиомам языка – литературному языку, разговорной речи, просторечию, диалекту. *Микроидиомные* компоненты коннотации указывают на принадлежность слова к микроидиомам (социолектам) – жаргонам (молодежным, студенческим, профессиональным), аргю и т. д. Наряду и макро- и микроидиомами выделяем также *идиолектные* составляющие коннотации, то есть такие, которые связаны с личностными смыслами, с переживаниями субъекта речи.

Мы попытались определить, как ощущают социальные компоненты коннотации носители языка. В основе нашего исследования лежит эксперимент, в котором приняли участие три группы испытуемых: студенты-филологи I, III и IV курсов, которых мы просили вспомнить и написать слова следующих идиомных групп: 1) разговорные; 2) просторечные; 3) жаргонные. В каждую группу опрошенных входило примерно по 20 человек. Студенты-филологи были выбраны в качестве информантов, поскольку они имеют теоретические знания о том, что представляют собой разные языковые идиомы.

Мы считали, что если студенты указали, что слово является разговорным (жаргонным или просторечным), то они так ощущают его идиомный компонент коннотации. Полученные от студентов слова и их оценки сравнивались с пометами, которые сопровождают слова в словарях, так как, словарные пометы, на наш взгляд, отражают коннотативные компоненты слов. Рассматривались только идиомные пометы и только для тех значений слов, которые были даны информантами. Если слово получало в одном из словарей пометы *жаргонное* или *просторечное*, мы считали, что оно имеет соответствующий коннотативный элемент.

Всего от студентов было получено 1377 реакций, из них просторечных слов – 374 (разных – 281), разговорных – 339 (разных – 205), жаргонных – 664 (разных – 404). Как видим, информантами было названо почти в два раза больше слов с жаргонной коннотацией, чем с разговорной и просторечной. Это можно объяснить тем, что студенты в возрасте 18–22 лет являются ак-

тивными носителями молодежного жаргона. Это говорит также и о том, что сама группа жаргонных слов является для них более определенной. Возможно, это связано с отличным от разговорной речи и просторечия статусом жаргона в языке: жаргон – микроидиом языка, в то время как разговорная речь и просторечие относятся к макроидиомам (хотя вопрос о статусе просторечия, конечно, является спорным), и в связи с этим жаргон является менее размытой, более определенной системой.

Подробнее охарактеризуем каждую из полученных от студентов групп слов.

Слова с разговорной коннотацией. Всего студентами было упомянуто 205 разных слов с разговорной коннотацией. Из них словарями как разговорные оцениваются только 6,8%. Среди слов, названных студентами, оказываются не только собственно разговорные, но и слова, имеющие разнообразные идиомные коннотации.

Чаще всего в группу разговорных попадают слова, которые словарями признаются жаргонными (51,2% всех названных слов). Это такие слова, как *бэбло* ‘деньги’, *абзац* ‘все плохо’, *ботан* ‘прилежный ученик’ и др. В силу своей широкой распространенности в разговорной практике молодежи и в общем жаргоне подобные слова теряют для студентов свою яркую жаргонную окраску и осознаются как общеупотребительные.

Также довольно часто студенты включают в группу разговорных довольно большое количество литературных (8,8% – *буханка*, *беседа*, *еда* и др.) и просторечных слов (5,9% – *башка*, *морда* и др.). Слова с другими коннотациями встречаются редко.

Слова с просторечной коннотацией. Студенты назвали в качестве просторечных 281 слово. Среди этих слов словари как просторечные отмечают только 10,3% слов (*больно* ‘очень’, *брюхо*). Чаще всего слова из этой группы квалифицируются в словарях как жаргонные (23,5%), например: *мажорно* ‘замечательно’, *обламывать* ‘обманывать’ и др. Достаточно часто слова из группы просторечных определяются в словарях как литературные – 12,5% (*поганка*, *кулек* и др.) и разговорные – 10,6% (*болтать*, *видно* ‘видимо’ и др.).

Слова с жаргонной коннотацией. В качестве жаргонных студенты назвали 404 разных слова, из них словарями как жаргонные оцениваются 59,7%. Как видим, большая часть названных слов действительно оказывается принадлежащей группе жаргонных, что в несколько раз превышает показатели по разговорным и просторечным словам: только 6–10% от всех названных студентами в этих группах слов совпали со словарным описанием.

Оставшиеся 40% слов согласно словарям попадают в основном в группу со смешанными коннотациями (т. е. квалифицируются то как жаргонные, то как просторечные – 6,4%) или вообще не встречаются в словарях (29,%). Отметим, что слова последней группы чаще всего имеют ярко выраженный жаргонный характер и характеризуются типичными для жаргона словообразовательными моделями (*надик* ‘подъезд’, *компарашка* ‘компания’, *задёр* ‘человек, часто играющий в компьютерные игры’).

Остальные словарные коннотации для слов этой группы встречаются довольно редко (до 2%).

Таким образом, анализ трех групп лексики, полученной в ходе эксперимента, показал, что для студентов как носителей языка характерно смешение разных идиомных коннотаций. Четче всего они чувствуют принадлежность слова к жаргону. В то же время жаргонные, с точки зрения носителя литературного языка, слова достаточно часто осознаются студентами и как разговорные, и как просторечные. Особенно это характерно для слов, которые студенты считают разговорными. Очевидно, это связано с тем, что современная разговорная речь в значительной степени жаргонизирована и часть жаргонных слов осознается как общеупотребительная. Размытость границ групп разговорных и просторечных слов, их смешивание с жаргоном и общезыковая «разгерметизация» границ идиомов характерны для современной языковой ситуации.

Примечания

1. Блумфилд, А. Язык [Текст] / А. Блумфилд; пер. с англ. Е. С. Курбяковой, В. П. Мурат. М.: Прогресс, 1968. С. 157–158.

2. Ерофеева, Е. В. Вероятностная структура идиомов: Социолингвистический аспект [Текст] / Е. В. Ерофеева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 54 с.

Ж. В. Никонова

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В современных лингвистических исследованиях фреймовый анализ применяется для исследования различных языковых единиц и структур. В настоящей работе освещаются возможности и основные положения фреймового анализа для описания речевых актов, уточняется понятие фрейма в свете лингвистических исследований. Речевые акты рассматриваются автором статьи с точки зрения статических и динамических фреймов речевых актов на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

The article concerns the linguistic consequences that describe a general idea of the frame-structure of languages. Special attention is paid to the vision and types of frames in the modern linguistic. The author suggests new ideas for the vision of the speech-acts basing on the frame-structure of German language.

Решение многих сложных вопросов прагматической лингвистики связывается в последнее десятилетие, прежде всего, с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, в основу которой положено «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [1]. К отличительным чертам этой парадигмы относятся учет и синтез идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной или функциональной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка [2]. Положения данной парадигмы научного знания находят объяснения многим проблемам теории коммуникации в свете принципа универсальности процессов концептуальной интеграции, лежащей в основе продуктивной коммуникативной деятельности.

Процессы концептуализации дискурсивной деятельности рассматриваются в когнитивистике, прежде всего, с позиции теории фреймов. Не только в рамках когнитивных наук, но и в практике лингвистических исследований фреймовая теория оказывается наиболее привлекательной благодаря ясности исходных посылок и их практической приемлемости. На сегодняшний день всё большее количество отечественных исследователей обращается к рассмотрению актуальных вопросов и проблем лингвистики посредством фреймового анализа, так как фреймы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая структурирована данными единицами представления знаний [3]. Изучение фреймов дает ключ к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности, именно поэтому фреймовый анализ становится очень популярным, даже модным не только среди ученых-лингвистов, но и среди литературоведов и представителей других отраслей знания.

Развивая идеи основоположников теории фреймов применительно к лингвистическим исследованиям и суммируя опыт отечественных и зарубежных языковедов по разработке фреймового анализа единиц языка и речи, автор настоящего исследования рассматривает фрейм в качестве уникальной структуры репрезентации опытного когнитивного знания человека, соеди-

няющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности. В процессе вербализации когнитивной структуры её объем и содержание фокусируется во фрейме как смысловом каркасе будущего высказывания. Смысл многомерной объемной единицы сознания «овеществляется» в слотах (узлах) фрейма как когнитивной опосредующей структуры, являющейся тем «мостиком», который даёт возможность соединить когнитивный и языковой уровень посредством соединения узлов фрейма с компонентами семантической структуры (пропозиции) вербальной структуры. Фрейм можно представить в этом случае как совокупность узлов смысла рождающейся вербальной структуры. Он смыкается слотами с когнитивной структурой, с одной стороны, и с компонентами значения словесной формы, с другой стороны. Следует обратить внимание на то, объем и содержание фрейма (являющиеся по существу объемом и содержанием когнитивной структуры, выраженной во фрейме под влиянием интенционального импульса эмитента в процессе вербализации смысла когнитивной структуры) не тождественны объёму семантической структуры вербальной единицы.

Теория фреймов применительно к речевым актам объясняет не только процесс становления и вербализации речевого акта, который напрямую связан с когнитивными процессами мышления и коммуникативным опытом эмитента, но и структуру организации языковой базы данных человека. Поскольку язык является многоуровневой, иерархически построенной системой, вполне справедливым представляется предположение о фреймовой организации языковой базы данных человека, в том числе и базы коммуникативного опыта, где «хранятся» знания об основных типах, видах, характеристиках и способах выражения речевых актов носителя языка. Исследование речевых актов в свете фреймового анализа оказывается в связи с этим актуальной проблемой, решение которой поможет не только теоретикам в плане описания процессов, механизмов и прагматических особенностей вербализации речевых актов в конкретном языке, но и практикам в плане описания прагматически релевантных способов организации конкретных типов речевых актов в конкретном языке.

Фреймовую организацию языковой базы человека и его общих знаний о мире хорошо можно проиллюстрировать на примере учебников иностранных языков, построенных по принципу обучения речевым ситуациям. Сведения о языке в таких учебниках имплицитно присутствуют в топиках, то есть в актах социального взаимодействия, наиболее часто встречающихся в жизни (например, «В аэропорту», «На вокзале», «В гостинице»). Нормальная коммуникативная стра-

тегия в ходе того или иного коммуникативного акта, как правило, имеет в качестве «фона» или «основы» подобный соответствующий фрейм.

Исследования фреймовой организации речевых актов и способа их выражения в различных языках являются направлениями научного поиска, имеющими большую практическую ценность с точки зрения лингвистической прагматики, и представляют собой широкое поле для новых научных изысканий. Подобные исследования на материале конкретного языка довольно немногочисленны в силу специфики метода исследования, хотя отдельные проблемы описания и способов выражения речевых актов в конкретных языках неоднократно становились предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Но и эти положения требуют дальнейшего рассмотрения и уточнения в рамках системного описания речевых актов как в отдельных языках, так и в типологическом плане.

Фреймовый анализ речевых актов может проводиться с учетом и на основе статичных фреймов речевых актов на парадигматическом уровне и динамичного фрейма порождения речевого акта в дискурсе (на основе классификации фреймов, представленной в работе [4]). Основные этапы фреймового анализа речевых актов на уровне языка и уровне речи, проведенного автором настоящей статьи на материале современного немецкого языка, можно кратко представить следующим образом.

Прежде всего, на основании того факта, что вербализуются в языке наиболее прагматически значимые для его носителей элементы концептосферы (в частности, в сфере выбора типа речевого акта при порождении речевого высказывания), фреймовому анализу были подвергнуты инфинитивы современного немецкого языка как номинаторы коммуникативного типа речевого акта. На этапе выбора типа речевого акта инфинитив в современном немецком языке является его номинатором, и эта функция является для него главной, ведущей как для единицы парадигматического уровня [5]. Исходя из этого каждый инфинитив можно рассматривать как языковой знак, вовлекающийся в процесс порождения речи и номинирующий тип речевого акта.

Структурируя фреймы речевых актов, все инфинитивы являются устойчивыми элементами иерархической структуры фрейма на парадигматическом уровне. Фрейм речепорождения можно представить состоящим из двух суперфреймов: «Локуция» и «Перформативность». В основу такого деления положена перформативная формула речевого акта, разработанная основоположником теории речевых актов Дж. Сёрлем. Соответственно, языковые знаки-номинаторы локутивного и перформативного (иллокутивно-

го/перлокутивного) актов распределяются по терминалам вышеназванных суперфреймов.

По вертикальной оси оба суперфрейма имеют изоморфную структуру. Первый терминальный уровень содержит номинаторы рода речевого акта, второй терминальный уровень – вида речевого акта, третий терминальный уровень – подвида, четвертый – типа речевого акта, последний терминальный уровень представлен номинаторами речевых актов, отражающих конкретные признаки речевой коммуникации.

Суперфрейм «Перформативность» (Sprechen/Schreiben) состоит из двух фреймов: «Иллокуция» (Äußern) и «Перлокуция» (Beeinflußen), – инфинитивы-маркеры которых называют род речевой деятельности. Фреймовая структура номинаторов данных фреймов, отраженная в структуре компонентов лексического значения, содержит вершинные узлы, сохраняющиеся в инвариантном значении всех лексических единиц каждого фрейма. Данный семантический континуум значения рода речевой деятельности проходит далее различные ступени дифференциации по терминальным уровням, распределяясь по дискретным лексическим единицам.

Инвариантное значение является ведущим принципом иерархического включения субфреймов более низкого порядка в субфреймы более высокого порядка. Взаимодействие инвариантных значений, с одной стороны, и семантических различий, с другой стороны, между инфинитивами-номинаторами РА, входящими в субфреймы разных порядков, лежит в основе парадигматической связи всех членов суперфрейма.

Выбор номинатора речевого акта при порождении речевого высказывания происходит в сознании говорящего в зависимости от коммуникативной интенции в синтезе его двух состояний как функциональной единицы вертикальной структуры фрейма и как содержательного элемента горизонтальной структуры фрейма.

Самый низший, конкретный уровень в иерархии каждого суперфрейма составляют его конечные терминалы (субфреймы 1-го порядка), представленные отдельными лексико-семантическими вариантами инфинитивов, номинирующими конкретные речевые акты.

Субфреймы 2-го порядка образуют гиперонимы выделенных привативных оппозиций инфинитивов. Данные гиперонимы являются номинаторами типа речевого акта. Гипероним каждой гиперо-гипонимической группы имеет набор сем, полностью совпадающий с набором компонентов значения гипонимов наряду с наличием у гипонимов дополнительных дифференцирующих сем, указывающих на частный характер номинируемого речевого акта.

На уровне терминала субфреймов 3-го порядка происходит схождение инфинитивов-номина-

торов типов иллокутивных/перлокутивных актов с общим семантическим знаменателем. Инфинитивы-маркеры субфреймов 3-го порядка называют более общий характер речевого действия в рамках каждого из трех терминалов речевых актов.

Инфинитивы, структурирующие субфреймы 4-го порядка, называют, как свидетельствуют результаты исследования, вид речевого действия: в сфере фрейма «Иллокуция» инфинитивы группируются на основе общего инвариантного значения выражения речевой интенции эмитента, среди которых установлены значения «Repräsentieren», «Äußern der Gefühle», «Appellieren», «Versprechen», «Deklarieren»; в сфере фрейма «Перлокуция» на основе инвариантного значения воздействия на реципиента (его мысли, чувства, поступки) и ответной реакции на речевое воздействие со стороны реципиента были выделены следующие субфреймы 4-го порядка: «Beeinflußen der Taten», «Beeinflußen der Gedanken», «Beeinflußen der Gefühle», «Gegenreaktion».

Установленная на основе фреймового анализа полная номенклатура типов иллокутивных (всего – 98) и перлокутивных (всего – 140) актов, номинаторами которых являются в современном немецком языке инфинитивы [6] создаёт базу для дальнейшего исследования речевых актов в немецком языке на синтагматическом уровне, так как каждому номинатору типа речевого акта соответствует определенная совокупность языковых способов и средств для выражения данного типа речевого акта. Подобные исследования, посвященные выявлению способов выражения отдельных типов речевых актов, уже имеют место в рамках представленной концепции и зарекомендовали себя как перспективное направление для дальнейших научных изысканий [7].

Приступая к анализу речевого акта в дискурсе, необходимо учитывать, что в его порождении задействованы фреймы разного уровня, когда каждый терминал связывается с видовым направлением некоторого активного видового перечня [8], активируя фоновые знания различного уровня и характера при порождении дискурса.

Анализ речевого акта на синтагматическом уровне проводится в свете динамичного фрейма порождения речевого акта в дискурсе, который может выявляться посредством вычленения и описания фреймов на основе семасиологического и контекстуального анализа значений исследуемых речевых актов, при рассмотрении как их внутриязыковой семантической структуры, так и лексического контекста конкретного высказывания, реализующего речевой акт. Структурная организация концептуальных областей речевого акта обуславливает наличие в каждой концептуальной области «концептуальных прототипов»

(«базовых концептов»), вокруг которых группируются (в сознательной области человека) все другие, входящие в данную область, концептуальные признаки. Данные концептуальные прототипы репрезентируются на поверхностной структуре текста глагольными лексемами, в значении которых в наиболее общем виде отражается сущность целой концептуальной области. Анализ контекстных выражений речевого акта обнаруживает, что не все компоненты смысла, передача которых является целью коммуникации, получают эксплицитное выражение. В смысловой организации большую роль играют паралингвистические средства, которые также включаются в общение и служат опорой, дополняющей и расширяющей семантику высказывания. В акте общения происходит как бы наложение типизированной ситуации на конкретную, которая каждый раз варьируется по составу участников коммуникативного акта, их индивидуальным особенностям, некоторым различиям в самой коммуникации. Однако семантический фрейм данной ситуации представляет собой упорядоченное множество существенных признаков типового события, или стереотипную ситуацию, то есть общая характеристика, сам концепт ситуации остаются неизменными, что позволяет актуализировать некоторые семантические компоненты без их специального формального выражения и без ущерба для смыслового развертывания коммуникации.

Таким образом, при анализе речевого акта на синтагматическом уровне учитывается тот факт, что каждый фрейм как структура хранит знания о предметной области (фрейм-прототип), а при заполнении слотов знаниями превращается в конкретный фрейм события или явления. Выявление вершинных и терминальных узлов фрейма при актуализации речевого акта в дискурсе с опорой на семасиологический и контекстуальный анализ помогает преодолеть многие проблемы, возникающие при исследовании речевого акта в рамках традиционного лингвистического анализа, и эксплицитировать ситуативные концептуальные смыслы анализируемого дискурса. Проведение последовательного анализа речевого акта на синтагматическом уровне в свете теории фреймов позволяет выявить также причины модификации сферы терминальных узлов фрейма речевого акта в дискурсе и основные характеристики языковой личности и акта коммуникации. Это, в свою очередь, предопределяет большие возможности фреймового анализа для решения многих проблемных вопросов теории речевых актов, в частности описания парадигматики и синтагматики речевых актов в конкретном языке, и может дать многим исследователям импульс для дальнейшего научного поиска в этой и других областях.

Примечания

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М., 2004. С. 406.

2. Лузина, А. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания [Текст] / А. Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Кубрякова Е. С., Лузина А. Г. (отв. ред.) и др. М., 2006. С. 43.

3. Никонова, Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях [Текст] / Ж. В. Никонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 3.

4. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов [Текст] / С. А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI в.: Грамматика, семантика, словообразование: материалы международной конференции. г. Москва, октябрь, 2002 г. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003.

5. См. подробнее: Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Ж. В. Никонова. Н. Новгород: НГЛУ, 2007.

6. См. подробнее: Там же.

7. См., например: Сыркина, Е. Г. Способы выражения репрезентативных речевых актов в современном немецком языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Сыркина. Н. Новгород, 2004.

8. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский; пер. с англ.; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. С. 103.

Н. А. Голубева

ПРЕЦЕДЕНТ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена проблеме прецедентности в лингвистическом ландшафте. В ней определяются когнитивные признаки прецедентных явлений в языке, описывается ментальное пространство феномена «прецедент». Особое место отводится исследованию когнитивной базы прецедентных единиц, рассмотрению понятийного аппарата, объясняющего систематизацию прецедентных единиц в рамках единой номинативной категории.

The article is dedicated to the problem of precedence in the sphere of linguistics. The author defines cognitive characteristics of precedent language phenomena and describes the mental area of precedence. The cognitive base of precedent units is studied in detail and the author explains the systematisation of precedent units within a nominative category.

Лингвистика сегодняшнего дня рассматривает язык как когнитивную сущность в двух ключах: восприятия (концептуализации) и категоризации. Настоящая статья отражает часть резуль-

татов диссертационного исследования, предпринятого в свете обозначенных процессов классификации, и посвящена описанию лингвистического инструментария, связанного с содержанием заявленных в названии статьи понятий.

Рассмотрение этих ключевых моментов непосредственно связано с процессом систематизации прецедентных явлений, которые обуславливают существование категории прецедентных единиц.

1. Виды прецедентов

Понятие «прецедент» традиционно фигурировало в сфере юриспруденции и трактовалось на контрверзе «было – не было». Сегодня этот термин активно внедряется в культурно-языковое пространство, где он понимается как «феномен первичного образца», представляемого для оценки и сопоставления, в целях его последующего использования как опорного образца для создания какого-либо вторичного явления по образу и подобию первого [1].

В этом смысле *прецедент* представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума [2]. Он структурируется не только способом обращения к «прошлому» опыту/знанию (стать прецедентом), но и способом актуального обретения слушателем нового, неизвестного, но оригинального, нестандартного представления какой-либо сущности, явления, события, факта или вещи (создать прецедент). Ср.:

По словам шефа, это достаточно необычная прецедентная новость.

Заслуживает внимания хронология событий, имевших прецедентное значение для развития российского бизнеса (Немаркированные языковые примеры принадлежат автору. – Н. Г.).

По мысли Д. Б. Гудкова, прецеденты функционируют в виде образцовых ментальных, языковых и речевых фактов, которые служат моделью для воспроизводства сходных фактов, т. е. обладают императивностью [3]. Под декларируемой императивностью следует, очевидно, понимать необходимость их соотнесения с другими языковыми фактами. Всё сказанное адресуется прецедентам в широком смысле.

Внутри прецедентов в широком понимании учеными выделяется группа прецедентов, которые фигурируют как *прецедентные феномены* (в дальнейшем – ПФ). ПФ – это «коммуникативный прецедент», в терминологии Л. И. Гришавой, который понимается как ментальный «гносеологический прототип», его «можно считать образцом, который помогает в сходных условиях в будущем, так или иначе, решать стоящие

перед коммуникантами задачи (номинативные, коммуникативные и пр.)» [4].

Изучение ПФ, которое традиционно представлено в лингвистике на прецедентном тексте, прецедентном высказывании, прецедентном имени и прецедентной ситуации, свидетельствует о том, что они могут иметь различные способы бытования и обладать разным статусом, каждый своей формой репрезентации, своим аксиологическим потенциалом.

Однако следует согласиться с мнением Д. Б. Гудкова, что «далеко не каждый феномен, обладающий прецедентностью, может быть назван ПФ. Существуют *прецеденты иных типов*. Основным отличием ПФ от только что названных является то, что первые оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных “культурных предметов”, национально детерминированными минимизированными представлениями последних» [5]. Иными словами, ПФ представляют собой особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к *национальному уровню прецедентности*. Прецеденты «иноного типа», в другой терминологии «прецеденты актуального употребления» [6], соотносятся с пресуппозициями не историко-культурного знания, а с пресуппозициями употребления общезыковых средств (слов, словосочетаний, предложений) в сходных или иных ситуациях общения. Их реализуют элементы языкового стереотипа любого дискурса, общеупотребительные языковые «заготовки» *исходя из этого; необходимо иметь в виду; необходимо указать на; следует заметить* в инструктивном типе текста; ср. нем. *davon ausgehend, es sei erwähnt / hingewiesen / bemerkt*. Это, в нашем понимании, **прецеденты с определенной степенью феноменологичности** (в дальнейшем – ПСФ). Они, как видно из приведенных примеров, имеют производный номинативный характер, представляют онтологию языкового/коммуникативного знака, фиксируют работу «лингвистической памяти». ПСФ, так же, как и ПФ, образуют группу вербальных/невербальных ментальных репрезентаций, но они в отличие от ПФ носят универсально-языковой характер, потому что наблюдаются во многих языках и относятся как к системно-языковому, так и к индивидуумному уровню прецедентности.

Обратимся далее к виду прецедентов, который неоднократно становился предметом лингвистических дискуссий, фоновым знанием. В лингвистике представлены разные взгляды на эту прагмакоммуникативную сущность (Т. ван Дейк, В. Г. Гак, А. Б. Зайцев, Г. В. Колшанский, А. Н. Крюков, И. Ю. Марковина, Р. Столнейкер, Г. Д. Томахин). Не развивая здесь дискуссии о лингвоментальном статусе фоновых зна-

ний, подчеркнем то общее, что объединяет все подходы и точки зрения на это. Фоновые знания создают когнитивные проекции для системы определенных единиц. Поэтому они рассматриваются нами как когнитивная категория и выступают в качестве ПСФ.

2. Прецедентные единицы

Дальнейшие рассуждения адресованы понятию *прецедентные единицы*, которое трактуется в специальной литературе в нескольких ипостасях: как ПФ, как структурно-семантические дериваты разного типа, как факты вторичного письма. Мы определяем прецедентные единицы (ПЕ) как лингвокогнитивные знаки, вербальные носители прецедентов в широком смысле. Иначе говоря, ПЕ номинируют ПФ и ПСФ. За каждой ПЕ в каждом конкретном случае стоит языковой и/или коммуникативный прецедент, который может быть, в свою очередь, либо ПСФ, либо ПФ. Каждая ПЕ изыскивает адекватный прецедент, который служит для нее когнитивной базой в системе других единиц и в коммуникации. Итак, *прецедентные единицы* есть когнитивные трансформы, результат семантической деривации во взаимодействии с прагматическими факторами. Это есть единицы, производные от уже существующих языковых/дискурсивных знаков и/или служащие примером, основанием (смысловым и структурным элементом) для последующих случаев их языкового употребления в новой констелляции.

Формируя номинативную систему, ПЕ представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой понятийно-знаковой, когнитивно-значимой модели – *прецедентеме*. Прецедентема является мельчайшей информационной величиной, которая представляет собой сложный лингвосомиотический знак, содержащий когнитивно освоенный Говорящим концепт «прецедент» и вербально передаваемый Адресату в прагматических целях.

Прецедентема – триадный знак: *лингвистический* как маркер референта (носитель информации), *прагмакоммуникативный* как средство для передачи Говорящим информации и носитель его интенции, *ментальный* как сигнал «лингвистической памяти» коммуникантов. Прецедентема лежит в основе разноуровневых лингвоментально ценных единиц, слов-понятий, которые имеют *прецедентное значение*, а именно фактитивность знания о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве. Прецедентное значение мы рассматриваем как пресуппозицию существования языковой единицы. Суть данных номинативных единиц обуславливается прецедентным содержанием, их

когнитивная функция заключается в хранении общеизвестных и/или нестандартных/необычных когний. ПЕ служат единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека, преобразованных в его языковую компетенцию (ср. метафору, поговорку, поэтическое имя собственное, речевой окказионализм или просто сложное слово).

Исследовательская традиция «прецедентности» до сих пор склонялась в сторону описания ПФ. Д. Б. Гудков, И. В. Захарченко, В. В. Красных, а также многие их последователи полагают целесообразным различать среди ПФ прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена. Предпринятое в лингвистике описание того, как функционируют в дискурсе ПФ как знаки особого рода, символы тех или иных общественно значимых явлений, позволило в целом разработать исследовательские подходы способов их бытования не только в дискурсе определенного типа, но и в культуре в целом. Об этом свидетельствуют новейшие публикации ученых (М. Я. Дымарский, В. Б. Гольдберг, А. И. Гришаева, Е. С. Кубрякова, М. Ю. Михеев, Г. Г. Слышкин).

В задачи нашего исследования в силу их малой разработанности в лингвистике входят ПСФ и их маркеры. Ими являются языковые единицы пропозиционального содержания и системной значимости и, как правило, семантические дериваты. Они отличаются устойчивостью, повторяемостью (воспроизводимостью) и подают тем самым «сигналы» прецедентности. Они реализуют «коммуникативные заготовки», выступают «готовыми» языковыми формулами. Это журналистские и канцелярские штампы, клише письменных форм речи, трансформированные крылатые фразы, устойчивые сравнения, «живые» метафоры, окказионализмы и др.

Каждый тип маркеров прецедентов (ПСФ или ПФ) занимает свою нишу в лингвокогнитивном поле прецедентности. ПЕ коррелируют с любым номинативным знаком, включая текст (здесь *текст* понимается как лингвистическая единица, имеющая прецедентное значение, как номинативный знак, именуемый семантическую ситуацию, в отличие от текстового жанра (пословица, поговорка, афоризм и т. д.)), который объективирует их по разным критериям.

Обусловить появление ПЕ в языке и речи могут содержательные или формальные признаки, эстетические мотивы или определенные эмоциональные состояния, сходные или артефактные ситуации, т. е. *прецеденты* в широком понимании. Поэтому ПЕ могут иметь разную интеллектуально-фоновую направленность: политическую, социумную, лингвострановедческую, религиозную, психическую, профессиональную.

ПЕ имеют широкую сферу бытования. Семантика прецедентных единиц отражает эту ассоциативную векторность, ср.: так называемые «социальные номинации» – *совки, новые русские, олигархи, семья* и др. (Т. В. Козлова); «советизмы» – *бракодел, совдеп* (А. А. Пихурова); «семейный нарратив» (рассказы из семейного прошлого, устойчивые эвфемизмы) (Е. Е. Сапогова). Значимые для семьи представления Р. Пихт называет «семейные мифологемы» [7]. К мифологемам, на наш взгляд, относятся также «былички» – «одно из хранилищ человеческой мысли, небольшие рассказы о представителях темной, нечистой силы в среде охотников, рыболовов, т. е. людей, переживающих “большое накопление впечатлений, таинственность и жуть природы”» [8].

ПЕ встречаются в неофициальном студенческом дискурсе: *Хорошо смеется тот, кто смеется, как лошадь* (А. Ю. Ларионова). Прецедентное значение имеют также окказиональные антрополоксемы *неформашка, олигархята* (И. Р. Красникова).

Традиционно прецедентный характер носит тезоименность как способ именования сущностей в современном христианском мире в разных её терминах. Это агнонимы, теонимы, идеонимы (собственные имена божеств и духовной культуры): *равноапостольная Нина, День Святой Троицы, Храм Христа Спасителя, икона Пресвятой Богородицы «Почаевская»*; «народные номинации», отономастические номинации (персонажи библейско-христианской традиции): *петров крест, адамова голова* (И. Бугаева, М. Илюшкина, И. В. Родионова).

Приведенные примеры указывают на то, что «энергетика родства» является сигналом прецедентности языковых/речевых единиц и их субъектной насыщенности. Если ПЕ (номинаторы ПФ) призваны описывать нестандартные, фактуально-ценностные фрагменты языковой или внеязыковой действительности, то ПЕ (номинаторы ПСФ) в целом интерпретируют, оценивают и констатируют отношение Говорящего к готовому содержанию. Именно это обеспечивает коннотативный потенциал ПЕ второго вида. С другой стороны, определенные группы ПЕ набирают «энергетику» прецедентности в процессе их употребления в дискурсе, становятся устойчивыми в силу присутствия отдельных «сильных» в плане эмоциональности или креативности элементов системных единиц (слов) и их сочетаний, и/или структурных типов) и, таким образом, приобретают так называемые «сигналы» прецедентности. Ср.: прецедентные названия фильма «Всегда говори всегда» по модели «Никогда не говори никогда», магазина «ЛАС КНИГАС» по аналогии с городом Лас-Вегас.

Таким образом, ПЕ представляет собой сложный знак с двойной актуализацией: сначала в предтексте или в донорской лексеме, а затем в заимствующем тексте в виде производной единицы. Поэтому в семантической структуре ПЕ обязательно представлен, а зачастую ярко выражен отсылочный компонент. Именно на этом основании разного рода квазичитации и скомпелированные пословицы, поговорки, образные сравнения, хорошо известные изречения (афоризмы, метафоры), коннективы разного рода причисляются к ПЕ. Ср. (рекламный щит): *Модники и модницы, объединяйтесь!* В работах многих авторов подобные лингвоментальные репрезентации фигурируют как ПФ, что позволяет судить о неучтённости этими авторами степени феноменологичности (степени прецедентности) при их рассмотрении.

ПЕ относятся, в нашем понимании, к логоэпистемам (термин В. Г. Костомарова), они являются лингво-культурологическими единицами: «культурными знаками» (Ю. Б. Пикулева), «культурными скрепами» (А. И. Гришаева), которые обладают не только эпистемической, символической, коннотативной, но и номинативной, информативной и другими функциями, присущими номинативному знаку. Порожденные каким-либо (авторитетным) источником, они устойчивы и в отрыве от него способны менять первоначальный смысл и стилистическую тональность. Тем самым они становятся удобным, хранящим языковую и культурную преемственность средством манифестации прецедентов.

3. Номинативный аспект и общая теория прецедентности

Общая теория прецедентности есть результат амальгамирования нескольких фундаментальных положений и теорий. К их числу принадлежит теория ПФ, в первую очередь теория языковой личности, давшая жизнь концепции прецедентных текстов Ю. Н. Караулова. Эта теория оказалась исключительно плодотворной для разработки ПФ в свете их существования в различных типах дискурса, а также их воплощения в языковую ткань текста.

В становлении общей теории прецедентности, по замечанию А. И. Гришаевой, существенная роль принадлежит также теории стереотипов в ее различных версиях, объясняющей причины повторяющихся реакций и действий разных людей в одной и той же лингвокультуре, а также теории прототипов как в ее психологической, так и в когнитивной интерпретации [9].

В когнитивном аспекте несомненный вклад в продвижение теории прецедентности внесла концепция ментальных репрезентаций в ее различных вариациях, позволяющих с той или иной сте-

пенью верифицируемости ответить на вопрос, почему язык как часть культуры, находясь в постоянном изменении, имеет стабильную языковую картину, является «культурной константой» (термин Ю. С. Степанова) во временном континууме. Одной из таких широко известных концепций стала концепция логоэпистем (В. Г. Костомаров).

С чисто лингвистической точки зрения можно с полным правом включить в совокупность рассматриваемых предпосылок для дальнейшего развития общей теории прецедентности теорию производных единиц (Е. С. Кубрякова) и сопредельные с ней теорию вторичной номинации (В. Н. Телия) и повторной номинации (В. Г. Гак). Они являются идеенесущими теориями для становления постулируемой нами концепции прецедентных единиц.

Теория прецедентных текстов Ю. Н. Караулова получила дальнейшее развитие в коллективной монографии «Феномен прецедентности и преемственность культур» [10], которая позволила ее авторам при опоре на филологический анализ не только очертить ракурс прецедентности, разделяемый подавляющим большинством исследователей при описании ПФ, но и вскрыть наиболее дискуссионные моменты.

Одной из главных функций ПФ, по признанию лингвистов, считается их способность быть номинативным средством определенного фрагмента внеязыковой действительности, соответствующим по этой функции в некоторых случаях нескольким макротекстам. Номинативная роль ПФ заключается в обозначении нестандартного познаваемого человеческим сознанием, актуализованного языковой личностью (В. О. Алексеева, А. И. Гришаева, А. В. Лаенко, Е. В. Милосердова, А. М. Шестерина). Сказанное актуально и для ПСФ, то есть функционально ПФ и ПСФ являются *носителями номинативных и дискурсивных стратегий*.

Однако факт описания номинативной прецедентности в лингвистике делает робкие и пока еще не всегда осознанные шаги. Номинативный аспект ПЕ как актуализаторов прецедентов получил свое программное содержание прежде всего в авторитетных трудах В. В. Красных и Д. Б. Гудкова. Так, В. В. Красных отмечает, что прецедентное имя может функционировать либо как имя собственное, указывая непосредственно на денотат, в этом случае дифференциальные признаки прецедентной единицы оказываются нерелевантными; либо как имя прецедентное, т. е. употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета». В этом случае имеет место апелляция к дифференциальным признакам пре-

цедентного имени, составляющим ядро инварианта его восприятия [11].

Двойственность функционирования прецедентных имен, но более просто, выразил Д. Б. Гудков. Ученый подразделяет прецедентные имена на те, которые функционируют денотативно (экстенционально), т. е. именуют предмет, указывая непосредственно на денотат, и те, которые функционируют коннотативно (интенционально), т. е. используются для характеристики объекта, обладающего свойствами и характеристиками первоначального носителя этого имени [12]. По сути, речь идет соответственно о первичной и вторичной номинации, совмещенных в одном языковом знаке, в котором одновременно реализуются два типа лексического значения, денотативное и назывное.

Данная точка зрения положена в основу исследований прецедентных имен Е. Е. Анисимовой, О. А. Ворожцовой, М. Илюшкиной, И. Р. Красниковой и др. Прецедентные имена рассматриваются данными авторами как средство выражения оценочности (соотношения денотата и коннотата), в процессе прецедентного словопроизводства. Здесь следует особо выделить представление прецедентных онимов в ракурсе антономасии (метафорического использования собственного имени) в различных дискурсах: в публицистике (К. Р. Каграманов), в городской коммуникации как товарных знаков в туристическом бизнесе и сфере потребления (Е. Е. Анисимова), в жанре рекламы (Г. Ф. Ковалев, С. Л. Кушнерук).

Несомненную филологическую ценность представляет изучение агнионимов, имен собственных, которые служат для именованя лиц и объектов, наделенных признаком святости. Они являются гиперонимами по отношению ко всем разрядам сакральных имен собственных (И. Бугаева). Каждое такое имя при этом можно трактовать как единичный концепт, комплекс знаний об отдельном объекте, мысленную структуру, генерированную в том числе пропозицией и наглядно-чувственным образом (В. В. Алпатов). Поэтому мы вправе считать с позиций ономастики и когнитивистики подобные номинации прецедентными.

Интересный ракурс описания прецедентности получили номинации, репрезентирующие «лексикализованные» и «нелексикализованные» концепты гиперонимов и гипонимов, обозначающих фрукты в английском языке (В. Б. Гольдберг), которые могут рассматриваться в качестве прецедентных феноменов и в нашем понимании могут пополнить разряд ПЕ.

Системный анализ прецедентных номинаций на материале образных сравнений проведен А. В. Степановой. Он приобретает методологическую значимость, так как автор разрабатывает кри-

терии определения степени ПЕ. Степень социализации прецедента в лингвокультурном сообществе, или степень прецедентности, по мнению цитируемого автора, может быть определена с помощью лексикографических источников. Она вычисляется по определенным параметрам: 1) зафиксированность в словарях с различным размером словника; 2) количество значений в структуре лексической единицы; 3) наличие дериватов; 4) появление в устойчивых словосочетаниях и фразеологических оборотах; 5) возраст ПЕ или хронологический фактор [13]. На значение хронологического фактора ПЕ указывают и другие лингвисты (В. О. Алексеева, Л. И. Гришаева, Е. В. Милосердова, Г. Г. Слышкин).

Подведем итоги. Рассмотренные в статье моменты убеждают нас в том, что в тривиальной на первый взгляд игре слов *прецедентный феномен – феномен прецедентности* последняя фраза таит в себе в ракурсе предпринятого научного поиска новый виток в исследовании категориального свойства «прецедентности». Хочется надеяться в связи с этим, что полученные результаты станут промежуточной платформой для дальнейшей разработки теоретически релевантных аспектов теории прецедентности и помогут обозначить другие «своеобразные точки роста и пересечения» в изучаемой проблематике.

Примечания

1. Ковалев, Г. Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы [Текст] / Г. Ф. Ковалев // Феномен прецедентности и преемственность культур; под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. (Сер. «Монографии», вып. 8). С. 273.

2. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира [Текст] / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1988. С. 30.

3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. М., 2003.

4. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов [Текст] / Л. И. Гришаева. Воронеж, 1998. С. 18.

5. Гудков, Д. Б. Указ. соч.

6. Сулимов, В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации [Текст] / В. А. Сулимов // Филологические науки. 2006. № 1. С. 44–47.

7. Гришаева, Л. И. Указ. соч.

8. Ячменева, С. Экстралингвистические факторы, определяющие языковые особенности быличек [Текст] С. Ячменева // В поисках эквивалентности III: сб. научных докладов международной научной конференции русистов 21–23 сентября 2006 года в Прешове (Словакия). Прешов, 2007. С. 448.

9. Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) [Текст] / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Во-

ронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. (Сер. «Монографии», вып. 8). С. 15–46.

10. Феномен прецедентности и преемственность культур [Текст] / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. (Сер. «Монографии», вып. 8).

11. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. М., 2003. С. 202.

12. Гудков, Д. Б. Указ. соч. С. 146.

13. Степанова, А. В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://samaraaltlinguo.narod.ru/diss/stepanova.doc>

Н. А. Голубева

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена особому разряду прецедентных единиц языка, которые трактуются не в свете прецедентных феноменов, как это традиционно представлено в лингвистике, а в когнитивном аспекте и с ономаσιологических позиций. В фокусе внимания автора находится рассмотрение когнитивных и лингвистических признаков этих языковых и речевых знаков.

The article is dedicated to a special group of precedent language units, which are considered not in connection with precedent phenomena as it is traditionally done in linguistics, but in their cognitive aspects and based on onomasiological grounds. The author focuses attention on cognitive and linguistic characteristics of these language and speech units.

К постановке проблемы

Понятия, которые приобретает человек в процессе познания окружающего его мира, объединяются в систему знаний о мире, именуемую концептуальной картиной мира. Концептуальная система подвергается постоянным изменениям в соответствии с поступающей в нее новой информацией и формирует концептуальную модель мира. Эта модель включает семантический, когнитивный и прагматический уровни [1], или, выражаясь более конкретно, *номинацию*, *когницию* (*когниция* понимается здесь, вслед за Н. Н. Болдыревым, и как познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и как результат этого процесса – знания [2]) и *оценку*. Основная часть этих знаний закрепляется в языке значениями конкретных языковых единиц, т. е. одновременно с мыслительной осуществляется языковая концептуализация действительности. Осмысление поступающей информации о мире, мысленное создание объектов восприятия, зак-

репленное в языковом знаке, влечет за собой процесс их категоризации.

Результатом этого процесса стало выделение прецедентных единиц в единую номинативную категорию (тематизация номинативной категории прецедентных единиц [3]). Целью настоящей статьи является рассмотрение лингвокогнитивных признаков прецедентных единиц (в дальнейшем – ПЕ), которые являются категориальными.

1. Когнитивные признаки

Прецедентные единицы [лат. *praecedens* (*praecedentis*) – идущий впереди, предшествующий] есть когнитивные трансформы, результат семантической деривации во взаимодействии с прагматическими факторами. Это есть единицы, производные от уже существующих языковых/дискурсивных знаков и служащие примером, основанием (смысловым и структурным элементом) для последующих случаев их языкового употребления в новой констелляции.

Вовлеченные в орбиту семантической категоризации, а именно «искусственной классификации», ПЕ объединяются по когнитивно-значимому признаку «прецедентность». Говоря о категории ПЕ, необходимо отталкиваться от когнитивной модели, чье имя они носят. Методологическим посылом для рассмотрения лингвокогнитивной модели прецедентных единиц (в дальнейшем ПЕ) стала гипотеза Дж. Лакоффа о том, что категории формируются когнитивными структурами и получают название идеализированных когнитивных моделей [4].

Формируя номинативную систему, ПЕ представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой понятийно-знаковой (лингвокогнитивной) модели – *прецедентеме*. ПЕ служат единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека, преобразованных в его языковую компетенцию (ср. метафору, поговорку, поэтическое имя собственное, речевой окказионализм или просто сложное слово). Подобные средства складываются в каждой языковой системе, они разнообразны и неоднородны. По существу, каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование прецедентных наименований.

Из сказанного выше следует, что ПЕ всегда отражает какую-либо когнитивную структуру. Она понимается как проявление уже существующих в сознании носителя этноса смыслов, ментефакт, который является субститутом событий, явлений, фактов, информационных состояний. Она является результатом когнитивной репрезентации и формой кодирования и хранения информации.

А. В. Лаенко различает феноменологические и лингвистические когнитивные структуры [5]. Первые формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы: исторических фактах, реалиях личностей, законах природы, произведениях искусства, в том числе литературных. Лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции. Они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, его синтаксическом строении, лексическом запасе и т. д.

При функционировании ПЕ можно говорить о трех видах когнитивных структур: *феноменологической, пропозитивной и лингвистической*. В дискурсе актуализироваться могут одновременно все виды названных когнитивных структур, что не исключает также реализацию только одного вида, а именно лингвистической или феноменологической. Это связано с разными типами ассоциаций, т. е. с разными установками на использование когнитивной базы Говорящего. Данное обстоятельство является определяющим при классификации ПЕ. Их функционально-понятийный стереотип (модель) представлен в языке и речи производными словами, типовыми структурными схемами предложений, генерализованными высказываниями, своеобразными семиотическими знаками, играющими роль вербальных и невербальных символов, дейктиконов, «ярлыков», метатекстовых единиц, метафор. Так, например, скомпелированные пословицы, поговорки, известные речения (*без труда и кашу маслом не испортишь; всё течет, ничего не изменяется; выйти в приличные люди*) или отсылочные единицы типа *сказанное нами выше* и тому подобное отражают феноменологическую, пропозитивную и лингвистическую когнитивную структуры одновременно, так как актуализируют коммуникативный и языковой прецедент. Средства гипо-гиперонимической связи маркируют феноменологическую и лингвистическую когнитивную структуру одновременно, но отражают при этом языковой прецедент. Речевые клише в роли дискурсоорганизаторов или же союзы как знаки вторичной номинации представляют лингвистическую и пропозитивную когнитивную структуру и репрезентируют языковой прецедент. Ср.: *sozusagen, so genannt(er, es, e), des Weiteren, anders gesagt, meines Ermessens; так сказать, так называем(ый, ое, ая), и далее, иначе говоря, по моему мнению; weil, wenn schon, ungeachtet; потому как, если и, несмотря*.

Возьмем другие примеры:

Im letzten Beispielsatz handelt es sich – obwohl eine Relativpartikel *vorliegt* – nicht mehr um eine Relativbeziehung in unserem Sinn [...] – Unter Berücksichtigung *der hier vorliegenden Bedingungen* [...] gehen wir [...] [Duden, 675].

[...] (mit “Wenn es morgen regnet, *bleibe ich zu Hause*” sagt man weder definitiv etwas darüber aus [...] noch dass es nicht regnen wird; und dasselbe gilt fürs *Zuhausebleiben*) [Brücken schlagen, 316].

В двух последних примерах реализуется пропозитивная и лингвистическая структуры одновременно, так как когнитивной базой ПЕ здесь выступает пропозиция (предикат высказывания).

Ср. также в русском языке:

Новые косточки дают прекрасную возможность *помыть* их с особым удовольствием [Телеэфир. 20.03.2008; 8 ч 15 мин].

Здесь имеет место лингвокогнитивная трансформация фраземы *перемыть косточки*, в которой задействованы феноменологическая и лингвистическая когнитивные структуры.

2. Лингвистические признаки

Подверженные семантической категоризации ПЕ базируются, как показано выше, на когнитивно-значимом признаке «прецедентность». Этот признак указывает на *номинативную, лексическую, грамматическую, прагматическую и коммуникативную релеяционность* этих единиц. Следуя постулатам, сформулированным видными учеными, которые занимались в разное время проблемами производных единиц в системе языка, а также в тексте/дискурсе (В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак), *номинативная релеяционность* является их классификационным лингвистическим признаком. Этот признак сигнализирует завершенность актов наименования путем придания им формы лексического значения, которая затем вписывается в парадигматические и синтагматические связи с другими единицами языка и позволяет им выступать актуальными номинациями. Иначе говоря, важнейшую роль в появлении и функционировании ПЕ играет *мотивационный уровень*. Он многогранен и таит в себе многочисленные коды взаимосвязей ПЕ с их прототипами и аналогами. Несомненно, он сложен для исследователя, потому что отражает интересы, устремления, цели и номинативные стратегии носителя языка не только в синхронии, но и в диахронии, синтезирует все языковые уровни. Общеизвестно, что при вторичном/повторном использовании слов в новой для них функции называния закономерно возникает смысловая преемственность наименований (В. Г. Гак, В. Н. Телия). Номинативная производность обычно выражается в наличии у них «внутренней формы» (живой или осознаваемой носителями языка как таковой в данный период развития языка), выступающей как посредник между новым смыслом и его отнесенностью к действительности.

Прецедентные единицы коррелируют с любым номинативным знаком, который объективирует

их по разным критериям. Обусловить появление ПЕ в языке и речи могут содержательные или формальные признаки, эстетические мотивы или определенные эмоциональные состояния, сходные или артефактные ситуации, т. е. *прецеденты* в широком понимании. Поэтому ПЕ могут иметь разную интеллектуально-фоновую направленность: политическую, социумную, лингвострановедческую, религиозную, психическую, профессиональную.

Тезаурус ПЕ, другими словами, прецедентного слова в широком смысле, наполняется именами собственными, модальными формулами речи, паремиологическими единицами, прямыми цитатами и квазичитатами, пословицами и поговорками, риторическими вопросами и клише, метафорой и афоризмами, прецедентными «переводами», глобализмами, семейными текстами, единицами гипо-гиперонимической связи и т. д.

Как известно, языковой знак любого уровня не лишен соотношения двух референциальных составляющих: предметно-логической и эмоционально-экспрессивной, – даже если одна из них представлена нулевым значением. Первая компонента соотносит его непосредственно с денотатом и не допускает его замены синонимами (если иметь в виду, что в языке нет абсолютных синонимов) или же другими коррелирующими средствами обозначения. Вторая компонента означаящего предполагает наличие парадигматических связей: его заменяемость синонимами, антонимами и иными эмоционально окрашенными, «сниженными» или «возвышенными» выразительными средствами. И, как справедливо отмечает В. Г. Костомаров, «во избежание штампования в условиях интенсивной повторяемости они постоянно обречены на немедленную сменяемость» [6]. Этот фактор принципиально важен для формирования генетического кода ПЕ.

Вместе с тем референциальный потенциал слова отражается в его номинативной структуре, представленной также двумя частями. Одна из них, *собственно-лексическая*, выступает мотивирующим компонентом в новом обозначении, так как отсылает к известному (лексическому) источнику деривации. Эта часть является *отсылочной*. Ср.: leisten – das Geleistete; des halber – deshalb; die Weile – weil; abschaffen – die Abschaffung; Es wurde oben von uns gesagt – das von uns oben Gesagte; достигнуть – достигнутое; не смотря – несмотря; по чему – почему; сходиться в театр – поход в театр; выше нами было сказано – сказанное нами выше и т. д.

Вторая часть производного слова komponуется формообразующим элементом (словообразовательным и/или грамматическим). Ср.: lesen – Leser; (но)читать – (но)читатель; говорить – говоря. Этой частью актуализуется только лингвистическая когнитивная структура, хранящая знания о правилах словообразования (законах языка). Она также закладывает номинативный код ПЕ. Повышение удельного веса лексического компонента ПЕ снижает, как правило, коэффициент ее отождествления с производящей номинацией, который может сводиться к подобию за счет внесения в ПЕ семантических осложнений субъективного плана. Ср. die *genannten* Kriterien – die *aufgelisteten* Kriterien – die *vorgeschlagenen* Kriterien – die *postulierten* Kriterien.

В целом ПЕ семантически воспроизводят то, на что указывают, и, как правило, с приращением смысла. Здесь необходимо заметить нюансирование отсылочного компонента в семантической структуре ПЕ. Для некоторых из них лексический компонент существенным образом зависит от их семантического прообраза, как в нижеследующих примерах:

...zu deren inhaltlicher Vollgültigkeit noch *etwas fehlt*. Ist *dieses Fehlende* die reale Erfüllung... [Schmidt, 221].

Die Regulation kann veräußerlicht oder verinnerlicht werden... *Diese regulierende Leistung* gründet sich auf ... [Deutsche Sprache, 30].

Из приведенных примеров видно, что ПЕ базируются на предикате высказывания и составляют семантический эквивалент пропозитивной части, т. е. пропозиция является их коммуникативным прецедентом. Иначе говоря, отсылочная часть этих ПЕ представляет пропозитивную и лингвистическую когнитивные структуры одновременно и актуализирует одновременно языковой или коммуникативный прецедент.

Таким образом, референтом прецедентного знака выступает другой знак (слово, словосочетание, текст), к которому *отсылает* ПЕ. Как следствие, ПЕ представляет собой сложный знак с двойной актуализацией: сначала в предтексте или в донорской лексеме, а затем в заимствующем тексте в виде производной единицы. Поэтому в семантической структуре ПЕ обязательно представлен, а зачастую ярко выражен отсылочный компонент. Именно на этом основании разного рода квазичитации и скомпелированные пословицы, поговорки, образные сравнения, хорошо известные изречения (афоризмы, метафоры), коннективы разного рода причисляются к ПЕ. Ср. (рекламный щит): *Модники и модницы, объединяйтесь!*

Но ПЕ не всегда могут сохранить собственно лексический элемент источника деривации (пропозиции) из-за его структурно-смысловой емкости или разнородности. Тогда эту лексическую лауну заполняет сема ментальности, которая является общим лексическим знаменателем ПЕ как результат обобщающей, абстрагирующей речемыслительной деятельности Говорящего. *Мен-*

мальность выступает, таким образом, отсылочной семантической составляющей производных текстовых единиц.

Это проявляется особенно четко для определенного разряда ПЕ, для которых анализ семантических свойств производящей номинации (в том числе текста) необязателен, так как их лексический компонент остается неизменяемым в пределах семантической группы ментальных глаголов, которые могут маркировать структурно-семантическую деривацию целого текста или его фрагмента. Ср.:

[Дается описание словообразования глагола (стр. 266–271), на которое в нижеследующем предложении делается ссылка.]

Entsprechend dem unter 2.6.6.1. (2) Gesagten werden zu den verbalen (und beschränkt auch nominalen, † 2.6.4.5.) Präfixen auch die Elemente [...] gerechnet [Deutsche Sprache, 271].

Из сказанного следует, что *ментальность* – семантическое свойство прецедентных языковых знаков, которое характеризует их как продукт сложного комплекса явлений, основанного на умственной и психической деятельности субъекта речи. Ментальность корреспондирует с отсылочностью ПЕ. Эти два категориальных свойства обуславливают *интерпретационность* ПЕ, ибо, по мнению Ю. Д. Апресяна, чаще всего интерпретируются физические, речевые или ментальные действия, либо мнения человека, т. е. его контролируемые ментальные состояния [7].

ПЕ являются производными по морфологическому составу или по смыслу; на уровне текста они могут выступать результатом структурной, синтаксической и семантической деривации. Поэтому структурно-синтаксическая характеристика ПЕ не является однородной. Это может быть простое или производное слово, словосочетание, предложение, макротекст в виде литературного произведения. За ними стоят процессы синтаксической и/или семантической транспозиций, ведущих часто к фразеологизации и грамматическому идиоматизму. Ср.: *Oben wurde gesagt* → *das oben Gesagte*; *es ist allgemein bekannt* → *bekanntlich*; *wenn man genau nimmt* → *genau genommen* → *genaugenommen*, *folgender Art* → *folgenderart* и т. п.

Дальнейшей иллюстрацией тому могут служить, например, сложные по структуре и семантике производные союзы или предлоги: нем. *darüber hinaus*, *deshalb*, *nachdem*, *weil*, *wennschon*, *wenn auch*, *wie auch immer*; кроме того, *если уж, ладно бы, наряду, после того как, потому что, поэтому* и т. д. (Вопросы, связанные с грамматическим структурированием каждого вида прецедентных наименований, имеют отдельный исследовательский интерес.)

И здесь нетрудно увидеть, что в основе прецедентных единиц лежат ассоциативные связи,

фиксирующие «работу» памяти – «было». Актуализация одной из номинаций вызывает ассоциацию со своим базовым референтом (номинативным «прародителем»), т. е. оживляет сигнал «воспроизводства сходных фактов». Кроме того, возможность варьирования номинаций задается логическими отношениями между понятиями, а также наличием у референта множества разнообразных свойств и признаков, которые закладываются в основу нового наименования.

Ассоциативная связь имеет свою парадигму отношений между референтами, которая находит свое отражение в смысловой структуре наименований. Это, как известно, отношения тождества (употребление синонимов), включения (при переходе от более широкого значения к более узкому значению, и наоборот) и пересечения (при наименовании объекта по его различным признакам). В качестве примера можно сравнить в немецком языке параллельное существование связанных синонимическими отношениями причинных союзных слов *deshalb*, *deswegen*, *darum*, *daraus resultierend*; в русском языке *поэтому*, *потому что*, *потому как*, *в результате этого*, *как следствие*.

Сделаем выводы. Из представленного анализа ПЕ вытекает важный вывод о том, что *соотношение прецедентных единиц и средств их включения в дискурс языковой личности имеет когнитивную природу*. И далее: из рассмотренной категориальной (когнитивной и референциально-номинативной) характеристики ПЕ вытекают три их главных лингвистических признака: *лексический, грамматический и прагмакоммуникативный*, которые обнаруживают себя в одноименных способах воспроизведения языковых знаков (текстовых/дискурсивных элементов), подробное рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

Примечания

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1987. С. 16.
2. См.: Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2002. С. 9.
3. См.: Голубева, Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Текст] / Н. А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. трудов. Вып. 5. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007. С. 152–168.
4. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. М., 2004.
5. Лаенко, А. В. Пословица есть прецедентное высказывание? [Текст] / А. В. Лаенко // Феномен прецедентности и преемственности культур / А. И. Гришаева, М. К. Попова, В. Т. Титов (Сер. «Монографии», вып. 8). Воронеж, 2004. С. 120–126.

6. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. М., 2005. С. 48.

7. Апресян, Ю. Д. Интерпретационные глаголы: Семантическая структура и свойства [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.

Языковые источники

Duden = Die Grammatik. 4., völlig neu bearb. u. erweit. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.

Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Leipzig, 1983.
Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik. H. Blühdorn, E. Breindl, U. H. Waßner (Hrsg.). Berlin; N.Y., 2004.

Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin, 1966.

Е. Н. Золотухина

МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей интертекстуальных единиц в дискурсе современной разговорной речи и непосредственно механизмам интертекстуальности (образования интертекстуальных единиц). Выявлены механизмы, наиболее характерные для данного дискурса.

This work is dedicated to the research of an intertextual units in a modern colloquial speech and the mechanisms (the formation of an intertextual units). We revealed the most typical mechanisms of this discours.

Явление интертекстуальности свойственно различным дискурсам, в том числе и разговорной речи. Интертекстуальность в разговорной речи еще не описывалась. Наша работа в какой-то мере призвана восполнить этот пробел.

Языковая интертекстуальность – это включенность в текст (речь) уже бывшего и узнаваемого текста, т. е. прецедентного.

Цель нашего исследования – описать механизмы интертекстуальности в современной разговорной речи.

Под *разговорной речью* мы понимаем устную речь современного носителя языка, имеющего среднее, среднее специальное или высшее образование. Основу этой речи составляет речь литературная (общенародная), периферия может включать внелитературные единицы.

Языковая интертекстуальность проявляется в форме аллюзий, реминисценций, цитат, которые можно обозначить общим термином *интертекстуальные единицы*.

Претексты интертекстуальных единиц в современной разговорной речи представлены, как правило, паремиями, а также высказываниями

известных людей, расхожими выражениями, фразеологизмами, художественными текстами, текстом Библии, песнями, фразами из фильмов и др.

Интертекстуальные единицы в современной разговорной речи выполняют две основные функции: смеховую и функцию философской деконструкции сложившихся представлений о мире.

Механизмы интертекстуальности (образования интертекстуальных единиц) в современной разговорной речи, как правило, совпадают с таковыми в других дискурсах (публицистическом, современной массовой литературы), при этом они во многом сопоставимы с механизмами преобразования фразеологизмов [1].

При образовании интертекстуальной единицы всегда происходит полное или частичное изменение смысла претекста (интертекстемы). Следовательно, любое преобразование интертекстемы сопровождается изменением ее значения или компонента значения. При обязательной семантической модификации претекст подвергается графическим, лексическим, синтаксическим преобразованиям. Нередко наблюдается совмещение названных механизмов.

Рассмотрим основные механизмы интертекстуальности в современной разговорной речи.

Семантико-графический механизм

Данный механизм подразумевает модификацию семантики претекста при возможном графическом выделении элементов интертекстуальной единицы. Это нередко сопровождается изменением интонации и пунктуации претекста. Ср.: *Как отГЛЮКнется, хрен отСЛІСКнется* (Как аукнется, так и откликнется); *Осторожно, SOСуализм!* (Осторожно, злая собака!); *Скажи мне, что ты ешь, а я тебе скажу...* (Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты); *Дело мастера боится?* (Дело мастера боится).

Лексико-семантический механизм

Под лексико-семантическими преобразованиями интертекстемы мы понимаем замены в ее компонентном составе. Замещение обычно осуществляется с учетом парадигматических связей замещаемой единицы. Часто это квазисинонимические, квазиантонимические, паронимические (включая параномазы) замены, а также замещения в пределах тематической группы или ассоциативно-семантической близости лексем.

Собственно синонимические, собственно антонимические замены редки, но не исключаются.

1. Квазисинонимические замены

Ср.: *Кто последний, тот опоздал* (Кто не успел, тот опоздал); *Не лажается тот, кто не лабает* (Не ошибается тот, кто ничего не делает).

2. Квазиантонимические замены

Ср.: *В России две радости – дураки и дороги* (В России две беды – дураки и дороги); *Раньше начнем – позже закончим!* (Раньше начнем – раньше закончим!).

3. Паронимические замены

Ср.: *Встречают по одежке, а провожают как Муму* (Встречают по одежке, а провожают по уму); *Бытие определяет сознание* (Бытие определяет сознание); *В жизни всегда есть место пофигу* (В жизни всегда есть место подвигу).

4. Замены в пределах тематической группы

Ср.: *Знает кошка, чем «Вискас» съела* (Знает кошка, чье мясо съела); *Один с ложкой, семеро с вилкой* (Один с сошкой, семеро с ложкой); *Если тебя ударили по лицу, подставь другое* (Если тебя ударили по щеке, подставь другую).

5. Ассоциативно-семантические замены (субституированные лексемы не имеют общности в семантике)

Ср.: *Будешь много жить, скоро состаришься* (Будешь много знать, скоро состаришься); *Куда ни кинь, везде блин* (Куда ни кинь, везде клин); *Век живи, век учись, аспирантом помрешь* (... дураком помрешь).

В группе ассоциативно-семантических замен нередко компонент интертекстемы заменяется словоформой, рифмующейся с ним. Это рифмованные замены. Ср.: *Гепатит приходит во время еды* (Аппетит приходит во время еды); *Долг кутежом красен* (Долг платежом красен).

Синтактико-семантический механизм

Синтактико-семантический механизм преобразования интертекстемы включает следующие приемы: расширение, усечение, перестановка компонентов внутри интертекстемы, изменение ее синтаксического членения, контаминация претекстов, интертекстуальная вариативность (многократная реализация структурной схемы претекста), свободное цитирование.

1. Расширение компонентного состава интертекстемы

Данный прием заключается в возможности распространения интертекстемы лексемой или несколькими лексемами, необходимыми в данной контекстной ситуации, а также в произвольном дополнении претекста новой синтаксической конструкцией (нестандартное распространение интертекстемы).

а) Вставка одного или нескольких слов. Ср.: *Богата зафитыми талантами земля наша; Про-правительственная программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта.*

б) Нестандартное распространение интертекстемы. Ср.: *Жизнь бьет ключом, и все по голове* (Жизнь бьет ключом); *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, но есть женщины, ко-*

торые знают более короткий путь (Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок); *Кого скромность украшает, живут честно, кого нет – красиво* (Скромность украшает). При нестандартном распространении интертекстемы часто используется рифма, а также ритмико-синтаксическая структура интертекстемы. Ср.: *Вся жизнь – игра, а люди в ней – актеры, но каждый рвется в режиссеры; Земли – крестьянам, фабрики – рабочим, пиво – мне.*

2. Усечение компонентного состава интертекстемы

Механизм усечения компонентного состава интертекстемы часто пересекается с семантико-графическим механизмом, что выражается прежде всего в изменении интонации интертекстуальной единицы.

а) Усечение конечной части интертекстемы. Ср.: *Если гога не идет к Магомету...* (Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе);

б) Усечение средней части интертекстемы. Ср.: *Я вас любил, еще быть может...* (Я вас любил, любовь еще, быть может...);

в) усечение начальной и конечной частей интертекстемы. Ср.: *Написано пером – не вырубись...* (Что написано пером – не вырубишь топором).

3. Перестановка компонентов внутри интертекстемы

Ср.: *Дальше едешь – тише будешь* (Тише едешь – дальше будешь).

4. Изменение синтаксического членения интертекстемы

Ср.: *Унылая, пора* (Унылая пора! Очей очарованье!); *Снимаю, порчу* (Снимаю порчу); *Я вас любил! Еще? Быть может* (Я вас любил, любовь еще, быть может...)

5. Контаминация интертекстем

Данный прием – один из наиболее распространенных приемов интертекстуальности в современной разговорной речи. «Контаминация – это взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [2]. Под контаминацией мы понимаем соединение в структуре одной интертекстуальной единицы двух и более интертекстем или их частей. Ср.: *Не все коту масленица, что блестит!* (Не все коту масленица; Не все то золото, что блестит); *На безрыбье и слона из мухи сделаешь* (На безрыбье и рак рыба; Делать из мухи слона); *Роешь другому яму – не забудь постелить солому* (Не рой другому яму – сам в нее попадешь; Знать бы, где упасть, соломки б подстелить).

6. Свободное цитирование

Свободное цитирование заключается в достаточно отдаленном намеке на претекст, что фор-

мально выражается в использовании одного или нескольких компонентов интертекстемы при возможном нарушении ее синтаксической структуры. Ср.: *И на нашей улице КамАЗ с анашой перевернется* (Будет и на нашей улице праздник); *Какой быстрый ездок не любит «Русской»?* (Какой русский не любит быстрой езды?); *Фарш невозможно повернуть назад, и мясо из котлет не восстановишь* (Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь).

7. Интертекстуальная вариативность

Прием интертекстуальной вариативности заключается в возможности претекста подвергаться различному семантическому наполнению в разных контекстах. Некоторые исследователи называют данное явление игровым моделированием [3]. Ср.: *Сделал бизнес – беги с отчизны; Сделал дело, гуляй налево* (Сделал дело – гуляй смело); *Сколько водки ни бефи, все равно два раза бегать; Сколько книг ни читай, а императором не станешь* (Сколько волка ни корми – все равно в лес смотрит); *Путина бояться – в сортир не ходить; Несчастья бояться – счастья не видать* (Волков бояться – в лес не ходить).

Синкретизм механизмов интертекстуальности

Явление синкретизма механизмов интертекстуальности наиболее часто встречается в современной разговорной речи. При этом количество способов контаминирования неограниченно. Ср., например:

1. Синтактико-семантический (нестандартное распространение интертекстемы), лексико-семантический механизмы: *Пьянству – воу, б...дству – girl!*; *Любите газету, неиссякаемый источник кульков для семечек.*

2. Синтактико-семантический (изменение синтаксического членения интертекстемы), лексико-семантический механизмы: *Мусора, из избы не выносить; Путь к сексу, мужчина, лежит через кошелек.*

3. Семантико-графический, лексико-семантический механизмы: *Стопка есть – ума не надо?* и др.

Выводы

1. Механизмы образования интертекстуальных единиц в современной разговорной речи в целом совпадают с таковыми в других дискурсах. Это:

а) семантико-графический механизм;

б) лексико-семантический механизм (квазисинонимические, квазиантонимические, паронимические замены; замещения в пределах тематической группы, ассоциативно-семантической близости лексем);

в) синтактико-семантический механизм (расширение, усечение, перестановка компонентов внутри интертекстемы, изменение ее синтаксического членения, контаминация претекстов, интертекстуальная вариативность, свободное цитирование);

г) синкретичные механизмы.

2. Наиболее характерны для современной разговорной речи следующие механизмы: изменение синтаксического членения интертекстемы, контаминация претекстов, интертекстуальная вариативность (превышает две и более параллелей), свободное цитирование, синкретичные механизмы.

3. При образовании интертекстуальных единиц расширяется объем нелитературной лексики, в том числе и обценной.

Примечания

1. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. М., 1985; *Бахмутова, Е. А.* Выразительные средства русского языка [Текст] / Е. А. Бахмутова. Казань, 1967; *Караулов, Ю. Н.* Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах [Текст] / Ю. Н. Караулов // Язык: система и функционирование: сб. науч. трудов. М., 1988. С. 108–117; *Мелерович, А. М.* Фразеологизмы в русской речи [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. М., 1997.

2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. М., 2007.

3. *Сандалова, Т. А.* Интертекстуальные включения как средство языковой игры в тексте советского газетного фельетона [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Сандалова. СПб., 1998.

Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней

А. В. Калинина

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЗВЕЗДА, ЭЛИТА, СРЕДНИЙ КЛАСС

В статье анализируются языковые единицы *звезда*, *элита*, *средний класс* как отображающие социальный статус человека в обществе. Показываются семантические изменения, происходящие с этими словами в современной речевой практике, говорится об определённых сдвигах в представлениях о социальных ориентирах носителей языка.

In the article are analyzed the words *star*, *elite* and *middle class*, which represent the man's status in the human society. There are shown the semantic changes, happening with these words in modern speech, and alterations in social preferences of native speakers of Russian.

Ох, до чего трудно быть изюминкой!
Особенно в ящике с изюмом.

Ф. Кривин

Имена существительные предназначены для языковой категоризации объектов окружающего мира. Под категоризацией в когнитивной лингвистике понимается «структурирование мира, акт отнесения слова/объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса»» [1]. Наиболее важным «объектом» действительности и образцом категории базового уровня является человек.

Образ человека по данным языка постоянно находится в фокусе внимания лингвистов, ср., напр.: [2]. Поскольку человеческое общество всегда было неоднородным, то большую важность имеют специальные исследования, посвящённые языковому воплощению человека как представителя той или иной социальной группы, как носителя той или иной модели мышления или поведения, как представителя той или иной эпохи, культуры [3].

Целью настоящей статьи является анализ трёх языковых единиц – *звезда*, *элита*, *средний класс* – с точки зрения того, как их семантика и функционирование в речи отражают представления современного носителя русского языка о тех категориях людей, которые считаются в современном обществе образцом для подражания.

Иными словами, как «категоризация» социальная отражается в языке.

Все три лексические единицы рассматриваются в статье лишь в том смысле, в котором они могут быть применены по отношению к человеку, для обозначения статуса человека в обществе. Вопрос о том, каким предстаёт человек в современной речи, уже обсуждался нами [4]. Продолжая данную проблематику, представляется целесообразным проследить, личности какого типа являются «ключевыми» в нынешнем обществе и насколько их статус поддерживается употреблением в речи соответствующих слов.

Существительное *звезда* предназначено для метафорического обозначения не простого, а прославившегося, выдающегося, достигшего в своём деле особенных высот, не похожего на других человека. Иначе говоря, слово *звезда* привлекает внимание к отдельно взятому человеку, к неповторимой по своим качествам «человеческой единице».

Существительное *звезда* по отношению к широко известному и популярному человеку используется, судя по данным словарей, не так давно. Например, в словаре В. И. Даля такое употребление вообще не зафиксировано, а в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова интересующее нас толкование сопровождается стилистическими пометами, говорящими о довольно специфическом использовании слова: «*Звезда* – знаменитость, выдающийся по своим талантам и заслугам человек (книжн. ритор.)» [5]. В толковых словарях последнего времени стилистических помет для данного значения слова не приводится, однако в самих словарных статьях содержится указание на то, представители каких видов деятельности могут называться «звёздами». Ср.: *Звезда* – «о деятеле искусства, науки, о спортсмене: знаменитость» [6]; «тот, кто пользуется широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т. п.)» [7]; «известное лицо (обычно артист, певец, спортсмен и т. п.), пользующееся широкой популярностью» [8]; «*Звездой* называют известного, популярного актёра, певца, спортсмена и т. д.» [9].

Как видим, существительное *звезда* в современной речи употребляется прежде всего по отношению к представителям шоу-бизнеса и спорта. Менее вероятным или даже вовсе невозможным кажется использование этого существительного применительно к людям других профессий: **звезда тяжёлой промышленности*, **звезда сельского*

хозяйства, *звезда военного дела, *звезда коммунальной службы, *звезда торговли и др.

Причина столь избирательной сочетаемости слова заключается, по-видимому, в том, что *звездой* могут назвать только такого человека, на работу которого можно *смотреть* и которым можно *восхищаться*. Кроме того, то, чем занимается такой человек, должно быть *понятно всем*. Работа же большинства людей или незрелищна (на неё неинтересно смотреть), или непонятна для неспециалиста. Поэтому весьма редко говорят *звезда науки, звезда медицины* – чтобы оценить достижения человека в этих областях, нужно самому в них разбираться. Стало быть, *звездой* сейчас называют представителей зрелищных профессий, работа которых понятна всем и может быть оценена по критерию «нравится/не нравится».

Чаще всего это слово применяется по отношению к работникам искусства и особенно шоу-бизнеса. Если попросить обычного носителя языка ответить на вопрос «Как стать звездой?», вряд ли он потребует уточнить, звездой в какой области деятельности нужно стать – пресуппозитивно понимается, что в шоу-бизнесе. Можно сказать, что слово *звезда* сейчас становится простым синонимом наименования «работник развлекательной сферы» и употребляется уже не по отношению к действительно выдающимся людям, а по отношению ко всему «цеху» артистов эстрады, ко всем представителям этой профессии. То, что слово *звезда* действительно используется для обозначения некой «профессии», подтверждает факт создания «профсоюза звезд», ср.: *Звёзды и их адвокаты создают профсоюз по защите своих прав... Бесконечные суды наших звёзд со своими продюсерами сподвигли деятелей шоу-бизнеса создать свой профсоюз* (Комсомольская правда. 2008. 18 марта).

Слово *звезда* постепенно утрачивает положительную оценочность и былую стилистическую возвышенность. Оно перестаёт служить для «штучного» обозначения известных людей и практически не используется для какого-то особого выделения талантливого человека; напротив, слово *звезда* всё чаще применяется для обозначения целого класса лиц. Об этом говорит частое использование существительного *звезда* во множественном числе без поимённого перечисления названных этим словом людей. Ср., напр.: *На юбилее Юдашкина звёзды упражнялись в остроумии* (Московский комсомолец. 2008. 12–19 марта); *Да, западные звёзды сияют спокойно – выпустил диск и обеспечен* (Комсомольская правда. 2008. 13–20 марта); *Настроение у звёзд в этот вечер было преотличное* (Московский комсомолец. 2008. 12–19 марта); *Большинство звёзд выходило на сцену в нарядах кутюрье разных лет*

(Комсомольская правда. 2008. 12 марта). Ср. также названия телепередач: «*Звёзды на льду*», «*Танцы со звёздами*», «*Звёзды на ринге*», «*Цирк со звёздами*», «*Звёзды в моде*» и под.

О нейтрализации значения исключительности, неординарности, которое должно подразумеваться при назывании человека словом *звезда*, свидетельствует и словосочетание *Фабрика звёзд*, служащее названием известного телепроекта, на котором из никому не известных молодых людей делают узнаваемых артистов – «звёзд». Однако фабрика – это место, где «с помощью машин, станков выпускается большое количество однотипных изделий, товаров» [9]. Налицо девальвация значения слова: если начинающий артист сразу называется *звездой*, то как тогда именовать действительно заслуженных певцов и актёров? Возникает потребность в подчёркивании, усилении «звёздного» статуса.

Чтобы отличить «рядовых звёзд» от «заслуженных», используются обозначения типа *мегазвезда, суперзвезда, суперстар, звезда первой величины, мировая звезда* и т. п., ср.: *Джулия Робертс... получила почётную награду за вклад в киноискусство... которой до этого награждались Дензел Вашингтон, Брюс Уиллис, Аль Пачино, Джордж Клуни и другие суперзвёзды Голливуда* (Московский комсомолец. 2008. 12–19 марта); *Во Франции я выступал... вместе с Ванессой Паради, Натальей Имбрульей, Энрике Иглесиасом, Микой и другими мировыми звёздами... Я подумал – надо же, учился в школе на двойки, а теперь гримёрка в Париже рядом с суперзвёздами!* (из интервью А. Данилко. Комсомольская правда. 2008. 13–20 марта). Обратим внимание на то, что в приведённых примерах артисты не только обозначены как «суперзвёзды», но и названы поимённо.

Отметим в связи с этим и факт присвоения известным артистам своеобразных «титолов» (как правило, взятых из названий их песен или фильмов) и также отличающих их от менее именитых коллег: *Примадонна* (А. Пугачёва), *Императрица российской эстрады* (И. Аллегрова), *Король ремейков* (Ф. Киркоров), *Богиня* (Р. Литвинова) и др. Ср.: *До сих пор мы думали, что богиня – это Рената Литвинова. Тем более что она вроде бы так считала и сама, называя свой режиссёрский дебют с собой в главной роли «Богиня: как я полюбила»* (Аргументы недели. 2008. 6 марта); *Алла Борисовна с блеском ведёт своё ток-шоу «В гостях у Аллы»... Примадонна раскрыла новую грань своего таланта – она задаёт вопросы звёздам, какправский репортёр* (Комсомольская правда. 2008. 13–20 марта).

Стало быть, слово *звезда*, которое изначально могло применяться лишь по отношению к «выдающемуся по своим талантам и заслугам чело-

веку» [5] независимо от сферы его деятельности, в настоящее время обесценилось и стало употребляться в первую очередь для обозначения «среднего представителя» шоу-бизнеса.

Не менее противоречивые отношения между исходным предназначением слова и возникающими у него в речи коннотациями наблюдаем и на примере собирательного существительного *элита*.

Применительно к человеческому обществу слово *элита* имеет следующее значение, ср.: «избранное общество (книжн. редко)» [5]; «Лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки (книжн.)» [6]; «О людях, являющихся лучшими представителями общества или какой-л. его части, группы» [10].

Несомненно, что слово *элита* несёт в себе большой потенциал положительной оценки и должно пониматься как синоним выражений *цвет нации*, *цвет общества*. Это слово обозначает высший из всех возможных общественных статусов. Если слово *звезда* должно обозначать отдельную выдающуюся личность, то *элита* подразумевает совокупность лучших людей (истинных «звёзд») общества как единое целое. Принадлежность к элите требует от человека соответствия самым высоким требованиям, как профессиональным, так и (в первую очередь) морально-нравственным, ср.: *Он – «элита» авиации, прошедший боевые действия в горячих точках мифа, имевший множество наград* (Аргументы недели. 2007. № 35); *Люди знают – истинная элита – это те, кто задаёт духовные ориентиры, кто способствует порядку, согласию, справедливости* (Литературная газета. 2008. № 2); *От элиты ждут нравственных совершенств, подвигов, высоких мыслей, ответственности* (Литературная газета. 2008. № 3–4).

Однако в современной речи существительное *элита* (как и *звезда*) нередко используется в весьма искажённом и приземлённом смысле, ср.: *В последние годы слово «элита» изрядно затаскано, употребляется чрезмерно часто в самых различных сочетаниях – «федеральные элиты», «региональные элиты» и даже «местные»* (Литературная газета. 2008. № 10); *На приёме документов у абитуриентов... девочка заполняет какие-то бумажки, доходит до пункта о социальном положении... ответить не может и смотрит на мать – толстую, красную и потную от жары и волнения тётку в золоте – и спрашивает: «Шо писать?» Ответ: «Тю, ты шо, не знаешь? Пиши – элита»* (Литературная газета. 2008. № 2). Эти и подобные примеры говорят о том, что под элитой сейчас понимается не «совесть нации» и даже не заслуженные деятели в какой-либо области, а богатые люди, близкие к

власти. Об этом свидетельствует и сочетаемость слова, те контексты, в которых сейчас обычно употребляется существительное *элита*, ср.: *В России, если человек живёт в дорогой квартире, ездит на дорогой машине, покупает в дорогих магазинах, значит, он принадлежит к элите* (Литературная газета. 2008. № 3–4); *В истории России власть и её «элита», точнее правящие кланы... часто предавали страну* (Литературная газета. 2008. № 2); *...бизнес-элита и сращённое с ней чиновничество создали в России систему сверхэксплуатации производственных фондов* (Литературная газета. 2006. № 33); *Каждый народ достоин своей правящей элиты. И различие правящих элит – в различии поведения народа* (Литературная газета. 2008. № 7); *Переход от ельцинской элиты к путинской* (Литературная газета. 2008. № 2); *90-е стали периодом доминирования бизнес-элит* (Литературная газета. 2008. № 3–4).

Обновлённая семантика слова зафиксирована словарями последних лет, ср.: *«Элита – привилегированная верхушка общества или какой-л. его части, какой-л. группы людей»* [7; 8]. Но такое понимание значения слова не согласуется с привычными для большинства носителей языка представлениями об элите как о людях, «являющихся лучшими представителями общества» [10]. Поэтому нередко встречаются примеры с противопоставлением элиты истинной и ложной, ср.: *Существует громадный разрыв в восприятии и отношении к элите реальной и элите идеальной* (Литературная газета. 2008. № 3–4); *Клан может занять место элиты... но он никогда не может ею стать в истинном смысле этого слова* (Литературная газета. 2008. № 2); *Наши элиты – самопровозглашённые, кто успел-преуспел, тот туда и вошёл. Мы переживаем период самопровозглашения, самоконструирования псевдоэлиты, которая мало озабочена тем, что о ней думает остальное общество* (Литературная газета. 2008. № 10).

Следовательно, существительное *элита* в настоящее время демонстрирует такого же рода семантические сдвиги, как и существительное *звезда*: будучи изначально словом, предназначенным для именованья лучших представителей общества, лексема *элита* под воздействием социальных факторов утрачивает свой безоговорочно положительный смысл. Это слово уже не может использоваться в речи без специального пояснения, какая именно элита подразумевается говорящим: «истинная» или «самопровозглашённая».

На примере слов *звезда* и *элита* мы наблюдаем обесценивание положительной семантики слов, некую «разбалансировку» этих понятий: существительные *звезда* и *элита* начинают обозна-

чать скорее принадлежность к определённой профессии или корпорации (к шоу-бизнесу, к правящему кругу) и всё реже используются для высшей оценки человека по его личностным качествам и профессиональным достижениям.

Какие же идеалы приходят на смену стремлению стать звездой или считаться элитой? Думается, сейчас наиболее привлекательным социальным ориентиром является принадлежность к так называемому среднему классу.

Понятие *средний класс* уже нашло своё отражение в словарях. Ср.: *Средний класс* – «совокупность социальных групп, объединяющая людей со средним достатком: учителей, врачей, рабочих и т. д.» [7]; «совокупность социальных групп материально обеспеченных людей» [8]; «*Средним классом* называют социальную прослойку общества, которая имеет достаточно средств для поддержания жизни» [9].

Словарные толкования, однако, не дают конкретного представления об уровне обеспеченности представителей среднего класса и их человеческих качествах. Нужную информацию можно найти в современной прессе.

Главным критерием принадлежности к среднему классу является материальное благополучие, ср.: *К нему [среднему классу. – А. К.] относятся семьи с доходом 500–3000 долларов на члена семьи в месяц* (Бизнес-журнал. 2008. 28 февр.). Это материальное благополучие возникает в результате упорного труда и сопутствующего ему профессионального роста, ср.: *Средний класс гораздо чаще, чем другие слои общества, считает, что упорный труд в конце концов приносит свои плоды и что конкуренция – это хорошо. Он не ждёт манны небесной и уверен, что материальное положение зависит прежде всего от себя самого* (Комсомольская правда. 2007. 8 февр.); *Стержнем социального мышления среднего класса... является образ независимого, полагающегося прежде всего на себя индивида, способного самостоятельно определять свои жизненные цели и, не прибегая к чьей-то помощи, самостоятельно добиваться их осуществления. В этом главной опорой служат собственные личные качества, знания, силы и способности. «Человек – сам кузнец своего счастья» – вот своеобразный девиз этого типа мировоззрения* (РФ сегодня. 2004. № 17).

Попадание в средний класс считается вершиной успеха для обычного работающего человека и всячески приветствуется государством, провозглашается одной из главных целей развития общества. Ср., напр.: *Средний класс – это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоёв ниже среднего, чувствуют себя хозяевами своей судь-*

бы (РФ сегодня, 2004. № 17); *Президент РФ Владимир Путин, выступая 8 февраля на расширенном заседании Госсовета с докладом о стратегических планах развития страны, подчеркнул необходимость увеличения доли среднего класса в России до 60–70% к 2020 году* (Бизнес-журнал. 2008. 28 февр.); *Президент России Владимир Путин... заявил, что к 2020 году средний класс должен составлять 60 процентов населения страны. Он провозгласил основной целью построение общества равных возможностей, общества без бедности* (Lenta.ru. 2008. 8 февр.).

Следовательно, то, к чему сейчас надо стремиться и то, что обнаруживает в человеке его лучшие личностные качества (умение идти к своей цели, упорство, трудолюбие, работоспособность, самостоятельность), заключено в определении *средний*: надо стремиться стать средним (а вовсе не «звездой» и не «элитой»). Кроме того, надо быть не «самому по себе», а входить в определённую прослойку, раствориться в определённом сословии – в классе. Как же оценивать сочетание *средний класс* с точки зрения соответствия семантики его компонентов тому смыслу, который сейчас вкладывается в эти слова?

У прилагательного *средний* в языке несколько значений, и в сочетании *средний класс* используется, по-видимому, следующее: *средний* – «по своим свойствам или признакам промежуточный между двумя крайними величинами» [5]; «находящийся в середине, между какими-н. крайними точками, величинами, промежуточный» [6]; «*Средним* называется то, что воспринимается и определяется как промежуточное по своим признакам, свойствам между двумя крайними, противоположными признаками, свойствами» [9]. Значит, средний класс общества – это промежуточное сословие между самыми богатыми и самыми бедными. В русском языке уже существовало похожее понятие – среднее сословие, ср.: «*Среднее сословие* (истор.) – название городской буржуазии» [5].

Однако прилагательное *средний* имеет ещё и такое значение: «Ничем не выдающийся, не очень значительный, посредственный, кое-какой (разг.)» [5]; «То же, что посредственный» [6]; «*Средним* называют то, что оценивают как обыкновенное, не отличающееся ни хорошими качествами или свойствами, ни плохими (посредственный)» [9].

Очевидно, что сема 'обыкновенный' присутствует и в словосочетании *средний класс*, но в настоящее время она приобретает положительный смысл: *средний класс* – это «обыкновенные хорошо обеспеченные люди», это социальная норма (по крайней мере, это должно осознаваться как норма). Ср. в связи с этим такой пример: *В российском менталитете всегда присутствует*

понятие «жить не хуже других»... Средние русские – это плоть от плоти народа (РФ сегодня. 2004. № 17). Достижение этого стандарта, этой нормы должно стать целью работающего человека, ср.: Она [вера в существование в России среднего класса. – Л. К.] вполне может стать маяком для множества людей, которые хотят восстановить утраченное чувство социальной солидарности и ориентиры в жизни (Г. Ильичёв. Реконструкция мифа).

Таким образом, на примере употребления в современной речи трёх лексических единиц (*звезда*, *элита*, *средний класс*) мы наблюдаем происходящие в настоящее время когнитивные сдвиги в представлениях о достоинствах отдельной личности. Слова *звезда* и *элита*, предназначенные служить для наивысшей оценки человека по его таланту и нравственным качествам, становятся простым наименованием профессиональной или клановой принадлежности. Словосочетание же *средний класс*, изначально называющее именно обыкновенную «сословную принадлежность», становится мерилем жизненного успеха и предполагает наличие у представителя среднего класса незаурядных личностных качеств.

Изменения в семантике и сочетаемости слов – объективный процесс развития языка, ср. напр.: [11]. Какой бы смысл мы сегодня ни вкладывали в понятия *звезда*, *элита*, *средний класс* и т. п., идеальное представление человека о своём месте в социуме, наверное, всегда будет таким: «...Я чувствовал себя... живой частицей Церкви, Народа и Рода, и это чувство прекрасно гармонировало с ощущением моей личности, которая вовсе не растворялась в чём-то более широком, а органически и соборно включалась и жила в нём» (С. Трубецкой. Минувшее).

Примечания

1. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В. А. Маслова. М., 2007. С. 31–32.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67; Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 2003.
3. Архангельская, А. Красавец-мужчина в чешской языковой картине мира [Текст] / А. Архангельская // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 423–432; Бойко, Б. «Афганский» лексикон. Опыт исследования русского военного жаргона участников войны в Афганистане 1979–1989 гг. [Текст] / Б. Бойко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 585–600; Зай-

цева, И. П. Языковая личность «нового русского» в художественном осмыслении современных драматургов [Текст] / И. П. Зайцева // Слово в слове и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 80–90; Иомдин, Б. Л. Языковая модель понимания [Текст] / Б. Л. Иомдин // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 517–612; Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В. В. Колесов. Л., 1986; Чернова, С. В. Ларра и Данко: языковые модели поведения [Текст] / С. В. Чернова // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: сб. науч. тр. к 80-летию Е. С. Скобликовой. Самара, 2004. С. 199–203; Чернова, С. В. Демагог. Целенаправленное поведение человека в его языковом воплощении (на материале рассказа В. Шукшина «Срезал») [Текст] / С. В. Чернова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журнал. Киров, 2005. № 12. С. 67–71; Чернова, С. В. Притворщики: языковая модель поведения Р. Раскольников и следователя Порфирия (на материале одного фрагмента романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») [Текст] / С. В. Чернова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2006. С. 11–19.

4. Калинина, Л. В. От единства к единице [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журнал. Киров, 2005. № 12. С. 77–82; Калинина, Л. В. Образ современного человека в языке произведений А. Слаповского (на материале сборника рассказов «Мы») [Текст] / Л. В. Калинина // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: сб. ст. по м-лам Междунар. лит.-образ. форума. Киров, 2007. С. 176–181; Калинина, Л. В. Семантика и функционирование существительных «человек», «человечество», «человечина» и «человечность» в современном русском языке [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журнал. Киров, 2007. № 2 (17). С. 81–86.

5. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М., 1935–1940.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2005.

7. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия [Текст] / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2001.

8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2007.

9. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

10. Большой толковый словарь русских существительных [Текст] / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

11. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) [Текст]. М., 1996; Шмелёв, А. Д. Лексические изменения как показатель сдвига в языковой картине мира / А. Д. Шмелёв // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: м-лы междунар. конф. 8–9 июня 2007 г. М., 2007. С. 250–256.

Н. А. Люляева

**ИЗМЕНЕНИЯ В ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКЕ
УЧАСТНИКОВ БИРЖЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1997–2008 гг. (НА ПРИМЕРЕ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ
БИРЖЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»)**

Статья «Изменения в жаргонной лексике участников биржевой деятельности 1997–2008 гг.» показывает, как изменялось в указанный период соотношение варваризмов, калек и русских слов и как эволюционировали системные отношения в жаргоне трейдеров на примере лексико-семантической группы «Наименования участников биржевой деятельности».

The article “Changes in jargon lexis of stock-market activity participants” highlights modifications in the proportion of barbarisms, calques and Russian words, as well as the evolution of traders’ jargon system relations by the example of the lexico-semantic group “Names of stock-market activity participants”.

Рынок ценных бумаг и биржевая деятельность (БД) – важные составляющие рыночной экономики, к которой Россия перешла в недалеком прошлом. Лексика участников биржевой деятельности (УБД) еще мало изучена, так как в советский период биржи и БД были упразднены с окончанием НЭПа, и только в 90-х гг. XX в., после 70-летнего перерыва, в России появились фондовые биржи и фондовые отделы товарных бирж. УБД нуждались в терминологическом аппарате и заимствовали его из языков стран, в которых БД хорошо развита. Вместе с терминами заимствовались и жаргонизмы. Только во второй половине 1990-х гг. в словарях экономической лексики стали появляться статьи с пометой *жарг.* или *сленг.* Однако за то время, которое жаргонизмы включаются в «печатные» словари, и за период существования он-лайн справочников подобной лексики, жаргон УБД значительно меняется (в отличие от слов специальной лексики УБД, которые, войдя в язык, долгое время употребляются в неизменном виде). Слово «печатные» употребляется в кавычках, поскольку первоначально лексика интернет-словарей размещалась только в сети, а в последнее время (2006–2008 гг.) она входит в состав книг и пособий по биржевой торговле тех лиц, которые собирали и трактовали биржевые жаргонизмы, придуманные российскими УБД на отечественном рынке.

Цель статьи – показать изменения, произошедшие в составе и системных отношениях жаргона УБД на примере лексико-семантической группы (ЛСГ) «Наименования УБД», а также

уточнить происхождение ряда жаргонизмов. Материалом для исследования жаргона УБД стали «печатные» и электронные словари, статьи и книги УБД, размещенные в Интернете и других СМИ, комментарии к интернет-статьям и форуму трейдеров.

Анализ состава ЛСГ «Наименования УБД» с точки зрения количества и происхождения жаргонной лексики УБД показывает, что ЛСГ содержит 124 слова и сочетания. Это составляет 12,6% от общего числа проанализированных жаргонных лексем (985 шт.). Для сравнения количества лексем различного происхождения на одном основании приравняем общее количество слов и фразеологизмов, представленных в каждом словаре, к 100%. В таблице мы приводим количество варваризмов (В.), калек (К.), русских слов (РС) и фразеологизмов (РФр.), а также контаминаций РС+К., К.+РС, В.+РС, К.+РС., содержащихся в анализируемых источниках, как в единицах, так и в процентах. Это сделано для сравнения количества слов и фразеологических единиц различного происхождения на одном основании. Данные по словарям приводятся в хронологическом порядке. Для удобства различения размерности показателей и типов словарей («печатные» или он-лайн) используется заливка. Бизнес-словарь, опубликованный на сайте www.businessvoc.ru, обозначается тем же цветом, что и «печатные» словари, поскольку он опирается, как видно из толкований проанализированных в работе лексем, на «печатные» словари экономических терминов. Включение и постоянное обновление жаргонной лексики трейдеров, вероятно, не входит в круг задач сайта. Данные, приведенные в таблице в зависимости от хронологии издания (г. и.) словарей, можно рассматривать как в синхроническом, так и в диахроническом срезах.

Синхронный анализ показывает, что в словаре 1997 г. и. [1], включающем 20 (100%) лексем анализируемой группы, 25% – В. [напр., *аутсайдер*, *бакет*, *контэйн (?)*]; 65% – К. [напр., *клика*, *овца*, *динамитчик*]; 20% – РФр. [*жандарм* и *добрый дядя*].

В источнике того же г. и. [2] 37,5% – В. [напр., *спрэдер*, *бэк-оффис*, *джоббер*]; 56,3% – К. [напр., *быки*, *медведи*, *налётчик*]; 6, 3% – РС [*нерезидент*].

В словаре 2001 г. и. [3] соотношение В. [напр., *бутик*, *скальпер*, *флиттер*] : К. [напр., *длинный дилер*, *мозговой трест*, *публика*] : РС и РФр. [*жандарм*, *добрый дядя*] распределяется как 24% : 68% : 8%.

В интернет-словаре-шутке 2002 г. и. [4] 42,9% составляют В. [*лужер*, *инвестор*, *брокер*], К. отсутствуют, а РС уже преобладают. Их доля – 57,1% [*трояк*, *реник*, *бранс*, *спекулянт*].

В составе словаря сайта www.opole.ru [5] (по словам представителя ИК «Расчетно-Фондовый центр», дата последнего изменения файла – 15.11.02) 10 жаргонизмов анализируемой ЛСГ. Из них: 10% – В. [Грин]; 10% К. [овцы]; 70% – РС [напр., *нерезиденты*, *амеры*, *пендосы* (?)]; 10% Рфр. – контаминаций <В. + РС> [биг бабло].

Из 19 (100%) наименований УБД, представленных в [6] (2006 г. и.), 10,5% – В. [брокер, инвестор], 10,5% – К. [быки, медведи], 79% – РС [напр., *форма*, *нерезь* (?), *толтовик*].

Источник того же г. и. [7] включает в себя 31 (100%) жаргонное наименование УБД. 25,8% из них – В. [напр., *бакет*, *конмэн* (?), *джоббер*], 65% – К. [*динамитчик*, *клика*, *наблюдатель за акулами*]. Три К. [*спящая красавица*, *белый рыцарь*, *черный рыцарь*] встречаются впервые. Новым элементом является и контаминация <К. + В.> [*слепой пул*]. РС составляют 3% [*спекуляр*, *жандарм*, *добрый дядя*].

Приложение к первому биржевому триллеру «Инсайдер» – «Словарь биржевого сленга» [8] – содержит 11 (100%) наименований УБД. 9% из них – В. [Грин], 18% – К. [овцы, свиньи], 64% являются РС [напр., *нерезиденты*, *америкосы*, *кукловоды*], 9%, т. е. одно сочетание Рфр. – контаминация <В. + РС> [биг бабло].

Среди наименований УБД в он-лайн словаре сайта www.businessvoc.ru [9] преобладают К.

[напр., *брокер бродячий*, *наблюдатель за акулами*, *олень*] (52%) и В. (43%) [напр., *скальпер*, *джоббер*, *рейдер*]. Только 5% [лексема *жандарм*] – РС.

В словаре К. Царихина [10, 11], впервые опубликованном в сети Интернет в 2002 г. и постоянно пополняющемся новыми жаргонизмами, представлены 73 (100%) наименования УБД. Число В. сокращается до 3% [*скальпер*, *спрадер*], К. составляют 11% [напр., *бык*, *медведь*, *лемминг*], РС [напр., *фьючерист*, *бидовики*, *шортобус*] преобладают (89%). Появляется контаминация (1%) – Рфр. <РС + К.> [*грамотные медведи*].

При рассмотрении данных таблицы в диахронии мы видим, что количество жаргонизмов ЛСГ «Наименования УБД» варьируется за период с 1997 по 2008 г. в «печатных» словарях от 16 до 31 слов и выражений, причем интернет-словарь [9] (данные марта 2008 г.) содержит не максимальное число лексем. В он-лайн словари включается от 7 до 73 лексем и фразеологизмов. В обоих типах источников наблюдается устойчивый рост количества жаргонизмов, принадлежащих к анализируемой ЛСГ (увеличение составляет 15 и 66 единиц соответственно).

Процентный состав В. колеблется в рассмотренных источниках от 25% [1] до 42,9% [4, 9] фразеологизмов. Показатель [4] – самый высокий среди он-лайн словарей, в остальных источ-

Происхождение жаргонной лексики УБД (в единицах и процентах)

	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7]	[8]	[9]	[10, 11]
	1997	1997	2001	2002	2002	2006	2006	2006	2008	2008
Количество жаргонизмов этой ЛСГ в словаре, ед.	20	16	25	7	10	19	31	12	21	73
Количество жаргонизмов этой ЛСГ в словаре, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В., ед.	5	6	6	3	1	2	8	1	9	2
В., %	25	37,5	24	42,9	10	10,5	25,8	8,3	42,9	2,8
К., ед.	13	9	17	0	1	2	20	1	11	5
К., %	65	56,3	68	0	10	10,5	64,5	8,3	52,4	6,9
РС и Рфр., ед.	2	1	2	4	7	15	3	9	1	65
РС и Рфр., %	10	6,3	8	57,1	70	78,9	9,7	75	4,8	89,0
Контаминаций РС+К., К.+РС, В.+РС, К.+РС, ед.	0	0	0	0	1	0	0	1	0	1
Контаминаций РС+К., К.+РС, В.+РС, К.+РС, %	0	0	0	0	10	0	0	8,3	0	1,4

никах этого типа количество В. ниже: 10% (2002 г.) – 11 % (2006 г.) – 2,8 % (2008 г.). **Максимальное число К.** приходится на «печатные» словари (65% [1], 56% [2], **68% [3]**, 65% [7], 52% [9]). В он-лайн изданиях процент К. не так высок: максимум (10,5%) приходится на [6], минимум (0%) включается в [4]. Разница между максимумами К., приводимых в «печатных» и он-лайн источниках, составляет 57,5%.

РС и Рфр. в «печатных» изданиях немногочисленны, они составляют от 6,3% до 10% в словарях 1997–2006 гг. В Справочно-информационном ресурсе для предпринимателей [9] (2008 г.) численность РС и Рфр. снижается до 4,8%. Это может подтверждать высказанную ранее идею об ориентированности ресурса на специальную нормированную, т. е. включенную в словари, лексику. Онлайн-словари УБД более чем на половину состоят из РС и Рфр., причем если в 2002 г. их количество равнялось 57,1%, то к 2008 г. оно возросло до 89%. Появляются **контаминации РС+К., К.+РС, В.+РС, К.+РС.** Все это может свидетельствовать об активном словотворчестве УБД и быстрой фиксации новых слов и фразеологизмов в онлайн-словарях, авторами которых являются практикующие трейдеры.

Рисунок иллюстрирует различия в происхождении жаргонизмов, фиксируемых в «печатных» и он-лайн словарях.

Исследование **системных отношений жаргонной лексики УБД** в рамках **словообразования** позволило сделать следующие выводы:

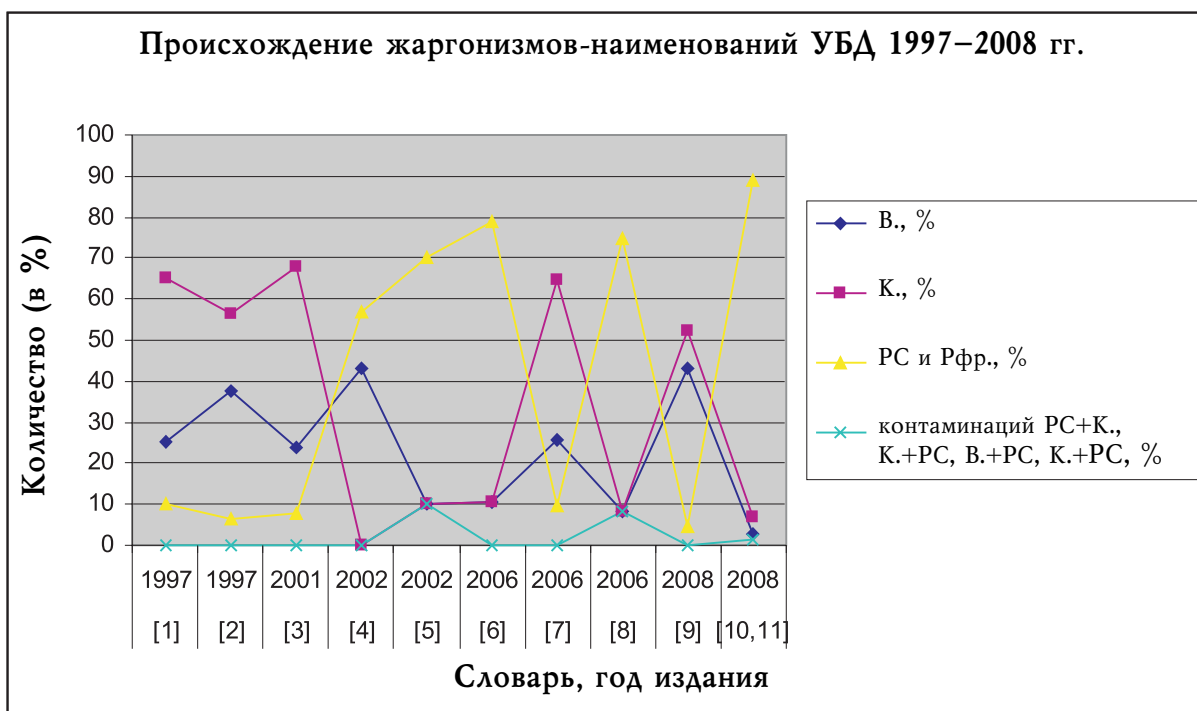
1) Некоторые калькированные лексемы и варваризмы, принадлежащие к ЛСГ «Цены, биржевые котировки, доходность, базисные пункты и характеристики их движения», за несколько лет активного употребления в русском языке стали привычными, и от них образуются дериваты, вошедшие в ЛСГ «Наименования УБД» (напр. *офер* > *оферист*, *бид* > *бидовик*, *пипс* > *пипсол* и др.). Плодом ассоциации с образом животных, олицетворяющих игроков на повышение и понижение – быков и медведей, – становится образование выражений *отрастить роза*, *стучать копытами* (приобщится к быкам – игрокам на повышение) и *отрастить когти*, *покрыться шерстью* (приобщится к медведям – игрокам на понижение). Эти фразеологические сочетания входят в ЛСГ «Действия и состояния УБД».

2) Продуктивными способами образования жаргонизмов трейдеров являются:

а) суффиксальный (*офер-ист*, *квик-арь*, *пипс-ов-ик*, *эллиот-чик*);

б) сложение основ, одна из которых – недавно появившийся В. (*шорт-о-бус* [11], *пипс-о-лов* [11]);

в) образование новых слов-контаминаций в результате языковой игры (*аферист – тот, кто занимается аферами, проходимец* [12] > *оферист* [<офер] – *трейдер, выставляющий заявки на продажу* [6]; *бедуин – араб-кочевник* [13] > *бидуин* [<бид]- *бидующий трейдер* [6], т. е. трейдер, выставляющий заявки на покупку; *мокруха – убийство с пролитием крови* [14] – *макруха* [<макро-] – *макроэкономика* [6]);

г) возникновение омонимов уже имеющих в русском языке слов за счет метафорического переноса (*кулак* – богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков [13] > *кулак* – крупный, агрессивный спекулянт, маркет-мейкер; *помойка* – место для мусора, выливания помоев [13] > *помойка* 4 – отделение милиции; *помойка* 5 – притон деклассированных элементов [14] > *помойка* – магазин Second hand; *мойка*, место для мытья посуды; милиция [15] > *помойка* – небольшая брокерская фирма, созданная под конкретного, обычно очень богатого клиента [11]; *альпинист* – тот, кто занимается альпинизмом [12] > *альпинисты* – игроки на повышение [11].

Системные отношения внутри ЛСГ «Наименования УБД» в структурном аспекте можно описать схемой род (ЛСГ) – вид (ЛСпГ) – подвид. В ходе их исследования выделены следующие лексико-семантические подгруппы (ЛСпГ), некоторые из них целесообразно разделить на более мелкие единицы:

1) **трейдеры – поклонники той или иной торговой системы или метода** (*стаканцист, атоцист, квикарь*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях;

2) **трейдеры, специализирующиеся на той или иной тактике** (напр., *динамитчик, плечевик, пробойщик*); **определенном продукте** (напр., *спрэдер, фьючерист, толпа*); **разновидности рынка** (напр., *географист, фондовик, спотовик*; лексем, принадлежащих этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях); **без определенной специализации** (*брокер бродячий*);

3) **брокерские фирмы** (*бакет, бутик, кухня*);

4) **инвесторы: индивидуалы** (напр., *портфельщик, корм, стратег*; лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях); **инвестиционные компании** (*трояк, реник, бранс*; лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях); **сотрудники инвестиционных компаний** (*троякц, атоновцы*; лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях);

5) **компании – объекты инвестирования** (*спящая красавица*). Этой ЛСпГ нет в «печатных» словарях до 2006 г.;

6) **участники биржевых торгов: профессионалы** (напр., *олень, спекуль, тигр*); **дилетанты** (напр., *муфлоны, лемминг, лузер*); **мошенники** (*конмэн*);

7) **объединения УБД** (*клика, корнер* (в [10]));

8) **клиенты** (напр., *розница, физик, юрик*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях;

9) **маркет-мейкеры** (напр., *разводица, крупняк, нерез*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях;

10) **УБД-нерезиденты** (напр., *буржуи, западники, фомка*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях;

11) **аналитики, финансовые консультанты** (напр., *астролог, гурвинник, технарф*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях;

12) **участники форумов, чатов** (напр., *чатисты, чатлане, форумчане*). Лексем, принадлежащих к этой ЛСпГ, нет в «печатных» словарях.

Диахронический анализ родовидовых отношений позволяет отметить, что в т. н. «печатных» словарях 1997–2005 г. и приведенная выше классификация выглядит как:

2) **трейдеры, специализирующиеся на той или иной тактике** (напр., *динамитчик*); **определенном продукте** (напр., *спрэдер*);

3) **брокерские фирмы** (*бакет, бутик*);

6) **участники биржевых торгов: профессионалы** (напр., *олень*); **дилетанты** (напр., *овца*); **мошенники** (*конмэн*)

7) **объединения УБД** (*клика*).

В 2006 г. [7] появляется сочетание *спящая красавица*, выделяемое в ЛСпГ 5. **компании – объекты инвестирования** (*спящая красавица*).

Таким образом, мы видим, что система родовидовых отношений с течением времени существенно расширяется за счет образования новых слов и фразеологизмов участниками российского фондового рынка и калькирования иноязычных сочетаний.

Анализ лексикологического аспекта позволяет отметить изменение значений некоторых лексем. Например, слова *волк* и *овца* в [1], [2], [3] и [7] приводятся в паре и толкуются как «*удачливые и, соответственно, побежденные игроки на бирже*», в [4] и [6] – отсутствуют, а в [10] появляются уже с модифицированным значением: *волк* – «*уверенный в себе, редко проигрывающий игрок, который всегда имеет свое мнение о перспективах рынка*», а *овца* – «*неопытный, трусливый игрок, не имеющий своего мнения о перспективах рынка. Как правило, О. проигрывает*».

Внутри многих ЛСпГ появляется синонимия. Так, для обозначения трейдера, спекулирующего на быстрых колебаниях цен, происходящих зачастую в течение нескольких минут, с целью заработать деньги, используются лексем: *скальпер* (возможное написание – *скэлпер* (прим. в [3])), *черепашка*, *заяц*, *мышечный наркоман*, *пипсовик*, *пипсолов*. *Пипсовик*, *пипсолов*, *черепашки* – полные синонимы, они толкуются как «*скальперы*». Однако нельзя ставить знак строгого равенства между этими лексемами, словом *заяц* и сочетанием *мышечный наркоман*. Их различают некоторые компоненты значения. Автор [10, 11] говорит о синонимии жаргонизма *скальпер* и лексем *заяц* – «*игрок, совершаю-*

ций большое количество сделок в течение небольшого промежутка времени», но тут же замечает, что «в большинстве случаев зайцем называли скальпирующую овцу». В определении фразеологизма «мышечный наркоман» присутствует уточнение: «это скальпер, который так сильно увлекается игрой, что обходиться без неё уже не может». Здесь появляется компонент зависимости от игры на бирже, который отсутствует в толковании слова скальпер. Интересно, что в данном случае прилагательное «мышечный» – продукт языковой игры: происходит подмена производящей основы: мышца > мышь (компьютерная). Об этом свидетельствует толкование, приводимое в [10, 11]: «такой игрок вводит заявки в торговую систему с помощью “мышки”, откуда и его название». Литературное слово мышечный восходит к лексеме мышца. Последняя, согласно М. Фасмеру [16], произошла от слова мышь (небольшой грызун серого цвета). Таким образом, языковая игра становится ненамеренной иллюстрацией «осовремененной» этимологии.

УБД зачастую иронизируют по поводу самих себя, что отражается в толкованиях некоторых лексем. Так, значение слова аналитик объясняется как патология; трейдер [6] – как диагноз, а лексема брокер в словаре-шутке [4] трактуется как «неторопливый мэн, исполняющий любое ваше желание (конечно, по покупке/продаже акций и других активов)». Последнее слово, так же, как лексема спекулянт в значении «несостоявшийся инвестор» [4], может стать примером омонимических отношений в специальной и жаргонной лексике УБД. Существует омонимия и между лексемами, принадлежащими к ЛСГ «Обозначение УБД» и «Деньги, капитал и характеристики их движения, финансовые поощрения, штрафы». Лексема Грин – «Алан Гринспен» (председатель Федеральной резервной системы США [до 1 февраля 2006 г. – прим. Н. А. Л.]) [5] вступает в омонимические отношения с лексемой грин (доллар США) [11]. Единственное различие, передающееся только на письме – прописная (обозначение фамилии) или строчная (в значении доллар США) буквы. Это единичный случай омонимии внутри жаргонной лексики УБД.

Итак, мы видим, что в составе ЛСГ «Наименования УБД» происходят значительные изменения. Если в 1997 г. основу жаргонной лексики составляли заимствования из английского языка, то к 2008 г. стали преобладать русские слова и фразеологизмы. Развиваются также системные отношения в жаргонной лексике УБД. Многие ЛСПГ, появившиеся в 90-х гг. XX в. обогащаются придуманными российскими трейдерами жаргонизмами, нарождаются новые подгруппы. Варваризмы и кальки становятся деривативами, от

которых образуются русские слова и устойчивые выражения. Благодаря образованию новых русских слов появляются синонимы. За счет усеечения фамилии Гринспен > Грин возникает омонимия. Отмечаются сдвиги в значении некоторых слов и выражений. Значительное увеличение количества жаргонизмов УБД и существенные изменения в составе отражают процессы, происходящие в жаргонной лексике биржевиков в целом. Они свидетельствуют об активном словотворчестве участников интенсивно работающей и развивающейся области деятельности.

Примечания

1. Лозовский, А. Ш. Универсальный бизнес-словарь [Текст] / А. Ш. Лозовский, Б. А. Райзберг, А. А. Ратновский. М.: ИНФРА-М, 1997. 640 с. (Библиотека словарей ИНФРА-М).
2. Лозовский, А. Ш. Словарь-справочник предпринимателя [Текст] / А. Ш. Лозовский, Б. А. Райзберг. М.: Ось-89, 1997. 228 с.
3. Лозовский, А. Ш. Биржа и ценные бумаги [Текст]: словарь / А. Ш. Лозовский, А. А. Благодатин, Б. А. Райзберг. М.: Экономика, 2001. 327 с.
4. Ланчев, Э. Словарик трейдера [Электронный ресурс] / Э. Ланчев, С. Ланчева // <http://www.parusinvestora.ru/articles/art13.shtml>; http://www.forex_library.shtml
5. Словарь трейдерского сленга от Stager [Электронный ресурс] // <http://www.opole.ru>; <http://www.opo.ru>
6. Этимологический словарь трейдера [Электронный ресурс] // <http://www.finam.ru>; <http://www.forexltld/forum/tm.aspx?m=90>
7. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь [Текст] / А. Б. Борисов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2006. 860 с.
8. Словарь биржевого сленга [Текст] // Инсайдер. Биржевой триллер / Виктор Ильин. М.: Вершина, 2006. 256 с. с. 250–255.
9. Бизнес-словарь [Электронный ресурс] // <http://www.businessvoc.ru>
10. Царихин, К. С. Словарь великорусского биржевого жаргона [Электронный ресурс] // <http://www.fintraining.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=495&mode=thread&order=0&thold=0>, <http://forum.mabico.ru/showthread.php?t=453>
11. Царихин, К. С. Русский биржевой жаргон [Электронный ресурс] // http://finansist.pp.ru/dictionary/ruszhargon_01.shtml; http://finansist.pp.ru/dictionary/ruszhargon_27.shtml
12. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. © 2005, Ефремова Т. Ф. 136 тыс. статей в версии для Lingvo // АБВУ Lingvo 11 Англо-русский электронный словарь [Электронный ресурс]. ООО «Аби Софт» 11162, г. Москва, ул. Большая Косинская, д. 139, стр. 7 <http://www.ABVU.ru>; <http://www.lingvo.ru>
13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
14. Грачев, М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений [Текст] / М. А. Грачев. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.

15. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь: более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов [Текст] / Т. Г. Никитина. М.: Астрель: АСТ, 2007. 910 [2] с.

16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1986. Цит. по электронной версии для словарей Lingvo 11 // <http://www.lingvo.multikulti.ru/Russian%20Explanatory%20-%20Index.html>

Т. Г. Письмак

СЕМАНТИКА НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Изучается семантика неконтролируемого действия. Предлагается типология неконтролируемых значений на материале глагольных единиц русского и французского языков.

The paper deals with the semantics of uncontrolled actions. The author proposes the typology of uncontrolled meanings on the basis of Russian and French verbal units.

В последнее время в лингвистической литературе большое внимание уделяется понятию контроля [1]. Анна А. Зализняк описывает его следующим образом: «Про человека *X* можно сказать, что он контролирует ситуацию *P*, если *X* является в *P* субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [2]. Соответственно под понятием неконтролируемости мы понимаем такое положение дел, при котором человек *X* в силу внутренних или внешних причин не может влиять на процесс совершения и/или на результат совершенного им действия. Отсутствие контроля или его утрата может быть абсолютно по различным причинам: невнимательности со стороны *X*, неосторожности, рассеянности, внутренних физиологических процессов, каких-то внешних воздействий и т. п. Кроме того, действие может быть не контролируемо в принципе (вздвогнуть, икнуть), и контроль над действием может быть утрачен во время его осуществления. Поэтому неконтролируемость в естественном языке представляет неоднородную семантическую область, которая имеет несколько неконтролируемых значений. Средства выражения неконтролируемого значения различны. Неконтролируемое значение представляет собой свойство ситуации, но последнюю определяют составляющие ее компоненты, в числе которых, несомненно, важная роль отводится глаголу. В многих случаях неконтролируемое значение пе-

редает сам глагол. Тип значения зависит от нескольких факторов. К числу основных мы относим участие субъекта в осуществлении действия. Роль субъекта может быть как определяющей, если неконтролируемое значение реализуется из-за утраты субъектом контроля над своими действиями, и неопределяющей, если осуществление действия производится субъектом неосознанно или если субъект является лишь участником, по отношению к которому выполняется действие. Учитывая мнения современных исследователей [3] и результаты анализа языкового материала, можно выделить несколько значений неконтролируемости.

Непроизвольность предполагает независимость протекания действия от участия сознания и воли. Следует отметить, что все же рассматриваемое неконтролируемое значение в большинстве случаев выражается сочетанием наречия с глаголом контролируемого действия. Возможно, это объясняется тем, что лишь произвольное действие может стать непроизвольным благодаря неосознанности выполнения субъектом действия. В высказывании: *И как-то сразу, непроизвольно сделал движение к ней и что-то сказал: «Соня!» или «здравствуй!» или «это ты?»* (Ю. Трифонов)* действие осуществляется субъектом неосознанно, т. е. не направляется деятельностью сознания.

Таким образом, непроизвольность тесно связана с неосознанностью.

Неосознанность предполагает либо полное отсутствие сознания, либо нерелевантность его участия. Отсутствие сознания предопределяет отсутствие воли и какого-либо намерения: *Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова* (М. Ю. Лермонтов)*. Во французском языке значение неосознанности содержится в таких глаголах, как *déraisonner*, *extravaguer*, для толкования которых используются лексические средства, указывающие на то, что действие происходит без участия разума (*qui trouble l'esprit; le délire; l'agonie; dépourvus de raison, sans raison*). Отсутствие участия сознания влечет за собой невозможность контроля над ситуацией:

– *Je suis ici parce que Éloïse te savait chez le docteur à 4 heures, qu'elle n'avait pas de nouvelles de toi, et qu'elle s'affolait* (F. Sagan).

– Я пришел, потому что Элоиза знала, что ты в четыре часа отправился к доктору и вдруг куда-то пропал, и она безумно беспокоилась (здесь и далее перевод выполнен автором).

В данном высказывании глагол *s'affoler* употреблен в значении *perdre la tête par affolement* (букв.: терять голову от безумия). Употребление во французском языке существительного *affolement* (безумие) эксплицитно выражает нео-

сознательность и подчеркивает, что субъект не владеет ситуацией.

Стихийность. Некоторые действия могут происходить по отношению к субъекту, без участия его сознания или на основе сознательных операций, реализация которых, скорее всего, происходит на уровне «подсознания»:

Il enrageait et s'en étonnait (F. Sagan).

Он был взбешен, и сам этому удивлялся.

Действие происходит по отношению к субъекту стихийно, независимо от его воли и не управляется сознанием.

Стихийность довольно часто заложена в значении глаголов внутреннего состояния. Субъект претерпевает действие, а не осуществляет его. Он может осознавать или не осознавать, что с ним происходит, но осуществление самого действия происходит независимо от него: *Ему что-то нездоровилось: дыхание было горячее и тяжкое, ослабели ноги, тянуло к питью* (А. П. Чехов).

Рефлекторность характеризуется нерелевантностью участия сознания и воли, отсутствием намерения: *В смысле, не я икал, не Я. Это оно икнуло (показывает на внутренности), но для всех-то это я икнул...* (Е. Гришковец)*. Данное значение довольно часто выражается глаголами, передающими внутренние процессы организма.

Импульсивность свойственна непровольным действиям, возникновение которых, как правило, происходит внезапно и не зависит от воли человека. Удержаться от таких действий требует больших усилий:

Il s'énerva brusquement: – Comment peux-tu regarder ça? (F. Sagan).

Жиль вдруг взорвался: – Неужели ты в состоянии смотреть это! Действие происходит неосознанно, внезапно и произвольно. Оно часто оценивается субъектом только *post factum*.

Следующим типом неконтролируемости мы назовем **невольность**, которая предполагает два возможных варианта: осуществление действия против воли субъекта и протекание его независимо от воли последнего.

Значение невольности, независимость от воли субъекта, содержится, прежде всего, в глаголах внутреннего состояния и физиологических реакций: *краснеть, бледнеть, рыдать, смеяться, скучать, тосковать, разозлиться, мучиться, закашляться, очутиться, лишиться, упасть* и т. п. В высказывании:

Il gémissait de rire... (F. Sagan).

Он стонал от смеха –

действие осуществляется вопреки воле субъекта. Сочетание «стонать от смеха» передает ситуацию, когда человек не может остановиться, удержаться от смеха, хотя ему уже тяжело смеяться, и он не хочет этого делать.

Второй вариант невольности, осуществление действия независимо от воли субъекта, представлен в следующем высказывании: *Может быть, он и сам стыдился и приходил в ужас, видя себя уже в летах и отцом семейства, при таких легкомысленных надеждах, а потому и злился невольно на Дуню* (Ф. М. Достоевский). Сочетание глагола *злиться* с маркером невольности – наречием *невольно* лишь акцентирует значение невольности в осуществлении действия.

Невольность может быть представлена следующими подтипами.

Нечаянность мы определяем таким образом: X выполняет действие P не специально, сам того не желая, нечаянно. Эти действия предполагают наличие агентивного субъекта, а также объекта, на который происходит воздействие. Значение нечаянности содержится в глаголах: *наступить* (на ногу кому-либо нечаянно), *задеть* (кого-либо нечаянно), *толкнуть* (кого-либо нечаянно) и т. д. Нечаянность характеризует действие как не предполагаемое, неожиданное, совершаемое без намерения, случайно. Во французском языке используется относительно немного глаголов подобного типа. В качестве примера можно привести глаголы: *répandre* (пролить), который толкуется как *verser, épanche (un liquide)* т. е. проливать, разливать (жидкость), и *renverser* (переворачивать, проливать, просыпать). Подобные глаголы во французском языке не имеют эксплицитного выражения семантики невольности: ср. *Répandre de l'eau sur la terre* (орошать, поливать) *Répandre son potage sur la nappe* (пролить суп на скатерть). Однако из денотативной ситуации понятно, что действие «пролить суп на скатерть», как правило, невольно: любой здравомыслящий человек не будет делать это специально (за исключением некоторых особых случаев, когда действие совершается с какой-либо целью). Глагол *verser* также может в разных контекстных ситуациях актуализировать как значение контролируемости, так и неконтролируемости: ср. *Verser du vin dans un verre; le verser d'une bouteille dans une autre* – налить в стакан вина; перелить его из одной бутылки в другую – и *verser par terre* – пролить на пол. Глагол *renverser* со значением «*répandre (un liquide) en renversant le récipient*» (пролить (жидкость), перевернув емкость) также содержит значение нечаянности: *renverser du lait, du vin, son café* – пролить молоко, вино, кофе.

Вынужденность характеризуется участием сознания: X осознает отсутствие выбора, действие совершается против его воли. Значение вынужденности не отрицает наличие намеренности. Человек может выполнять действие без желаний, даже против воли, в силу необходимости, но он его выполняет намеренно: *Он вынужден был потерять из-за этого почти ме-*

ся, но через месяц, даже еще не сняв гипс, уже вновь ходил по улицам, собирая всякий раз на кирпич больше нормы – чтобы наверстать упущенное время (А. Слаповский)*. Чаше невольность сопряжена со значением **ненамеренности**, которая характеризует следующие действия субъекта:

1) субъект имеет желание и стремление (намеренность) выполнить действие. Он прилагает усилия для реализации этого действия с целью получить ожидаемый результат. Но семантика неконтролируемости является следствием нарушения этого действия или его результата.

Действие становится ненамеренным, поскольку не реализуется «намеренность» субъекта: *просчитаться, пересолить, переперчить, перетфенироваться, перетрудиться, заработать, заиграться, засидеться* и т. п. Субъект имеет намерение, но результат из-за утраты контроля во время осуществления действия не совпадает с планируемым: *se tromper de date* (перепутать дату), *manquer le but* (не попасть в цель);

2) субъект не имеет намерения осуществить действие (*потерять, лишиться, очутиться, подхватить* (болезнь), *забыть*). Так, в высказывании: «*Il ne faisait pas bon se trouver sur son chemin*» (Hamilton)

Было бы совсем плохо оказаться на его пути – предполагаемое действие нежелательно для субъекта, он не намерен его совершать, однако в значении глагола *se trouver* присутствует значение невольности, которое отражает реальную возможность его реализации независимо от воли субъекта. Подобные действия определяются некоторой внешней по отношению к нему силой;

3) субъект становится участником действия, но не прилагает каких-либо специальных усилий для его осуществления: *Случайно подглядел девушку, купающуюся в море, и потерял покой навсегда* (П. Алешковский)*. В данном высказывании субъект выступает в роли созерцателя, не прилагающего никаких усилий. Действие произошло неожиданно для самого субъекта, что отрицает какое-либо намерение;

4) субъект осуществляет действие, которое не должен был совершать (*проболтаться, проговориться, выболтать, сболтнуть* (сообщить, рассказать то, что следовало хранить в тайне). В данном случае наблюдается синкретизм значений ненамеренности и невольности: *Наверное, Лидка ему все-таки проболталась – скрывала, скрывала несколько месяцев, а потом проболталась* (Т. Тронина)*;

5) субъект совершает действие, причиняющее ему вред или вызывающее неприятные для него последствия: *Il s'est blessé en tombant, avec son couteau* (Во время падения он порезался своим ножом).

Иногда субъект, выполняя какое-либо действие, теряет контроль в процессе его осуществления. Действие выходит из-под контроля из-за ошибки, невнимательности или в силу других причин, к примеру, из-за того, что человек увлекается данным действием, забыв о времени (*заболтаться, засидеться, заработать, засмотреться, заговориться*). Предполагаемый – «запланированный» – результат в итоге не получается: *Один такой вот мальчишка, у которого маму унес туберкулез и бабушку эта последняя утрата тоже вот-вот должна была унести, шел за хлебом в ближайший магазин да заигрался на улице с пацанвой возле дворовых ворот* (А. Мамедов)*. Субъект выполняет действие, имеет намерение и желание немного поиграть. На начальном этапе субъект контролирует действие, но происходит отклонение от намеченного плана: субъект увлекается игрой, и результат отличается от предполагаемого: субъект играет значительно дольше, чем предполагал, а это не входило в его намерение. Действие характеризуется ненамеренностью, что находит свое отражение в значении глагола *заигрался*.

Непреднамеренность является подтипом ненамеренности и характеризует действие как совершаемое или совершенное субъектом без умысла, заранее обдуманного намерения. Действие происходит случайно, неожиданно. Значение непреднамеренности содержится в таких глаголах, как: *столкнуться 2* (неожиданно встретиться, сойтись на пути), *набрести 1* (бредя, блуждая, натолкнуться; неожиданно, случайно обнаружить), *подглядеть* (случайно, нечаянно или украдкой заметить, увидеть), *подсмотреть 2* (случайно, нечаянно заметить, подглядеть), *приблудиться* (случайно забрести куда-либо) и т. п. Русское *набрести, напасть* во французском довольно часто передается глаголом *tomber* (упасть), который также содержит значение непреднамеренности: *набрести на грибное место – tomber sur un coin à champignons*; *раскрыв книгу, я набрел на то место, которое искал – en ouvrant le livre, je suis tombé sur le passage que je cherchais*.

Итак, семантика неконтролируемости в естественном языке довольно неоднородна. Она имеет несколько типов значений, к числу основных мы относим произвольность, невольность и ненамеренность. Значение произвольности отражает осуществление действия, не направляемого сознанием. К этому типу относятся следующие подтипы: неосознанность, стихийность, рефлекторность, импульсивность. Для значения невольности характерно осуществление действия либо против воли субъекта, либо независимо от нее. Подтипами невольности являются нечаянность и вынужденность. Значение ненамеренности связано с отсутствием намерения или с неосуществ-

лением намеченного намерения. К этому типу относится непреднамеренность. Типы и подтипы неконтролируемых значений взаимосвязаны и не имеют четких границ. Они во многом предопределены участием самого субъекта, его сознания, воли и намерения.

Примечания

* Пример взят из Национального корпуса русского языка: <<http://www.ruscorpora.ru>>

1. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–83; Плунгян, В. А. Заметки о контроле [Текст] / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Речь: Восприятие и семантика. М., 1988. С. 40–48; Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы представления [Текст] / А. А. Зализняк. М., 2006. 671 с.; Кустова, Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля [Текст] / Г. И. Кустова // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 145–150.

2. Зализняк, А. А. Указ. соч. С. 519.

3. Левонтина, И. Б. Отсутствие цели в действиях человека [Текст] / И. Б. Левонтина // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. А. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 195–217; Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре [Текст] / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. М., 2007. 672 с.; Стексова, Т. И. Семантика невольности в русском языке: Значение, выражение, функции [Текст] / Т. И. Стексова. Новосибирск, 2002. 200 с.

Н. Г. Наумова

НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧИЧИКОВА, КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

Данная статья выполнена в русле антропоцентрической лингвистики. Она посвящена анализу языковых единиц, выступающих в качестве средства создания образа персонажа художественного произведения. К разряду таких средств относятся и номинативные единицы, обозначающие персонажа.

This article deals with the anthropocentric linguistics. It is devoted to the analysis of the language units as means of creating the character's image. The means include the nominative units, naming the character.

Язык произведений Н. В. Гоголя неоднократно был предметом лингвистической характеристики. Этой проблеме посвящены, например, работы Ю. Я. Барабаша, А. Белого, В. В. Виноградова, А. В. Дудникова, Л. И. Ереминой, А. И. Ефи-

мова, А. А. Кожина, Ю. Манна, Л. Н. Рынькова, Ю. С. Сорокина, А. В. Чичерина и др. [1].

Цель настоящей статьи – дать характеристику номинативных единиц, используемых Н. В. Гоголем для наименования П. И. Чичикова. Данный аспект анализа не нашел отражение в лингвистических исследованиях.

Для обозначения главного героя своей поэмы Н. В. Гоголь использует целый ряд номинаций, большая часть которых представлена именем собственным – Павел Иванович Чичиков. В большинстве случаев герой называется одной фамилией. Что значит выбранное Н. В. Гоголем имя, какую информацию несет оно о герое? Имя *Павел* происходит от лат. *paulus* – *маленький*, что ставит его носителя в разряд обычных, негероических, рядовых людей. Упоминаемые в тексте «средние лета», «средний чин», средняя внешность (не толстый, не тонкий) подчеркивают общую усредненность персонажа, отсутствие ярких индивидуальных качеств, которые выделяли бы его из общей «серой массы», малой частью которой он и является. Имя Павел также носит один из апостолов Христа, долгое время не признававший его, но в итоге «возродившийся» и пришедший к Богу и потому почитаемый сразу после апостола Петра и вместе с ним. Известно, что, по замыслу Н. В. Гоголя, все герои поэмы, и прежде всего Чичиков, должны были пройти путь возрождения и обратиться к духовности и добру [2].

Лежащее в основе отчества имя *Иван* как типично русское и наиболее распространенное подчеркивает некую типизированность и обобщенность образа, отражающего судьбу русского человека вообще. Фамилия *Чичиков*, вероятно, является неологизмом Н. В. Гоголя. Лежащие в основе фамилии повторяющиеся звуки *ч* и *и* создают некий образ-впечатление, который можно охарактеризовать на основе «Таблицы фонетической значимости звукобукв», разработанной А. П. Журавлевым [3]. Согласно данной таблице звук *и* ассоциируется с чем-то медленным, хилым, маленьким, слабым, тихим, низменным, нежным, женственным [4], а звук *ч* – с чем-то маленьким, слабым, низменным, тихим, коротким, трусливым, хилым, шероховатым, угловатым, плохим, отталкивающим, темным, грубым, страшным [5]. Следовательно, на фонетическом уровне фамилия *Чичиков* создает образ чего-то маленького, слабого и неприятного.

Помимо имени собственного в поэме встречаются и другие номинации Чичикова. Нами было выделено 57 лексических единиц, зафиксированных в 110 контекстах. Номинации герою поэмы даются как автором, так и другими персонажами произведения. Обратимся к анализу конкретного языкового материала и попытаемся опре-

делить роль номинативных единиц, обозначающих П. И. Чичикова, в создании его образа.

Номинации Чичикова, даваемые ему автором

Номинации Чичикова, даваемые ему автором, представлены 27 лексическими единицами (88 контекстов). После имени собственного наиболее часто (21 контекст) автор называет Чичикова *героем*, причем в 17 контекстах сопровождает данную номинацию притяжательным местоимением *наш* и в 2 – *свой*. Ср.: *Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя* (С. 35) [6]; *Но промокнувший и озябший герой наш ни о чем не думал, как только о постели* (С. 42); *Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с нею в разговор* (С. 60); *Автор, признается, этому даже рад, находя, таким образом, случай поговорить о своем герое* (С. 221).

В словаре С. И. Ожегова слово *герой* имеет четыре значения. Ср: 1. Человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности. 2. Главное действующее лицо литературного произведения. 3. Человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды. 4. Тот, кто привлек к себе внимание (чаще о том, кто вызывает восхищение, подражание, удивление) [7].

Чаще всего Н. В. Гоголь использует данное слово во втором значении, тем самым подчеркивая, что Чичиков является главным действующим лицом данного произведения.

В ряде случаев слово *герой* имеет ироническую окраску. Например, когда Чичиков в страхе ожидает побоев от Ноздрева, Н. В. Гоголь отмечает: *«Но судьбам угодно было спасти бока, плечи и все благовоспитанные части нашего героя»* (С. 86). В ситуации, когда Чичиков, *«исполненный неприятных ощущений... спрятался в угол»* своей брички, дорогу которой пересекла похоронная процессия, автор снова употребляет данную номинацию: когда процессия прошла, *«герой наш мог ехать»* (С. 218). В данных контекстах слово *герой* не просто обозначает Чичикова как действующее лицо, но и дает ироническую оценку его поведения в ситуациях, в которых Чичиков проявляет отнюдь не героические черты характера.

В ряду номинаций Чичикова встречаются также такие слова, как *гость* (17 контекстов), *господин* (14), *человек* (10), *барин* (7), *приезжий* (6), *подлец* (2), *лицо* (2), *помещик* (2), *посетитель* (1), *коллежский советник* (1), *не поэт* (1), *дворянин* (1), *приобретатель* (1), *хозяин* (1).

В зависимости от той роли, которую играют в раскрытии образа Чичикова обозначающие его номинативные единицы, их можно разделить на три группы.

1. Номинативные единицы, указывающие на ситуацию, в которой герой чаще всего оказыва-

ется. Например, частое употребление существительных *гость*, *приезжий*, *посетитель* свидетельствует о том, что Чичиков периодически делает визиты, посещает знакомых, т. е. совершает определенное действие, перемещаясь из «своего» пространства в «чужое». Ср.: *Приезжий отправился делать визиты... приезжий оказал необыкновенную деятельность насчет визитов* (С. 10); *Манилов увел своего гостя в комнату* (С. 21); *Гость и хозяин поужинали вместе* (С. 81); *Иван Антонович понял, что посетитель был характера твердого и больше не даст* (С. 147).

2. Номинативные единицы, раскрывающие социальный статус Чичикова, его положение в обществе, должность: господин, барин, помещик, коллежский советник, дворянин. Ср.: *Господин был встречен трактирным слугою... он... повел проворно господина вверх* (С. 6); *Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу* (С. 7); *Господин велел подать себе обед* (С. 8); *Слезши с козел, он [Селифан] стал перед бричкой, подперся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи* (С. 40); *Барин тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан* (С. 214). Следует отметить, что в данных примерах слова *господин* и *барин* употребляются в одном ряду со словом *слуга* или глаголами, выражающими волеизъявление Чичикова, обращенные к слугам, что подчеркивает высокомерное отношение героя к людям низшего сословия.

К этой же группе можно отнести также и «косвенные» номинации, которые не называют Чичикова прямо и непосредственно, а обобщенно указывают на тот или иной тип людей, к которому может быть причислен герой. Ср.: *В ворота гостиницы губернского города NN въехали довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки* (С. 5).

Номинации, указывающие на социальный статус Чичикова, раскрывают его дворянское происхождение.

3. Номинативные единицы, указывающие на определенные качества героя, характеризующие его как личность. К данной группе относятся 5 лексических единиц: *человек*, *подлец*, *не поэт*, *хозяин*, *приобретатель*. Слово *человек* является лексически опустошенным, поэтому часто тесно связывается с зависимым от него определением, образуя цельное, семантически спаянное словосочетание. В тексте произведения в словах автора встречается 10 таких словосочетаний. Большинство данных номинаций положительно характеризуют героя. Ср.: *Приезжий во всем как-то*

умел *найтиться* и показал в себе *опытного светского человека* (С. 16); Словом, куда ни *повороти*, был он очень *порядочный человек* (С. 16); Чичиков, будучи *человек весьма щекотливый* и даже в некоторых случаях *привередливый*... только *помарщивался* (С. 18); Как ни *глупы слова дурака*, а иногда *бывают они достаточны*, чтобы *смутить умного человека* (С. 171); Конечно, *взглянувши оком благоразумного человека*, он *видел, что все это вздор* (С. 173); Нужно *знать, что Чичиков был самый благопристойный человек*, какой когда-либо *существовал в свете* (С. 232).

Определения *светский* («отвечающий понятиям и требованиям света» [8]), *порядочный* («честный, соответствующий принятым правилам поведения» [9]), *благопристойный* («соответствующий правилам приличия» [10]) подчеркивают умение героя соответствовать общественной норме.

Рассмотренные номинации носят характер отдельных замечаний и в целом пронизаны иронической интонацией, что заставляет читателя сомневаться в их истинности.

В тексте поэмы содержится также прямая оценка Н. В. Гоголем Чичикова (в конце первого тома, после рассказа о посещениях Чичиковым помещиков и о его бегстве из города). Рассмотрим два контекста, в которых эта оценка представлена. Ср.: *...Все это известно автору, и при всем том он не может взять в героя добродетельного человека... А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека... потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели...; потому что лицемерно призывают добродетельного человека, потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора, наконец, припряхь и подлеца. Итак, припряхем подлеца!* (С. 221–222).

В данном контексте автор называет своего героя *подлецом*. Далее Н. В. Гоголь подчеркнуто заменяет номинацию *подлец* на номинации *хозяин* и *приобретатель*. Ср.: *Но потребуют, может быть, заключительного определения одною чертою: кто же он относительно качеств нравственных? Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строго к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-ни-*

будь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых. Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее... (С. 241)

Очевидно, что слово *подлец* по своему лексическому значению и эмоционально-экспрессивной окраске значительно более негативно окрашено, чем слова *хозяин* и *приобретатель*. Почему автор смягчает свою оценку, каково же истинное его отношение к своему герою? На наш взгляд, данные контексты глубоко различны, что обусловлено присутствием двух точек зрения: авторской и неавторской.

Первый контекст выражает мнение Н. В. Гоголя. На это указывает изменение авторской интонации с иронической на негодующую и обличительную, что выражается в повторах, нанизывании однородных придаточных предложений, присутствии восклицательного предложения, употреблении слов *подлец* и *припряхь*. Все это в целом характеризует взволнованную, эмоциональную речь человека, говорящего о том, что для него является важным и прочувствованным. Кроме этого в данном контексте ощутимо присутствует оппозиция «автор – герой». Н. В. Гоголь неоднократно подчеркивает свое право как автора текста на выбор героя (*известно автору; он не может взять в герои; не взят в герои; пора припряхь; итак, припряхем*), объясняет причины сделанного выбора (*Можно даже сказать, почему не взят. Потому что...*).

Во втором контексте, напротив, нет ни одного упоминания об авторе. Текст носит совершенно другой характер (уравновешенный, рассудительный, примиряющий, спокойный), строится в форме диалога диалога. Автор задает вопрос, а ответ-рассуждение принадлежит какому-то воображаемому человеку – благовоспитанному, порядочному, практичному, т. е. очень похожему на Чичикова, скорее «толстому», чем «тонкому». Н. В. Гоголь встает на позицию этого человека и раскрывает ее с помощью характерных для него оборотов и выражений, несколько книжных (*быть строго к другим; благонамеренные; приятные; приобретатель; приобретение*). Благовоспитанный человек не соглашается с резкой оценкой Н. В. Гоголя и осторожно-примиряюще ее отвергает, на что указывает частица *же* (*почему ж, зачем же*), апелляция к справедливости, разумности (*справедливее всего*), замена высказываний с отрицательной окраской на более нейтральные (*хозяин, приобретатель, дела не очень чистые, что-то отталкивающее*). Но негативное отношение Н. В. Гоголя прорывается в самом построении предложений, выражающих

мысль, явно не соответствующую действительности. Так, предложение *Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные...* характеризуется язвительно-иронической интонацией и утверждает обратное, а фраза *которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху* характеризуется чисто гоголевской резко иронической интонацией.

Можно, следовательно, утверждать, что именно номинация *подлец* выражает отношение Н. В. Гоголя к Чичикову, оценку его нравственных качеств. А номинации *хозяин, приобретатель* принадлежат современнику автора и отражают существующие в обществе моральные принципы и нормы, сложившиеся под влиянием устанавливающихся капиталистических отношений.

Также в тексте присутствует характеристика Чичикова как *не поэта*, т. е. как человека, не способного на глубокие искренние чувства. Ср.: *Видно, так уж бывает на свете; видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов; но слово «поэт» будет уже слишком* (С. 167).

Таким образом, номинации, даваемые Чичикову автором, раскрывают социальное положение героя, указывают на разъездной характер его деятельности и выражают его оценку как личности, причем положительно характеризуется поведение Чичикова, а отрицательно – внутренние качества героя.

Номинации Чичикова,

даваемые ему другими персонажами

Номинации Чичикова, даваемые ему другими персонажами, составляют 30 лексических единиц (22 контекста). Данные номинации Чичикова, как и те, которые даются ему автором, характеризуют героя с точки зрения его социального положения и внутренних качеств, но обнаруживают некоторый разброс мнений, неопределенность и путаницу. Это объясняется тем, что другие персонажи поэмы (в отличие от автора) точно не знают, кто такой Чичиков на самом деле. Они знакомятся с ним на глазах читателя и делают свои выводы, основываясь на поведении и внешности героя, а также на своих предположениях и догадках, которые меняются в зависимости от ситуации. Поэтому номинации, даваемые Чичикову другими персонажами, претерпевают явное изменение эмоциональной окраски (от положительной к отрицательной) в результате постепенного узнавания ими Чичикова.

Например, факт покупки большого количества крестьян заставляет чиновников думать, что Чичиков богат, поэтому появляются такие номинации по социальному признаку, как *миллионщик* и *новый херсонский помещик*. Ср.: *Первый тост*

был выпит... за здоровье нового херсонского помещика (С. 149); *Пронесли слухи, что он не более, не менее как миллионщик* (С. 154).

Изначально Чичиков оценивается другими героями положительно. Ср.: *Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты – что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер – что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера – что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич... сказал ей: «Я, душенька... познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: предприятный человек!»* (С. 16). *Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший* (С. 194); *И глянул он Чичикова... и увидел, что это был человек по виду очень благонамеренный* (С. 332); *Гость не глупый человек... степенен в словах и не щелкопер* (С. 315).

Характеристика Чичикова как благонамеренного, дельного, ученого, не глупого, знающего, почтенного, любезного, предприятного, обходительного, хорошего человека, не щелкопера дается чиновниками на основе внешнего вида героя, его поведения, обхождения, манер, облика и видимых намерений. Социальное положение Чичикова является неопределенным. Ср., напр., как по-разному определяют Чичикова люди при первой встрече: *Коробочка: Ведь вы, я чай, заседатель?... А, так вы покушник!...* (С. 48); *Плюшкин: Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?* (С. 121); *Гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками* (С. 122); *А. И. Тентетников: Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства* (С. 268).

Данная неопределенность и загадочность героя постепенно приводит окружающих в состояние замешательства, которое все более увеличивается, в результате чего чиновники начинают выдвигать невероятные предположения и называют Чичикова то *делателем государственных ассигнаций*, то *чиновником генерал-губернаторской канцелярии*, то *капитаном Копейкиным*, то *шпионом*, то *Наполеоном*, предполагая наличие у него или большой власти или коварных замыслов. Ср.: *И что такое он именно: такой ли человек, которого нужно задержать и схватить, как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех, как неблагонамеренных* (С. 195).

Чичиков, таким образом, оценивается чиновниками как благонамеренный, т. е. «придерживающийся официального образа мыслей» [11].

Данное определение перекликается с характеристиками Чичикова как человека светского, порядочного, благопристойного, что еще раз подчеркивает стремление героя вести себя согласно принятым в обществе нормам, высказывая угодные власти мысли и намерения. Чиновники в конце концов осознают, что все их предположения надуманны, а Чичиков все также остается загадкой. Ср.: *Однако ж все, как поразмысли каждый с своей стороны, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что он сам как-то неясно отзывался насчет собственного лица... да ведь все это как-то неясно... да кто же он в самом деле такой? Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником: наружность благонамеренна; но при всем том, кто же бы, однако ж, он был такой на самом деле?* (С. 193); *Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков что-нибудь да должен быть непременно* (С. 195). *И решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков* (С. 208).

Никто из персонажей поэмы не смог, таким образом, понять, что за человек П. И. Чичиков. Общую неопределенность и многообразие мнений подчеркивает и присутствие (наряду с положительно окрашенными номинативными единицами) отрицательно окрашенных языковых средств. Ср.: *Ноздрев: «Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник..., ведь ты подлец»* (С. 78); *«Сейчас видно, что двуличный человек»* (С. 81); *«Дрянь же ты!.. Фетюк просто. Я думал было прежде, что хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения... никакого прямотушия, ни искренности!.. Такой шильник, печник гадкий!»* (С. 81); *Ну, полно, брат: экой скрытный человек!* (С. 213); *Во всех отношениях приятная дама: «А я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный»* (С. 180); *Генерал-губернатор: «С сей же минуты будешь отведен в острог, и там, наряду с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешения участи своей. И это милостиво еще, потому что <ты> хуже их в несколько <раз>»* (С. 348).

Оценки обиженной женщины, беспринципного человека и представителя высшей государственной власти сближаются с авторскими, что свидетельствует о том, что данные персонажи близки к истине в понимании Чичикова.

Таким образом, анализ номинативных единиц, даваемых Чичикову автором и другими персонажами, показал неоднозначность и противоречивость его образа. Номинации, даваемые герою

автором, более информативны и определены. Они раскрывают социальный статус Чичикова (дворянин), основное направление его деятельности (поездки, встречи, посещения), иронически характеризуют приятное впечатление, которое производит герой своим видом и поведением, и дают резко отрицательную оценку его внутренним качествам.

Номинации, даваемые Чичикову другими персонажами, отличаются неправдоподобностью и надуманностью. Они отражают внутреннее состояние тех, кто характеризует Чичикова, их ожидания, желания и страхи, а не раскрывают каких-либо качеств героя. Преклонение чиновников перед богатством формирует в их представлении образ Чичикова-миллионщика, страх быть разоблаченными – образ Чичикова-шпиона, чиновника генерал-губернаторской канцелярии. В оценке Чичикова герои опираются на свои впечатления, ощущения, предположения, возникающие в результате соотнесения поведения и внешности героя с общепринятыми правилами и нормами, которые являются для них образцом. Например, желание Коробочки что-нибудь выгодно продать заставляет ее видеть в Чичикове покупателя, нелюбовь Плюшкина к военным – офицера.

В целом языковые единицы, используемые Н. В. Гоголем для названия своего героя, дают представление об образе путешествующего дворянина, знающего нормы поведения и стремящегося им соответствовать. Внутренний мир этого героя закрыт для окружающих, что дает основания предположить наличие у него некой поведенческой маски.

Примечания

1. Барабаш, Ю. Я. Почва и судьба. О языковой дихотомии у Гоголя [Текст] / Ю. Я. Барабаш // Изв. РАН, серия литературы и языка 1993. № 5. С. 3–10; Бельгий, А. Мастерство Гоголя [Текст] / А. Бельгий. М., 1996; Виноградов, В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей (от Гоголя до Ахматовой) [Текст] / В. В. Виноградов. М., 2003; Дудников, А. В. Лингвостилистический анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» [Текст] / А. В. Дудников // Русская речь. 1973. № 6. С. 64–68; 1974. № 1. С. 66–71; Еремина, Л. И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя [Текст] / Л. И. Еремина. М., 1987; Ефимов, А. И. О значении Гоголя в развитии русского литературного языка [Текст] / А. И. Ефимов // Н. В. Гоголь / под ред. А. Н. Соколова. М., 1954, С. 81–103; Кожин, А. А. Речевые средства юмора и сатиры в произведении Н. В. Гоголя [Текст] / А. А. Кожин // Язык Гоголя. М., 1991; Манн, Ю. Поэтика Гоголя [Текст] / Ю. Манн. М., 1988; Рыньков, Л. Н. Функции метафор в языке Н. В. Гоголя [Текст] / Л. Н. Рыньков // Русский язык в школе. 1979. № 2. С. 44–48; Сорокин, Ю. С. Словарный состав «Мертвых душ» Гоголя [Текст] / Ю. С. Сорокин // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 11–38; Чичерин, А. В. Проблемы стиля гоголевской прозы

[Текст] / А. В. Чичерин // Русская литература. 1975. № 1. С. 47–61.

2. Ср., напр.: *Воропаев, В. А.* «Дело, взятое из души...» Поэма Гоголя «Мертвые души»: История замысла и его осуществление [Текст] / В. А. Воропаев // Литература в школе. 1998. № 5.

3. *Журавлев, А. П.* Звук и смысл [Текст] / А. П. Журавлев. М., 1981.

4. Там же. С. 155.

5. Там же. С. 158.

6. *Гоголь, Н. В.* Мертвые души [Текст] / Н. В. Гоголь. М., 1976. Далее цитирование производится по данному изданию.

7. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1999. С. 129.

8. Там же. С. 702.

9. Там же. С. 566.

10. Там же. С. 50.

11. Там же.

Е. И. Аюпова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ РЕБЕНКА: ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

В статье рассматриваются словообразовательные и синтаксические особенности семантических дериватов в рамках лексической группы наименований ребенка в современном русском языке. Полученные результаты свидетельствуют о несомненной связи функциональных свойств изучаемых слов с их лексической семантикой, что позволяет отнести данную группу к области грамматической лексикологии.

In the paper are considered word-building and syntactic peculiarities of the semantic derivatives within the lexical group "child-designations" in the modern Russian language. The obtained results are indicative of the indubitable connection between the functional properties and lexical meaning of the words under consideration. So we can relate this group to the sphere of grammatical lexicology.

Исследование различных феноменов на стыке языковых уровней (прежде всего лексического и грамматического) является одним из перспективных направлений современной лингвистики, поскольку уровни языка тесно взаимосвязаны, слово представляет собой «внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений» [1]. Интегральная лексическая семантика некоторых совокупностей языковых единиц накладывает отпечаток на особенности образования грамматических форм, на словообразовательную и функциональную специфику лексем, входящих в данные совокупности, обуславливает развитие так называемых «скрытых» грамматических категорий. «Морфологические категории стремятся к максимальному обобщению и объединению единиц лексико-семантического уровня, хотя в процессе такой категоризации, несомненно, учитывается «сопротивление материала» в виде ограничительного воздействия тех или иных особенностей лексической семантики» [2].

Примеры этого явления (как в современном языке, так и в диахронии) собраны и проанализированы в коллективной монографии казанских исследователей «Грамматическая лексикология русского языка», вышедшей в 1978 г. [3] С этого момента, очевидно, можно говорить об активизации *грамматической лексикологии* как оригинального и продуктивного лингвистического направления.

Итак, в рамках грамматической лексикологии рассматриваются отдельные слова и группы слов, лексические особенности которых отражаются на их словообразовательных и грамматических свойствах. К таким объединениям с полным правом может быть отнесена и лексическая группа наименований ребенка, поскольку члены этой группы имеют определенную специфику, обусловленную наличием в их значении интегрирующей семы незрелости (возрастной незрелости, малолетства) в сочетании с семой лица. Предметом настоящего исследования является деривационное и функциональное своеобразие метафорических наименований ребенка – одного из микрообъединений, входящих в состав рассматриваемой группы.

Круг узальных образований такого типа, зафиксированных в толковых словарях, включает больше десятка дериватов: *ангелочек, гаденыш, дичок, дьяволенок, клоп, кнопка, кроха (крошка), пупс, стрекоза, чертенок, шпингалет, щенок, юла*. Есть и слова с утраченной внутренней формой, которые в плане синхронии не могут рассматриваться как семантические производные. Примером может служить деэтимологизированная лексема *карануз*, восходящая (по одной из версий) к тюркскому *karpuz* 'арбуз' [4]. Представляется вполне вероятным, что это наименование со значением 'толстый, пухлый малыш' возникло метафорическим путем, на основе сопоставления с арбузом по признаку «круглости», хотя это не бесспорная версия.

При установлении принадлежности того или иного слова к семантическим дериватам учитывались следующие факторы:

а) наличие прозрачных метафорических связей между наименованием ребенка и соответствующим производящим словом (например, *стрекоза* 'насекомое' > *стрекоза* 'юркая девочка');

б) фиксация переносного значения (то есть наличие соответствующей пометы в дефиниции) в толковых словарях современного русского языка, подтверждающая факт узальности данного словоупотребления;

в) использование в толковании слова стандартных наименований ребенка (*ребенок, девочка, мальчик* и под.) или указаний на незрелость (*незрелый, малолетний*), включенных в определения типа «о незрелом», «обычно о девочке», «о резвом и шаловливом ребенке».

Как правило, в подобных случаях словари акцентируют внимание на метафоричности словоупотребления, о чем говорит не только помета «переносное», но и приведенная выше формулировка с предлогом *о*, подразумевающая возможность прямого словоупотребления. В ряде случаев составителями словарей используется обычная номинативная конструкция, свидетельствующая, очевидно, о том, что семантическая мотивированность слова стирается и переносное словоупотребление обособляется от буквального. Так, лексема *крошка* толкуется в БАС [5] как переносное («Малютка. О ребенке»), тогда как в словаре С. И. Ожегова [6] дефиниция не содержит указания на метафоричность значения («маленький ребенок, малютка»), производное слово представлено как омоним к исходной лексеме. Несомненно, данное слово находится на стадии перехода от семантических производных с актуальной внутренней формой (типа *стрекоза*) к полностью деэтимологизированным образованиям (типа *карануз*). Аналогичным образом представлены в словаре Ожегова слова *клоп, кнопка, шпингалет*, хотя в этих образованиях семантическая преемственность между прямым и переносным значениями восстанавливается без труда. Ср. в МАС *клоп* (судя по формулировке) понимается метафорически: «О маленьком ребенке, малыше» [7].

Количество окказиональных (то есть не зафиксированных в словарях) семантических производных в кругу наименований ребенка по вполне понятным причинам не поддается учету, хотя не вызывает ни малейшего сомнения, что число их довольно значительно. Появление подобных дериватов, имеющих различную степень окказиональности, и их разнообразие вполне предсказуемы, поскольку мы имеем дело с регулярными словообразовательными моделями, основанными на метафорическом переносе значения.

Анализ узуальных и окказиональных словоупотреблений в языке современной художественной литературы (в произведениях Д. Рубиной, Б. Акунина, Л. Улицкой, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Мелихова и др.) показал, что в качестве производящей базы для рассматриваемых производных могут выступать два словообразовательных типа:

1) наименования **детенышей, молодых животных** (реже – растений и мифологических существ) (*детеныш, звереныш, зверята, щенок, кутенок, волчонок, львенок, глистенныш, гаденыш, крысе-*

нок, куфенок, цыпленок, лягушонок, птенчик, малек, дичок, чертенок, бесеныш, ангелочек, херувимчик и т. п.);

2) названия **небольших по величине объектов**, как одушевленных, так и неодушевленных (*клоп, стрекоза, воробышек, пугалица, пупс, лялечка, крошка, кнопка, жемчужинка, пузырек, вишенка, шпингалет* и под.).

Следовательно, в процессе метафорического переноса участвуют в первую очередь семы, передающие идею «малости»: «незрелость, маленький возраст» и «маленький размер». Нередко эти семы сопровождаются дополнительными семантическими признаками, характеризующими ту или иную особенность сравниваемых объектов, например: «юркость, резвость, быстрота движений» (*стрекоза, юла*), «миловидность» (*ангелочек, херувимчик*), «полнота» (*пупс, пузырь*), «склонность к шалостям, озорству» (*чертенок, дьяволенок*), коннотативная сема «неприятное, пренебрежительное отношение к обозначаемому» (*гаденыш, пащенок, подсвинок, звереныш*) и под.

Факт употребительности названий детенышей животных по отношению к детям соотносится с известной общеязыковой метафорической моделью «название животного» > «название лица» (*лиса, медведь, слон, орел* и т. п.) и обусловлен наличием в семантике данных слов интегрирующей семы лица. О типичности подобного переноса значения из мира природы в мир человека свидетельствуют следующие фрагменты из художественных текстов: «Сладкая вишенка», «патын воробышек», «черноглазый бельчонок», «ушастое яблочко» – *пошлейший гербарий и зоосад обрушивал он [Кукоцкий] на ребенка* (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»); *Когда его [маленького Юрку] спрашивали, кто он, ликующе-звонко выкрикивал: «Я сыночек!!!» И то сказать, сыночек – это было самое ласковое Анино слово, ни солнышек, ни рыбонек по своей ответственности она не допускала* (А. Мелихов «Чума»).

Обе названные выше семантические модели («название детеныша животного» > «наименование ребенка» и «название маленького по размеру предмета или существа» > «наименование ребенка») свойственны именно лексической группе наименований ребенка, характеризуют ее словообразовательную специфику. Они являются регулярными, продуктивными, представлены внешне разнообразными, но по существу однородными семантическими дериватами. Сказанное позволяет усомниться в беспорности мнения Ю. Д. Апресяна о том, что «имена молодых существ <...> не имеют параллелей в области регулярной многозначности» [8].

С функциональной точки зрения семантические производные рассматриваемой лексической группы в целом аналогичны другим метафори-

ческим дериватам. В частности, в них в значительной степени наблюдается «тенденция к отрыву от денотата», которая «ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении только одного семантического компонента. <...> Процесс моносемизации хорошо виден на примере метафорического употребления, при котором имя меняет не только значение, но и синтаксическую функцию: идентифицирующая роль заменяется предикативной, а многопризнаковое, комплексное значение – значением однопризнаковым» [9]. В значении рассматриваемых слов на первый план выступает обычно один какой-либо характеризующий человека признак ('юркость', 'миловидность', негативная коннотация и т. п.), то есть дифференциальная сема, которая всегда сопровождается имплицитными интегральными семантическими признаками 'невзрослость' и 'лицо' (а иногда и 'пол'): *кнотика* = 'небольшой по размеру' (+ 'малолетний', 'лицо'); *стрекоза* = 'очень подвижный' (+ 'малолетний', 'женский пол', 'лицо'); *щенок* = эмоциональная негативная оценка (+ 'малолетний', 'мужской пол', 'лицо') и под.

При метафорическом словоупотреблении семантика субстантива становится более узкой, приобретает атрибутивный характер, о чем свидетельствует и сочетаемость подобных слов с наречиями и местоимениями *совсем, такой, какой*, выражающими значение меры и степени: *Чтоб у такого щенка, у малолетки потекла сперма, да еще как из бочки* (Ю. Мамлеев «Верность мертвым девам»). Именно поэтому такие лексемы жестко привязаны к синтаксическим позициям, связанным с их основным предназначением – характеристикой описываемого объекта. Можно выделить три наиболее типичные для лексем-метафор синтаксические роли, соотносимые в какой-то степени с функциями адъектива:

- позиция при глагольной связке, обычно в составе предиката, то есть составного именного сказуемого: *А с виду – мальчишка, щенок, смотреть не на что* (Б. Акунин «Азазель»); *Годами ты львенок, но умом и сердцем настоящий лев* (Б. Акунин «Внеклассное чтение»);

- использование в качестве приложения при определяемом существительном: *Проха ему донес, крысенок* (Б. Акунин «Любовник Смерти»); *Павел Алексеевич, наблюдая за <...> необаятельной Томочкой, плохоньким дичком, занесенным в дом особыми обстоятельствами, <...> замечал проявления великих природных законов* (А. Улицкая «Казус Кукоцкого»);

- употребление в роли обращения: *А теперь поди-ка сюда, лягушонок* (Б. Акунин «Внеклассное чтение»); *Ну, лети, воробышек* (Там же).

Все указанные позиции позволяют слову реализовать характеризующую функцию, поэтому они могут чередоваться в одном контексте, на-

пример: *Что бы он там ни вякал, мой щенок, поступать он будет и поступит, куда наметим <...>. Он, ей-богу, вполне имеет право быть сейчас глупым щенком* (Д. Рубина «Двойная фамилия»); *А ты – клопик. – Он легко провел указательным пальцем по моему носу <...>. – Что ты понимаешь, клоп!* (Д. Рубина «Этот чудной Алтухов»).

Интересно, что если подобное метафорическое употребляемое слово, функционирующее как средство характеристики персонажа, выступает в других позициях, свойственных существительным в номинативной функции, то оно в большинстве случаев сопровождается местоимением (обычно указательным или притяжательным): *А за этого цыпленка [о мальчике] другая особа сулила мне много больше* (Б. Акунин «Внеклассное чтение»). Можно предположить, что в данной ситуации местоимение подобно определенному артиклю, поскольку оно относится, как правило, к уже упоминавшемуся ранее в этом же контексте существительному и позволяет осуществлять функцию идентификации. Тем самым местоимение как бы возвращает лексему-характеристике ее исконный статус субстантива, «ресубстантивирует» ее, и лексема получает возможность выражать не только атрибутивно-предикативные, но и субъектно-объектные отношения. Другими словами, она снова начинает обозначать не признак, а предмет, хоть и не напрямую, а через признак.

Таким образом, «употребление этих слов в роли подлежащего и дополнения, – как замечает О. П. Ермакова о подобных названиях лиц с качественной семантикой, – носит опосредствованный характер – на фоне предшествующего предикатного, о чем свидетельствуют сопровождающие эти слова местоименные указатели *этом, тот, мой, твой*» [10]. Вероятно, особенностью именно изучаемой лексической группы можно считать частотность местоименных указателей с притяжательной семантикой, маркирующих подразумеваемые отношения родства, чрезвычайно актуальные в группе наименований ребенка, когда речь идет о родителях и детях: *Сколько лет, говорите, вашему крошке?* (Б. Акунин «Внеклассное чтение»); *И еще она подалась всем своим тощим телом к кровати – закрыть, защитить от меня своего птенца* [новорожденного ребенка] (Д. Рубина «Двойная фамилия»); *У меня молока немного, но вашей пизгалнице хватит* (там же).

Синтаксическая специфика семантических производных связана также с их яркой экспрессивностью, способностью выражать субъективную оценку говорящего. Подобная оценка может включаться в толкование слова (так, в слове Ожегова *пуис* определяется как 'симпатич-

ный полный ребенок', а *гаденьши* – как 'мерзкий, отвратительный человек' (о незрелом) [11]), но чаще всего она остается в дефинициях имплицитной.

Надо сказать, что в словарях фиксируется обычно стилистическая маркированность лексем-метафор, большинство из которых относится к сфере разговорной речи (реже – просторечия). Что же касается экспрессии и оценки, то эти коннотативные компоненты семантики, как правило, не отражаются в дефинициях (за исключением самых ярких случаев: *гаденьши* – «презрительное», *щенок* – «бранное»). Однако, по нашему мнению, та или иная эмоциональная и оценочная окраска в таких словах всегда присутствует. Семантика деминутивности («малости»), объединяющая членов изучаемой группы, тесно связана как с положительными эмоциями («родительское» умиление, реализация взрослыми роли «защитника», «помощника» по отношению к ребенку), так и с выражением пейоративных смыслов (желание унижить «слабого», продемонстрировать свое «превосходство», «право» на порицание и т. п.).

Представляется, что рассматриваемые семантические дериваты, будучи экспрессивными единицами, неоднородны по характеру коннотативной оценки. Среди них, безусловно, есть слова с однозначной оценкой (положительной или отрицательной) и слова «амбивалентные», предполагающие возможность выражения любой оценки, в том числе совмещение противоположных оценок (так сказать, «оценочную энантиосемию»). Стабильность оценочного компонента семантики дериватов обусловлена, вероятно, наличием аналогичного компонента у мотивирующих их лексем. Так, негативная коннотация исходного слова определяет и отрицательную оценку, заключенную в производных *гаденьши*, *глистенши*, *чертенок* и под., а позитивная коннотация слов с субъективно оценочными суффиксами типа *ангелочек*, *кисонька*, *воробышек* обеспечивает и положительную оценку соответствующих метафорических производных (которые, впрочем, всегда сохраняют возможность иронического переосмысления).

Что же касается дериватов, мотивированных нейтральными (в плане оценки) существительными, то в результате переосмысления и смены денотата они, попадая в лексическую группу наименований ребенка и выполняя в контексте функцию характеристики, обязательно приобретают контекстуально обусловленную экспрессивно-оценочную коннотацию. Эта коннотация не попадает в словарные толкования, вероятно, именно потому, что она нестабильна и может быть очень разнообразной в зависимости от контекста. Допустим, лексема *стрекоза*, употребленная по отно-

шению к живой и подвижной девочке, может выражать и положительные эмоции взрослого (который любит резвость любимого ребенка), и отрицательную характеристику (если взрослый почему-либо не доволен этой подвижностью и произносит слово «в сердцах»). Не вызывает сомнения и то, что если взрослый говорит о своем родном ребенке, то он, даже вкладывая в метафору отрицательную оценку, сохранит и долю положительной коннотации, ведь, рассердившись, он не перестает любить этого ребенка.

Думается, что наличие того или иного коннотативного компонента в значении рассматриваемых метафорических производных обусловлено их включением в лексическую группу наименований ребенка (то есть спецификой сигнификативного компонента их семантики) и напрямую связано с их функциональным своеобразием – способностью выполнять функцию характеристики объекта в определенных синтаксических позициях.

Таким образом, мы убедились, что наличие у семантических производных, принадлежащих к одной лексической группе, общих интегрирующих сем (в данном случае 'лицо' и 'незрелость') определяет их словообразовательную и функциональную специфику. Следовательно, мы с полным правом можем отнести данные наименования к области грамматической лексикологии.

Примечания

1. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. М.: Высш. шк., 1972. С. 18.
2. *Алефиренко, Н. Ф.* Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005. С. 225.
3. Грамматическая лексикология русского языка [Текст]. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1978. 190 с.
4. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер. СПб.: Terra Azбука, 1996. Т. 2. С. 193.
5. Словарь современного русского литературного языка [Текст]: в 17 т. Т. 5: И-К. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 1710.
6. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. С. 309.
7. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. Т. 2: К-О. М.: Русский язык, 1982. С. 60.
8. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды [Текст]: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 193.
9. *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. С. 337–338.
10. *Ермакова, О. П.* Лексические значения производных слов в русском языке [Текст] / О. П. Ермакова. М.: Рус. яз., 1984. С. 65.
11. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. С. 632, 124.

Е. И. Шведова

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье рассмотрен прагматический аспект семантики дефиниций религионимов в толковых словарях XIX–XXI вв.

In this article we discussed the pragmatic aspect of semantics of religious lexemes in the Russian glossaries of the nineteenth – twenty first centuries.

В последние годы лингвисты всё чаще обращаются к описанию конфессиональной лексики. Для обозначения религиозной единицы Ю. Н. Михайлова предложила термин «религионим», который определила как «слово или составное наименование религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия» [1].

Мы рассмотрим прагматический аспект семантики религионимов в толковых словарях XIX–XXI вв. («Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (СЦРЯ), «Словаре живого великорусского языка» В. Даля (СД), «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ) и «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 2006 г. (СОШ)).

Хотя любой словарь обычно нацелен на объективность подачи материала, он всё равно пронизан чёткой методологической концепцией. По мнению Г. Н. Склярёвской, субъективное начало в словаре отражается в прагматическом компоненте значения. Она определила его как «типизированный (социально закреплённый и единый для всех говорящих) элемент содержания лексического значения, который в типовых речевых актах символизирует отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения и к адресату» [2]. ИмPLICITный прагматический компонент, «основанный не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на искажённых, смешанных – на знаниях и истинах, навязанных, внушённых и пропагандируемых» [3] предлагается называть идеологическим. Выделение «всеобщих и вечных представлений о мире» неубедительно. Ещё менее убедительно приписывание этих знаний и истин представителям определённых конфессий. Ю. Н. Михайлова, рассуждая о религиозной лексике, пишет: «Семантическое своеобразие единиц религиозной сферы русского языка советской эпохи было обусловлено наличием в их семантике зафиксированных толковыми словарями идеологизированных сем и иде-

ологизированных ЛСВ». Однако словари XIX и XXI вв. также содержат при толковании конфессиональных понятий идеологизированные семы. Проблема ещё и в том, что слово «идеологический» в последнее время употребляется преимущественно в отношении к советской эпохе. Как будто идеологии до XX в. не существовало. В толковом словаре вообще трудно отделить «типизированный элемент содержания лексического значения» от нетипизированного. Последний тоже нередко содержит интерпретацию. В связи с этим для описания словарных дефиниций введём более корректный термин «интерпретирующий компонент» или «компонент-интерпретатор» (далее – КИ) ЛЗ. Он снимает проблему разграничения типизированных и нетипизированных искусственных включений в значения слов. Компонент-интерпретатор, в отличие от идеологического компонента в понимании Г. Н. Склярёвской, можно определить как эксплицитно или имплицитно представленный компонент значения, отражающий интерпретацию субъекта оценки и выраженный в отборе лексики и/или подаче словарной статьи. Это «система ценностей субъекта, включающая как систему ценностей социума, к которому принадлежит субъект, так и связанную с ней индивидуальную систему ценностей самого субъекта» [4].

Проявление субъективного начала в словарях имеет две причины:

- 1) несовершенство лексикографической методологии;
- 2) собственно прагматику словаря, включающую всю совокупность целей, задач, установок, принимаемых исходя из социокультурных условий.

Способы вычленения КИ в словарной статье пересекаются со способами определения оценочного компонента [5] и со средствами выявления субъекта оценки в дефинициях идеологем (идеологизированных лексем).

Толкование религионимов в словарях разных эпох имело идеологический шлейф. В XIX в. официальной частью идеологии в России было православие, а 70 лет в XX в. – атеизм. Оценочность основных религиозных понятий в целом устойчива. Их внешнее и внутреннее содержание значимо на любой стадии социокультурного развития российского общества.

Для идеологических манипуляций в словарях в особенности доступна конфессиональная лексика. Ведь в ней содержится одна из возможных (относительных) точек зрения на окружающий мир. При толковании таких слов явно или в скрытом виде присутствует компонент-интерпретатор.

Для выявления КИ, как уже говорилось, мы изучили религионимы четырёх словарей. Для сравнения было взято 220 лексем.

Прямые значения религионимов претендуют на отнесённость к области сакрального, и поэтому лишь немногие из них включают оценку. (Видимо, это одна из причин, по которой некоторые лингвисты относят конфессиональную лексику к терминологической [6].) Но множество религионимов содержит в словарях завуалированную оценку, имеющую идеологическую подоплёку, сближаясь тем самым с идеологемами. Под идеологемами мы, вслед за С. А. Журавлевым, понимаем идеологизированные (прежде всего в каком-либо дискурсе) лексемы. Исследователь утверждает: «Идеологема, как правило, будут являться таковыми только для идеологически компетентного члена языкового коллектива» [7]. Для нас это значит, что КИ будет присутствовать или отсутствовать для пользователя словарём в зависимости от уровня его идеологической осведомлённости. Однако при сопоставлении словарей разных эпох обнаруживается масса языковых маркёров КИ, расшифровка которых не требует идеологической компетенции.

Можно выделить следующие маркёры интерпретирующего компонента религионимов в словарях: 1) отсутствие слова; 2) отсутствие лексического значения; 3) усиление одних и ослабление других сем; 4) семантическая иерархия значений; 5) смена орфографического облика; 6) неполнота словообразовательного гнезда; 7) употребление 2-го лица глагола в обобщенно-личном значении; 8) наличие в дефинициях лексем с положительной/отрицательной коннотацией; 9) наличие или отсутствие ограничительных определений, их своеобразие; 10) подмена понятий при толковании; 11) наличие/отсутствие цитатно-иллюстративного материала, его специфика; 12) синтаксическая спаянность.

Отсутствие слова может служить показателем определенного мировоззрения составителей. В словарях XIX в. заметно игнорирование реальных нехристианских, особенно языческих.

В СЦРЯ нет названий греческих божеств (ср.: в ТСУ их 20). Есть, правда, слова *громовержецъ*, *громовержущий*, *громомещущий*, *молниeverжець*, *молневержець*. Но их дефиниции содержат только примеры из «Одиссеи», относящиеся к Зевсу, в толковательной части указаний на Зевса нет.

Встречаются в СЦРЯ только два названия славянских божеств, и одно из них – в переносном значении: **ПЕРУНЪ**. Молнія, громовая стрѣла. *Кругомъ его изъ облаковъ Гремящие перуны блещутъ*. Лом[оносов].

Ср.: **МАМОНА**. Церк. Богатство. *Не можете Богу работати и мамонъ*. Лук. XVI.

В этом словаре толкуются понятия *лама* и *далай-лама*, но вообще не вводится понятие буддизма. У Даля же мы обнаружим при толкова-

нии слова *лама* не только понятия *далай-лама*, но и *буддистский*, и *ламаист*.

В СЦРЯ в толковании лексем содержатся слова *магометане*, *магометанство*, *Магомет*, *магометанский*, *иудеи*, *иудейский*, *лютеранский*. Однако определений этих религионимов в словаре нет. То же – у Даля.

В ТСУ – самый яркий пример: **БОГИНЯ** богини. Женск. к бог (во 2 и 3 знач.). *Мои богини, что вы? где вы?* Пушкин. (Слово *бог* в этом словаре имеет **одно** ЛЗ.) ТСУ отражает лексику 1930-х гг. и находится под идеологией того времени.

Отсутствие сакральных лексических значений наблюдается прежде всего в ТСУ и прежде всего в определениях слов, наиболее неприемлемых с точки зрения атеистической идеологии. Например, таких, как *Бог* и *Воскресение*. В ТСУ отсутствует определение слова *бог* в представлении политеистическом. А в определении *воскресения* нет существенного значения «возвращение к жизни Христа».

Пропуск релевантного признака ЛЗ проявляется чаще в словарях XIX в.

В СЦРЯ: **Раввинъ**. Иудейскій учитель. (Нет релевантной семы «религиозный».) **Коранъ**. Книга, содержащая въ себе учение Магомета. (При культурологической некомпетентности из определения нельзя получить никакой информации, кроме той, что Коран – «книга».)

Но чаще в словарях XIX в. релевантная сема опускается при характеристике православных понятий, которые мыслятся как не требующие ограничительного компонента типа «в православии».

Например, у Даля: **Апокалипсисъ**. Откровение; видѣнія Св. Ап. Іоанна Богослова. **Откровение**. см. открывать. (У слова *открывать* в ТСУ нет религиозного значения.)

Богъ. 1) Творецъ, Создатель, Вседержитель, Всевышній, Всемогущій, Предвѣчный, Сущій, Сый, Господь. (Это определение не раскрывает ЛЗ слова.)

Внесение нерелевантных признаков в толкование встречается также чаще в XIX в. Это наблюдается при характеристике реалий неправославных культур.

Например, у Даля: **Масонъ**. Членъ *масонства* ср. тайнаго масонскаго общества, принявшаго название каменщиковъ или строителей. Масономъ и фармасономъ (franc-mason) зовутъ у насъ вольнодумцевъ, государственныхъ и церковныхъ. (Необоснованно выделен как основной компонент «принявшие название каменщиков или строителей», не раскрывающий сути общества.)

Распределение в порядке значимости ЛЗ религионимов часто отражает интерпретацию составителей. Последовательность выделения призна-

ков понятия и перечисления значений полисемичного слова важны в идеологическом отношении.

Ср. в СЦРЯ: **Духъ**. 1) Безтелесное существо 2) Третье лицо Святыя Троицы. 3) Церк. Ангель. 4) Душа человека. 5) Благодать, вдохновение, даръ Божий. 6) Сила души, доблесть. 7) Отличительное свойство чего либо ... и т. д.

В ТСУ: **Дух**. 1. Психические способности, ум. 2. Бодрость, моральная сила, готовность к действию. 3. В религиозных, мифологических и теософских представлениях – бесплотное сверхъестественное существо. 4. В идеалистической философии – основная сущность, нематериальное начало явлений и т. д.

В словарях XIX в. слово *храм*, названия лиц Троицы, местоимения, указывающие на них, названия церквей и религиозных направлений писались с прописной буквы. Написание со строчной встречается только при характеристике нехристианских религий (архисема «божество» в определении *ламы* у Даля). В ТСУ все перечисленные понятия пишутся со строчной буквы и часто в кавычках.

В словарях XIX в. при толковании православных понятий мы встречаем местоимения *мы, наш* (в СЦРЯ в толковании слов *церковь, Пасха, плащаница, спаситель* и др.) заменяющие его слова и сочетания (*родъ человеческій* и т. п. (СЦРЯ)) или даже глаголы во втором лице с обобщённо-личным значением. Они отделяют православие от «чужих» религий.

Духъ. Бесплотный житель недоступнаго намъ духовнаго міра (3 значение). (СД)

Духовный отецъ. Духовникъ, у кого исповѣдуешься. (СД)

В словарях XIX, XX, нач. XXI вв. мы найдём и негативные лексические включения в толкования религионимов, характеризующие «неприемлемые» конфессии. В XIX в. подвергаются оценочному компрометированию: в СЦРЯ – старообрядческие, сектантские и языческие понятия, у Даля – слова, касающиеся безверия или верований язычников и иудеев.

Способы толкования неприемлемых понятий в словарях XIX–XX вв. иногда очень схожи даже на семном уровне.

В словаре 1847 г. значения реалий, не соответствующих идеологическим установкам, сопровождаются сигналами субъективной модальности со значением «сомнение в достоверности существования объекта»:

Богъ. Ложное божество языческое. **Вольнодумецъ**. Не признающий истины Христианскаго учения. **Язычество**. Неведение истиннаго Бога; идолопоклонство.

Ср. у Даля:

Безбожіе. 1) Воображаемое состояние кого или чего при отсутствии Бога, божества.

В ТСУ употребляются более разнообразные средства негативации значений религионимов. Используется множество сигналов субъективной модальности со значением «сомнение в достоверности существования объекта»: 1) кавычки: «нравственное совершенствование», «храм добродетели» (*масонство*), «освященный обрядом» (*святая вода, помазание*), «отцы церкви» (*патристик*), «святые отцы» (*патерик*), «нетленные останки» (*мощи*), «блаженное небытие» (*карма*), «стоящие вне каст» (*пария*), «конец мира» (*Страшный суд*); 2) сочетания «так называемый, под видом» (*орден*), «принявший вид» (*юродивый*), «признавать за» (*пророчество*), «истолковывать как» (*пифия*), «выдавать за» (*факир, мощи*); 3) частицы *якобы* (*антихрист*), *будто бы* (*бог, теософия, оккультизм, Страшный суд*); 4) идеологические маркёры: пережиток (*радуница*), патологический характер (*радение*), предрассудок (*суеверие, церковник*), религиозный обман (*мощи*), поверье/предание (*великомученик, пощущение, нечистая сила*), плод идеализации (толстовство), дурман, суеверный и др.

Наличие или отсутствие ограничительных определений (помет и указаний типа «в религии») – также признак КИ. При желании сохранить сакральность религионимов таких маркёров нет. Так, в словарях XIX в. нет пометы «*религиозное*». При характеристике нехристианских религий (кроме ислама) в них употребляются ограничительные определения, содержащие отсылку к лицу, чаще – к национальной принадлежности, а не вероисповеданию: *у турок, у древних народов, у евреев, у иудеев, жидовский, у китайцев и монгольских племен, у ламаитов или шакамунитов*.

В словаре Ушакова ограничительные определения призваны клеймить религию как сферу общественного сознания. Они употребляются в этом словаре перед конфессиональным словом всегда.

В таких ограничительных определениях часто содержатся: квазисинонимические ряды: *религиозный = мифологический = магический = мистический = фантастический*; неуместные пометы: *устаревшее* (при словах *духовность, масленица, вымолить* (ср.: *замолить* (разг.)), *перекреститься, божеский* и др.); *книжное* (примерно в половине случаев эта помета сопровождается другими, прежде всего – *церковное* или *устаревшее*). Ограничительные определения присутствуют повсеместно.

Происходит смягчение ограничительных определений в словарях конца XX – начала XXI в. Но их наличие всё равно снимает с религионима сакральность.

Подмена понятий – самый действенный способ идеологизации значения.

Ср. у Даля: **Мессія**. Помазанникъ; обѣщанный Ветхимъ Заѣтомъ Искупитель, котораго **верующіе** дождались во Христъ, а **евреи** еще ждутъ.

В ТСУ: **Нирвана** (книжн.). У буддистов – **блаженное состояние души**, освобожденной от страданий личного бытия. || **Смерть, небытие** (поэт.). (Буддизм не признаёт наличие души и считает блаженство преградой на пути к нирване.)

Замена архисем особенно очевидна при сравнении религионимов, обозначающих праздники и обряды. Сема *таинство* или *святое таинство* (в XIX в.) заменяется у Ушакова семей *ритуал, обряд, культ*; сема *угодники Божии, святые* – нейтральными семами *люди*; сема *храм* – семей *дом* и т. д.

Цитаты в словарях XIX в. приводятся преимущественно в определениях прямых значений христианских реалий. Часто в полисемичном слове, содержащем конфессиональное и светское значения, к обоим приводятся примеры лексемы в первом значении.

В словаре Ушакова, наоборот, при конфессиональных значениях цитат нет, зато они всегда появляются при характеристике переносных. Часто в XIX в. цитаты берутся из Библии (особенно в СЦРЯ), у Ушакова – из художественной литературы (в основном они отражают переносные ЛЗ) или из высказываний выдающихся политиков-коммунистов. В обоих случаях они призваны усилить идеологический компонент дефиниции.

Ср. иллюстративные примеры слова *святость*. В СЦРЯ: «Святость христианская веры. Святость жития». В ТСУ: «Начальник таможни догадался, должно быть, что я глуп до святости, и отпустил меня. Тургенев».

Синтаксическая спаянность, близкая комплексному наименованию, наблюдается в словарях XIX–XX вв. В XIX в. частотны употребления слова *святой* с названиями лиц Троицы, праздников и обрядов РПЦ, употребление лексемы *Христов* при обозначении праздников (*Рождество Христово, Пасха Христова, Свѣтлое Христово Воскресеніе* и др.). В ТСУ очень частотны сочетания *так называемый* с самыми разными группами религионимов (со словами *зрехопадение, таинства, святой, освящение, священное писание, потусторонний мир, подвижническая жизнь, великий пост, царские врата, Иоанн Креститель* и мн. др.).

Эти маркёры касаются прямых значений конфессионализмов. Что касается переносных, то в XIX в. почти не указываются метафорические значения религионимов, а преимущественно ментонимические. Метафорический перенос часто снимает сакральность с религионима, поэтому

обилие переносных значений встречаем в словаре Ушакова. (Хотя в нём приводятся и прямые значения этих лексем.) В первом случае (в XIX в.) цель – навязать неприязненное отношение к переносным значениям, во втором (в XX в.) – закрепить метафорическое значение конфессиональных лексем в сознании читателей. Включение коннотативного, оценочного компонента в религионим происходит через усиление переносных значений. В толкование прямого значения слова в ТСУ внедряется рациональный компонент-интерпретатор, отождествляющий конфессиональную лексику с лексикой преданий, мифов, сказок, вообще с вымыслом.

В начале XXI в. усилия составителей толковых словарей направлены прежде всего на деатеизацию религиозной лексики. Но, учитывая усиление роли Православной церкви в России, можно предположить, что скоро появятся другие способы переидеологизации религионимов.

А пока мы можем говорить о том, что в словарях XIX – нач. XXI в. присутствие компонента-интерпретатора обозначается отсутствием слов, «неудобных» значений, семантической иерархией значений, усилением одних и ослаблением других сем, многочисленными орфографическими, лексическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими маркёрами.

Итак, выявление способов языкового маркирования конфессиональной лексики в словарях разных эпох способно продемонстрировать наличие в толкованиях интерпретирующего компонента.

Примечания

1. Михайлова, Ю. Н. Религиозная православная лексика и её судьба (по данным толковых словарей русского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
2. Скляревская, Г. Н. Прагматика и лексикография [Текст] / Г. Н. Скляревская // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 64.
3. Михайлова, Ю. Н. Указ. соч. С. 77.
4. Вольф, Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции [Текст] / Е. М. Вольф // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 125. (Е. М. Вольф назвала эту составляющую модальной рамки оценки «фрагментом картины мира»).
5. См., например: Ильин, Д. Н. Процессы позитивации/негативации лексического значения в русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005.
6. См.: Горюшина, Р. И. Лексика христианства в русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
7. Журавлёв, С. А. Идеологемы и их актуализация в лексикографическом дискурсе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2004. С. 59.

Т. Н. Грошева

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОИЗВОДНЫХ
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ
БЕДНЫЙ**

Статья посвящена исследованию семантики производных словообразовательного гнезда *бедный* в русском литературном языке. Автор анализирует семантическую преемственность и категориальные изменения дериватов на разных ступенях образования.

In the article the meaning of the derivatives in the Russian derivational family of words *bednyi* (poor) are described. The author analyzes the lexical and grammatical components of their semantic structure.

Значение слова представляет собой неделимое единство лексического и грамматического компонентов. Формирование значения производного слова происходит за счет развития обоих этих компонентов. Лексическое значение производного слова определяется мотивационными отношениями с производящим. Если исходное слово многозначно, то производные мотивируются одним из его значений или несколькими [1]. В последнем случае производное характеризуется отраженной полисемией [2].

Исследование семантики производных одного словообразовательного гнезда дает возможность определить степень семантической близости между вершиной гнезда и его членами на разных ступенях производности, а также установить зависимость семантической структуры производных от глубины гнезда.

За основу нашего исследования мы взяли положение о том, что «каждое производное возникает на базе строго определенного значения производящего» [3], и проследили, как и в каком объеме на разных ступенях производности реализуются отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) вершины словообразовательного гнезда (СГ), а именно СГ *бедный*.

СГ *бедный* представляет собой сложное структурное образование и вместе с вершиной включает 42 единицы номинально, то есть с учетом полимотивированности двух производных (*беденько*, *бедновато*) [4]. СГ *бедный* характеризуется глубиной и сложностью. Производные располагаются на трех ступенях деривации: на первой – 15 производных, на второй – 20, на третьей – 6. Самой продуктивной является вторая ступень.

Вершина гнезда *бедный* – полисемант, включающий в свою внутреннюю структуру четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ) [5]:

ЛСВ1: Не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию; неимущий или малоимущий; противоп. богатый.

ЛСВ2: Отличающийся недостаточностью, убожеством.

ЛСВ3: Небогатый по содержанию; скудный. || Ограниченный в каком-либо отношении, имеющий недостаток в чем-л.

ЛСВ4: Несчастный, возбуждающий жалость, сострадание.

Словообразовательные способности каждого из четырех ЛСВ вершины СГ *бедный* проявляются по-разному. Наиболее реализуемым на всех ступенях производности является ЛСВ1. Он проецируется на значение всех производных гнезда, кроме трех, составляющих словообразовательную цепочку *бедняга* – *бедняжка* – *бедняжечка*, то есть на каждой ступени только одно производное не осваивает ЛСВ1 вершины. Задействованность ЛСВ1 в производных гнезда составляет 93%. Этот факт подтверждает наблюдение А. Н. Тихонова, что подавляющее большинство производных возникает на базе прямых номинативных значений производящей основы: «<...> прямые значения исходных (непроизводных) основ являются своего рода клеем, связывающим одно-коренные слова словообразовательного гнезда и поддерживающим их семантическое родство» [6]. ЛСВ2 и ЛСВ3 вершины характеризуются почти равными словообразовательными способностями: ЛСВ2 проецируется на значение 24 производных, ЛСВ3 – 26 производных. Наименее реализуемым является ЛСВ4. Он проецируется на значение девяти производных.

Семантическая структура производных различается не только качеством, но и количеством параллельно спроецированных на них ЛСВ вершины.

Все четыре значения вершины проецируются на значения двух производных. Одно из них – производное первой ступени *беденький*. Производное второй ступени *беденько* характеризуется множественностью словообразовательной структуры. В зависимости от непосредственного производящего оно по-разному связано с вершиной. Формируя свою семантику на базе производящего *беденький*, производное *беденько1* опосредованно осваивает все четыре ЛСВ вершины. На значение производного *беденько2*, которое полностью включает семантику производящего *бедно*, от вершины проецируются опосредованно три ЛСВ. В данном случае наблюдается зависимость семантической структуры производного от характера мотивационных отношений. Например, в семантической структуре производных *бедновато1* и *бедновато2* расхождения нет.

Тремя значениями с вершиной связаны 24 производных (9 – на первой ступени, 12 – на вто-

рой, 3 – на третьей). Двумя значениями с вершиной связаны три производных (2 – на первой ступени, 1 – на второй). Только одно значение вершины осваивается семантикой 12 производных (3 – на первой ступени, 6 – на второй, 3 – на третьей).

Количественный анализ производных СГ *бедный* позволяет сделать вывод, что большая часть производных СГ формирует свою семантику, либо

базируясь на трех ЛСВ (ЛСВ1, 2 и 3), либо осваивая одно значение – ЛСВ1 или ЛСВ4. Эти пропорции сохраняются на всех трех ступенях. Различие между ступенями в плане семантического объема и преемственности производных не обнаружилось.

Грамматическое (частеречное) значение формируется в результате приобретения категориальных сем ('предметность', 'процессуальность',

Производящее	Производное 1-я ступень	Вершина <i>бедный</i> ЛСВ				Категориальные семы	
		1	2	3	4	спроецированные	приобретенные
бедный	бедный, сущ.	+				△	□
	беднейший	+	+	+		△	
	бедненький	+	+	+	+	△	
	бедноватый	+	+	+		△	
	бедно	+	+	+		△	◇
	бедность	+	+	+		△	□
	беднота	+	+			△	□
	бедняк	+			+	△	□
	бедняга				+	△	□
	безбедный	+				△	
	небедный	+	+	+		△	
	пребедный	+	+	+		△	
	беднеть	+	+	+		△	○
	обеднить	+	+	+		△	○
	прибедниться	+		+	+	△	○
1-я ступень	2-я ступень						
беднейший	самобеднейший	+	+	+		△	
бедноватый	бедновато1	+	+	+		△	◇
бедно	бедновато2	+	+	+		△	
бедненький	бедненько1	+	+	+	+	△	◇
бедно	бедненько2	+	+	+		△	
бедно	беднёнько	+	+	+		△	
беднота	комбед	+				△ □	
бедняк	беднячка	+				△ □	
	беднячество	+				△ □	
	бедняцкий	+				△ □	▲
бедняга	бедняжка				+	△ □	
безбедный	безбедно	+				△	◇
небедный	небедно	+	+	+		△	◇
пребедный	пребедно	+	+	+		△	◇
беднеть	забеднеть	+	+			△ ○	
	обеднеть	+	+	+		△ ○	
обеднить	обеднять	+	+	+		△ ○	
	обедненный	+	+	+		△ ○	▲
прибедниться	прибедняться	+		+	+	△ ○	
	прибедниваться	+		+	+	△ ○	
2-я ступень	3-я ступень						
бедняцкий	бедняцко-средняцкий	+				△ □ ▲	
бедняжка	бедняжечка				+	△ □	
обеднеть	обеднение	+	+	+		△ ○	□
	обеднелый	+				△ ○	▲
обеднять	обедняться	+	+	+		△ ○	
обедненный	обедненность	+	+	+		△ ○	□

‘признаковость’) или сохранения исходной. Приобретенная в результате словообразовательного процесса категориальная сема не «зачеркивает» [7] исходную, а присоединяется к ней. В результате семная структура производного представляет собой комбинацию категориальных сем, из которых приобретенная становится главенствующей [8].

На уровне категориальных сем восемь производных первой ступени формируют семантику за счет приобретения второй категориальной семы (‘предметность’ – **бедный** сущ., **бедность**, **беднота**, **бедняк**, **бедняга**, ‘процессуальность’ – **беднеть**, **обеднить**, **прибедниться**). В семной структуре семи производных (**беднейший**, **безбедный**, **пребедный** и др.) содержится одна, исходная, категориальная сема, при этом одно производное – **бедно** меняет референциальную сему ‘предмет’ (‘признак предмета’) на сему ‘действие’ (‘признак действия’).

Семная структура девяти производных второй ступени представляет собой комбинацию двух категориальных сем – ‘признаковость’ + ‘процессуальность’ (**обеднеть**, **забеднеть**, **обеднять**, **прибедняться**, **прибедниваться**), ‘признаковость’ + ‘предметность’ (**беднячка**, **беднячество**, **бедняжка**, **комбед**). Семантика двух производных характеризуется вторичной признаковостью, которая по сравнению с исходной осложнена другой категориальной семой, сохраняющейся на втором плане – ‘процессуальность’ (**обедненный**), ‘предметность’ (**бедняцкий**). В цепочках **бедный** – **бедняк** – **бедняцкий**, **бедный** – **обеднить** – **обедненный** наблюдается явление словообразовательного круга [9], при котором первый и последний члены цепочки характеризуются интегрирующей категориальной семой ‘признаковость’. При этом производные отличаются от вершины семной структурой (наличием дополнительной категориальной семы) и уменьшенным семантическим объемом (проекция не всех ЛСВ вершины). В значении восьми производных второй ступени исходная категориальная сема ‘признак’ сохраняется, при этом меняется референциальная сема – приобретенная сема ‘действие’ нейтрализует сему ‘предмет’ (**бедновато**, **безбедно**, **небедно** и др.).

Сложность семной структуры трех производных третьей ступени заключается в комбинации двух категориальных сем. В значении других трех производных появляется третья категориальная сема. Производные **обеднение**, **обедненность** приобретают сему ‘предметность’, обусловленную

морфологическими и синтаксическими свойствами существительного при лексическом значении «состояние, действие». Семантика производного **обеднелый** характеризуется вторичной признаковостью, которая по сравнению с исходной осложнена семой ‘процессуальность’ (признак, появившийся в результате процесса).

Единственную (исходную) категориальную сему сохраняют семь производных первой ступени, девять производных второй ступени. На третьей ступени все производные имеют две и более категориальные семы.

Исследование грамматического значения производных СГ **бедный** на разных ступенях производности показало, что чем больше словообразовательных шагов (ступеней) проходит производное, тем сложнее его семная структура – она представляет собой комбинацию последовательно накапливающихся категориальных сем, из которых последняя занимает главенствующее положение.

В сводном виде семантическая преемственность и категориальное развитие производных СГ **бедный** на разных ступенях представлены в таблице. Категориальные семы обозначены знаками: Δ – ‘признаковость’, $\square$ – ‘предметность’, $\approx$ – ‘процессуальность’, $\blacktriangle$ – ‘вторичная признаковость’, $\diamond$ – референциальная (см. таблицу).

Примечания

1. См.: Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. Т. 1 / А. Н. Тихонов. М.: Русский язык, 1990. С. 39.
2. См.: Ширшов, И. А. Теоретические проблемы гнездования [Текст]: монография / И. А. Ширшов. М.: Прометей, 1999. С. 171.
3. Тихонов А. Н. Указ. соч. С. 41.
4. См.: Там же. С. 88.
5. См.: Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
6. Тихонов, А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ [Текст] / А. Н. Тихонов // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 115.
7. Ср., однако, противоположное мнение: Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза [Текст] / И. Г. Милославский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 103.
8. См.: Кубрякова, Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении [Текст]: монография / Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1978. С. 65.
9. См.: Ермакова, О. П. Лексические значения производных слов в русском языке [Текст] / О. П. Ермакова. – М.: Русский язык, 1984. С. 45.

А. С. Метликина

**СЛОЖНЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
ПРОЗЫ Б. А. ПИЛЬНЯКА**

В данной статье объектом изучения выступают сложные окказиональные прилагательные в прозе Б. А. Пильняка. В ней продемонстрировано использование окказиональных композит как средства художественной выразительности.

The object of research in this article is occasional adjectives in the prose of B. A. Pilnyak. The usage of occasional compounds is demonstrated as a means of artistic expressiveness.

Рубеж конца XIX – начала XX вв. в русской литературе отмечен сложным, вместе с тем плодотворным процессом, когда получают свое развитие новые течения модернизма, основные принципы которых нашли отражение в творчестве писателей и поэтов. И в этом плане судьба сложного эпитета представляет особый интерес, так как демонстрирует лингвистические приоритеты авторов того времени в реализации адекватных характеристик объектов окружающей картины мира. Сложная структура эпитета позволяет писателю «не только обозначить значимый признак в описываемом предмете, но и реализовать целый ряд других функций – изобразительную, эстетическую, лейтмотивную и др.» [1] Кроме того, обозначается авторский почерк писателя, что может служить доказательством особой стилистической функции сложного эпитета.

Б. А. Пильняк – один из талантливых, но сложных, противоречивых прозаиков послеоктябрьской литературы, специфически видящий мир и строящий свой образ новой России. Особенность поэтики писателя заключается «в последовательно проводимом принципе хаотичности изображаемого» [2]. Сложные окказиональные прилагательные, созданные Б. А. Пильняком, выполняют эстетическую функцию. Становясь ключевыми художественными словами высказывания, композиты являются каким-либо тропом (чаще всего эпитетами) или входят на правах ключевого компонента в структуру развернутого тропа: сравнения, метафоры, олицетворения, метонимии, гиперболы и т. д.

Рассмотрим сначала композиты, являющиеся эпитетами. Сложные прилагательные – один из излюбленных видов эпитетов Б. А. Пильняка. В прозе писателя представлено несколько разновидностей окказиональных композит, выделенных нами в зависимости от их структурно-семантической характеристики.

Компоненты сложных прилагательных объединяют близкие, синонимичные признаки: «Были раньше они *затуманенно-темными* и пьяными, стали теперь – ясными удивительно, спокойно-радостными...» («Год их жизни») [3]; «Парни ушли на *злую-лихую* войну...» («Тысяча лет»); «Серая рассветная муть сползла с земли, загорелся день, *яркий-жаркий*» («Голый год»).

В прозаической речи Б. А. Пильняка нередки соединения разнородных признаков, которые как бы оказываются зависимыми друг от друга: «...и все слилось в гулкой, *весеннее-дождевой* шелест» («Лесная дача»); «...та, китайская, *буднично-писательская* жизнь...» («Китайский дневник»).

Следует отметить парадоксальные, оксюморонные сочетания основ в сложных прилагательных. Несовместимые, казалось бы, признаки приписываются одному и тому же денотату, и рождается новое сложное понятие или представление: «...гибкостанные, высокие, *медлительноловки*, потомки хозар» («Рассказ о ключах и глине»); «...о *помещичьи-крепостной* пьяной вольнице...» («Голый год»)

Встречаются случаи не полной антонимии, а ограниченной, когда сохраняются лишь фоновые (либо контекстуальные) противопоставления, что создает эффект сочетаемости несовместимых денотатов: жестокость, бесчеловечность сочетается с человечностью («...а мы только двое в этом *человеческо-волчьем* бреду были одинаковы по происхождению и культуре» («Расплеснутое время»)); любезность и почтение с равнодушием («У боя замечательное, всегда *безразлично-любезное* лицо...» («Китайский дневник»)); неприкосновенность, благоговение с незначительностью («...европейцы в этой каше были *неприкосновенно-пустыми* местами...» («Китайский дневник»)).

Сложные окказиональные прилагательные могут отражать синестезию ощущений (обычно зрительных и осязательных): «...поднималось большое солнце на *влажно-синее* небо» («Год их жизни»); «... к той небесной сини, которая сейчас подменена этим *серебристо-зелено-блевотным* туманом...» («Китайский дневник»). Такая палитра цветовых номинаций «отражает цветовидение автора и тональность восприятия им окружающей среды» [4].

Сложные окказиональные прилагательные с зависимым компонентом, определяющим свойства, качества опорного, используются Б. А. Пильняком для создания художественного эффекта повествования: «...сидели старики... с коробочками тфилнов на головах с *кожанопреплетными* книгами» («Рассказ о ключах и глине»); «Некульев стал пересыпать песок, – склонил кудрявую голову к *мутно-стеклянным* колбам» («Мать сыра земля»); «М-М Жанна высту-

пала после *пластически-раешных* номеров...» («Штосс в жизнь»).

В данном случае возможность появления окказиональных композитов может быть связана с окказиональной контракцией смысла: *кожанопереплетные* книги – книги с кожаным переплетом, *мутно-стеклянные* колбы – колбы с мутным стеклом, *пластически-раешные* номера – номера раешного театра, демонстрирующие искусство ритмических изящных движений тела, согласованности движений и жестов.

Б. А. Пильняк раздвигает рамки использования сложных прилагательных с нулевым суффиксом, которые в литературном языке образуются от названий частей тела человека или животного (*голоживотый, зеленотелый, кольцекудрый* и др.). Особенностью художественной речи писателя является распространение данного словообразовательного типа на другие виды основ: «...Мне страшна ваша Россия, – *полосатоберстая*, как картожный туз, николаевская Россия» («Штос в жизнь»); «...стоят прокопченные, приземистые, *широкопазые* избенки рабочего поселка» («Иван Москва»); «...*буростволые* кедры и сосны» («Год их жизни»).

В поисках подходящего эпитета Б. А. Пильняк экспериментирует на уровне коннотации производящих слов. Например, окказиональный эпитет *добродушнорожий* (паренек) объединяет противоречивые по коннотации компоненты: *добродушный* – плюсовая, мелиоративная коннотация; *рожа* – пейоративная, минусовая коннотация.

В использовании окказиональных композитов писателем наблюдается комический эффект, желание сыронизировать: «...до торжественной тишины *высокопотолочных* бухгалтерских зал» («Повесть непогашенной луны»).

Эстетический потенциал сложного окказионального прилагательного в прозе Б. А. Пильняка демонстрируют контексты, содержащие прием антонимии: «...ибо разделяющая черта между “*японо-японской*” и “*японо-европейской*” живописью...» («Корни японского солнца»). Данный пример требует пояснения. В сложных словах-антонимах антонимия части (морфемы, одного из корней) естественного и неизбежно ведет к антонимии целого (слова, сложного слова) [5]. Окказионализмы *японо-японский* и *японо-европейский* являются антонимами, причем их антонимичность подчеркивается контекстом самого предложения (живопись истинно японская противопоставляется той, на которую оказал влияние Запад). Словоформа *японо-японский* представляет собой композит, объединяющий в себе два одинаковых слова для создания эффекта усиления признака. В окказионализме *японо-европейский* совмещаются контекстуально противоположные слова (Япония и Европа). Таким

образом, в данном примере антонимичность подчеркивается наличием сложного двучастного слова-оксюморона и «сочетанием оксюморонного типа» [6]. Окказиональные композиты в микроконтексте создают «единое поле напряжения, индикатором которого становится окказионализм» [7].

Иногда эпитет представляет собой компактное, сконцентрированное в одном слове сравнение. Б. А. Пильняк использует сложные окказиональные прилагательные, в первой части которых со значением сравнения выступают наречия на *-и*: «В дикой колонии, имя которой Россия, все же были прекрасные женщины, *еропейски-шикарные* и *азиатски-необузданные*» («Мать-мачеха»); «...*мандафински-образованный* человек Сун Уан-фан» («Китайский дневник»); «Было ясно, что Дмитрий Николаевич вкладывал в эту песнь все свое сердце, а может быть, и судьбу, – он был холост и *есенински-лиричен*» («Созревание плодов»); «У Лидии Евграфовны карие глаза, тонок горбатый нос, и она *хищно-красива*» («Голый год»). В окказионализме *хищно-красивая* сравнительно-уподобительное значение («красива как хищница») сочетается с метафорически-оценочным, актуализирующим ряд ассоциаций («хитрый», «лукавый», «кокетливый», «опасный» и др.).

Для выражения сравнения Б. А. Пильняк использует сложное притяжательное прилагательное, образованное от сочетания имени собственного и имени нарицательного, выступающего в роли приложения, с помощью суффикса *-ий*: «...были по лесам и по дорогам *стеньки-разина-разбойничьи* свисты...» («Машины и волки»), то есть свисты, как у разбойника Стеньки Разина.

В. Гофман отмечает: «Трудно исчислить многообразие стилистических категорий, использованных Б. А. Пильняком. Словарь и стиль Петровского времени, знак стилистической манеры древней летописи, стиль поваренной книги, официальных реляций, свод законов, отчетов, ведомостей, протоколов, отношений, писем, записок, дневников, объявлений, научных наблюдений» [8]. В художественной речи писателя можно обнаружить свойственные научной речи сложные прилагательные со значением сравнения, второй частью которых служат указывающие на значение сравнения связанные элементы *-подобный, -образный*: «...*гостинноподобный* лифт пропел сцеплениями проводов...» («Заволочье»); «...этой женщины в *бабочкоподобном* оби, японском поясе...» («Корни японского солнца»); «...стоял *монастыреобразный* храм...» («Рассказ о том, как создаются рассказы»); «...волосы одного заброшены назад, как у русского семинариста, – и, как у русского семинара, – *мочалообразны*...» («Жених во полуночи»).

Сложные окказиональные прилагательные с компонентами *-образный, -подобный* выполняют в прозе Б. А. Пильняка эстетическую функцию. Без наглядных проекций, провоцируемых этими блоками морфем, описание проигрывает в изобразительности и точности.

Сложные окказиональные прилагательные могут образовывать такой художественный троп, как гипербола: «Академик снял пенснэ, чтобы вникнуть в мир *страшно малых* величин» («Дело смерти»). В данном примере гипербола соединяется с эпитетом, наслаиваясь на него.

Окказиональные композиты со связанными компонентами могут образовывать сравнение в сочетании с метафорой: «...толпа влезла на хребты *слоноподобных* автобусов...» («Заволочье»); «И все это через заборы *собакообразных* никтешек...» («Корни японского солнца»).

В некоторых образованиях представлено метафорическое значение: «От неба до земли *ху-доребрый* ветер» («Чертополох»).

Б. А. Пильняк использует сложные окказиональные прилагательные в образных контекстах при олицетворении: «...а вопросом *трепещуще-живым* и учащенно-пульсирующим, вопросом наиактуальнейшим» («Корни японского солнца»).

Окказиональные композиты входят в структуру такого развернутого тропа, как метонимия: «...подошел ко мне *китае-офицера-полицейский* чин и сказал...» («Корни японского солнца»).

Большинство сложных окказиональных прилагательных образовано с помощью дефиса, который, выступая средством их объединения, связывает две или более лексемы в одно слово для более точной номинации признака и одновременно разделяет компоненты такого сложного слова для понимания как самого слова в отдельности, так и всего текста в целом.

Таким образом, Б. А. Пильняк развивает традиционные пути создания эпитета, используя причудливые сочетания основ (от традиционных цветowych, эмоционально-оценочных до сочетаний разнородных по смыслу основ и даже оксюморонных), что можно связать с такой чертой творчества писателя, как противоречивость. Эстетический эффект создается не только наслаиванием на композиты таких художественных тропов, как эпитет, гипербола, метафора, метонимия, олицетворение, но, главным образом, за счет самого структурирования слова. Создавая окказиональные прилагательные, Б. А. Пильняк стремится сконденсировать в одном слове сложные значения, передающие оттенки смысловой ассоциации, подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему характеристику и оценку, привлечь внимание читателя к важным для писателя проблемам.

Примечания

1. *Фадеева, Т. М.* Особенности функционирования сложных эпитетов в поэтических текстах «серебряного века» [Текст] / Т. М. Фадеева // Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. М.: Изд-во МГОУ, 2008. Вып. 2. С. 208–209.

2. *Эйдинова, В. В.* О Вячеславе Полонском [Текст] / В. В. Эйдинова // Полонский, В. О литературе: Избранные работы / Вяч. Полонский; вступ. ст. (с. 3–28), сост. и примеч. В. В. Эйдиновой. М.: Сов. писатель, 1988. С. 13.

3. *Пильняк, Б.* Собрание сочинений [Текст]: в 8 т. / Бор. Пильняк; [вступ. ст., подг. текста и коммент. А. Пинкевича]. М.; Л., 1930. Т. 8. С. 176. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

4. *Павлюченкова, Т. А.* Цветообозначения в поэзии И. А. Бунина [Текст] / Т. А. Павлюченкова // Филологические науки. 2008. № 2. С. 100.

5. *Новиков, А. А.* Художественный текст и его анализ [Текст] / А. А. Новиков. Изд. 3-е. М.: URSS, 2007. С. 194.

6. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Текст]: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 196.

7. *Намиткова, Р. Ю.* Влияние антонимии на создание окказионального слова [Текст] / Р. Ю. Намиткова // Актуальные проблемы русского словообразования: тезисы V Республиканской научно-теоретической конференции. Самарканд, 1987. Ч. 1. С. 258.

8. *Гофман, В.* Место Пильняка [Текст] / В. Гофман // Мастера современной литературы / под ред. Б. В. Казанского и Ю. Н. Тынянова. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 33.

А. Р. Сакаева

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ, СЕМАНТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках данной статьи рассмотрены основные структурные классы фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-фитонимом, семантически ориентированные на характер человека в английском языке.

In this article the basic structural classes of phraseological units (PU) with the phyto-component, semantically oriented to the character of a person in English language.

Объективно существующая картина мира отражается в языке в первую очередь при помощи слов. Именно они, как принято считать, непосредственно связаны с предметным миром человека. Особую роль в создании языковой карти-

ны мира играют лексемы с предметно-вещественным значением. К таковым относятся и многочисленные наименования растительного мира, т. е. наименования деревьев, кустов, трав, цветов, овощных, ягодных и т. д.

Анализ состава эквивалентных фитонимов в разных языках свидетельствует о существенных различиях в представлениях о природных артефактах, об их связях, об их особенностях, и отражают специфическое членение этой сферы деятельности. Сравнительный анализ подобных наименований в языках дает основания для вывода о разной степени актуальности одной и той же реалии в сознании разных народов. Это, в свою очередь, определяется не только типичностью, распространенностью денотата, но и отношением к нему со стороны носителей языка, что детерминировано национальным восприятием окружающего мира, его оценкой, идеологией и пониманием о культурных ценностях.

Немаловажен и тот факт, что мировидение и его отражение в языках основывается не только на объективных характеристиках предметов, но и некоем их «переживании», на эмоциональном отношении к ним. Поэтому, говоря о картине мира, в создании которой участвуют фитонимы, мы имеем в виду не только буквально понимаемую пейзажную зарисовку, характерную для той или иной природной зоны. Функциональные характеристики фитонимов, контексты их употреблений, дополнительные внепонятийные смыслы, их парадигматические связи (в частности, на деривационном уровне) свидетельствуют о том, что указанные наименования являются важными языковыми элементами построения картины мира на более высоком уровне, отражающем духовный мир людей, наполненный эмоциями, оценками, спецификой взаимоотношений в обществе, широкой гаммой чувств. В этой картине фитонимы, как правило, выполняют роль эталонов внешних и внутренних качеств человека. И эта картина мира оказывается еще более национально маркированной, чем та, которая отражает объективную действительность.

В рамках данной статьи будут рассмотрены основные структурные классы ФЕ с компонентом-фитонимом, семантически ориентированные на характер человека, и определены грамматические особенности компонентов, составляющих структурную модель.

Анализ ФЕ в структурно-грамматическом плане направлен на выявление особенностей, сходств и расхождений грамматической структуры ФЕ с компонентом-фитонимом в английском языке.

Изучению структуры ФЕ были посвящены работы В. Д. Аракина, Н. Н. Амосовой, П. П. Калинина, А. В. Кунина, Е. Ф. Арсентьевой, В. В. Виноградова, Н. Ш. Шамаевой.

Основные внутривидовые признаки английского языка непосредственно накладывают свой отпечаток на структурно-грамматическую организацию ФЕ. Среди них необходимо выделить:

- наличие неопределенного или определенно-го артикля в большинстве ФЕ английского языка как грамматическую категорию, присущую английскому языку;

- наличие падежей у ФЕ английского языка;
- частое употребление в английских фразеологизмах компонента «one's», который в контексте заменяется требуемым ситуацией личным местоимением в объектном падеже;

- отсутствие категории рода у существительных английского языка;

- широкое использование послелогов в английском языке.

Н. Н. Амосова, проанализировав строение и состав английских ФЕ, выделяет следующие структурные типы:

- Фразеологические сочетания, т. е. единицы постоянного контекста, представляющие собой соединение двух или более знаменательных слов с подчинительной связью, иногда с участием служебных элементов.

- ФЕ с сочинительной структурой, разновидностью которых являются «тавтологические сочетания». Для них характерна лексико-грамматическая однотипность членов, изредка нарушаемая. В отличие от переменных сочинительных рядов, они составляют единое замкнутое словосочетание.

- «Одновременные единицы», т. е. состоящие из одного знаменательного и одного служебного слова.

- Глагольные с постпозитивами.

- ФЕ с предикативной структурой, которые делятся на два вида: частично-предикативные, цельнопредикативные.

- Компаративные ФЕ [1].

Е. Ф. Арсентьева выделяет следующие типы ФЕ:

1. ФЕ со структурой словосочетания: глагольные ФЕ; субстантивные ФЕ; адъективные ФЕ.

2. ФЕ со структурой предложения.

Осуществляя анализ структурно-грамматической организации исследуемых ФЕ, Е. Ф. Арсентьева учитывает следующие признаки:

1. Морфологическое выражение стержневого компонента ФЕ, т. е. ведущего, грамматически независимого компонента, относящегося к определенной части речи и обуславливающего функционирование данной ФЕ в качестве определенного члена предложения.

2. Синтагматическое строение ФЕ, т. е. организация ФЕ в виде словосочетания с различным типом синтаксической связи или предложения.

3. Характер синтаксических подчинительных связей ФЕ.

4. Способ выражения синтаксических отношений (согласование, управление, примыкание).

5. Положение зависимого компонента ФЕ по отношению к стержневому [2].

Структурно-семантическая и грамматическая характеристика ФЕ современного английского языка, представленная А. В. Куниным, выглядит следующим образом:

1. Номинативные ФЕ:

– Субстантивные ФЕ. В состав субстантивной идиоматики входят полностью и частично ФЕ со структурой словосочетания и полностью переосмысленные ФЕ с частично-предикативной структурой. Основными типами переосмысления является метафорическое и метонимическое переосмысление. Наиболее характерными структурными типами субстантивных ФЕ являются предложно-именные образования, т. е. сочетание имени существительного с именем существительным с препозитивными определениями (или без них) посредством предложной подчинительной связи. Для этого используются следующие предлоги: «about», «among», «at», «before», «behind», «between», «for», «from», «in», «of», «on», «out of», «to», «with», «within» и «without».

– Адъективные ФЕ. Некомпаративные обороты могут быть как с подчинительной, так и с сочинительной структурой. Адъективные сравнения выступают в предложении в качестве определения, постпозитивного или обособленного, а также предикатива.

– Адвербиальные и предложные ФЕ. Многие из этих ФЕ начинаются с предлогов: «at», «by», «on», «under», «with» и др.

2. Номинативные и номинативно-коммуникативные ФЕ – глагольные ФЕ.

3. Междометные ФЕ и модальные ФЕ немеждометного характера.

4. Коммуникативные ФЕ: пословицы; поговорки [3].

Субстантивными принято считать ФЕ, функционально соотносимые с существительными, т. е. ФЕ, стержневым компонентом которых является существительное. Среди субстантивных ФЕ с компонентом фитонимом, семантически ориентированных на характер человека можно выделить следующие модели:

– «существительное» + «предлог» + «существительное». Для этой модели используются следующие предлоги: «at», «about», «among», «between», «by», «down», «for», «from», «in», «of», «on», «out of», «over», «to», «round», «before», «with», «without»: «a snake in the grass» – человек, вызывающий ненависть своим предательством, змея подколодная; «a rose between two thorns» – (красивая) женщина, си-

дящая между двумя мужчинами; «babes (children) in the woods» – простодушные, доверчивые люди; простак, сущие младенцы; «a thorn in smb's flesh» – источник постоянного беспокойства, раздражения, бельмо на глазу.

– «существительное» + «существительное»: «a couch potato» – человек, проводящий массу времени у телевизора, развалившийся на диване, лежебока; «a grass widow» – соломенная вдова; «apple-polisher» – льстивый, заискивающий человек.

– «прилагательное» + «существительное»: «a hot-house plant» – тепличное растение (о человеке); «small potatoes» – мелюзга, мелкота, мелкие людишки, мелкая сошка; «a sensitive plant» – чувствительный, обидчивый человек, мимоза; «(not) (quite) the clean potato» – подозрительная личность, темная личность; непорядочный, бессовестный человек.

– «существительное» + «and» + «существительное»: «carrot and stick» – кнут и пряник, поощрение и наказание, плохое и хорошее.

– «причастие настоящего времени» (Participle I) + «существительное»: «a shrinking violet» – кто-то очень робкий, застенчивый, как мимоза.

– «причастие прошедшего времени» (Participle II) + «существительное»: «crumpled rose-leaf» – небольшое огорчение, омрачающее радость; «forbidden fruit» – запретный плод.

– «существительное» + «определятельное оборот» (инфинитивный или причастный) или «определятельное придаточное предложение»: «a tough nut to crack» – твердый орешек; «a hard nut to crack» – твердый орешек, орешек не по зубам (о человеке, с которым трудно справиться, о трудной задаче).

Адъективными фразеологическими единицами являются фразеологизмы, стержневым компонентом которых является имя прилагательное. Адъективные ФЕ представлены английской языковой системой в незначительном количестве, так как они менее продуктивны.

Адъективные фразеологизмы выступают обозначениями разнообразных качеств, свойств людей: «(as) nutty as a fruitcake» – чокнутый, психованный; «(as) green as grass» – очень неопытный, «зеленый»; «(as) red as a cherry (rose)» – румяный, с румянцем во всю щеку, кровь с молоком; «like a sack of potatoes» – «как мешок с картошкой», незлегантный, неуклюжий.

Наименьшее группу представляют адвербиальные и предложные ФЕ с компонентом зоонимом, семантически ориентированные на характер человека. Примерами могут служить: «(as) fresh as a rose» – свежа как роза; «under the rose» – по секрету, втихомолку, тайком, потихоньку [роза была символом молчания в Древнем Риме].

ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛЖИ

Глагольными следует считать ФЕ, функционально соотносимые с глаголом, т. е. ФЕ стержневым компонентом которых является глагол. Примерами ФЕ данной группы могут служить: «to be (dead) puts on smth. (smb.)» – быть искусным в чем-то, быть знатоком, мастером в чем-то, очень интересоваться кем-либо или чем-либо, очень любить кого-либо или что-либо; «to be an old chestnut» – быть старым, с бородой; «to put smb. out to grass (to pasture)» – уволить кого-то по возрасту, заставить уйти в отставку; «to bear (carry off) the palm» – получить пальму первенства, одержать победу [в Древней Греции существовал обычай награждать победителя в состязаниях пальмовой ветвью]; «to give the palm to smb. (smth.)» – отдать пальму первенства кому-либо; «to grease (oil) smb's palm» – дать взятку, подкупить кого-либо, «позолотить ручку»; «to hold out an olive branch» – протягивать оливковую ветвь, выразить готовность помириться; «to blush like a rose» – зардеться как маков цвет; «to take a leaf (out of) smb's book» – брать пример с кого-либо, следовать чьему-либо примеру, подражать кому-либо; «to drive smb. nut» – жарг. сводить кого-либо с ума; «to hold one's potato» – амер. разг. уст. запастись терпением, не волноваться, не горячиться; «to be off one's onion» – жарг. рехнуться, спянуть; «to saw wood» – амер. жарг. 1) храпеть, задавать храповицкого; 2) вкалывать вовсю; 3) заниматься своим делом; «to feed smb. on soft corn» – амер. жарг. льстить, говорить комплименты кому-либо; «to measure smb's corn by one's own bushel» – подходить к кому-либо со своей меркой; мерить на свой аршин.

Таким образом, использованный фразеологический материал и проведенный структурно-грамматический анализ выбранных ФЕ позволил выделить две наиболее распространенные группы фразеологических единиц с компонентом фитонимом, семантически ориентированных на характер человека: глагольные ФЕ и субстантивные ФЕ. Исследование показывает большое разнообразие предлогов, используемых для связи имени существительного с именем существительным в английском языке. Наиболее многочисленным и продуктивным структурным подклассом оказывается сочетание имен существительных посредством предлогов «of» и «in».

Примечания

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н. Н. Амосова. Л., 1963. 208 с.

2. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеогрфия в сопоставительном аспекте (на материале рус. и англ. яз.) [Текст] / Е. Ф. Арсентьева. Казань [КГУ], 2006. 171 с.

3. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания [Текст] / А. В. Кунин. М., 1972. 288 с.

В статье представлены результаты анализа фразеологических единиц, обозначающих обман вербальный, т. е. ложь. Выделено четыре группы фразеологизмов в зависимости от того, как именно происходит обман адресата речи в процессе коммуникации. Проанализированы наиболее употребительные фразеологизмы со следующих позиций: словарные толкования, контексты, психолингвистический эксперимент.

The results of analysis of phraseological units, designating deception verbal, i.e. lie are presented in the article. Four groups of phraseological units are selected depending on that, how exactly there is deception of addressee speech in the process of communication. The most widely-used phraseological units have been analyzed from the followings positions: dictionary interpretations, contexts, psycholinguistic experiment.

Принципы отбора фразеологических единиц (далее – ФЕ), репрезентирующих концепт *ложь/обман* в современном русском языке, соответствуют концептуальной гештальт-структуре ситуации лжи/обмана, рассматриваемой В. И. Шаховским и Н. Н. Панченко, «категоризируемой в языковом сознании как типовой образ/типичное знание об обозначаемом, т. е. имеющей целостное прототипическое представление» [1:285]:

X *обманул/солгал* Y =

X сделал и/или сказал нечто Y-у

X знал, что это неправда

X сказал и/или сделал это, потому что хотел, чтобы Y думал, что это правда.

Проведенный нами анализ отобранных ФЕ показал, что концепт *ложь/обман* вербализуется неодинаково, и выбор автором речи конкретной единицы зависит от множества факторов. В настоящей статье мы хотим продемонстрировать, как модифицируется, словно поворачиваясь разными гранями, концепт при его репрезентации фразеологизмами.

В семантическом поле фразеологических средств репрезентации названного концепта (далее – ФСП) нами выделены несколько микрополей, или сегментов, причем некоторые сегменты, в свою очередь, членятся на микросегменты:

– ФЕ, называющие и характеризующие сообщение субъектом объекту информации, не соответствующей действительности или представлению объекта о действительности (клевета, сплетни, преувеличение, глупость, пустые обещания и т. д.), т. е. обозначающие обман, совершаемый преимущественно вербальными средствами (*бабушкины/бабьи сказки/рассказы, вола вертеть/крутить, дичь нести/понести/городить* и др.);

– ФЕ, называющие и характеризующие создание субъектом условий для совершения объектом ошибочных действий (сокрытие и маскировка субъектом истинного положения вещей с целью формирования у объекта неверного представления о действительности; лишение объекта возможности и способности здраво рассуждать и принимать верные решения; отвлечение субъектом внимания объекта от важных для него вопросов с целью формирования у него неверного представления о действительности), например: братъ/взять на понт, вкручивать/закручивать/закрутить мозги, выводить/вывести из ума и др.;

– ФЕ, называющие и характеризующие обман преимущественно акциональный (братъ/взять/играть на арапа, залезать/лезть в чужой карман, играть втемную и др.);

– ФЕ, называющие и характеризующие субъект *лжи/обмана*, в том числе называющие и характеризующие создание субъектом ложного впечатления о себе с целью введения объекта в заблуждение (притворство, лицемерие и т. д.), например: барон Мюнхгаузен, вертеться как береста на огне/на угольях, вилять/завилять/вертеть/крутить/мести хвостом и др.;

– ФЕ, называющие и характеризующие объект *лжи/обмана*, а также выражающие отношение объекта к субъекту и к тому, что он сообщает (идти/пойти/попасться/попадаться/поддаться/подаваться/пойматься на удочку, остаться/оставаться в дураках, остаться с носом и др.);

– ФЕ, называющие и характеризующие признаки, обстоятельства, атрибуты *лжи/обмана* (врать/брехать/наврать/набрехать как сивый мерин, семь верст до небес <и всё лесом>, с три короба <наговорить/наврать/насыпать и т. п.> и др.).

Необходимо отметить, что провести четкую границу между сегментами, микросегментами не всегда бывает возможно: известно, что границы концептов, их слоев и признаков внутри концептов размыты и не имеют четких очертаний. Также затруднительно представить исчерпывающий перечень всех признаков и слоев концепта, вербализованных (в нашем случае) во фразеологизмах.

ФЕ были отобраны нами по данным фразеологических и толковых словарей. На первом этапе проводился анализ всех доступных нам словарных толкований ФЕ, выделение ключевых сем, затем были тщательно рассмотрены все имеющиеся в нашей картотеке примеры употребления ФЕ, выделены вербализованные в них концептуальные признаки. Кроме того, нами был проведен психолингвистический эксперимент (далее – ПЛЭ), результаты которого не менее важны для формирования нашего представления о ментальном наполнении концепта.

Необходимо обозначить, что за формальный критерий частотности употребления мы приняли следующий: наличие в нашей картотеке не менее 10 примеров из современной художественной и публицистической литературы.

В данной статье представлены результаты анализа наиболее употребительных ФЕ, составляющих первое микрополе.

Проведенное нами исследование показало, что обман, совершаемый с помощью вербальных средств, является наиболее распространенной его формой. Имя такому обману – ложь, явление многоликое, неоднородное и неоднозначное. Ложь представляет собой сообщение субъектом информации, не соответствующей действительности. Анализ, проведенный нами, показал, что не соответствующая реальному положению дел информация может быть различной: от простого преувеличения до абсолютного абсурда.

Микросегмент «преувеличение, нагнетание»

В эту группу мы объединили фразеологизмы, обозначающие такой тип лжи, при котором говорящий передает информацию, намеренно преувеличив какие-л. аспекты ситуации. Тем самым в своем сообщении он искажает объективную действительность (сгущать/сгустить краски, в <самом> черном виде/цвете, окрашивать/окрасить в розовый цвет и т. п.).

Согласно толковым словарям, преувеличивать – «представлять большим, чем есть в действительности» [2:2,288]. Эта сема (несоответствие действительности) маркирует, по нашему мнению, лексические и фразеологические единицы, не только реально объективирующие в языке концепт *ложь/обман*, но и потенциально имеющие такую возможность.

Например, ФЕ для/ради красного словца толкуется словарями как «говорить, выдумывать и т. п., чтобы усилить впечатление (говорится с неодобрением, часто с оттенком иронии). Подразумевается стремление придать речи яркость, остроту, приукрашивая или преувеличивая то, о чем говорится» [3:213]. Ключевой в данном случае для темы нашего исследования является сема «выдумывать». Одним из значений слова «выдумывать» является следующее: «создавать в воображении // разг. сочинять небылицы, фантазировать» [2:1,251].

– *Он действительно так сказал: Никто не даст закоптить голубое небо Подолии дымом заводов – или ты это выдумал для красного словца?*

– *Вы что думаете, обманываю? – обиделся я. – Так и сказал.*

В. Беляев. Старая крепость [3:213]

В данном примере есть прямое указание на то, что для красного словца говорится может и

откровенная ложь, причем иногда сочиняться могут истории самые невероятные, совершенно неправдоподобные. Но в данном случае автор как раз и не заботится о правдоподобии, напротив, яркостью «небывальщины» стремится сделать свой рассказ наиболее действенным, запоминающимся, эффектным, как и в следующем примере:

– *Был у меня дружок один, знатный был арбалетчик, муху мог к дереву на лету прибить за лапку, да еще спросит, за какую. Ну, понятно, это так, для красного словца, но стрелок был zelo меткий.*

Д. Воронин. Живой щит

Есть и другие примеры, где речь идет не столько о лжи, сколько о преувеличении чего-л. И таких, необходимо отметить, большая часть:

В голове Авросимова всё уже перепуталось в достаточной мере, так что он, едва комитет закончил деятельность, вылетел вон, хотя это говорится для красного словца, ибо он с почтением и подобострастием как обычно просеменил мимо высоких чинов, лишь изнутри раздаваемый непонятной тоской.

Б. Окуджава. Глоток свободы [3:213]

Это типичный пример употребления ФЕ для красного словца в значении преувеличения, а подобный случай гиперболизации действия можно встретить очень часто. Многие из нас намеренно преувеличивают свои гнев, досаду, злость на кого-л., чтобы усилить воздействие на адресата речи, особенно если он и есть виновник такого нашего настроения. В такой ситуации появляются подобные контексты, такие же типичные:

– *Сначала с Андреем Львовичем разберусь, я его убью...*

– *Игоречек, не надо, тебя найдут и посадят, – зарыдала Надя...*

– *Замолчи, – устало сказал муж, – это я так ляпнул, для красного словца, просто попугаю сволочугу, чтобы в другой раз неповадно было...*

Д. Донцова. Старуха Кристи – отдыхает!

Тем не менее (см. примеры – не вылетел, а просеменил, не убью, а попугаю), сказанное для красного словца почти всегда всё же ложь. Однако причина такого обмана – не намеренное создание у объекта искаженной картины мира, как обычно бывает, а усиленное воздействие на адресата.

Данные ПЛЭ тоже свидетельствуют о том, что выражение для/ради красного словца большинством воспринимается как характеристика преувеличения, стремления сделать речь ярче, образнее, что в итоге преследует цель привлечь внимание собеседника и добиться в конце концов коммуникативного успеха (73%). О том, что сказанное таким образом может являться про-

сто ложью, говорят 25% опрошенных. Принципиально важным, на наш взгляд, является то, что очень малый процент респондентов (8%) сказали о том, что такой обман совершается в целях получения какой-то выгоды, из желания себя обезопасить, в целях манипулирования другими людьми и т. д., что является наиболее распространенными причинами обмана. Как известно, одно из значений слова «красный» – обозначение «чего-н. хорошего, яркого, светлого и т. д.» [4:268], и действительно, основная цель подобных «фигур речи» – сделать ее более действенной.

Микросегмент «глупость, пустая болтовня»

В этот микросегмент ментального поля фразеологических средств репрезентации концепта ложь/обман мы включили те ФЕ, которые объединяются по признаку несуразности, глупости, абсурдности и т. п. сказанного (ахиною нести/городить/молоть, бобы разводить, вздор плести/нести/понести/городить/молоть/пороть и т. п.). Как правило, компонентами анализируемых в данной части нашей работы ФЕ являются следующие слова: вздор («что-л. несерьезное, не заслуживающее внимания; ерунда, чепуха» [2:1,171]); бред («что-л. несуразное, бессмысленное, неправдоподобное» [2:1,123]); ахиная («вздор, бессмыслица» [2:1,55]); ерунда («вздор, чепуха, нелепость» [2:1,446]) и т. п. Принципиальным является то, что как несуразную, нелепую, глупую, бессмысленную, лишённую правдоподобия и т. п., то есть не соответствующую действительности, информацию оценивает объект. Для субъекта же она как раз видится абсолютно противоположной, то есть соответствующей действительности (в том виде, как она представляется ему). Вот один из подобных примеров:

– *Вы влюблены всерьез, мучительно стыдитесь этого, боитесь огласки, но ничего поделаться с собой не можете, получается полнейшая чушь. Вместо счастья и удовольствия постоянная внутренняя борьба, муки совести, воспаленные нервы.*

– *Нет, вы явно не в себе, Анатолий Григорьевич, – громко и неестественно засмеялась Лиза, – что за бред вы несете?*

– *Ну вот, – он печально вздохнул и развел руками, – так и знал, что вы станете мне возражать.*

П. Дашкова. Эфирное время

Это значит, что, на первый взгляд, рассмотренный ниже фразеологизм не имеет отношения к объективации концепта обман/ложь, так как отсутствует один из ключевых компонентов ситуации обмана: намеренность действий субъекта. Однако анализ примеров употребления указанной категории ФЕ в речи свидетельствует об

обратном: нередко сообщение информации происходит именно с целью ввести адресат речи в заблуждение, например:

– *Зачем тебе такая огромная сумма?*

Он понес чепуху. Якобы должен купить для своей фирмы оборудование, деньги не поступили на счет в банк...

– *Мне только повертеться, на недельку, – врал он, – из Америки придет перевод, и тут же верну долг. Не сомневайся, расписку напишу.*

Д. Донцова. Гарпия с пропеллером

Что касается фразеологизмов с обобщенным значением «говорить попусту, болтать», то здесь тоже потенциально возможен намеренный обман. Ведь «пустословить» – «болтать пустяки, вздор, вести пустые разговоры» [2:2,406]. И это значит, что в ходе этих пустых разговоров весьма вероятно сообщение информации, не соответствующей действительности.

Одним из самых информативно насыщенных ФЕ данного микросегмента является идиома бред сивой кобылы. Согласно словарным определениям, она означает «несуветная чушь, вздор» [5:1,51], «бредовые, вздорные, глупые мысли, высказывания» [6:48]. Известно, что сивая лошадь, по представлениям русского народа, считается глупой. Для нас очень существенным является указание в Кратком этимологическом словаре русской фразеологии на то, что видеть ее во сне считается «столкнуться с ложью» [6:48]. Есть и другая версия происхождения идиомы: «компонент *бред* мог первоначально иметь значение «хождение вперед и назад» [6:48], то есть механическое, лишённое смысла хождение, а отсюда – что-л. бессмысленное, бестолковое.

Как видно, в словарных толкованиях нет прямого указания на лживость информации, оцениваемой как бредовая, вздорная, глупая и т. п. Но анализ примеров употребления данной идиомы свидетельствует, что эта информация как раз очень часто не соответствует действительности:

– *Боже, Мура, и ты могла в это поверить? – с тоской спросила я. Неужели эта гнусная выдумка обсуждается уже и здесь? ...*

– *Нет, я не поверила, бред сивой кобылы, я сразу поняла.*

Е. Вильмонт. Перевозбуждение примитивной личности

Необходимо отметить, что достаточно часто в контекстах, содержащих идиому бред сивой кобылы, есть указание на то, что в произносимые ложь, выдумки и т. п. объект не верит (см. последний пример). И, как правило, не верит потому, что слишком они несуразны, нелепы, действительно подобны бреду сумасшедшего:

Совсем старуха рехнулась, подумал он. С какой это стати ей видеть про меня вещи сны? Бред сивой кобылы. Вся страна помешалась на таких штуках, хоть вой!

Е. Вильмонт. Плевать на всё с гигантской секвойи!

Участникам ПЛЭ было предложено ответить на вопрос «Какую ситуацию Вы охарактеризовали бы как бред сивой кобылы?» И его результаты свидетельствуют, что как раз эту ситуацию – говорение неправды – и отметили в качестве наиболее распространенной 37% его участников. Указание на то, что адресат речи не верит говорящему, содержится в 12% ответов. Немного меньше – 34% сказали, что фразеологизм характеризует такую ситуацию, когда говорят глупости, что-то немислимое, чушь, ерунду и т. п. Заметим, что иногда в описываемой ситуации участвует женщина: «фифочка», «дура», «старушка», «некрасивая девушка» и даже «моя подружка». Очевидно, это объясняется тем, что словом «кобыла» в определенной ситуации характеризуют именно женщину. Кроме этого несколько человек указывают и на состояние психики субъекта: «в беспамятстве, пьяный, сумасшедший» и т. п., что, вероятно, мотивировано наличием в составе фразеологизма компонента «бред». 21% описали лошадь, причем часто выглядящую или ведущую себя не так, как обычно: «пьяная лошадь; кобыла, стоящая на двух копытах и распускающая о чем-то умном; неординарное поведение лошади; распластанная лошадь говорит чушь» и т. д. Кроме вышеназванных ситуаций респонденты указали еще следующую: «невнятная речь; когда человек плохо, неграмотно говорит; двух слов связать не может и т. п.» – 10%. Остальные же ответы являются одиночными, например: «смех», «студенты на перемене», «рога», «усталость» и др.

Необходимо отметить, что Словарь русского арго представляет синонимичные ФЕ бред сивой кобылы выражения: бред пьяного нанайца, бред уснувшего генсека, бред советских генетиков, бред беременной медузы, «расширенный» вариант бред сивой кобылы в лунную ночь, а также стилизованный под английский язык фонетический вариант сив-кэбл-брэд [7].

Таким образом, анализ примеров употребления ФЕ бред сивой кобылы в речи и результатов ПЛЭ дает основания считать, что отнесение ее к числу фразеологизмов, репрезентирующих концепт *ложь/обман*, является закономерным. А той семьей, которая отличает эту идиому от других фразеологизмов того же сегмента ФСП, является несуразность, нелепость, вопиющая бессмысленность произносимого или написанного, вследствие чего в это просто невозможно поверить разумному человеку.

Микросегмент «клевета, сплетни»

К этой группе мы отнесли ФЕ типа вешать/навешать <всех> собак <на шею>, катить бочку, кидать грязь/грязью/в грязь и т. п.

Наиболее употребительным среди подобных фразеологизмов является идиома нести/понести напраслину и ее синоним возводить/возвести напраслину. Правда, имеющееся в нашей картотеке количество примеров употребления этой ФЕ в современной литературе менее 10, однако другие фразеологизмы употребляются, по нашим наблюдениям, еще реже.

Согласно данным словарей, нести/понести напраслину означает «наговаривать на кого-л.» [5:2,27], а возводить/возвести напраслину – «ложно обвинять кого-л. в чем-л.» [5:1,89]. Но, поскольку одно из значений слова «наговорить» – «клевета, ложно обвинить кого-н., приписать кому-н. что-н.» [4:329], мы считаем эти выражения синонимами и рассматриваем их вместе.

Яков рассердился. С новогодних праздников в рот не брал хмельного. А тут вот процелыга вздумал на него напраслину возводить.

В. Фомиченков. Сменный [5:1,89]

Практически все имеющиеся у нас примеры употребления ФЕ подобны вышеприведенному, причем надо отметить, что, как правило, аргументы против возводимых несправедливых обвинений приводятся в ближайшем контексте:

– *Воробей, хочешь знать, – самая симпатичная птичка, – решительно встал на защиту воробья издатель. – И нисколько не жадная. Самая аккуратная, дружная, незлобивая. На него напраслину возвели – вором назвали. Никакой он не вор. Или в старину был вором, но, в отличие от нас, переменялся к лучшему. В сенцы воробей не полезет, шнырять где попало не будет. Он не назойливый, место свое знает. Кормится со всеми вместе – воробей у другой птички, у синицы там или еще у кого, из-под носа вырывать не станет. И сгонять с кормушки не станет.*

В. Распутин. Под небом ночным

Также необходимо сказать, что, как во многих случаях использования ФЕ, репрезентирующих концепт ложь/обман, склонность к подобного рода обману отмечается у представителей некоторых профессий:

Кто-то... был совершенно уверен в том, что я никогда с ним не встречу хотя бы потому, что мы принадлежим к совершенно разным мирам, а люди его уровня редко встречаются с праздными писателями, которые возводят на них всякую напраслину.

Т. Устинова. Седьмое небо

Что касается результатов проведенного нами ПЛЭ, то и они также однотипны. Практически все участники ответили, что значение рассмат-

риваемой ФЕ – «ложно обвинять, наговаривать, клеветать и т. п.».

Ситуации же, которые, по их мнению, характеризуются как возведение напраслины, таковы:

– оговор из-за личной выгоды, материальной заинтересованности (например, «коллеги «подсигивают» друг друга, соревнуясь за право занять более высокую должность», «журналист хочет получить имя за счет сенсации, пусть даже непроверенной») – 32%;

– оговор в целях устранения конкурента (в бизнесе, в карьере, в политике и т. д.) – 22%. Надо отметить, что в обеих этих группах в принципе описаны одни и те же ситуации. Но в первом случае в ответах респондентов не идет речь о том, что тот, кого оболгали, пострадал. Он, допустим, остался на своем месте, не занял более престижное и высокооплачиваемое, но и не пострадал. Во втором же случае в ответах участников ПЛЭ прямо говорилось, что тот, на кого возвели напраслину, понес какой-то ущерб – «проиграл важные переговоры, потерпел финансовый крах, угодил под следствие» и т. д. Поэтому мы посчитали необходимым представить данные результаты отдельно;

– оговор в целях оправдания собственных действий («он такой плохой, с ним надо пожестче, поэтому я так-то поступил» или «он плохой, на него не рассчитывайте, а я молодец») – 16%;

– заблуждение («кажется, что этот человек плохой, на него наговаривали, а потом оказывается, что он хороший») – 14%;

– оговор без выраженных целей, просто «для красного словца», фантазия, желание рассказчика «нагнать жути» («эта тетка из соседнего дома по ночам превращается в черную кошку») и т. д. – 13%.

Таким образом, возведение на человека напраслины, т. е. необоснованных обвинений, клеветы – типичный случай лжи. И здесь необходимо отметить, что, судя по ответам участников ПЛЭ, это, как правило, такой способ борьбы с противником. Кроме того, адекватная замена в тексте ФЕ другой из данного микрополя невозможна. И в этом принципиальное отличие данного фразеологизма от других, тоже репрезентирующих концепт ложь/обман.

Микросегмент «пустые обещания»

Данная часть нашего исследования посвящена фразеологизмам, характеризующим следующую модификацию ситуации лжи или обмана: субъект обещает что-то сделать, но не делает (бросаться словами/обещаниями, кормить завтраками/обещаниями, сулить златые/золотые горы и т. д.)

Одним из наиболее употребляемых фразеологизмов данного микрополя является ФЕ водить/

провести за нос. Нельзя, впрочем, сказать, что все словари именно таким образом толкуют названную идиому. Так, в качестве значения указываются: «обманывать, вводить в заблуждение» [8:33], «перехитрить кого-л. в каком-л. деле» [5:2,153]. Есть определения, характеризующие процесс обмана: «бессовестно обманывать» [3:241] или «долгое время обманывать, вводить в заблуждение кого-л.» [9:350]. Однако в большинстве словарных статей есть указание на то, что обман совершается именно следующим образом: «обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-л. и не выполняя обещанного» [5:1,88]. Надо отметить, что во многих словарях дана этимологическая справка: выражение происходит от обычая водить различных животных (медведей, быков, верблюдов, лошадей) за кольцо, продетое в нос. Но только в одном случае есть указание на то, что медведей заставляли «делать фокусы, обманывая обещаниями подачки» [10:52]. На наш взгляд, это существенный момент, потому что является дополнительным аргументом в пользу отнесения ФЕ водить за нос именно к той группе ФЕ, которые характеризуют ситуацию, названную нами условно «пустые обещания».

Так же, как определения словарей, неоднозначны и собранные нами примеры употребления ФЕ водить за нос в контексте. Контекстов, где речь действительно идет о невыполненных обещаниях, достаточно много, например:

– *Наивная моя! Этти не собиралась дарить тебе апартаменты.*

– *Но мы ходили к риелтору! ...*

– *Свекровь водила тебя за нос...*

Д. Донцова. Старуха Кристи – отдыхает!

Однако надо признать, что достаточно часто в контекстах речь идет об обмане, не связанном с невыполненными обещаниями:

– *Я не в Прибалтике, я в Чечне.*

– *А зачем было врать?*

– *Чтобы ты не беспокоилась.*

– *А я и не беспокоюсь, – что за дела? Почему меня надо за нос водить?*

М. Арбатова. Визит нестарой дамы

Анализ примеров употребления показал, что довольно регулярно ФЕ водить за нос обозначает ситуацию, когда субъект обмана выдает себя за кого-л., притворяется кем-л. или каким-л., а эти потенциальные семы не отмечены ни одним из словарей:

Она не посмеет перебить Джей-Джея и возмутиться тому, что он водил ее за нос целый вчерашний день, выдавая себя за простачка, не знающего русского.

В. Платова. Йоруба

Что касается прагматических характеристик анализируемой ФЕ, то в различных контекстах

часто есть указание на то, что объект обмана позволяет подобным образом с собой обращаться:

– *Тебе следовало быть осмотрительней. Эта история с маленькой сучкой всем показала, что тебя можно водить за нос. Ты сама понимаешь, что здорово сглушила с ней. Все решат, что ты просто старая дура.*

А. Малышева. Нежное дыхание смерти

Во многих контекстах подтверждается указание некоторыми словарями на то, что обман совершается длительное время, нередко – всю жизнь. Например:

Одна Тамара Алексеевна сидела мрачнее тучи, размышляя о том, как вредно рыть ямы и какого дурака она свалила, пригласив Гиви, чтобы дедушка полюбовался на то, как его всю жизнь водили за нос...

Д. Калинина. Баран и новые ворота

Участники проведенного нами ПЛЭ чаще всего говорили о том, что водить за нос – значит просто обманывать, не указывая, каким именно образом, – 52%. Значение же «обманывать, обещая и не выполняя» заняло второе место, набрав 39%. Остальные ответили, что ФЕ означает «быть неискренним, хитрить».

Интересны ситуации, которые, по мнению респондентов, могут быть охарактеризованы именно этой идиомой:

– женщина кокетничает с мужчиной, принимая от него знаки внимания и поощряя его ухаживания, но никак не соглашается стать ему более близкой – 30%;

– мошенники, аферисты, организаторы «финансовых пирамид» и т. п. заманивают людей обещаниями быстрого обогащения, но, собрав деньги, исчезают – 27%;

– политики агитируют людей поддержать их на выборах, вступить в их партию, помочь финансами и т. д. и за это обещают им какие-то преференции, когда придут к власти. Но на самом деле, победив на выборах, о своих обещаниях забывают – 22%;

– организаторы различных сект заманивают к себе людей, обещая им все земные и неземные блага, на самом деле просто обирают их и сводят с ума – 10%;

– преступники замечают следы, чтобы избежать наказания – 5%;

– животных в цирке или зоопарке водят за кольцо, продетое в нос, – 5%.

Таким образом, большинство описанных ситуаций все-таки можно охарактеризовать как «невыполнение обещаний», а значит, отнесение нами ФЕ водить за нос именно к микросегменту «пустые обещания» сегмента «вербальный обман» ФСП *ложь/обман* вполне обоснованно.

Наблюдение за тем, как «ведут себя» ФЕ в речи, анализ словарных толкований и – особен-

но – данных, полученных в ходе ПЛЭ, позволяет сделать нам следующие выводы.

Фразеологизм – языковой знак особого рода, не только передающий информацию, но и хранящий и воспроизводящий культурные установки народа. Это своеобразный микротекст, существующий в определенном культурном пространстве, образованном совокупностью человеческих знаний, сведений, представлений, переживаний, образов и т. д. Воспроизводясь в речи в конкретной ситуации, ФЕ интерпретируются говорящим и слушающим в пространстве социального и культурного знания, актуализируемого именно в этот момент общения, и процесс этот для них является интуитивным.

В определенной ситуации выбор из ряда единиц одного ФСП носитель языка делает безошибочно. На наш взгляд, основным условием правильности этого выбора является адекватная оценка ситуации, в которой автором речи учтены и характеристики участников коммуникации, и обстоятельства общения, и его цели, мотивы, прогнозируемые последствия и т. д., а также, назовем ее так, «предситуация». Это факторы внеязыковые. К условиям лингвистическим, определяющим выбор идиомы, мы бы отнесли в первую очередь ее образную основу, где обнаруживаются «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, память об исторических событиях и элементы национальной культуры.

Ситуация, образ, культурологическая память носителей языка, их менталитет и создают в итоге тот «угол», под которым поворачивается «кристалл» концепта, представая теми или иными гранями. Будучи вербализованным в конкретном контексте, концепт модифицируется, актуализируя релевантные именно для данной ситуации признаки, как эксплицитные и зафиксированные словарями, так и имплицитные, только ощущаемые носителями языка. Таким образом, модификация концепта при каждом случае его вербализации проявляется в контекстном окружении фразеологизма.

В заключение необходимо еще раз отметить, что далеко не всегда возможно со 100-процентной уверенностью отнести ту или иную ФЕ к определенному сегменту или микросегменту ФСП. И чем меньше имеется различных данных, тем меньше точность «попадания». Тем не менее, надеемся, нам удалось продемонстрировать, насколько неисчерпаемы для наблюдения возможности употребления ФЕ в речи, а также насколько неожиданны порой бывают данные, полученные в ходе ПЛЭ.

Примечания

1. Шаховский, В. И. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте [Текст] / В. И. Шаховский, Н. Н. Панченко //

Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 285–288.

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2000. 2295 с.

3. Словарь образных выражений [Текст] / Т. С. Аристова, М. А. Ковшова, Е. А. Рысева и др.; под ред. В. Н. Телия. М.: «Отечество», 1995. 368 с.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1982. 816 с.

5. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск: «Наука», 1995. 787 с.

6. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русской фразеологии [Текст] / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов // РЯШ. 1979. № 1. С. 44–50.

7. Словарь русского арго [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gramota.ru/portal_sl.html?d=elistratov&s=10.09.2007-30.09.2007.

8. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / сост. Л. А. Воинова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. 512 с.

9. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / сост. М. И. Степанова. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 608 с.

10. Учебный фразеологический словарь русского языка [Текст] / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. Л.: Просвещение, 1984. 271 с.

А. М. Ахметзянова

СИСТЕМА АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ХАРМСА

Статья посвящена рассмотрению системы антропонимических формул, выявлению способов выражения авторской позиции при помощи номинаций персонажей в произведениях Д. Хармса. В работе особое внимание обращается на особенности использования писателем такой системы именования, как «двойчатка» и «тройчатка».

The article is devoted to the analysis of anthroponomical formulas and disclosure of the author's view representation devices by means of heroes' nomination in his (D. Kharm's) works. The article pays special attention to such author's peculiarity as a use system of nomination, known as «double» and «triple» nomination.

Ономастикон образует в языке особую подсистему, функционирующую и развивающуюся по языковым законам. Все изменения, происходящие в системе языка, неизбежно отражаются на именах.

Выбор имен персонажам, как и формирование в целом антропонимического пространства – это сложный и трудоемкий процесс, сочетающий знание традиций, обычаев, творческую фантазию,

ориентированность на реальных прототипов и «житейский» прагматизм [1]. Антропонимическая система является результатом влияния многих историко-культурных, религиозных, социально-общественных и других факторов.

В художественном мире, как правило, за конкретным персонажем закреплена определенная форма его имени: полная или сокращенная. Однословная формула используется при номинации детей. Двухсловная формула «имя + отчество» используется со значением уважительности. Трехсловная формула именованья используется для номинации уважаемого всеми человека. Необходимо подчеркнуть, что традиции русской литературы в поддержании намеренности подбора писателем социально значимых антропонимов, включая их структуру и модели именованья. Например, антропоним Иван Иванович Иванов является характеризующим и без контекстного окружения, а фамильный формант – *ский* является показателем принадлежности к знатному роду, полная форма отчества и личного имени и трехсловная формула именованья создают образ уважаемого человека из высших слоев общества.

Именованье в русском языке происходит по одноименной (имя, отчество, прозвище, фамилия), двуименной (имя + фамилия, имя + прозвище и т. д.) и трехименной (имя + отчество + фамилия) системам. Тот или иной выбор зависит от сферы общения, параметров коммуникативной ситуации: цели общения, отношения между говорящими, пола, возраста, образования и т. д. В зависимости от сферы употребления – официальной или неофициальной – мы наблюдаем те же самые имена, но уже претерпевшие изменения, например, могут быть суффиксы с субъективной оценкой, стяжения, наращенные и т. п. Таким образом, можно сказать, на сегодняшний день общеизвестно традиционное деление антропонимических систем разных народов на однословные, двухсловные, трехсловные формулы именованья лица. Однако эта классификация исходит из официально принятой на сегодняшний день формулы: имя + фамилия + отчество, – и в речи используются различные однословные или двухсловные, а иногда и многочленные системы, отличающиеся от единой, официальной.

В произведениях Д. Хармса широко представлены все типы антропонимических формул.

Исследуя ономастическое пространство писателя Даниила Хармса, нужно отметить, что литературному миру известен *один* писатель под псевдонимом Д. Хармс, но с разделением на Хармса «детского» и Хармса «взрослого». «Детский» Хармс сотворил страну в поэзии для детей и стал ее классиком. Произведения для детей полны светлого юмора, неутомимой творческой энергии, тогда как тексты для взрослой катего-

рии читателей наполнены трагизмом мироощущения и строятся по принципу черного юмора. Читателю нетрудно обнаружить сдвиг мировоззрения Хармса в гораздо более тяжелую, мрачную сторону. Трагизм его произведений в этот период усиливается до ощущения полной безнадежности, полной бессмысленности существования. Безусловно, мировоззрение автора сказывается и на системе именованья. Имена детей обозначаются сокращенными вариантами антропонимов (Вася, Мария), которые воспринимаются как естественные и нейтральные, а также уменьшительно-ласкательными (Леночка, Мариша), в то время как по отношению к взрослым эта тенденция не наблюдается и имена собственные в основном представлены в полной форме одной из существующих антропонимических формул.

Хармсовская антропонимическая система именованья представлена:

1) личными официальными именами, где наблюдается полная форма употребления (Петр, Иван, Антонина, Мария и др.),

2) личными гипокористическими (уменьшительно-ласкательными) именами в сокращенной форме, стилистически нейтральными (Ваня, Вася, Оля, Наташа и др.),

3) личными качественными именами со значением субъективной оценки (Сенька, Петя, Леночка, Марфушка и др.),

4) отчествами (Яковлевич, Андреевич, Алексеевна, Николаевна и др.),

5) фамилиями (Ступин, Миронов и др.).

Наряду с «заурядными» у Хармса фигурируют и необычные имена, вроде «звуковых монстров», которые также можно включить в вышеуказанную классификацию имен собственных. Вот, например, список имен, придуманный Хармсом: «Брабонатов, Сенерифактов, Кульдыхонин, Амгустов, Черчериков, Холбин, Акинтетерь, Зумин, Гатет, Люпин, Сипавский, Укивакин». С точки зрения звуковой изобразительности примечательно драматическое произведение для детей «Цирк Шардам», в котором можем наблюдать сразу два антропонима, поражающих слух своей необычностью и изобразительностью:

Директор. Жонглер-филиппинец! Имя у него тоже филиппинское! Зовут его Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдузр пугр Оф оф Прр. Эй, музыка! ....

а также:

Директор. Сейчас выступит знаменитый факиф Хариндрона' та Пиронгроха' та Чери' нгромбо' м бом ха' та! Он приехал из Индии и привез с собой страшную ядовитую змею. Сейчас он покажет вам удивительные индусские фокусы. Смотрите на него...

[Собр. соч. Т. 3, 206]

Здесь мы наблюдаем прием языковой игры, который автор использует для намеренного представления комичности ситуации – каламбур.

Наиболее часто употребляемыми личными именами у Хармса являются: Иван, Петр, Николай, Михаил, Мария, Анна и др.

Фактически имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Этот антропоним нередко употребляется вместе с его разговорным вариантом – полуименем Ванька. Ср., например:

*...вошел Толстой и снял пальто,
калоши снял и сапоги
и крикнул: Ванька, помоги!
Тогда Иван схватил топор
и трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!*

И вся литература русская в ночном горшке.

[Собр. соч. Т. 1, 333]

Ввиду широкого распространения имя Иван в русском языке приобрело способность употребляться с различными дополнительными значениями в функции вторичного, ассоциативного именования людей, чаще русской национальности. Ср. у Маяковского: «Россия вся единый Иван...» (В. Маяковский, «150.000 000»).

Примечательно, что многочисленные Иваны Хармс заимствует у Гоголя. Ср., например, с одной стороны, Иван-лакей, Иван-псарь, Иван-музыкант в произведении «Игроки» и цирюльник Иван Яковлевич в «Носе» Н. В. Гоголя, а с другой – «Карьера Ивана Яковлевича Антонова», «Иван Яковлевич Бобов...» у Даниила Хармса.

Нередко Д. Хармс использует в своих текстах персонажей с иностранными именами и фамилиями: Арабелла, Матильда, Ганс, Михель, Пауль, Петер, Ольбрен, Петерсен, Смит, Фингер, Швельпин и другими, – а также персонажей с историческими и реальными именами собственными: Герцен, Гоголь, Колумб, Наполеон и другими, – которые, несомненно, включаясь в контекст, привлекают к себе внимание адресата, порождая эффект читательского ожидания. Нередко личные имена вступают во взаимосвязь с фамилиями и отчествами, образуя двуименную и трехименную системы (Арабелла Мулен-Пулен, Дэви Чик, Лев Толстой, Иван Сергеевич Тургенев, Федор Михайлович Достоевский и др.).

По частоте употребления фамилии в произведениях Д. Хармса занимают первое место, составляя структурно двусоставную и трехсоставную антропонимические формулы. Автором используются различные категории фамилий. Прежде всего выделяются фамилии, семантика которых четко определена в структурном плане: Гребешкова, Лебедев, Коршунов, Макаронов, Миронов, Мышин, Пирогов, Рябчиков, Шашкин и мн. др. Имеются также фамилии, представля-

ющие собой звуковой набор и не поддающиеся объяснению с точки зрения происхождения: Елабонин, Калтаев, Ляполянов, Мркоков, Растопякин, Швельпин и др. Двусоставная антропонимическая формула имя + фамилия по сравнению с односоставной формулой (фамилия) встречается реже.

Сочетание имен и отчеств как способ номинации хармсовских персонажей представляется довольно обширно. В основном Хармс использует мужские сочетания имен – отчеств. Женские сочетания малочисленны.

Отчество в произведениях писателя всегда неотделимо от личного имени и употребляется только в сочетании с ним. Основой отчеств являются имена собственные: Иван, Петр, Алексей, Михаил, Константин и др.

В детских произведениях Даниила Хармса отчества нередко появляются со «стяженными» суффиксами в форме -ыч, -ич: Петр Иванович, Иван Иванович, Иван Кузьмич и т. д. Например, в рассказе «Озорная пробка»:

*В 124-м Детском доме, ровно в 8 часов вечера,
завонил колокол.*

*Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!
Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин,
а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.
Когда все расселись, Палкарлыч сказал:*

– Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

[Собр. соч. Т. 3, 99]

В данном случае видим не только стяженное отчество Карлыч, но и соединение имени и отчества в одно целое: Павел Карлович – Палкарлыч. В следующем стихотворении «Иван Иванович Самовар» персонажем является самовар, которого Хармс наделяет свойствами человека и именует уважительно Иван Ивановичем:

*Иван Иванович Самовар
был пузатый самовар,
трехведерный самовар.*

*В нем качался кипяток,
пыхал паром кипяток,
разъяренный кипяток...*

[Собр. соч. Т. 3, 7]

Именно самовар – предмет бытового обихода – становится в стихотворении главным действующим персонажем, а не люди, которые по очереди подходят к самовару налить кипятка. Предмет приобретает имя, одушевляется и пользуется уважением окружающих. Это явление квалифицируется в науке как явление антропоморфизма.

Во «взрослых» произведениях Хармса подобного не наблюдается, потому что стяженная форма отчеств призвана внести в контекст легкость, простоту, непринужденность в общении, как это происходит в детских текстах. В произведениях

для взрослых все отчества употребляются в полной форме, имеющей зачастую негативную, уничижительную семантику. Так, например, в рассказе «История дерущихся» писатель превращает веселую картину потасовки в фарс: уважаемые люди Алексей Алексеевич и Андрей Карлович дерутся. И, хотя отчества употребляются в полной форме (что обычно придает уважение человеку), в контексте они имеют отрицательную коннотацию:

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его. Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам...

[Собр. соч. Т. 2, 315]

Трехчленная структура имени собственного в текстах Хармса представлена довольно обширно. Например, Иван Яковлевич Антонов («Карьера Ивана Яковлевича Антонова»), Абрам Демьянович Понтопасов («История»), Василий Петрович Иванов («Ломка костей»), Александр Иванович Дудкин («Александр Иванович Дудкин») и др.

Необходимо отметить такое явление в употреблении Хармсом имен собственных, как «двойчатка» и «тройчатка» – двукратное и троекратное повторение основы имени: Адам Адамович, Антон Антонович, Иван Иванович, Парамон Парамонович, Федор Федорович и др. Появление этих антропонимических структурных формул вызвано, возможно, появлением «двойчатки» у Н. В. Гоголя, только у Хармса она превращается в «тройчатку»:

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь.

С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество...

[Собр. соч. Т. 2, 152]

Важен тот факт, что все имена хармсовских персонажей, несомненно, участвуют в создании некоего образа, но это не образ персонажа, а образ, создаваемый текстом в целом. У персонажа нет каких-либо личностных качеств, свойств, черт характера, то есть отсутствует необходимое означаемое. Это свойственно и «двойчаткам»:

*Семен Семенович, надев очки,
смотрит на сосну и видит:*

*на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.
Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну
и видит, что на сосне никто не сидит.*

*Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну
и опять видит,
что на сосне сидит мужик
и показывает ему кулак.*

*Семен Семенович, сняв очки, опять видит,
что на сосне никто не сидит.*

*Семен Семенович, опять надев очки, смотрит
на сосну и опять видит,
что на сосне сидит мужик
и показывает ему кулак.*

*Семен Семенович не желает верить в это
явление и считает это явление оптическим
обманом.*

[Собр. соч. Т. 2, 311]

Особое место занимают и у Хармса и у Гоголя Иванны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса это персонажи 9 текстов [2000, 1: 22, 365, 411; 2: 152, 186, 330; 3: 7 и др.], причем Иван Иванович Никифоров – это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Интерес к мировоззрению Гоголя и высокая оценка его творчества были характерны для Хармса на протяжении всей его жизни.

Другим любимым писателем Хармса был Ф. М. Достоевский, который также находился под значительным влиянием гоголевской поэтики. У Достоевского встречаем все те же гоголевские «двойчатки» в наименованиях персонажей и другие свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Например, Антоны Антоновичи Хармса и Гоголя присутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома», Федоры Федоровичи – в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома», Иванны Ивановичи – в «Селе Степанчикове...» и «Записках из Мертвого дома» и т. д.

У Хармса есть несколько текстов, в которых у персонажа неожиданно, а порой даже незаметно изменяется имя (или отчество, фамилия). Приведем некоторые примеры:

Карл Иванович > Карл Игнатьевич («Однажды один человек по имени Андриан...»)

Андрей Иванович > Андрей Семенович («Андрей Иванович плюнул в чашку...»)

Иван Яковлевич Григорьев > Иван Яковлевич Антонов («Карьера Ивана Яковлевича Антонова»)

Калугин > Кулыгин («Победа Мышина»)

Персонажем становится само имя. И это имя, по мнению разных исследователей, семантически пустое, подчеркнуто бессмысленно, «для Хармса характерно принципиальное безразличие к именам, вплоть до нарушения связи номинации с денотатом» [2].

Таким образом, в произведениях Даниила Хармса употребляются все анализируемые антропонимические формулы. В ряду одночленных выступают имена и фамилии. Самыми частотными среди означенных являются имя Иван и образованная от этого имени фамилия Иванов. Довольно обширно в текстах Хармса представлены двучленная (имя + фамилия, имя + отчество) и трехчленная (имя + отчество + фамилия) формулы именованья персонажей, причем неоднократно встречаются сочетания имен собственных с одинаковой основой (двухкомпонентная антропонимическая формула), которые именуются «двойчатками». «Тройчатка» как способ именованья хармсовских персонажей используется автором единожды. Среди представленных антропонимических рядов по частоте употребления абсолютное место занимают фамилии (однословная система именованья). Специфика хармсовского стиля заключается в приеме «устранения персонажа». Хармс условно называет своих персонажей какими-то именами, но между тем, кроме имени, у них ничего нет. Это имя семантически пустое.

Примечания

1. Фролов, Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте [Текст] / Н. К. Фролов // Духовная культура Сибири. Тюмень. 1994. С. 156.

2. Сими́на, В. Хармс и Белый [Текст] / В. Сими́на // Литературное обозрение. 1994. № 9/10. С. 53.

Источники

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 1: Авиация превращений / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 576 с.

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 2: Новая анатомия / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 3: Тигр на улице / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 384 с.

Н. В. Иосилевич

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В этой статье уточняется концепция семантического подлежащего (субъекта) и семантического дополнения (объекта) с учетом рассмотрения семантики как поликомпонентной структуры. Отмечается также ряд типичных структурных и семантических признаков подлежащего и дополнения. Автор создает парадигмы подлежащего и дополнения.

Concept of semantic subject and semantic object with the consideration of interpretation of semantics as the policomponental structure becomes more exact in this report. The set of typical structural and semantic indication of subject and object is specified as well. The author constructs paradigms of subject and object.

1. Традиционный подход к анализу структуры предложения, в рамках которого выработалась теория членов предложения, показал, с одной стороны, необходимость и особую значимость таких лингвистических понятий, как члены предложения, с другой стороны, невозможность строго идентифицировать их значения, когда грамматическая организация и его семантическая структура асимметричны (например, в предложениях типа *Ему радостно, Ветром унесло лодку* и др.).

Тем не менее смысл анализа предложения состоит вовсе не в том, чтобы последовательно противопоставлять его грамматическую и семантическую структуры, доводя их до взаимоисключающего противоречия. Напротив, анализ структуры высказывания может иметь объективный характер лишь в том случае, когда учитываются закономерности и особенности соотношения его грамматических и семантических категорий. К грамматическим категориям относятся члены грамматической структуры – подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. Семантические категории выделяются на уровне семантической структуры: субъект, объект, предикат, атрибут, квалификатор.

Таким образом, объективный подход к анализу членов предложения предполагает учет как формальных характеристик выражающих их словоформ, так и всего многообразия семантических ролей этих словоформ, обусловленного многокомпонентным характером общей семантики предложения. Такой анализ предусматривается *структурно-семантическим подходом*, при котором предложение понимается как многоуровневое образование [1]. При этом соотношение уровней выглядит так: семантика обуславливает грамматику, где синтаксис, в свою очередь, обуславливает морфологию. Семантизация – это первое, что пытается осуществить носитель языка при речевосприятии. Грамматика кодирует все значения в процессе превращения мысли в предложение, а судить о значениях и смыслах возможно только по грамматическим формам – именно поэтому члены предложения, или грамматические категории, имеют первостепенное значение при анализе предложения.

Грамматические и семантические категории существуют в рамках предложения в отношениях взаимодействия и взаимозависимости. Так, квалификация словоформы как члена предложения зависит от ее семантической роли. При этом если грамматические и семантические значения находятся в отношениях тождества (подлежащее – субъект, дополнение – объект, сказуемое – предикат, определение – атрибут, обстоятельство – квалификатор), то мы имеем дело с типичными членами предложения, если же дан-

ное тождество нарушается – перед нами синкретичные члены предложения.

2. Анализ соотношений грамматических и семантических категорий на уровне простого предложения начинается с анализа соотношений подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта, поскольку именно эти актанты являются необходимыми структурными элементами грамматической и семантической пропозиций.

В то же время с выявлением именно семантических категорий субъекта и объекта в тексте связаны многие проблемы. Так, в научной литературе можно встретить довольно много определений семантического субъекта (семантический объект при этом не всегда берется во внимание). В качестве семантического субъекта часто воспринимаются такие категории, как субъект-лицо, субъект действия, субъект-агенса, субъект-носитель предикативного признака и др. Понятно, что данные термины возникли не случайно и вполне оправданы семантикой предложения, но проблема заключается в том, что отсутствуют надежные критерии их выделения в предложении.

На наш взгляд, понятия *семантического субъекта* и *семантического объекта* приобретают объяснительную силу в том случае, если понимать их как некоторые общие категории, имеющие объемный компонентный характер. Так, *семантический субъект* понимается нами как категория, в семантике которой совпадают значения агенса залоговой конструкции, одушевленного субстантива, субъекта лексической ориентации предиката, темы высказывания; *семантический объект* как категория, в семантике которой совпадают значения пациенса залоговой конструкции, неодушевленного субстантива, объекта лексической ориентации предиката, ремы высказывания [2]. Полное проявление признаков семантического субъекта характерно для типичного подлежащего, полное проявление признаков семантического объекта – для типичного дополнения.

Подход к решению проблемы с учетом истолкования *семантики как многокомпонентной объемной структуры* [3] позволяет наиболее объективно и детально показать соотношение членов предложения с семантическими категориями предложения.

3. В общей семантике предложения можно выделить четыре основных компонента: 1) грамматическая семантика; 2) лексико-грамматическая семантика; 3) семантика предиката; 4) семантика актуального членения предложения.

1) *Грамматическая семантика* представляет собой способ осмысления явлений реальной действительности, который находит свое выражение в грамматической структуре предложения.

Компоненты грамматической семантики выделяются в результате регулярного представления их в грамматической структуре предложения. При выявлении категорий субъекта и объекта грамматической семантики существенная роль принадлежит их истолкованию в теории залогов как агенса и пациенса. Значения агенса и пациенса определяются независимо от лексического наполнения конструкции на основании морфологической формы субстантива: «*Гости взяли лежащие в прихожей на креслах пальто, шляпы и трости*» (А. Н. Толстой) – в данном предложении словоформа-подлежащее выполняет роль агенса, словоформа-дополнение – роль пациенса. В предложении «*Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный*» (И. А. Бунин) в роли агенса выступает словоформа-дополнение, в роли пациенса – словоформа-подлежащее. Такое несоответствие обуславливает синкретизм данных членов предложения. В предложении «*Стали слышны голоса прохожих, женский смех, хриплое кваканье автомобилей*» (А. Н. Толстой) подчеркнутые определения (согласованное и несогласованное), выполняющая роль имплицитно выраженного агенса (ср. возможные трансформации *женщины смеялись, автомобили квакали*), приобретают признаки семантического субъекта, а следовательно, и подлежащего.

2) *Лексико-грамматическая семантика* предложения формируется на основе взаимодействия лексического и морфологического уровней. Так, для выявления семантических категорий субъекта и объекта актуально лексически и морфологически мотивированное значение одушевленности субстантивов. В качестве компонентов субъектного и объектного значения на уровне лексико-грамматической семантики выступают морфологические (падежные формы) и лексические (семы) маркеры значения одушевленности/неодушевленности: ср. два предложения А. С. Пушкина: «*В то время дамы играли в фараон*» и «*Германн вздрогнул: вместо туза у него стояла никовая дама*». В рамках контекста второго предложения существительное «дама», являясь морфологически одушевленным (форма род.п. мн.ч. равна форме вин.п. мн.ч.), приобретает сему неодушевленности на лексическом уровне, что является признаком дополнения.

Обнаружить субъект на лексико-грамматическом уровне можно с помощью личного местоимения: «*Носок лакированной туфли его описывал круги, замигал, настораживался и начинал подскакивать кверху, затем опять описывал круги – в зависимости от дерганья зубной боли*» (А. Н. Толстой).

В качестве компонента лексико-грамматического значения предиката выступает наличие у

словоформы морфологической связи с глаголом и семы (маркера) значения «действие». В предложении «Изумляло меня внимание музыкантов к движениям магической палочки дирижера» (Ф. Шаляпин) в роли подлежащего выступает отглагольное существительное «внимание», в роли дополнения – отглагольное существительное «движениям», которые благодаря связи с глаголом приобретают признаки сказуемого, что позволяет считать их синкретичными членами предложения. Черты сказуемого приобретают и отглагольные словоформы-подлежащие «тревога», «недоумение» в предложении «На перфоне была явная тревога и недоумение, – ни одного носильщика» (А. Н. Толстой). Иногда наличие признаков сказуемого у отглагольного существительного подтверждается возможностью его нахождения в однородном ряду с глаголом-сказуемым (в приведенном примере в рамках сложного предложения): «В зале – сдержанный гул голосов, хлопают трюбки от шампанского» (А. Н. Толстой).

3) Семантика предиката обуславливает зависимость субъектно-объектного отношения от лексической ориентации (лексического управления) предиката. Лексическая ориентация (лексическое управление) предиката проявляется в зависимости лексической разновидности субъекта и объекта от лексической разновидности предиката. В типичных случаях словоформа в позиции подлежащего соотносится с субъектом лексической ориентации предиката и является субъектом действия, восприятия, владения и т. д. Словоформа в позиции дополнения выступает в функции объекта лексической ориентации предиката с разными оттенками значения: объекта действия, объекта восприятия, объекта владения. Однако в предложениях А. Н. Толстого «В России – ни обуви, ни белья, ни одеял, ни консервов», «На столах – выдолбленные глыбы льда со свежей икрой, могучие осетры на серебряных цоколях, старое венецианское стекло» роль субъекта лексической ориентации (в данном случае роль локального субъекта) имплицитно выраженного предиката-сказуемого выполняют детерминированные обстоятельства, что наделяет их признаком подлежащего.

4) Семантика актуального членения предложения предусматривает выделение в линейно-динамической структуре предложения коммуникативного субъекта (темы) и коммуникативного предиката (ремы), соотносящихся как основа и предикатируемая часть. В состав темы и ремы могут входить как главные, так и второстепенные члены предложения. Их распределение между темой и ремой регулируется коммуникативным заданием предложения. В двусоставном предложении при нейтральном порядке слов подлежа-

щее обычно соотносится с темой высказывания, а дополнение и обстоятельство находятся в составе ремы независимо от залоговой разновидности конструкции: «Я умокнул перо в чернильницу» (А. Чехов). В предложениях «Послышался собачий лай» (А. П. Чехов), «Ему надоели вши, война и дешевые деньги» (А. Н. Толстой) – подлежащие можно назвать синкретичными, так как они входят в состав ремы при нейтральном порядке слов, что является прерогативой дополнений.

4. Итак, компоненты значений семантических категорий могут строго распределяться по определенным словоформам, как, например, в предложении «Актер запел цыганский романс» (А. Куприн) словоформа-подлежащее «актер» является агенсом залоговой конструкции, одушевленным субстантивом, субъектом лексической ориентации предиката (субъект действия), соотносится с темой высказывания; словоформа-дополнение «романс» является пациенсом залоговой конструкции, неодушевленным субстантивом, объектом лексической ориентации предиката, входит в состав ремы; словоформа-сказуемое «запел» одновременно является предикатом, словоформа-определение «цыганский» выполняет роль атрибута. Однако грамматические и семантические соответствия могут иметь и асимметричный характер. Так, в предложении «И в этом равнодушии, в звуковой путанице роялей и скрипок, в ярких окнах, в настее открытых дверях чувствовалось что-то откровенное, наглое, удалое и размашистое» (А. Чехов) можно отметить: 1) значение субъекта-агенса, выраженного подлежащим (что-то чувствовалось); 2) значение субъекта восприятия, предусмотренного семантикой предиката «чувствовалось», которое выражено имплицитно (кем-то чувствовалось что-то); 3) значение предиката, обнаруживаемое в составе отглагольных лексем, выполняющих роль дополнений (равнодушии, путанице) и определений (открытых и размашистое); 4) значение субъекта-темы, выраженного рядом детерминирующих дополнений, находящихся в начале предложения (в равнодушии, в путанице, в окнах, в дверях); 5) имплицитное значение субъекта агенса, выраженное с помощью определения (звуковая путаница роялей и скрипок, ср. звуки роялей и скрипок путались).

Наблюдения показывают, что между формальными и семантическими категориями на уровне простого предложения образуются корреляции. К примеру, полные корреляции [4] подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта наблюдаются, если в значении анализируемой словоформы сосредоточены все субъектные или все объектные компоненты общей семантики предложения; частичные кор-

реляции [5] наблюдаются, когда в словоформе совмещаются некоторые компоненты субъектного и объектного значений. Таким образом, понятия *полные/частичные корреляции, типичные/синкретичные члены предложения* [6], *сильная/слабая позиции* [7] находятся в отношениях параллельного соответствия.

5. Выделение самостоятельного семантического аспекта предложения, а также уточнение значений понятий *семантический субъект* и *семантический объект* позволяет размежевать понятия *грамматическая двусоставность/односоставность – семантическая двусоставность/односоставность*. Так, предложение «Я читаю французские книжки» (А. Чехов) можно считать двусоставным как на формальном (есть подлежащее и сказуемое), так и на семантическом уровне (есть субъект и предикат). Предложение «Подали десерт, кофе, ликеры, сигары» (А. Н. Толстой) не имеет ни грамматического, ни семантического субъекта, и потому является односоставным на грамматическом и семантическом уровнях.

В предложениях А. П. Чехова «В воздухе висело предчувствие осени» или «Неожиданно послышались шаги и голоса» на формальном уровне выделяется подлежащее, которое, будучи выраженным неодушевленным существительным и являясь объектом лексической ориентации предиката восприятия, на семантическом уровне выполняет роль семантического объекта, субъект же в подобных случаях не выражен вовсе, что дает право говорить о *семантической односоставности* данных конструкций.

Предложения «У Тетки запестрило в глазах и в душе» (А. П. Чехов), «Вообще в последние годы мне дремлетя» (А. Блок) с точки зрения структуры односоставны (есть лишь один главный член), но семантически двусоставны: в каждом из них есть субъект («у Тетки», «мне») и предикат («запестрило», «дремлетя»). *Семантически двусоставными*, благодаря проявлению семантического субъекта, можно считать и следующие грамматически односоставные предложения: «От Настасьи Петровны помощи было мало» (И. А. Бунин), «Носит людей по стране» (И. Ильф, Е. Петров) – субъект лексической ориентации глагола-предиката, «Им целовали руки» (А. Н. Толстой) – субъект-личное местоимение, субъект-тема, «На заводах и в усадьбах читали очень мало, играли только марши и польки» (А. П. Чехов) – субъект-тема при нейтральном порядке слов.

Семантически двусоставные предложения так же, как и грамматически двусоставные, могут быть неполными: «С непривычки он скучал в деревне сильно и часто не мог придумать, куда и на что употребить целый длинный день»

(И. С. Тургенев), «Они испытывали невероятную усталость, но спать не хотелось» (А. Фадеев) – семантический субъект (субъект лексической ориентации предиката) второй предикативной единицы в данных предложениях восстанавливается из предыдущего грамматического контекста, т. е. из первой предикативной единицы.

Таким образом, семантический аспект предложения, располагая собственным понятийным аппаратом (субъект, предикат, объект, атрибут, квалификатор; семантическая двусоставность/односоставность; семантически полные и неполные предложения), имеет самостоятельный статус, находясь при этом в отношениях взаимозависимости с грамматическим аспектом предложения.

Примечания

1. Фурашов, В. И. О дифференциации и интеграции предложенческих аспектов [Текст] / В. И. Фурашов // Современный русский синтаксис: Предложение и его членение: межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 1994. С. 3–11.

2. Иосилевич, Н. В. Соотношение подлежащего и сказуемого с семантическими категориями субъекта и объекта [Текст] / Н. В. Иосилевич. Владимир, 2004. 144 с.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Бабайцева, В. В. Система членов предложения в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева. М.: Просвещение, 1988. 159 с.

7. Фурашов, В. И. Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы [Текст] / В. И. Фурашов // Филология: международный сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 1998. С. 182–197.

О. В. Пыстина

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ТЕМА ДОРОГИ

В статье предлагается анализ тематической организации рассказов о путешествиях, позволяющий исследовать принципы языкового моделирования восприятия дороги в коммуникативном аспекте с учётом экстралингвистических факторов. Характеризуются отличительные признаки образа дороги в языковом сознании и психолингвистические аспекты пространственных отношений в русской культурной среде.

The article analyses theme structure of the recollections about journeys. The analysis allows to research language model reception principles of the road in the light of communication taking into account extralinguistic factors. The results will help to expose distinguishing signs of the figure of the road in language consciousness and psycholinguistic aspects of the expanse relations in the Russian cultural environment.

© Пыстина О. В., 2008

Для жителей Республики Коми особенно важен мотив поездок, связанных с переселениями на необжитые территории Севера, а также мотив поездок на юг. Сюжет «дороги» эксплицируется в рассказах-воспоминаниях о путешествиях, которые содержат богатый материал о приёмах маркирования и структурирования пространства, обозначения узловых точек дорожной сети.

Коммуникативная направленность работы определила особый интерес к проблеме разработки тематической структуры рассказов-воспоминаний. Первым этапом исследования тематической организации автобиографического дискурса явилось создание корпуса текстов. В соответствии с поставленными задачами тексты разговорной речи Республики Коми можно разделить на три части в зависимости от возраста информантов: первый блок составляет материал, относящийся к информантам старшего поколения – от 55 лет и старше; записи информантов среднего поколения – от 30 до 55 лет – соответствуют второму блоку; к третьему относятся материалы, представляющие речь молодёжи – до 30 лет.

Данные тексты разнообразны в тематическом отношении и группируются вокруг нескольких тематических центров. Первичная градация текстов по возрастному признаку позволила заключить, что каждой возрастной категории соответствует свой набор типовых текстовых тем. Для молодёжи характерны темы, связанные с учёбой и с будущей работой; с увлечениями; с поездками на юг; *представители среднего поколения* чаще говорят о работе и профессии; о семье (о родительской и своей) и быте; о досуге; о поездках во время отпуска на юг и на родину, о поездках в командировки; о детстве и годах учёбы; *пожилые люди* в основном обращаются к таким темам, как семья (рассказ о родительской семье, своей семье, семье детей) и быт; приезд на север (если не уроженец республики); воспоминания о прошлой жизни, как правило, в сравнении с нынешней; прошлая работа; здоровье.

Тема дороги является одной из универсальных: из 115 рассказов молодёжи в 76 представлена тема дороги, у информантов среднего поколения – в 69 из 131, у пожилых людей – в 60 из 95.

Определить отношения, в которые вступают темы в разговорном тексте, можно, выделив тематические фрагменты разговорного текста [1]. Состав и структура тематических фрагментов исследуемых текстов типологизируется и обладает ярким своеобразием. В разговорных текстах редко развёртывается единая предметная тема, чаще всего можно наблюдать ведение двух и более тем, последовательную смену одной темы другой, инотематические вклинивания в сквоз-

ную тему и другие тематические комбинации. В основном информант переключает тему:

1) на произвольно-ситуативном основании (вмешательство 3-го лица);

2) на родовидовом принципе: *Нас как лучших учеников послали в Республику Саха ЯАССР // Трудностей было очень много // Во-первых значит была очень низкая температура // Ну а позднее значит / я пережила температуру шестьдесят градусов и ниже //* (г. Печора, Смирнова К. К., 1929 г. р., 70 лет, родилась в г. Тутаново Ярославской обл., русская, приехала в Республику Коми в 1954 г.);

3) на ассоциативном основании: *Ещё одно своё путешествие раннее помню // пришла тётка из деревни и увела меня к ним в гости // И вот мы поднялись на одну горочку открылась такая картина / далеко-далеко было видно и поля луга вокруг разные оттенки жёлтого коричневого зелёного // Такая красота // Вот я тогда впервые ощутила такую красоту природы своей / вот это первое ощущение было такое что земля такая большая // Там в деревне была с неделю // Познакомилась с девочками деревенскими ходили за земляничкой / были девчонки постарше они рассказывали страшные истории / земляники тогда было очень много такая крупная сочная //* (г. Сыктывкар, Волкова Г. Н., 1955 г. р., 45 лет, родилась в Смоленской области, русская, в Республику Коми приехала в 1963 г.).

В композиционной структуре рассматриваемого нарратива имеются осложняющие компоненты – ассоциативно связанные с темой путешествия вводные нарративные эпизоды (переключение темы происходит на словах красота, девочки, земляника – данные слова выступили в роли стимула, вызвав соответствующие воспоминания). Текст, порождённый желанием рассказать о детском путешествии, перерастает в более сложный текст, в котором перемежаются темы о красоте окружающей природы, о друзьях. В такой текст включаются личные впечатления (при этом гипертема путешествия пронизывает текст от начала до конца).

Множество предметных компонентов, входящее в состав события, изменяется во взаимодействии одновременно и параллельно, поэтому событие может рассматриваться сразу в нескольких взаимосвязанных аспектах. Текст же представляет собой линейную знаковую последовательность, лишённую каких-либо признаков многомерности [2]. Текст, «рождаясь» в виде свёрнутой смысловой структуры [3], «линеизирует» нелинейные фрагменты события, допуская перестановку эпизодов. Сопоставление разговорного текста с моделью события раскрывает такую его особенность, как произвольный порядок вербализации катего-

рий места и времени. Ср. эпизод приезда на родину, на который «накладываются» более ранние фрагменты о возвращении домой и о посещении родственников: *Потом в это лето уехали жить сюда в Коми / и с тех пор мы там были только однажды // И совсем всё по-другому теперь казалось // Тогда было очень красиво ярко всё // Да оттуда мы тоже шли пешком / пришла за мной мама и делала вид / будто не помнит дороги // Я такая гордая что дорогу помню / я её вроде как вела / теперь я понимаю это она меня вела // Да ещё перед тем как мы домой пошли ходили по родственникам //*

По мере повествования информант приводит данные из разных периодов своей жизни, совмещая несовместимое в реальной жизни – детство и старость, прошлое и будущее. Сопоставление события с актуализирующим его текстом показало, что основная тематическая линия в результате ассоциативных сдвигов выходит за пределы повествования о детском путешествии. Ассоциативная мотивировка содержательного развития и наличие сквозной линии личностного восприятия привели к оценке жизни.

Для большинства исследуемых текстов характерно не столько развитие одной темы, сколько ассоциативные вставки и перескоки с одной темы на другую, объединённые речевым замыслом «поделись какими-то впечатлениями», временем осуществления этого замысла и его субъектом. При этом в первоначальном замысле не содержатся все темы, они именно всплывают в памяти по ходу реализации первоначального замысла.

По референтной соотнесённости в разговорном монологе можно выделить два основных типа тем: текстотема – предметная тема и эготема – тема говорящего. В тематической структуре текста эти темы имеют различные способы манифестации [4]: пространственный (в виде завершённого микротекста) и линейно-точечный (в виде инотематических вкраплений).

Для текстотемы характерна пространственная текстовая манифестация, связанная с «горизонтальным» членением текста на тематические фрагменты. Для эготемы свойственно точечное проявление темы, образующей «тематические цепочки», ассоциирующиеся с «вертикальным» членением. Наблюдения над большим массивом разговорных текстов показали, что эготема с высокой частотой может накладываться на текстотему. Типичная для разговорного текста реализация эготемы состоит в чередовании предметно-тематических фрагментов с вкраплениями авторского «я» и фрагментов личностно-тематического характера, в которых авторское «я» и составляет предмет разговора [5]: *Родилась я в Курской области // В Воркуту я приехала в конце семидесят второго года // Холодина у нас была*

страшная // Первое что мы смогли здесь купить / мы купили фуфайки и валенки // Это наша была ночная одежда <...> // Уже тридцать пять лет в Воркуте // Я почему-то никогда так / я люблю Воркуту // Люблю тундру нашу // И сказать что я в Воркуте что-то потеряла / я никогда этого не скажу // (г. Воркута, Невская А. А., 1945 г. р., 52 года, родилась в Курской обл., русская, приехала в Воркуту в 1962 г.).

В исследуемом тексте наряду с фрагментом предметно-тематического типа (рассказ о приезде в Воркуту) присутствует тематическая цепочка говорящего. В отличие от предметной темы, «я-тема» носит сквозной характер, в итоге уходит говорящего от предметной темы и выдвигает на эту роль самого рассказчика. «Я-тема» сначала сопровождает предметно-тематический фрагмент в качестве субъективно-модального аккомпанемента, а затем сама становится основанием развёрнутого личностно-тематического фрагмента, разрастаясь до самодовлеющей темы. Рассказ о жизни и отражающий его биографический дискурс развиваются как субъективно-модальное явление.

Особенность «я-темы» большинства автобиографических текстов представителей среднего и старшего поколений, посвящённых теме дороги, состоит в том, что в них можно выделить несколько линий: воспоминания и оценки информанта, включая годы детства, а также комментарии и размышления о настоящем периоде жизни и о будущем. В монологах информантов чётко прослеживается мотив противопоставления настоящей жизни прошлой:

Солнце всё время почему-то помню светило // И совсем всё по-другому теперь казалось. Тогда было очень красиво / так ярко всё // Почему-то всё что было в детстве кажется / что и дождей-то вроде никогда не было / и плохой погоды не было / всё время было как будто солнышко // В данном тексте представлен взгляд в прошлое с позиций сегодняшнего дня, поэтому наблюдается совмещение временных и пространственных планов. В больший хронотоп автобиографических рассказов вложен меньший: информант мысленно возвращается в пространство прошлого, что отображается с помощью пространственно-временных маркеров (грамматически – использованием глаголов в форме прошедшего времени – светило, было и лексически – тогда). В процессе общения мысль говорящего постоянно перемещается по осям «прошлое – настоящее», «теперь – тогда», «здесь – там». Детство – это маркеры далёкого времени-пространства, которое оценивается положительно, в то время всё, что связано с настоящим временем – близкое пространство реальной жизни, –

маркировано отрицательно и рассматривается как неприятное. Оценочные слова показывают отношение информанта, его внутреннего пространства к пространству внешнему. Отдельные участки жизненного пространства можно оценить в терминах В. П. Белянина как светлое/оптимистичное (молодость) и тёмное/безнадёжное (старость).

Особенностью реализации темы дороги в «рассказах о жизни» является варьирование принципа её подачи в зависимости от возраста информанта. Молодёжь в основном ездит с целью отдохнуть, поэтому разговор зачастую ограничивается рассказами о запомнившихся событиях и воспоминаниями о развлечениях. Как правило, рассказ молодого человека фрагментарен и включает в себя несколько рассказов-эпизодов:

Поехали как-то на машине на юг – мы в тот раз с отцом ездили где-то до Краснодара, Гагры доезжали, потом Сочи – всё это объезжали – под Краснодаром мы жили долго (рассказ о наладочном городке, о том, как научилась плавать, про змею) – вот мы ездили в Гагры (рассказ о том, как впервые увидела пальмы и кипарисы) – вообще мы в машине ехали – (рассказ про горы, про ёжика) – домой приезжаешь, кажется, что дома не была годами. (г. Сыктывкар, Лыткина Ю. Н., 1979 г. р., 19 лет, родилась в г. Сыктывкар, коми, родной язык русский, студентка).

Композиция выстраивается в зависимости от произвольного желания рассказчика. При наличии единства темы последняя дробится и подаётся через отдельные составляющие, а дополнительные фоновые вставки, сопровождающие каждый эпизод тематической линии, происходят по принципу свободных ассоциаций. Молодой человек не способен выстроить свою жизнь с точки зрения опыта, поэтому в его монологе основное внимание уделяется ярким событиям, сопровождавшим путешествие.

Для представителей старшего поколения в большей степени характерны «рассказы о себе и о своей жизни», в рамках которых осуществляются различные перемещения. Рассказы ведутся в хронологическом порядке о важных событиях жизни человека, определивших его судьбу. Монологи представляют собой развитие преимущественно фрагментов личностно-тематического характера, которые можно охарактеризовать как словесные акты отчёта о своей жизни:

Жизнь я прожила трудно, но интересно (рассказ о детстве, о работе во время войны, о родительской семье и учёбе) // Переучилась на специалиста сельского хозяйства / нас послали в Республику Саха ЯАССР / потом по распоряжению Министерства сельского хозяйства отправили в Вилюрский район // Мы ез-

дили с походной лабораторией по пунктам работы на участки летом на лошадях а зимой на оленьих упряжках (рассказ о работе и северной природе) // Я вернулась на родину меня север привлекал / уехала работать в Коми АССР в село Усть-Цильма / работала в Усть-Цильме / нас перевели в город Печора (рассказ о работе, семье и быте) / в Усть-Цильме я вышла замуж // В настоящее время нахожусь на заслуженном отдыхе // (г. Печора, Смирнова К. К., 1929 г. р., 70 лет, родилась в г. Туталево Ярославской обл., русская, приехала в Коми в 1954 г.).

Внимание человека фокусируется на наиболее значимых этапах жизни, в результате чего производится оценка прожитой жизни. Тематика монолога ассоциативно связана с рассказами о прошлой жизни (в сравнении с нынешней), о родительской семье и работе. Встречающаяся непоследовательность изложения (проспективная или ретроспективная анахрония) является следствием композиционной непростроенности, вызванной спонтанностью и ассоциативностью речевого производства.

Полученные результаты позволяют заключить, что для молодого поколения мир – это наполненное пристрастным личным отношением образы событий и явлений, которые выделяются из окружающей действительности прежде всего на основе эмоциональной оценки. Для представителей старшего поколения более важным является прагматическое восприятие и рациональная оценка событий жизни, в которые они включены и которые определили их судьбу. Можно предположить, что для личности мир представлен как поток событий, структурированных по разным основаниям.

Таким образом, продукты устной коммуникации обнаруживают специфические особенности тематической организации. Это проявляется в политематичности содержательной структуры текста и в прерывающемся характере предметно-логической линии темы. Текстовая специфика предметно-тематических цепочек состоит в непоследовательном выделении основной номинации. При наличии единства темы последняя нередко дробится и подаётся через отдельные составляющие. Главная особенность состава и структуры тематических групп в разговорном тексте – наличие сквозной цепочки говорящего, цементирующей отрезок разговорной речи в единое целое. Размытость логической и композиционной структуры текста вызвана ситуативными требованиями, осознанным желанием говорящих или ассоциативными сдвигами. Наличие такой специфической текстовой категорией, как эготема, в монологах представителей старшего поколения ведёт к появлению индивидуальной оцен-

ки по отношению к отображаемому настоящему и прошлому и к яркой выраженности субъективной модальной стороны интеракции автобиографического текста.

Для молодёжной среды характерен сюжетно организованный нарратив преимущественно развлекательной прагматики. Его основные функции – самопрезентация, а также познавательная (рассказы о происшествиях и др.) и развлекательная. Представители старшего поколения чаще прибегают к жанру «задушевной беседы». Путешествия становятся средством познания себя, проявления и формирования значимых качеств собственной личности. Физические передвижения вписаны в сюжет жизненного пути. Дорожные испытания предстают в дискурсе как средство конструирования своего статуса.

Примечания

1. Сибирякова, И. Г. О группировке тематических фрагментов в разговорном тексте [Текст] / И. Г. Сибирякова // Речь города: тезисы докладов Всероссийской межвузовской научной конференции (Омский университет, 17–19 апреля 1995 г.) / под ред. Б. И. Осипова. Ч. 2. Омск, 1995. С. 32.
2. Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст] / В. Я. Шабес. М.: Высш. шк., 1989. 175 с. С. 154.
3. Красных, В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) [Текст] / В. В. Красных // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 59.
4. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика [Текст] / И. Н. Борисова. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 239.
5. Матвеева, Т. В. Тематическое развёртывание разговорного текста [Текст] / Т. В. Матвеева // Языковой облик уральского города. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 47–48.

Контрастивная лингвистика. История языка. Диалектология

А. В. Ефимова

К ИСТОРИИ СЛОВ С КОРНЕМ *KOSTR- В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье предпринимается попытка сравнительного анализа семантики слов с продолжениями праславянского корня **kostr-* в русском и других славянских языках в исторической перспективе. В лексике с корнем **kostr-* условно выделяется несколько семантических групп, в границах которых и выявляются универсальные и частные пути развития семантики.

We make in this issue an attempt at comparative analysis of word semantics with **kostr-* common slavic root continuation in Russian and other slavic languages according to the historical perspective view. The whole vocabulary with **kostr-* root is conventionally divided into several semantic groups, universal and particular courses of semantic development are revealed within these group frames.

В настоящей работе рассматривается история продолжений праславянского корня **kostr-* в русском и других славянских языках. Материалом для исследования послужили данные словарей разных типов: двуязычных, толковых, диалектных, этимологических, исторических и др.

Согласно Этимологическому словарю славянских языков (ЭССЯ) праслав. *kostra является словом с двойной мотивацией: со стороны глагола *česati и со стороны существительного *kostь [1]. Можно рассматривать данное слово либо как производное от *česati (*kesati) ‘чесать’ > *kostra ‘начесанное’ [2], либо как суффиксальное образование от *kostь > *kostra [3]. Оба варианта этимологизации имеют право на существование, однако хотелось бы внести некоторую ясность в историю возникновения слов *kostь и *kostra и их связи с *česati.

Славянское название кости – *kostь, по всей видимости, восходит к глагольному корню **kes-*, исходным значением которого было ‘резать, бить, колоть’ [4]. А. С. Мельничук реконструирует для **kes-* применительно к *kostь значение ‘рубить, убивать’, а для самого производного *kostь – первоначальное значение ‘тело убитого, труп’ [5].

Однако в ЭССЯ содержится иная реконструкция: «Лексическая инновация **kosto-*, *kostь как обозначение кости имела экспрессивный характер: кость названа как то, чем размахивают, се-

мантика *česati ‘проводить, касаясь’ это позволяла, ср. такую близкую аналогию, как русск. *мосол*» [6].

На наш взгляд, слово *kostь образовалось в праславянском языке как существительное со значением результата действия от глагола *česati (*kesati), который в ту пору имел семантику резкого, интенсивного действия ‘бить, колоть, отделяя части от целого’. За словом *kostь, таким образом, закрепилось значение ‘части, отделенные от целого’, отсюда развились значения ‘твердая часть тела человека или туши животного’, а также ‘мелкие частицы стебля льна или конопли, превращающиеся в отходы при трепании, чесании’. О наличии у *kostь изначально значения ‘льняная костра’ свидетельствуют такие слова, как польск. диал. *kość* ‘льняная кострика’, русск. диал. (пск.) *кость* ‘льняная костра’. Впоследствии (еще в праславянский период) от *kostь возникло новообразование *kostra, возможно, со значением множественности, как собирательное существительное. О том, что расширитель *-r-* в корне **kost-* возник в праславянскую эпоху, говорят данные большинства славянских языков, где наименования льняной костры содержат в себе корень **kostr-*: польск. *kostra*, *kostrzyca*, чеш. *kostra*, *košťava*.

В русских народных говорах наряду со словами *кострика*, *кострица*, *костерь*, *костеря* употребляются и такие слова, как *костига*, *костина*, *костица*, *костика*, имеющие в своем составе корень *кост-*. Однако есть все основания утверждать, что это скорее вторичные (возникшие уже в русском языке) по отношению к *костра* варианты, нежели исходные формы. Маловероятно образование вроде *кострика* < *костика* с помощью гипотетического суффикса *-r-* в поздний период – хотя бы в силу действия принципа экономии произносительных усилий, кроме того, в этом случае формант *-r-* не привносил бы никакого дополнительного смысла.

Итак, исходным значением праслав. *kostra было ‘жесткие частицы льна или конопли, превращающиеся в отходы при трепании, чесании’, это значение сохранилось и по сей день в большинстве славянских языках (рус. *костра*, диал. *кострика*, *кострица*, *костеря*, *костерь*, укр. *кістрюця*, *костриця*, блр. *кастрюця*, польск. *kostra*, *kostrzyca*, чеш. *kostra*, *košťava*). Непосредственно от слов со значением ‘льняная костра’ образовались такие слова, как русск. *кострожь* (*кострошь*, *коструш*, *кострыж*, *кострыш*

и т. п.) ‘грубое сукно’ (то есть сукно с невычесанной кострой): *Сокольникъ... взявъ къ великому государю въ Преображенское... 35 аршин сукна кстрожи кропивного цвѣту; А сносу, государь, живота моего взял... 2 ко(ф)тана суконных, лозорев, а другой голуб, кстрѣш, да шубу большую баранью [7]; Городицкой покупки пуд лоскутья кстрошного цена три рубли; Япанча кстрѣшная темно-синяя аглинская; Принято... 10 шапок кстрѣшного сукна с овчинными пуха [8]; сербохорв. *кѡстрѣт* ‘козья шерсть’ (по-видимому, изначально – невымытая шерсть, содержащая в себе частицы сора); блр. *кастрѣчник* ‘октябрь’ (калька с польского *październik* ‘октябрь’ – месяц, когда треплют лен и всюду летит кстрика (*paździera*)).*

Кроме того, возникло множество новых слов с продолжениями праслав. *kostr-, имеющих иные значения.

Дальнейшее семантическое развитие продолжения праслав. *kostr- в русском и других славянских языках зависело во многом от того, какие именно слова (продолжения *česati или продолжения *kostь) оказывали большее влияние на ту или иную корневую группу. Так, например, в чешском и словацком языках на дальнейшее развитие лексики с корнем *kostr- оказало большее влияние слово *kostь ‘часть скелета человека или животного’, что обусловило возникновение чеш. *kostra* ‘скелет, костяк’, ‘каркас, станина’, *kostroun* ‘что-либо торчащее вверх, неотесанная ель, орудие для сушки клевера’, ‘скелет’ (шутливо о худом человеке), словацк. *kostra* ‘скелет, каркас’, *kostruka* ‘киль ощипанного пера’, *kostrnok* ‘ствол’ и даже *kostrovitэ* ‘основной, общий’, *kostrovito* ‘в общих чертах’. Однако наряду со словами, близкими к *kostь, в этих языках фиксируются и слова, семантика которых в большей степени связана с *kostra: чеш. *kostrba* ‘взъерошенная голова’, *kostrbaty* ‘корявый, шершавый’, словацк. *kostrbatost* ‘неровность’.

В целом в лексике славянских языков с продолжениями праслав. *kostr- можно выделить несколько общих семантических групп: 1) названия растений и их частей, 2) названия рыб, 3) названия людей и свойств их характера.

К наименованиям растений относятся рус. *костёр* ‘*Bromus*, растение семейства злаковых’, рус. диал. *костёр* ‘растение *Phragmites Communis*, тростник’, *костера* ‘растение *Apera Adans*, метлица’, *костерь*, *костеря* ‘растение *Festuca elatior*, луговая овсяница’, *костерьма* ‘солома’ и др. Укр. *костриця* и блр. *кастрыца*, как и польск. *kostrzewa*, словацк. *kostrava*, сербохорв. *кострба*, относятся к названиям овсяницы, болг. *кострява* – название лисехвостника лугового, *Alorsecurus pratensis*. У всех растений, называемых словами с корнем *kostr-, есть общий отличительный признак – наличие соцветия-метелки, что позволяет нам говорить о том, что возникновение у слов с продолжениями праслав. *kostr- указанных значений связано с переносом наименований жестких частиц льна на семена сорных растений, попадающиеся во ржи (ср. рус. диал. *костра* ‘мелкие зерна ржи, которые остаются при просеивании’, *костеристая* (рожь) ‘с примесью сорной травы *Bromus*’, *костериха* ‘каша из ржаной крупы’), а далее – на сорные растения с соцветием-метелкой. Среди названий растений с корнем *костр-* особняком стоят русские диалектные наименования крапивы – *кострива*, *кострыка*, возникновение которых связано, вероятно, с наименованиями колючих частиц прядильных растений (на основе семы ‘колоть’).

К числу названий рыб с продолжениями праслав. *kostr- относятся сербохорв. *кѡстрѣш* ‘окунь’, болг. *костреж* ‘окунь’, польск. *kostera* ‘осетр’, *kostryż* ‘окунь’, укр. *коструш* ‘окунь, ерш’, рус. *костера* ‘мелкая неполовозрелая стерлядь’, *костеря*, *костёрка* ‘молодой осетр’, *кострик* ‘ерш’. Возникновение названий окуня и ерша с корнем *kostr- в южнославянских языках связано с такими словами, как макед. *костреши се* ‘ерошиться, щетиниться, топорщиться’, сербохорв. *кѡстрѣш* ‘все взъерошенное, ощетиненное’, укр. *кострубатий* ‘косматый, взъерошенный, вихрастый’, *костричитися* ‘ершиться, хорохориться’, чеш. *kostrbaty* ‘корявый, шершавый’, словацк. *kostrbaty* ‘неровный’, польск. *kostrpaty* ‘шершавый, шероховатый’, блр. *каструбабаты* ‘шершавый, шероховатый’ и др. Эти слова, как нетрудно заметить, восходят все к тому же праслав. *kostra ‘отходы от трепания льна’. Образования вроде болг. *костреж*, сербохорв. *кѡстрѣш* ‘окунь’ являются типичным южнославянским элементом [9]. Названия молодых и мелких рыб семейства осетровых в русском языке связаны с восприятием такой рыбы как «сорной» по отношению к крупным особям (ср. рус. диал. *очёска* ‘мелкий, молодой осетр’), а также с переносом ‘жесткие частицы стебля растений’ > ‘жесткие наружные шипы осетровых рыб’ (с вероятной вторичной мотивацией со стороны слова *кость*): *Костерь* – она нежирная. У ней крупные пластины на боку и сверху; она такая зубистая, что, если, к примеру, ее поймать руками – ладони разрежешь. *Костерь* – это подросток осетра [10]. Кроме того, на возникновение номинаций осетровых с корнем *костр-* в русском языке могло оказать влияние созвучие слов *осетр* и *костёр*.

Семантическая группа названий людей и свойств их характера в русском языке представлена такими словами, как русск. диал. *костерить* ‘ругать, бранить’, *костеря* ‘неуживчивый, задиристый, бранчливый человек’, ‘задира, ругатель’, *костерливый* ‘бранчливый, ворчливый (о челове-

ке)'. К этой же группе относятся укр. *коструба-тий* 'косматый, взъерошенный, вихрастый', *костричитися* 'ершиться, хорохориться', *кострубачити* 'ерошить, косматить', а также макед. *костреши се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться', сербохорв. *кѡстреш* 'все взъерошенное, ощетенное', *кѡстреба* 'злая, сварливая баба', болг. *кастря* 'бранить, ругать, отчитывать', *кощрева*, *коштрева* 'вспыльчивый человек', польск. *kostropaty* 'шероховатый (например, о языке)', словацк. *kostrnatý* 'облезлый', чеш. *kostrba* 'взъерошенная голова'. Из перечисленных примеров видно, что лексика с корнем **kostr-* может относиться не только к внешним характеристикам человека (здесь налицо аналогия 'соцветие-метелка' > 'лохматый, взъерошенный'), но и к свойствам его характера (в этом случае мы имеем дело с переносом 'грубый, засоренный кострикой лен' > 'грубый, задиристый, неуживчивый человек'), и даже к поступкам, действиям человека (как в случае с глаголом *кострепить*, который в говорах имеет также значение 'трепать, крошить, сорить').

Помимо общих и схожих между собой слов в различных славянских языках, разумеется, есть и образования, свойственные лишь одному языку. К таковым относятся, например, уже упомянутые русск. диал. *кострива* 'крапива', сербохорв. *кѡстрѣт* 'козья шерсть', макед. диал. *коштерица* 'вид змеи', блр. *кастрьчнiк* 'октябрь', словацк. *kostrbaty* 'ухабистый' и др.

На основе анализа слов разных славянских языков с продолжениями праслав. **kostr-* можно выделить как универсальные, свойственные всем или большинству языков, так и уникальные, свойственные лишь одному языку (либо одной группе языков) пути семантического развития лексики.

Примечания

1. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) [Текст]. Вып. 11. М., 1983. С. 159.

2. Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках [Текст] / О. Н. Трубачев. М., 1966. С. 83–85.

3. Этимологический словарь славянских языков... С. 159.

4. Мельничук, А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков [Текст] / А. С. Мельничук // Этимология. 1966. М., 1968. С. 196, 235.

5. Там же. С. 235.

6. Этимологический словарь славянских языков... С. 171.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. М., 1975–1989. Вып. 7. С. 370.

8. Там же. С. 371.

9. Этимологический словарь славянских языков... С. 160.

10. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья [Текст]. Красноярск, 1994. С. 42.

О. В. Шелестова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена проблемам сопоставительного исследования словообразования в английском и арабском языках. Автор рассматривает системы глагольного словопроизводства в разноструктурных неродственных языках на основе сравнительно-типологического метода с позиции универсально-дифференциального подхода. Целью исследования является выявление сходного и различного в этих системах.

The article deals with the problems of comparative analysis of word-formation in English and Arabic. The author examines the systems of verbal word-formation in the languages that belong to different language families and have different structure. The analysis is carried out on the basis of comparative typological method with the aim of finding universal and different traits in these systems.

Проблема сопоставительного изучения как родственных, так и генетически отдаленных друг от друга языков по-прежнему остается актуальной. С одной стороны, даже близкородственные языки имеют структурные различия, с другой стороны, можно сравнивать однородные явления и в языках неродственных. Подобные исследования проводятся для выявления на основе сопоставительно-типологического анализа типологических сходств и различий в системах этих языков. Это помогает установить характерные признаки как первого, так и второго языков.

Результаты, полученные в ходе таких исследований, важны не только как вклад в развитие науки о языке, но и имеют большое практическое значение, поскольку могут быть использованы при преподавании языков. В настоящее время нельзя не учитывать тенденций современной языковой политики по формированию у молодежи способности межкультурной коммуникации. Во многих языковых вузах и в некоторых школах нашей страны происходит обучение не одному, а двум или даже трем иностранным языкам. В процессе обучения студентов иностранному языку закономерным представляется учет особенностей родного языка обучаемых для лучшего восприятия, осмысления и понимания того или иного языкового явления. Однако возникающие трудности при усвоении иноязычных речевых механизмов обусловлены не только интерференцией со стороны родного языка учащихся, но и со стороны второго иностранного языка, изучаемого параллельно. Необходимо предупреждать и преодолевать языковую интерференцию со стороны как родного, так и второго иностранного

© Шелестова О. В., 2008

языка на всех уровнях. Одним из этапов формирования рациональной системы обучения иностранному языку является сравнительно-сопоставительный анализ разносистемных языков и установление типологии трудностей, обусловленных двойной интерференцией.

На занятиях по арабскому языку необходимо уделять внимание контрастивному сравнению родного и арабского языков. Для студентов, изучающих также английский язык, будет полезным сравнение английского и арабского языков на различных уровнях, при изучении различных языковых явлений.

Взяв за основу сравнительно-типологический метод, мы проводим исследование с позиции разработанного З. З. Гатиатуллиной универсально-дифференциального подхода, исходная позиция которого заключается в следующем: подобно тому, как близкое и сходное устанавливается на основе выявления хотя бы одного совпадающего элемента, будь то в семантике, структуре или функционировании, то различное и несходное может выявляться с помощью установления хотя бы одного различного элемента по отношению к семантике, структуре и функционированию [4]. Сопоставительный метод сравнивает неродственные языки в статистическом, синхронном срезе. Типологический метод направлен на выявление в языках изоморфных и алломорфных признаков.

В данной статье рассматриваются английские и арабские аффиксальные глаголы в содержательном отношении. Выбор данного объекта исследования обусловлен значимостью глагола среди других единиц языка и значимостью словообразования, которому принадлежит главное место в процессе пополнения словарного состава языка. Аффиксация относится к наиболее продуктивным способам словопроизводства в английском языке и является одним из основных способов морфологической деривации в арабском, наряду с внутренней флексией и основосложением. Впервые системы словообразования глаголов английского и арабского языков становятся предметом целостного контрастивного анализа.

Английский и арабский языки отличаются друг от друга генеалогически, типологически и ареально. Английский язык является одним из широко распространенных индоевропейских языков. Индоевропейские языки – одна из наиболее крупных языковых семей, на них в настоящее время говорят более 1 млрд 600 млн человек. Более 400 млн говорят на новогерманских языках. Первое место по численности говорящих на нем занимает английский язык. По морфологической классификации английский язык флективный, но среди других германских языков он выделяется наличием ярко выраженных признаков

аналитического строя: основными средствами выражения грамматических отношений являются служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) и порядок слов.

Что касается арабского языка, то он принадлежит к семитским языкам (одна из ветвей афразийской, или семито-хамитской семьи языков), к южно-центральной группе. Семито-хамитские языки распространены в северной части Африки от Атлантического побережья и Канарских островов до побережья Красного моря, а также в западной Азии и на острове Мальта. Группы говорящих на афроазиатских языках (главным образом на различных арабских разговорно-диалектных языках) имеются во многих странах, за пределами основного ареала. Общее число говорящих около 253 млн человек. В настоящее время понятие арабский язык включает в себя и арабский литературный язык, и арабские разговорно-диалектные языки. Арабский язык – флективный, с элементами фузии и агглютинации. Во второй половине XX в. отечественные семитологи и языковеды предпочитают характеризовать способ внутренней флексии как агглютинативный способ соединения прерывистого консонантного корня с прерывистым же вокалическим аффиксом – «диффиксом» (в смешанных случаях – конфиксом, трансфиксом и т. п.). Отсюда возникает понятие «прерывистой» морфемы. Соответственно, типологическая характеристика арабского языка изменяется в сторону агглютинативной техники соединения морфем. По синтаксической классификации арабский – это язык синтетического строя.

В ходе нашего исследования мы столкнулись с рядом трудностей, обусловленных тем, что английский и арабский языки являются неродственными, принадлежат к различным языковым семьям и не являются близкими в структурно-типологическом отношении. К тому же становление и развитие языкознания в восточных и западных культурных ареалах шло во многом своими путями, отражая особенности как своих языков, так и своих культур, и даже одинаковые языковые явления могли по-разному в них интерпретироваться. Различия начинаются уже на уровне выделения категорий частей речи в английском и арабском языках. Арабские лингвисты традиционно делили все слова на три большие группы: глагол, имя и служебные (неизменяемые) частицы. Неразработанность проблемы частей речи в арабском языке затрудняет проведение сопоставительных исследований с языками, в которых частей речи выделяется намного больше, как, например, в русском или английском языках. В английском языке, в соответствии с европейской языковедческой традицией, выделяется одиннадцать частей речи:

Английский язык	Арабский язык
Имя существительное Имя прилагательное Имя числительное Местоимение Наречие	Имя
Глагол	Глагол
Предлог Союз Частица Междометие	Частица
Артикль (опред./неопред.)	Артикль (опред.)

Несмотря на то что во второй половине XX в. появились мнения как современных арабских лингвистов, так и европейских арабистов, в том числе и советских (Рафика Абдалла Эль-Абдалла, Рима Сабе Айюб, Г. Ш. Шарбатов, В. П. Старинин и другие), что в арабском языке следует выделять имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, причастие, наречие и служебные слова, как в европейских языках, эта точка зрения пока не получила широкого распространения. И, невзирая на появление новых, нетрадиционных взглядов на проблему частей речи в арабском языке, мы можем приступить к проведению своего исследования, поскольку категория глагола не относится к спорным и ярко выделяется и в английском, и в арабском языках.

В английском и арабском языках различно соотношение словообразования и словоизменения. Словообразование – образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств. Словообразование выступает как одно из основных средств пополнения словарного состава языка, а также установления связей между отдельными частями речи. Словоизменение же – образование для каждого слова (кроме неизменяемых частей речи) его парадигмы, т. е. всех его словоформ и всех его аналитических форм. При словоизменении тождество слова (лексемы) не нарушается (т. е. мы имеем дело с одним и тем же словом в разных грамматических формах), в отличие от словообразования, где от одного слова образуются другие, отличные от него слова. Граница между словообразованием и словоизменением не абсолютна ни в одном языке, так как возможны промежуточные явления. Поэтому в вопросе об этой границе у ряда лингвистов есть расхождения. Однако в английском языке эта граница все же прослеживается более четко, тогда как в арабском ее проследить практически невозможно. Например, многие из гла-

гольных основ составляют предмет грамматики: имеются четкие правила построения этих основ и очерчивается круг значений каждой из них. Но слова, образованные по таким моделям, в большинстве случаев приходится давать в словаре, так как общее значение получает различные оттенки. Таким образом, во многих случаях отношение моделей слов к словообразованию и словоизменению или же деление их на «грамматические» и «словарные» не может быть проведено. Одни и те же модели должны рассматриваться в грамматике как регулярно образуемые формы, и в то же время они приводятся и в словаре как слова со своими особыми значениями [5].

Прежде чем начать говорить об арабских аффиксах, необходимо определить понятия корня, так как в арабском и английском языках эти понятия совпадают не полностью. Согласно определению лингвистического энциклопедического словаря, корень – носитель вещественного, лексического значения слова, центральная его часть, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации. Он коррелирует с понятием лексемы, это простая, или непроемная основа слова, остающаяся после устранения всех словообразовательных и/или словоизменяющих элементов. В английском языке в корень входят гласные звуки. Что же касается арабского, то в нем гласные меняются в зависимости от грамматической формы слова, т. е. основы разных парадигм имеют различный набор и распределение гласных. Гласные, в первую очередь краткие, в арабском языке представляют грамматический элемент, определяющий грамматическую форму слова. Таким образом, для того чтобы выделить в слове или словах, образующих парадигму, ту часть, которая является носителем вещественного значения группы слов, и отделить ее от той части слова, которая является носителем грамматического значения, необходимо исключить не только префиксы и суффиксы, но также гласные. В результате остается группа стойких, не изменяющихся в данном гнезде слов согласных звуков. Эта группа звуков называется корнем слова.

Английский корень может быть равен слову и употребляться в речи без прибавления аффиксов, например: to arise = a + rise (to rise). А формальная часть, или аффикс, хотя и выражает определенное значение, но самостоятельно в языке не употребляется. В арабском же языке обе части – как корень, так и аффикс – не имеют в языке самостоятельного существования в качестве отдельных слов. В языке существуют конкретные слова, имеющие совершенно конкретные основы, из которых средствами морфологического анализа выделяется корень, сам по себе непроемный из-за отсутствия в нем гласных, но несущий вещественное значение.

Роль аффиксов в английском и арабском языках неодинакова. В семитских языках, в том числе в арабском, существует сложная система словообразования с помощью аффиксов и главным образом изменения огласовки. Среди служебных морфем в арабском языке традиционно выделяются префиксы (предшествуют корню), суффиксы (следуют за корнем), инфиксы (внутри корня) и диффиксы или трансфиксы (гласные, разрывающие корень). Основным критерием такого деления является положение данных аффиксов относительно корня.

Однако, как предполагает в своей диссертации, посвященной сопоставительному исследованию морфологической структуры глагольного слова в арабском и русском языках Т. А. Вавичкина, такая классификация не совсем точна. В первую очередь это касается аффиксов, участвующих в образовании временных форм глагола и выражающих грамматические значения лица, числа, рода и наклонения. В арабистике они называются префиксами и суффиксами [2, 5, 8], несмотря на то, что образуют парадигму без изменения лексического значения. По мнению Вавичкиной, эти морфемы было бы правильнее назвать флексиями, отличительной особенностью которых является способность располагаться не только за корнем, но и перед ним [3]. Тем не менее мы в своем исследовании придерживались традиционной точки зрения.

В английском языке есть много способов образования новых слов, однако не все они используются в одинаковой степени. Такие способы, как словопроизводство и словосложение, дают основное количество новообразований. В процессе словопроизводства в качестве строительного материала используются основы слов (словосочетания) и аффиксы, составляющие исключительно принадлежность словопроизводства, и лишённые, в отличие от слова, синтаксической самостоятельности. Функционально слово и аффикс существенно отличаются друг от друга, представляя собой образования, относящиеся к разным языковым уровням: первое – к уровню словосочетания и предложения; второе – к уровню морфемы. Под аффиксами подразумеваются такие морфемы, которые в своем развитии приобрели соответствующие абстрактные значения, присущие целому классу слов, и которые, присоединяясь к основе слова, изменяют его значение. Аффиксы в английском языке делятся на префиксы и суффиксы.

Как и многие другие языковые образования, аффикс обладает определенным значением. Это значение чаще всего носит более или менее абстрагированный характер, причем разные аффиксы имеют разную степень абстрагированности. Признак отвлеченности является необходимым усло-

вием для использования аффикса в создании новых слов, так как это создает предпосылки для отнесения образуемого слова к определенному лексико-семантическому разряду, группе слов.

В арабском языке аффиксы более многозначны, чем в английском. Это явление отражает закономерность, давно отмеченную в лингвистических исследованиях: чем больше словоформ выделяется в языке, тем с меньшим количеством значений связана каждая из них и, наоборот, чем меньше словоизменительных форм в структуре языка, тем больше элементов смысла передает каждая форма [1]. В английском языке, к примеру, выделяется 35 префиксов, участвующих в образовании глаголов, и 4 суффикса. В арабском языке выделяют всего 4 префикса и 1 инфикс, участвующий в глагольном словообразовании, то есть, каждый префикс арабского языка должен выражать несколько значений. Суффиксального глагольного словообразования в арабском языке нет, суффиксы участвуют лишь в спряжении глаголов, т. е. в словоизменении.

Однако в арабском языке есть, помимо аффиксов, другие способы словообразования, типичные только для семитских языков и отсутствующие в английском. Это геминация и редупликация. Геминация (удвоение) второго коренного звука используется для выражения интенсивности, усиления действия, что как бы символически обозначается усилением коренного согласного. Также при помощи геминации образуются основы со значением «становиться такого-то цвета или получать такое-то внешнее качество». Путем редупликации двусогласной ячейки образуются расширенные основы со значением интенсивности или частоты действия основы, а также со значением более сильной степени того свойства или состояния, которое обозначается первоначальной основой.

Наше исследование выявило изоморфные и алломорфные свойства категории аффиксального словообразования в английском и арабском языках. Изоморфизм проявляется в следующем:

1) Категория аффиксального словообразования присуща глаголам как в английском, так и в арабском языках. Аффиксальное словообразование является одним из важнейших средств образования новых слов, обогащения словарного состава обоих языков.

2) И в английском и в арабском глаголах выделяется стабильная часть слова – основа, к которой примыкают изменяемые элементы.

3) Анализируя значения словообразовательных моделей аффиксальных глаголов английского и арабского языков, мы выявили некоторые совпадения, например, общими значениями являются: подвергаться действию того, что выражено основой глагола, наделять качеством, вы-

раженным основой глагола, устранять явление, выраженное основой.

Однако, учитывая, что английский и арабский языки разноструктурны и неродственны, неудивительно, что при нашем сравнении мы обнаружили больше алломорфных черт:

4) В английском языке глагол обладает развитой системой временных форм, которые образуются почти исключительно аналитически. Аффиксация в английском языке используется в основном для словообразования, при образовании формы слова ее роль незначительна.

5) В арабском языке большая роль принадлежит формам слов, образуемых при помощи аффиксов – флексий и формообразующих префиксов и суффиксов. Глагол четко выделяется своим спряжением по лицам и временам. В формах спряжения в одном слове представлена предикативная связь высказывания с субъектом действия, который обозначается при помощи суффикса или префикса, т.е. в глаголе обязательно обозначены: лицо, которое говорит, лицо, к которому обращаются, и лицо, о котором говорят.

6) Для английского языка характерно суффиксальное и префиксальное глагольное словообразование, а для арабского – префиксальное и инфиксальное.

7) Для арабского глагольного словообразования характерны такие явления, как удлинение среднеродного гласного, геминация – удвоение коренного согласного, редупликация (повторение). Эти явления уникальны и не присущи английскому языку.

8) Кроме того, необходимо упомянуть особенности системы арабского глагола, которые образованы из трех, реже четырех или пяти коренных согласных основы. Глаголы арабского языка образуют группу пород, которые производны от первой породы. Производные породы образуются присоединением префиксов и инфиксов к исходной основе. В английском языке подобного явления нет; глаголы образуются от существительных, прилагательных и глаголов, присоединяющих к себе аффиксы.

Примечания

1. Акинина, О. Г. Арабский язык [Текст] / О. Г. Акинина. М.: Восток – Запад, 2004. 96 с.

2. Белова, А. Г. Очерки по истории арабского языка [Текст] / А. Г. Белова. М.: «Восточная литература», 1999.

3. Вавичкина, Т. А. Морфологическая структура глагольного слова в арабском и русском языках: типологический анализ [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Вавичкина. М., 2003. 199 с.

4. Гатиатуллина, З. З. Сравнительно-типологическое исследование словообразовательных систем английского и татарского языков. Универсально-дифференциальный подход. [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / З. З. Гатиатуллина. М., 1988. 305 с.

5. Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении [Текст] / Б. М. Гранде. М.: «Восточная литература», 1998 (2-е изд.). 594 с.

6. Рафика Абдалла Эль Абдалла. Части речи в русском и арабском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рафика Абдалла Эль Абдалла. М., 1981. 17 с.

7. Рима Сабе Айюб. Двойное членение частей речи в языках с развитым морфологическим строем: На материале арабского и русского языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Рима Сабе Айюб. М., 2001. 246 с.

8. Старинин, В. П. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы [Текст] / В. П. Старинин. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 115 с.

9. Шарбатов, Г. Ш. Современный арабский язык [Текст] / Г. Ш. Шарбатов; под общ. ред. Г. П. Сердюченко. М.: Изд. вост. лит., 1961. 112 с.

Л. А. Труфанова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

В статье рассматриваются вопросы выявления и анализа межъязыковых фразеологических отношений в английском и русском языках. После краткого обзора литературы по теме исследования автор подробнее описывает такие типы фразеологических соответствий, как эквиваленты, аналоги, а также фразеологические единицы, не имеющие соответствий, и представляет возможные способы перевода последних.

The article focuses on the issues of exposing and analysing interlingual phraseological relations in the English and Russian languages. After making a concise review of the theoretical grounds, the author describes such types of phraseological correspondences as equivalents, analogues as well as idioms without any idiomatic correspondence and looks into ways of translating the latter.

Одним из основных этапов изучения в сопоставительном аспекте двух и более языков, принадлежащих к одной или к разным языковым группам, является рассмотрение межъязыковых фразеологических отношений и поиск переводческих параллелей. Разработке проблемы межъязыковых фразеологических соответствий уделялось пристальное внимание в трудах таких ученых, как Н. Ф. Алефиренко, Е. Ф. Арсентьева, Л. К. Байрамова, З. З. Гатиатуллина, А. В. Кунин, В. Н. Комиссаров, А. Д. Райхштейн, Я. И. Рецкер, Э. М. Солодухо, Р. А. Сафина, А. А. Хуснутдинов, Р. А. Юсупов и др.

© Труфанова Л. А., 2008

В предисловии к «Англо-русскому фразеологическому словарю» А. В. Кунин выделяет следующие способы достижения максимально адекватной передачи английских фразеологических единиц (далее – ФЕ) на русский язык: 1) эквивалент (т. е. имеющийся в русском языке адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом и по смыслу, и по образной основе); 2) аналог (т. е. такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично); 3) описательный перевод (т. е. перевод путем передачи смысла английского оборота свободным словосочетанием, применяемый при отсутствии в русском языке эквивалентов и аналогов); 4) антонимический перевод (т. е. передача негативного значения с помощью утвердительной конструкции или наоборот); 5) калькирование (применяется в тех случаях, когда автор хотел выделить образную основу фразеологизма или когда английский оборот не мог быть переведен при помощи других видов перевода); 6) комбинированный перевод (в тех случаях, когда русский аналог не полностью передает значение английского фразеологизма или же имеет иной специфический колорит места и времени, дается калькированный перевод, а затем описательный перевод и русский аналог для сравнения); 7) окказиональные и ситуативные эквиваленты (используются только для перевода фразеологизма в данном контексте), уточняющий перевод (т. е. перевод, дополненный поясняющими словами), а также прием компенсации, если при переводе имеются какие-то потери [1].

Э. М. Солодухо в монографии «Вопросы сопоставительного изучения заимствованных фразеологизмов» определяет степень фразеологической эквивалентности по полноте совпадения значений соотносимых фразеологизмов и выделяет следующие типы межъязыковых фразеологических соответствий: 1) константные эквиваленты (фразеологизмы, совпадающие по значению, а также по значениям в случае полисемии); 2) переменные эквиваленты (полисемантические фразеологизмы, имеющие частичные расхождения в семантической структуре). Другим существенным признаком для определения степени эквивалентности, по мнению ученого, является совпадение лексического состава и стилистической направленности сопоставляемых фразеологизмов, согласно чему эквиваленты подразделяются на абсолютные и относительные. При этом внешняя сторона ФЕ, т. е. грамматическая структура и количественный состав элементов, обусловленная структурным типом языка, не принимается во внимание как не влияющая в значительной степени на межъязыковую фразеологическую

эквивалентность, что позволяет, по мысли Э. М. Солодухо, распространить понятие эквивалентности на большое количество ФЕ, ранее не признаваемых многими исследователями межъязыковыми эквивалентами как не обладающими полным формальным сходством [2].

А. К. Байрамова при составлении «Учебно-тематического русско-татарского фразеологического словаря» применила следующую классификацию межъязыковых фразеологических соответствий, в основе которой лежит анализ ФЕ на лексическом, стилистическом, морфологическом и синтаксическом уровнях: 1) абсолютно тождественные фразеологические эквиваленты (татарские ФЕ, совпадающие с переводимыми оборотами по семантике, стилю, лексическому составу, грамматическим формам и синтаксической структуре); 2) полные фразеологические эквиваленты (татарские фразеологизмы, совпадающие с русскими ФЕ семантически, стилистически и лексически, а также полностью или частично совпадающие на морфологическом и синтаксическом уровнях, что обусловлено отсутствием в татарском языке определённых категорий или закономерностей в синтаксическом строе); 3) неполные, частичные фразеологические эквиваленты (фразеологизмы с совпадающими семантическими, стилистическими и частично – лексическими, морфологическими и синтаксическими характеристиками); 4) фразеологические аналоги (татарские ФЕ, совпадающие с русскими ФЕ по смыслу, стилю, совпадение на лексическом и синтаксическом уровнях может быть минимальным); 5) фразеологические кальки (покомпонентный перевод русской ФЕ на татарский язык); 6) фразеологические полукальки (полуперевод-полузаимствование русского фразеологизма, т. е. часть русской ФЕ переводится татарским словом, а часть – заимствованным словом) [3].

У А. Д. Райхштейна межъязыковая эквивалентность наблюдается в случаях межъязыковой соотносительности конкретных ФЕ, т. е. тождества (сходства) их смысловой и формально-смысловой организации, отсутствие же межъязыковой соотносительности означает их полное различие. Отношения полного тождества и полного различия представляют собой два полярных типа межъязыковых соответствий, наряду с которыми существуют и промежуточные. В самом общем виде эти типы могут быть названы как отношения неполного (частичного) тождества, с дополнительной дифференциацией в случае неоднородности. Названные типы межъязыковых отношений обнаруживаются при сопоставлении немецких и русских ФЕ: а) в отдельных аспектах их формально-смысловой организации, главным образом лексической и структурно-семантической (аспектная соотносительность); б) в их

совокупном содержании, т. е. сигнификативно-денотативном и коннотативно-прагматическом значении (функционально-смысловая соотнесенность).

Кроме того, как считает ученый, сопоставительная характеристика ФЕ имеет и количественный аспект – число эквивалентов у конкретной ФЕ, их сравнительная употребительность, удельный вес эквивалентов различного типа во фразеологических составах сопоставляемых языков. Дифференцированный анализ аспектной и функционально-смысловой соотнесенности между конкретными ФЕ позволяет обнаружить исследователю следующие качественные типы межъязыковых фразеологических отношений: 1) тождество (полное совпадение аспектной и функционально-смысловой соотнесенности); 2) лексическая вариантность или структурная синонимия (полное совпадение совокупного смысла и синтаксической организации при неполном тождестве компонентного состава); 3) идеографическая синонимия (неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет наличия особых семантических признаков у обеих ФЕ, безотносительно к аспектному тождеству); 4) гиперо-гипонимия (неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет наличия у одной из сопоставляемых ФЕ дополнительных, конкретизирующих семантических признаков, безотносительно к аспектному тождеству); 5) стилистическая синонимия (неполное тождество совокупного смысла за счет различия в стилистическом значении); 6) омонимия и полисемия (тождество аспектной организации при больших или меньших различиях в совокупном смысле); 7) энантиосемия (тождество аспектной организации при противоположности совокупного смысла) [4].

Проблеме эквивалентности разноязычных фразеологических единиц посвящен один из разделов монографии В. Н. Комиссарова «Теория перевода». По мнению учёного, наиболее значимыми компонентами значения фразеологизма с точки зрения выбора фразеологических соответствий являются: 1) переносный или образный; 2) прямой или предметный, составляющий основу образа; 3) эмоциональный; 4) стилистический; 5) национально-этнический. Автором монографии выделяются три основных типа соответствий образным ФЕ: 1) при передаче сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы, т. е. происходит совпадение как по прямому значению исходного словосочетания, так и по переносному, что приводит к наиболее полному воспроизведению иноязычного фразеологизма; 2) при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма переносный смысл передается в языке-рецепторе с помощью иного образа, что обеспечивает достаточно высокую

степень эквивалентности при условии, что русский фразеологизм не обладает ярко выраженной национальной окраской; 3) пословный перевод ФЕ или калькирование, применимое лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно «прозрачен» и использование такого способа перевода не приведет к разрушению смысла фразеологической единицы [5].

Р. А. Юсупов в книге «Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи» определяет понятие «соответствие» как равноценность перевода в целом всему оригиналу, другими словами, полноценность содержания и формы перевода. В отношении русских и татарских фразеологических единиц автор подчеркивает, что способы перевода ФЕ в основном обусловлены степенью семантико-грамматического слияния их компонентов. Чем устойчивее фразеологический оборот и чем больше потеряли свое значение слова, составляющие его, тем меньше переводится он непосредственно, пословно и наоборот. Ученый выделяет три способа передачи фразеологических оборотов: 1) дословный перевод или калькирование, возможность которого обусловлена наличием общих черт у русских и татар в представлениях и принципах отображения действительности; 2) полукалькирование – одни слова, входящие в состав ФЕ, переводятся дословно, другие же подвергаются изменению их вещественного значения; 3) адекватная замена фразеологических оборотов. В случаях же отсутствия фразеологических соответствий в переводческой практике прибегают к передаче вещественного смысла оригинала описательным путем, при котором образность теряется, что, однако, не ведет, по мнению автора, к неполноценности переводного произведения [6].

В нашей работе, посвященной сопоставительному анализу английских и русских ФЕ неантропоцентрической направленности, мы опираемся на методику выявления межъязыковых фразеологических отношений, разработанную Е. Ф. Арсентьевой, которая рассматривает ФЕ под тремя углами: семантическим, структурно-грамматическим и компонентным.

Определяющую роль в разграничении алломорфных и изоморфных явлений Е. Ф. Арсентьева присуждает семантическому аспекту, в основу которого положена компонентная теория тождества/различия семной структуры фразеологического значения сопоставляемых ФЕ. Семантическое тождество или различие разноязычных фразеологизмов означает, по мнению фразеолога, тождество или различие их семного состава, в упрощённом виде набора минимальных смысловых компонентов сигнификативно-денотативного и коннотативного составляющих фразеологического значения.

На структурно-грамматическом уровне сопоставляются структурные модели ФЕ, основанные на структурных моделях переменных словосочетаний, присущих как обоим языкам, так и характерных для каждого из сопоставляемых языков. Компонентный аспект подразумевает выявление тождественных, близких по семантике или разнородных элементов в составе сопоставляемых фразеологизмов. Этот уровень, по мнению ученого, является самым подвижным и специфичным.

Подобный трехаспектный анализ фразеологизмов позволяет классифицировать ФЕ по следующим типам межъязыковых фразеологических отношений: 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные); 2) фразеологические аналоги (полные и частичные); 3) безэквивалентные фразеологические единицы [7].

Рассмотрим каждый из выделенных типов соответствий на примерах фразеологических единиц – неантропоцентризов, т. е. ФЕ, семантически не ориентированных на человека. Фактическим материалом исследования послужили более 2000 английских и более 900 русских ФЕ, извлеченных методом сплошной выборки из Большого англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина [8], Longman Idioms Dictionary [9] и Фразеологического словаря русского литературного языка [10].

К полным фразеологическим эквивалентам относятся ФЕ английского и русского языков с одинаковыми сигнификативно-денотативным значением, субъективно-оценочной, эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической коннотациями, структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Так, английскому фразеологизму Pyrrhic victory соответствует русская единица «пиррова победа»: обе ФЕ означают «победа, обесцененная чрезмерными потерями», восходят к единому мифологическому прототипу, относятся к книжным ФЕ, имеют ярко выраженную отрицательную оценочность, являются экспрессивными, совпадают по компонентному составу и структурно-грамматической организации: имя прилаг. + имя сущ.

При анализе структурно-грамматических признаков ФЕ следует учитывать специфику строения и типологию языков. Нельзя не согласиться с мнением большинства ученых о том, что различия, обусловленные принадлежностью языков к разным типам, в частности, тот факт, что английский язык относится к аналитическим, а русский – к синтетическим, не являются существенными при определении степени эквивалентности ФЕ. Например, ФЕ the thread of Adriadne (det + noun + prep + noun) соответствует двум русским ФЕ: 1) «нить Ариадны» (имя сущ. + имя сущ.) 2) «ариаднина нить» (притяжательное имя при-

лаг. + имя сущ.); ФЕ the/ a sword of Damocles (det + noun + prep + noun) соответствует ФЕ «дамоклов меч» (притяжательное имя прилаг. + имя сущ.). Данные фразеологизмы, на наш взгляд, правомерно считать полными эквивалентами, несмотря на то, что они демонстрируют определенные различия в структурно-грамматическом плане. Причина такого расхождения кроется в особенности выражения родительного падежа в английском языке посредством предлога of, а не изменением флексии существительного, характерного для русского языка, где принадлежность может также выражаться с помощью притяжательных прилагательных. Кроме того, имени существительному в английском языке присуща грамматическая категория артикля, не свойственная флективным языкам.

Другие примеры подобных фразеологических пар: the irony of fate – «ирония судьбы», the land of promise/the promised land – «обетованная земля», the corridors of power – «коридоры власти», an apple of discord – «яблоко раздора», the cream of society – «сливки общества», the brain drain – «утечка мозгов», Fortune's wheel/the wheel of Fortune – «колесо фортуны», swan song – «лебединая песня» и т. п.

У частичных фразеологических эквивалентов имеются незначительные расхождения в плане выражения ФЕ тождественной семантики, которые могут носить компонентный или морфологический характер. Анализ отобранного нами материала свидетельствует о том, что подобные единицы, как правило, различаются одним компонентом. Так, английский фразеологизм tenth wave вступает в отношение частичной эквивалентности с русским фразеологизмом «девятый вал». Сигнификативно-денотативное значение сопоставляемых единиц определяется одинаковым набором семантических признаков – «наиболее сильное проявление чего-либо», их оценочная коннотация является отрицательной, обе единицы имеют в своих дефинициях сему интенсивности, обе относятся к межстилевым. Данные фразеологизмы имеют структуру субстантивных выражений, состоящих из главного слова и определения. Между тем в английском фразеологизме употребляется числительное «tenth» (=десятый), а не «девятый», однако такая замена компонентов не нарушает схожести основ и не влияет на целостное значение английской и русской ФЕ.

Приведем другие примеры англо-русских частичных эквивалентов: child's play – «детские игрушки», high life – «высший свет»; the massacre/ slaughter of the innocents – «избиение младенцев», black diamonds – «черное золото» (=каменный уголь), concrete/urban jungle – «каменные джунгли» и т. п.

Наблюдаются также случаи наличия более чем одного межъязыкового соответствия. Так, английскому фразеологизму *a stab in the back* соответствуют русские единицы «нож в спину» и «удар в спину», ведущие компоненты которых имеют смежную семантику. Следовательно, ФЕ с компонентом «удар» вступает с английской единицей в отношения полной эквивалентности, а ФЕ с компонентом «нож» представляет собой частичный эквивалент английской единицы. Такие отношения, названные А. Д. Райхштейном «неоднозначным соответствием», т. е. соответствием одной фразеологической единицы исходного языка двум или более единицам языка-рецептора [11], могут существовать между всеми типами фразеологических параллелей – полными эквивалентами, частичными эквивалентами, полными аналогами и частичными аналогами.

К частичным эквивалентам мы также относим ФЕ, характеризующиеся вариативностью компонентов смежной семантики (*the brand/mark/curse of Cain* – «каинова печать», а *vicious circle* – «порочный/заколдованный/замкнутый круг»); ФЕ, имеющие некоторые морфологические различия в употреблении предлога (*a millstone about/round/around smb's neck* – «камень на шее у кого-л.»), в количестве компонентов (*a heavy cross to bear* – «тяжелый/тяжкий крест») и в порядке слов (*Egyptian darkness* – «тьма египетская»).

Как подтверждает анализ единиц неантропоцентрической направленности, отношения фразеологической эквивалентности свойственны, прежде всего, библеизмам, мифологизмам, латинизмам и прочим фразеологическим заимствованиям, интернационализмам и универсалиям, отражающим общность культурно-исторического наследия и понятийной картины мира европейских народов.

Межъязыковыми фразеологическими аналогами считаются ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы. Согласно результатам анализа, в нашем материале выделяются две группы аналогов. ФЕ первой группы аналогов (полные аналоги) при совпадении сигнификативно-денотативного значения и субъективно-оценочной коннотации имеют одну одинаковую лексему в компонентном составе. Функционально-стилистическая коннотация таких ФЕ может или полностью совпадать или полностью расходиться, так же, как и эмоционально-экспрессивный компонент коннотации.

Так, русским фразеологизмам «кимвал бряцающий» и «кимвальный звон» соответствуют в английском языке две единицы: 1) *a tinkling symbal* и 2) *sounding brass*. В первом случае мы наблюдаем отношения фразеологической экви-

валентности, а во втором – фразеологической аналогии. Рассмотрим второй случай подробнее.

Английская ФЕ *sounding brass* (=громкие, пышные, но малосодержательные слова) и русские фразеологизмы «кимвал бряцающий» и «кимвальный звон» (=напыщенные, внешне торжественные, но пустые и бессодержательные слова и выражения) имеют общую сему бессмысленного звучания, сему противоречивости, ведущую к появлению отрицательной оценочности, ироничности. Ироничность создается за счет лексических компонентов «brass» и «кимвал», буквальное значение которых имеет определенное сходство: *brass* – «a musical instrument of the trumpet or horn family» [12], *кимвал* – «древний ударный музыкальный инструмент, в виде двух медных тарелок или чаш» [13]. При этом наблюдаются некоторые различия функционально-стилистического характера: английский фразеологизм и русская единица «кимвал бряцающий» относятся к книжным, а «кимвальный звон» – к межстилевым; обе русские единицы являются устаревшими. Все три ФЕ являются субстантивными со схожей структурой. В составе английской и русской ФЕ «кимвал бряцающий» имеется общая лексема «brass»/«кимвал», с производной «кимвальный» в составе ФЕ «кимвальный звон». Прилагательные «sounding», «бряцающий» и существительное «звон» относятся к общему семантическому полю «звучание». Описанный случай представляет собой пример неоднозначного соответствия англо-русских аналогов (одной английской единицы двум русским).

Другие примеры фразеологических аналогов первой группы: *an open secret* – «секрет полишинеля», *the land of milk and honey* – «молочные реки и кисельные берега», *French leave* – «уход по-английски», *open day/house* – «день открытых дверей», *mental furniture* – «учёный багаж», *easy/mad money* – «бешеные/шалые деньги», *the cold shoulder* – «холодный прием», *one's bottom dollar* – «последний грош».

Частичные фразеологические аналоги, обнаруживающиеся в нашем материале, представлены ФЕ с одинаковым или характеризующимся незначительными отклонениями сигнификативно-денотативным значением, что в свою очередь влечет за собой одинаковую субъективно-оценочную коннотацию. Однако, в отличие от полных аналогов, компонентный состав аналогов второй группы полностью не совпадает. Влияние, с одной стороны, одинаковой оценочной коннотации, с другой – разного компонентного состава приводит к совпадению или приблизительному сходству эмоционально-экспрессивной коннотации.

Рассмотрим пример: ФЕ *a double bind* (=a difficult situation in which anything you do to try to solve the problems will cause more problems) и

«запутанный клубок» (=что-либо неразрешимое, запутанное, сложное) имеют близкое сходство сигнификативно-денотативного значения, совпадает их оценочный компонент (отрицательный). Наблюдается определенное образное сходство внутренних форм. Оба фразеологизма являются субстантивными выражениями с одинаковой структурой (имя прилаг. + имя сущ.). Русская единица относится к разговорным ФЕ, в то время как английская – к межстилевым. Компонентный состав полностью различен.

Находясь между ФЕ, имеющими фразеологические соответствия в другом языке, и ФЕ, не имеющими соответствий, данная группа фразеологических аналогов является самой многочисленной среди английских и русских ФЕ-неантропоцентризм. Приведем другие примеры: a pretty penny – «кругленькая копеечка», dog eat dog – «волчий закон», wheeling and dealing – «обдeldывание дел/делишек», the bush telegraph – «сарафанное радио», fuss and feathers – «дым коромыслом», new wine in old bottles – «старая погудка на новый лад», a rough house – «мамаево побоище», quite the go – «последний крик моды» и т. п.

Последний, третий тип межъязыковых фразеологических отношений между английскими и русскими ФЕ наблюдается при отсутствии в сопоставляемом языке эквивалентов и аналогов. Согласно результатам анализа, безэквивалентными, лакунарными чаще всего являются устаревшие фразеологические обороты, обозначающие не актуальные для настоящего времени реалии, например, a blind pig/tiger (=бар, кабачок, незаконно торгующий спиртными напитками), «волчий вид/билет» (=документ, закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение и т. п.), а также ФЕ, содержащие в своей семантике национально маркированные элементы, например a Catch-22 situation (=used about a situation in which any choice you make or action you choose leads to failure or trouble; по названию романа Дж. Хеллера «Catch-22», в котором упоминается внутренне противоречивое и поэтому непреодолимое условие (пункт 22) устава американской военной базы в Италии), «дорога жизни» (=трасса по льду Ладожского озера, по которой в период Великой Отечественной войны осажденный Ленинград обеспечивался продовольствием, оружием) и т. п. Перевод таких единиц, как правило, требует дополнительной этимологической, исторической или лингвокультурологической информации.

Интерес также представляет изучение способов перевода безэквивалентных фразеологических единиц. В монографии Е. Ф. Арсентьевой отмечается целесообразность использования таких способов передачи безэквивалентных ФЕ англий-

ского языка на русский, как калькирование, дескриптивный перевод, лексический способ перевода и комбинированный перевод. Ученый рассматривает достоинства и недостатки каждого способа перевода ФЕ в разрезе трех подгрупп: 1) ФЕ языка-источника, семантику которых можно передать на языке-рецепторе только с помощью словосочетаний, развернутых описаний; 2) ФЕ языка-источника, имеющие семантическое соответствие в языке-рецепторе в виде отдельной лексемы или набора отдельных лексем; 3) ФЕ языка-источника, семантика которых может быть передана как с помощью отдельных лексем, так и с помощью словосочетаний, развернутых описаний [14].

Примерами ФЕ первой подгруппы в нашем материале могут служить следующие единицы: a small and early – рано заканчивающаяся вечеринка с небольшим числом приглашенных; nuisance tax – налог, раздражающий налогоплательщиков и приносящий ничтожный доход, approved school – исправительная школа для малолетних правонарушителей; cash and carry – магазин, в котором товары продаются за наличный расчет (обычно со скидкой, но без доставки на дом) и т. п.

Наиболее подходящий вид перевода безэквивалентных ФЕ этого типа – описательный перевод. Описательный перевод позволяет полностью передать сигнификативно-денотативное значение фразеологизма и субъективно-оценочную коннотацию. Однако, учитывая тот факт, что при данном способе перевода используются развернутые объяснения, стилистически нейтральные свободные конструкции, их компонентный состав, структурно-грамматическая организация, эмоционально-экспрессивная и функционально-стилистическая коннотации не могут быть переданы с достаточной точностью. Приведем примеры: glad rags разг. – лучшее, праздничное платье; нарядное, вечернее платье; a Dutch bargain – сделка, выгодная лишь для одной стороны, неравноправная сделка; сделка, завершенная выпивкой; a dry humour – манера острить, говорить смешные вещи с невозмутимым видом; high tea – ранний ужин с чаем; a pocket veto амер. – задержка президентом подписания законопроекта до роспуска конгресса и т. п. Как показывает анализ, описательный перевод является самым продуктивным для исследуемых единиц.

Перевод данного вида ФЕ возможен и при помощи калькирования или полукалькирования. Достоинство подобного перевода заключается в максимальном сохранении как всех компонентов значения, так и структурно-грамматической и компонентной организации фразеологизма: sleeping policeman – «лежачий полицейский», a consolation prize – утешительный приз; the ship

of the desert – «корабль пустыни», верблюд; a niche in the temple of fame книжн. – «ниша в пантеоне славы», i.e. бессмертие; fire water амер. разг. – «огненная вода», спиртные напитки; dollar diplomasy – «дипломатия доллара»; one-arm(ed) bandit – «однорукий бандит», автомат для азартных игр; the big smoke жарг. – «большая дымовая труба», большой город.

Как видно из примеров, возможность применения калькирования обусловлена наличием общих черт у носителей языков в представлениях о мире и способах словесного описания действительности. Тем не менее при дословном переводе существует вероятность того, что исходный образ ФЕ будет несколько чужд для носителей языка-рецептора и может привести к неверному пониманию ФЕ, например the language of flowers – «язык цветов» (записка в букете), scarlet whore презр. – «вавилонская блудница» (о римско-католической церкви). Интересным случаем калькирования, которое может привести к искажению смысла исходной ФЕ, является английский фразеологизм the iron horse и его «лжеэквивалент» в русском языке – «стальной конь»: при совпадении образной основы и одинаковой структурно-грамматической организации у данных ФЕ абсолютно разные денотаты – «паровоз» и «трактор» соответственно.

Фразеологизмы второй подгруппы, т. е. английские ФЕ, переводимые на русский язык лексическим способом, можно проиллюстрировать следующими примерами: a bloody nose разг. – поражение, разгром; twists and turns – тонкости, детали, подробности; the dos and don'ts амер. – правила; a half-way house – компромисс; a straw in the wind – намек, указание, симптом; what it takes амер. разг. – способности, данные. В данном случае между ФЕ языка-источника и монолексемой или лексемами языка-рецептора наблюдается полное несоответствие плана выражения, может также измениться функционально-стилистическая коннотация (например, what it takes является разговорным американизмом, что не передается монолексемами «способности», «данные»). Переданным оказывается только сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочная коннотация и частично – эмоционально-экспрессивная коннотация.

При переводе третьей подгруппы ФЕ используется комбинированный способ перевода, который позволяет передать значение исходной единицы максимально полно: Dutch treat – угощение, оплаченное каждым участником, складчина; a license to print money – «лицензия на печатание денег», несправедливое преимущество или возможность легкого заработка; touch and go – критическое, опасное положение (когда пустяк может оказаться решающим), «на воло-

сок от чего-л.»; a crumpled rose-leaf – небольшое огорчение, омрачающее радость, «ложка дегтя в бочке меда»; the deuce/devil/hell to pay разг. – затруднительное положение, неприятность, беда; трудная задача; «сам черт ногу сломит» и т. п.

Проведенный анализ показал, что главным критерием выявления межъязыковой фразеологической эквивалентности является семантический, однако при определении степени эквивалентности внешняя сторона ФЕ играет немаловажную роль. На основе изучения семантических, структурно-грамматических и лексических признаков в нашем исследовании английских и русских ФЕ неантропоцентрической направленности мы обнаруживаем фразеологические эквиваленты, аналоги и безэквивалентные ФЕ, наиболее продуктивным способом перевода которых является описательный. Самую многочисленную группу составляют англо-русские аналоги, что свидетельствует об отражении во фразеологических системах языков преимущественно общих для обеих лингвокультур понятий и реалий. Между тем достаточная репрезентативность безэквивалентных ФЕ, так же, как и различия в семантике и компонентном составе фразеологических аналогов и эквивалентов обусловлены, на наш взгляд, культурно-национальной детерминированностью и оригинальностью фразеосистем сопоставляемых языков.

Примечания

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь : Около 20 000 фразеологических единиц [Текст] / А. В. Кунин. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 1998. С. 10.
2. Солодухо, Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии [Текст] / Э. М. Солодухо. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. С. 135–137.
3. Байрамова, Л. К. Введение [Текст] / Л. К. Байрамова // Учебно-тематический русско-татарский фразеологический словарь. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. С. 7–8.
4. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Д. Райхштейн. М.: Высш. шк., 1980. С. 23–30.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. С. 152–155.
6. Юсупов, Р. А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи [Текст] / Рузаль Юсупов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. С. 49–50.
7. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Ф. Арсентьева. Казань, 1993. С. 178–223.
8. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин; [литер. ред.

М. Д. Литвинова]. Изд. 5-е, испр. М.: Живой язык, 1998. 944 с.

9. Longman Idioms Dictionary [Text]. Harlow: Pearson Education, 1998. 398 p.

10. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / сост. А. И. Федоров. М.: Изд-во АСТ, 2001. 720 с.

11. Райхштейн, А. Д. Указ. соч. С. 32–33.

12. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language [Text]: New Revised Edition. N.Y.: Random House, 1996. P. 180.

13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 273.

14. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) [Текст] / Е. Ф. Арсентьева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. С. 116–120.

И. А. Антипова

СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ В «СЛОВАХ» И «ПРИТЧАХ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

В статье рассматриваются способы толкования в «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского, среди которых выделяются квалификационные модели, атрибутивные словосочетания, а также генитивные, сравнительные и параллельные конструкции.

In this article you can consider the ways of interpretation in «Words» and «Parables» by Kiril Turóvsky among which qualificative models, attributive word – combinations and also genitive, comparative and parallel constructions are singled out.

Толкование – особый функционально-смысловой тип речи, восходящий к экзегезе библейских притч и вопросно-ответной форме народных загадок, при котором внутренняя сущность одушевленного/неодушевленного объекта оценивается путем его идентификации с мелиоративным/пейоративным внешним образом объекта-эталона [1].

Некоторые аспекты, касающиеся толкования, исследуются в филологических работах, где авторы указывают на средства абстрагирования в древнерусских памятниках [2], приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси [3], поэтико-логические возможности выражения абстрактно-общего и конкретно-личного [4], искусство терминоворчества при перенесении лексической единицы из греческого языка в старославянский [5], «способы конкретизации значения толкуемого слова» [6].

В данной статье рассматриваются способы толкования в «Словах» и «Притчах» епископа Кирилла Туровского.

В эпоху раннего средневековья, по словам И. П. Смирнова, в сознании людей доминирует конъюнкция по смыслу, связывающая «предметы так, чтобы обнаружить в них некое основание их совместимости» [7]. В каждом из способов толкования, которые будут нами рассмотрены, один одушевленный/неодушевленный объект поддается обязательному/необязательному объединению с другим. Это еще раз доказывает, что «сопоставительные (конъюнктивные) отношения образуют элементарный реляционный фундамент текста в диахроническом ансамбле» [8].

Первым способом толкования являются квалификационные модели, которые толкуют внутреннюю сущность конкретных образов-символов путем их отождествления с отвлеченными понятиями. На описываемые таким путем образы-символы переносится значение обязательной двусоставности. Например: «Весна убо красная есть вѣра Христова»; «<...> бурнии же вѣтри – грѣхотворнии помысли» (Сл. на антипасху); «<...> удвоить царьское сребро, еже суть человеческия душа»; «Незатвореная же врата – дивныя божия твари устроение и над тѣми божия существа познание»; «Хромецъ есть тѣло человекъ, а слѣпецъ есть душа» (Пр. о чел. душе, и о теле); «Словеса бо евангельская пища суть душам нашим» (Сл. на вербницу).

Вторым способом толкования в «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского являются атрибутивные словосочетания, включающие в себя конкретное имя существительное и согласуемое с ним имя прилагательное в абстрактном значении, за которым в тексте закреплена особая роль: с его помощью обиходное бытовое понятие переводится в разряд философских символов, и происходит «толкование какой-либо семантической доли смыслового объема слова-символа» [9]. «Ныня зима грѣховная покаяниемъ престала есть»; «<...> сего священнаго нынѣ приемляюще хлѣба, тако внушаем, яко же они хлѣба небеснаго»; «Ныня рѣки апостольския наводняются» (Сл. на антипасху); «Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемъ аки вѣдуци душевный путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша» (Пр. о чел. душе, и о теле); «<...> душевнаго дому двери» (Сл. на воскресенье).

В данных атрибутивных словосочетаниях благодаря конъюнктивному сосуществованию конкретного имени существительного и абстрактного имени прилагательного толкуются символические значения обиходных понятий: «хлѣбъ» – центральный символ в христианском вероучении, обозначающий пищу; «путь» – душевные искания; «рѣка» – символ распространения апостолами учения Иисуса Христа; «зима» – время года, символизирующее сон и гибель всего жи-

вого за содеянные грехи; «домъ» – символ душевного прибежища.

Третий способ толкования – генитивные конструкции, включающие в себя конкретное имя существительное в именительном падеже и абстрактное имя существительное в родительном падеже, выступающее в роли определения. Такой тип выражения определения заимствован из греческого языка, в котором «родительный падеж может образовывать большое число разнообразных грамматических конструкций» [10]. Например: «<...> *лед невѣрія богоразумиємъ растаяся*»; «*Ныне ратаи слова словесныя унѣца к духовному ярму приводяще*»; «*Бѣхом бо прѣже аки древа дубравная неимуци плода, ныня же присадися Христова вѣра в нашею невѣры, и уже держащяся корене Иосѣва, яко цвѣти добродѣтели пуцающе, райскаго паки жития о Христѣ ожидаютъ*» (Сл. на антипасху).

В данных генитивных конструкциях толкуются следующие символы: «*цвѣти*» – символ райского состояния жизни; «*лед*» – холод и неверие; «*ратаи*» – проповедники божественного слова.

К четвертому конъюнктивному способу толкования можно отнести сравнительные конструкции, в которых толкование осуществляется путем сопоставления абстрактного понятия с конкретным на основании общего у них признака при помощи союзов *ако/яко*. «*Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь*» (Пр. о чел. душе, и о теле); «<...> *постелем ему, яко и ризы, добрыя дѣтели*» (Сл. на вербницу).

«*Олтарь*» – «восточная часть православного храма, отдѣленная иконостасомъ, гдѣ находится престоль и гдѣ совершается таинство» [11] – является символом «*рая*», который в представлении верующих есть «жилище праведныхъ в вѣчной жизни» [12]. «*Ризы*» – «священническое облачение» [13] – символизируют собой добродетель.

Пятый способ толкования – параллельные конструкции, где толкование сущности одушевленного объекта происходит путем его сопоставления, организованного при помощи параллелизации, с фигурами Ветхого и Нового Завета. Следует также отметить, что в некоторых конструкциях данного типа автором используется слово «*привод*», которое на современный русский язык переводится как «сопоставление». Например: «*Смотри же оногo слѣнца с хромцемъ, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутреннхъ, приближися к древу, вкуси плоди, и се добро зѣло, тако окрадоста, их же повелено има стрѣщи. Привод. Того древа вкуси Каин; не свѣй священныи на священнѣчьскый дерзну чинѣ, поревнова священному Авелю, его же уби завис-*

тью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и поидоша в скинию неосвещении суще, – и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрецъ, иже вѣдый своя сына безаконѣствующа во иерѣиствѣ, не отлучи ею священства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрѣемъ аки вѣдуци душевныи путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша»; «*Слышавъ же господин, яко окраден есть виноград его повелѣ изринуть от врат хромца и изгнати от стражбы слѣнца.<...> Повелѣ изринуть из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснуса, сирѣчь прѣже велѣния вниде в мѣсто святое*» (Пр. о чел. душе, и о теле).

В «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского образы-символы толкуются также с помощью дизъюнктивной техники (сопоставление через разделение), при котором конкретные объекты противопоставлены друг другу по какому-либо признаку, и одновременно каждый из них может быть связан конъюнкцией с иными объектами [14]. К дизъюнктивному способу толкования можно отнести особый тип квалификационных моделей: в первой части дается иносказательный рассказ, в центре которого – определенные образы-символы, а во второй происходит толкование данных образов путем их идентификации с одушевленными/неодушевленными объектами. Например: «<...> *всхотѣ отлучити слѣнца от хромца, – повелѣ первое привести слѣнца, да его опытае, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягаи невходнымъ бес повелѣния его. Ничто же бо възможе божия таитися она, и никто же насъ тако свѣсть себе, яко же бог всѣхъ нас свѣсть. Повелѣ разлучити бог душу от тѣла*»; «*Приведену же бывѣшу слѣнцу, быст опытание. «Не добра ли те, – рече, – стража створихъ моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпецъ: «Господи, ты всѣи, яко аз слѣпъ есмь и не вижду без водящаго мя камо ити, и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣлъ бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣд его вѣнил. Но мною, господи, яко хромецъ есть крал». Виждъ ложное нынѣ спирание души пред богом и клеветание на тѣло. Сице же есть душевныи глагол: «Господи, аз духъ есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чѣсти ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣхъ похоти, ни дьяволи створи х воли, – но та вся тѣло есть створило*» (Пр. о чел. душе и о теле).

В приведенных выше примерах «*слѣпецъ*» и «*хромецъ*» явно противопоставлены друг другу, но в то же время «*слѣпецъ*» отождествляется с душой, а «*хромецъ*» – с бранным телом.

Приведем еще один пример дизъюнктивного способа толкования: «*Обаче Петр, Иоан въставша текоста ко гробу. Иоан же скорѣ Петра*

притече, но не вниде во гроб, дондеже Петр притек вниде первое во гроб и видѣ ризы едины лежаща. Се не за страх не вниде первое притек, но проображаста бо собою ветхий и новый закон. Иоан образ ветхаго закона, а Петр новаго. Тече бо преже ветхий закон, по писанию чая Христа; пришедшу ему, не вниде во вѣру его. Новый же закон послѣди пришед, но преже во Христа вѣрова, и видит уже тѣщу надежу ветхаго закона, не могуща держащихся понѣ спасти» (Сл. на воскресенье).

В рассмотренном контексте образы «Петра» и «Иоана» противопоставляются друг другу и одновременно «Иоан» символизирует собой Ветхий Завет, а «Петр» – Завет Новый.

Таким образом, в «Словах» и «Притчах» Кирилла Туровского фиксируются следующие способы толкования: квалификационные модели, атрибутивные словосочетания, генитивные, сравнительные и параллельные конструкции.

Примечания

1. Пименова, М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте [Текст] / М. В. Пименова. СПб.; Владимир, 2007.

2. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев. Л., 1967.

3. Зеeman, К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси [Текст] / К. Д. Зеeman // ТОДРА. Т. 48. М., 1993. С. 105–120.

4. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык [Текст] / В. В. Колесов. Л., 1967.

5. Верещагин, Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества [Текст] / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. М. 1982. № 6. С. 105–113.

6. Друговейко, С. В. Лингвистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского [Текст] / С. В. Друговейко // Историческая стилистика русского языка: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1998. С. 105–121.

7. Смирнов, И. П. Мегаистория [Текст] / И. П. Смирнов. М., 2000.

8. Там же.

9. Друговейко, С. В. Указ. соч. С. 105–121.

10. Бикман, Д. Не искажая слова Божия [Текст] / Д. Бикман, Д. Келлоу, СПб., 1994.

11. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 3 т. / И. И. Срезневский. М., 1958. Т. II, стлб. 662.

12. Там же. Т. III, стлб. 65.

13. Там же. Т. III, стлб. 121.

14. Смирнов, И. П. Указ. соч.

Список сокращений

Пр. о чел. душе, и о теле – Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе, и о теле, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении [Текст] / Кирилл Туровский; подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 290–309.

Сл. на антипасху – Кирилл Туровский. Слово на антипасху [Текст] / Кирилл Туровский; подгот. тек-

ста И. П. Еремина // ТОДРА. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 415–419.

Сл. на вербницу – Кирилл Туровский. Слово на вербницу [Текст] / Кирилл Туровский; подгот. текста И. П. Еремина // ТОДРА. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 409–411.

Сл. на воскресенье – Кирилл Туровский. Слово на воскресенье [Текст] / Кирилл Туровский; подгот. текста И. П. Еремина // ТОДРА. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 412–414.

Г. Х. Гилязетдинова

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос метафоризации восточных заимствований в русском языке начиная с периода Московской Руси. Представленный материал позволяет определить место восточных заимствований в парадигме образных средств русского литературного языка. Доказано, что явление метафоризации обусловлено как особенностями самих заимствованных восточных лексем, так и системой литературных жанров средневековья. При этом семантические преобразования отдельных заимствований продолжали свое развитие в системе образных средств литературного языка нового времени.

The article deals with the problem of metaphorization of oriental loan words in the history of the Russian literary language from the period of the Russia of Moscow. The given material allows to determine the role of oriental loan words in the paradigm of metaphoric means of the Russian literary language of the Modern time. The phenomenon of metaphorization is caused by the peculiarities of the oriental loan words and the system of literary genres of the Middle Ages. Metaphoric meanings of some loan words continued their development in the system of metaphoric means of the Russian literary language of the Modern time.

Метафора с древнейших времен служила одним из основных средств познания мира. В свое время известные теоретики метафоры Дж. Лакоф и М. Джонсон писали: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная понятийная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [1]. Метафора, будучи универсальным языковым феноменом, «проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании» [2].

Наиболее ярко явление метафоризации восточных заимствований представлено в разнообразных в жанровом отношении памятниках письменности периода Московского государства – публицистических и исторических текстах, жи-

тийной и панегирической литературе, а также в материалах Словаря русского языка XI–XVII вв., словаря И. И. Срезневского и др. (см. список сокращений использованных словарей и источников). Восточные слова, функционируя в русских текстах XV–XVII вв., подвергались семантической трансформации на основе ассоциации по сходству и приобретали новые, так называемые переносные значения. Представляется важным, что метафорическому переносу были подвержены прежде всего заимствования, достаточно ассимилированные в лексической системе русского языка анализируемого периода (типа *бисер, ковчег, корабль, собака, товарищ, чертог* и др.). Метафора в произведениях XV–XVII вв. часто носила символический характер, что обусловлено средневековыми представлениями о мире. «Средневековье, – как отмечает Д. С. Лихачев, – пронизало мир сложной символикаой, связывавшей все в единую априорную систему» [3]. Символика средневековья имела вневременной, практически вечный характер. Таковы символы животных, растений, драгоценных камней, используемых в памятниках русского средневековья. Так, символикаой объясняются многие «литературные штампы» средневековой агиографической и панегирической литературы. Агиографы, избегая индивидуального, ищут общее, что, как правило, изображается символически. Например, древнейшее заимствование *бисер* ‘жемчуг’ употребляется образно в значении ‘драгоценность’ (по отношению к Христу) как символ высшей степени истины, духовной ценности, ср., например, в «Слове похвальном преподобному Сергию Радонежскому» Епифания Премудрого: *и ищаша обрящеть бѣсѣбныи бисерѣ рекше ꙗ нашего Исуса Христа* (Сл. похв. Серг. Р. Епиф., 152. XV в.) Ср. также в «Житии преподобного Трифона»: *и тако блаженный остави домъ и родителей своихъ и все имѣние свое ни во что же вѣннѣвъ, точию единого желая безценного бисера Исуса Христа* (Ж. Трифона, 17. XVII в.). Подобное употребление лексемы *бисер* восходит к «Посланиям митрополита Илариона», датированным XI в.: *Сии бо камень, многоцѣбныи бисерѣ, воображение <е>сте ꙗ нашего Исуса Христа*. Илар. Посл., 202, XIV в. ~ XI в. (СлРя XI–XVII вв., вып. 1, 186). Ср. также древнейшее образное евангельское изречение *метати (пометати) бисерѣ предѣ свиньями* – внушать высокие истины не способным их оценить, где слово *бисер* символизирует высокую духовность. Данное выражение среди исследуемых текстов находим у Аввакума в «Книге толкований»: *И Господь во Евангелии рекъ: не пометайте бисерѣ вашихъ предѣ свиньями. И паки рекъ: не дадите святая псомъ* (Ав. Кн. толк., 494. 1677 г.). В литературном языке XVIII века лексема *бисер* сохраняла свое значе-

ние “жемчуг” и использовалась в поэтической речи, ср. стихотворение Г. Р. Державина, где поэт *бисером* называет капли влаги: *Бисером своим зарница Розу любит окроплять* (СлРя XVIII в., вып. 2, 25). Позднее слово *бисер*, утратив символическое значение “драгоценность”, в современном русском языке продолжало использоваться в значении “мелкие стеклянные бусы для вышивания и украшения”. Любопытно также, что евангельское изречение, сохранившись в литературном языке нового времени, получило иронический оттенок.

Метафорическое употребление слова *корабль* в выражении *душевный корабль* ‘душа человека’ фиксируется в публицистических текстах Смутного времени (начало XVII в.), например в «Повести о Борисе Годунове»: *точию душевнѣи свой корабль во глубине греховной погружаютъ* (Пов. Бор. Год., 174. XVII в.). Использование лексемы *корабль* в словосочетании *корабль души* в качестве образного средства восходит к агиографической литературе XIII века, ср. в «Житии Авраамия Смоленского»: *Труду божественныхъ писаний и прилежа и почитая и каковы свои корабль своя душа съ божиею помощию съблюсти многихъ бурь и волнъ*. Ж. Авр. Смол., 5. XIII в. (СлРя XI–XVII вв., вып. 7, 304). В данном значении лексема фиксируется в «Великих Минеях Четких» как символ мятущейся души человеческой: *Плавает корабль душевнѣи по морю житейскому, съмо и овам мятущес<я>, кормнику не сущу*. ВМЧ. Апр. 22–30, 1088. XVI в. (Там же). Показательно, что символическая метафора *корабль души* встречается в художественной литературе нового времени, в частности в поэзии Серебряного века. Например, у А. Блока: *Здесь тишина цветет и движет Тяжелым кораблем души, И ветер, нес послушный, лижет Чуть пригнутые камыши* (А. Блок. «Тишина цветет»).

Лексема *корабль* в публицистическом памятнике XVII в. «Иное сказание» представлена в новом значении ‘государство’: *И тогда прилетѣт Богомъ порученное ему Московского государства скипетродержание, и нача правити мудрокормный царствия корабль и бысть православю глава <...> великий князь Михайло Феодоровичъ всеа Руси самодержецъ* (Ин. Сказ., 130. XVII в.). Указанное слово, сохранив названное производное значение ‘государство’ в художественной литературе нового времени, функционирует в прозе и поэзии XIX–XX вв. уже как стилистически маркированное. Так, в одном из стихотворений А. С. Пушкина встречаем строки, посвященные Петру Первому: *Сей шкипер был тот шкипер славный, Кем наша двинулась земля, Кто придал мощно без державнѣи рулю родного корабля* (А. С. Пушкин. «Моя родословная»). Или у М. Горького: [В. И. Ленин] *в со-*

вершенстве обладал тою четкою, выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия (А. М. Горький, очерк «В. И. Ленин»).

В произведениях протопопа Аввакума метафорическое употребление восточных слов – явление нередкое. Например, в одном из писем к боровским узникам – боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой – Аввакум использует древнейшее заимствование *ковчег* в значении ‘судно, в котором спасся от всемирного потопа Ной с семьей и животными’ как развернутую метафору в составе библейского наименования *Ноев ковчег*, где подобное словосочетание является символом спасения мира: *О, свѣтила великия, солнца и луна Руския земли, Феодосия и Евдокея <...> Какъ васъ нареку? Вертоградъ Едемский именую, и Ноевъ славный ковчегъ, спасший миръ отъ потопления!* (Ав. Пис., 925. XVII в.). Следует отметить, что словосочетание *Ноев ковчег* используется в литературном языке нового времени как своеобразный символ большого, вмещающего много народу помещения: – *А убийцу никто и не видал? – Да где ж тут увидеть? Дом – Ноев ковчег, – заметил писмоводитель, прислушивавшийся с своего места* (Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»). Ср. образность сочетания *ковчег спасения* в значении ‘единственное убежище от чего-нибудь’ в языке Пушкина: *Я такого мнения, что Петербург был бы для тебя пристанью и ковчегом спасения* (А. С. Пушкин. Письмо П. В. Нащокину). Кроме того, в языке XIX в. фиксируется сниженное ироничное использование слова *ковчег* – ‘большое, ветхое, старомодное судно, повозка’. Например: *Дилижанс был крупного калибра, и через минуту обе комнаты гостиницы наполнились народонаселением этого ковчеха* (А. Герцен. «Станция Едрово»).

В житийной литературе XVI века можно обнаружить употребление тюркизма домонгольского периода *чертог* в составе словосочетания *небесный чертог* в значении ‘обитель’: *вниди въ радость ꙗ своего. вниди въ небесны(и) мои чертогъ* (Ж. Варл. Хут., 104. XVI в.). Первая письменная фиксация метафорического сочетания *небесный чертог* относится к XII в.: *Въ небесныхъ веселиться въсегда чъртозѣхъ* Стихир. XII в. Ак. н. 76. (Срезневский, т. III, 1569). Ср. также у Аввакума в «Книге бесед», где образное выражение *небесный чертог* носит характер книжной метафоры-символа: *по написанию помяновенному во Евангельской притчи о пяти оныхъ буиныхъ дѣвахъ, како они во временномъ житии всѣ грѣховныя страсти побѣдиша <...> и за едино немилосердие входа во врата не об-*

рѣтоша, и въ чертогъ небесный не внидоша (Ав. Кн. бес., 322, 1675 г.). В литературе нового времени при употреблении в книжно-поэтической речи лексема *чертог* стала обозначать большое, пышное, великолепно убранное здание, дворец. Например, у К. Ф. Рыльева: *Иль будем боле мы с тобой благополучны в чертогах мраморных, для коих привезли Огромны глыбы гор из разных стран земли?* (К. Ф. Рылеев. «К Делии»), у А. С. Пушкина: *Ах, братцы! Как я был доволен, Когда церквей и колоколен, Садов, чертогов полукруг Открылся предо мною вдруг* (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»). Примечательно, что в поэзии XIX–XX вв. *чертог* в значении ‘небо, небеса’ был одним из наиболее часто встречающихся символических образов, ср., например: *И земному в небесный чертог не дано ничему достигать* (А. А. Фет. «На зеленых уступах лесов»). Метафорическое использование лексемы *чертог* характерно и для поэзии Серебряного века. Так, например, у О. Мандельштама слово *чертог* становится символом потустороннего мира: *Слепая ласточка в чертог теней вернется На крыльях срезанных с прозрачными играть* (О. Мандельштам. «Ласточка»). А. Блок раздвигает границы этого символа, употребляя слово *чертог* для обозначения другого творения рук божьих – земного бытия: *Он – громоносный чудодей – Над здешним, над земным чертогом Воздвиг чертог еще страшней* (А. Блок. «Напрасно я боролся с богом»). В литературном языке нового времени отмечается и шутивно-ироничное использование лексемы: *Чертог вдовы Грицацовой сиял. Во главе стола сидел марьяжный король – сын турецко-подданного* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

В публицистических текстах XVI в. обнаружено метафорическое употребление и лексемы *товарищ* (*товарищи трапезы и кубков*). Так, Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском», обвиняя Ивана Грозного в жестокостях и кровавых расправах над боярами, в ошибочности многих решений, указывает на главных виновников всех бед – приближенных царя (опричников), называет их иронично *«добрые и верные товарищи трапезъ и купковъ и различныхъ наслаждении друзии»* (Курб. Ист., 240. XVI в.). Ср. также одно из посланий (эпистолий) Курбского царю Ивану Грозному, где князь обличает царя и его сподвижников в разврате и блудодейниях («Афродитские дѣла»): *согласующе ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ своимъ бояромъ, губителемъ души твоеи и тѣлу, иже ты подвижнута на Афродитския дѣла* (Курб. Эп., 6. XVII в.).

Одной из характерных черт публицистики XVI–XVII вв. (особенно ярко представленном в полемических сочинениях Ивана Грозного и Ав-

вакума) является использование эмоционально-экспрессивной просторечной лексики с определенной стилистической задачей. Например, заимствование *собака* в качестве бранного фиксируется в «Послании царя Иоанна Васильевича князю Курбскому»: *А еже о измѣнахъ и чародѣистве воспоминалъ еси, – ино, такихъ собакъ, вездѣ казнятъ* (Ив. Гр. Посл. I, 56. 1564 г.).

Особенность функционирования в «Послании» Ивана Грозного лексемы *собака* в иносказательном смысле 'изменник' в свое время было отмечено В. П. Адриановой-Перетц в «Очерках поэтического стиля древней Руси» [4]. По мнению С. О. Шмидта, «в посланиях, особенно написанных на лай противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях» [5]. Имея резко негативную эмоциональную окрашенность, слово *собака* как 'изменник' употребляется Грозным по отношению к врагам – Курбскому и его сподвижникам: *Что, собака, и болезнуешь, совершивше такую злобу? К чему убо подобенъ собѣтъ твои будетъ?* (Ив. Гр. Посл. I, 36. 1564 г.).

Слово *собака* можно обнаружить и в богословско-полюемических сочинениях «расколоучителя» Аввакума – «Книге бесед» и «Книге толкований», для которых характерна неповторимая индивидуальность и яркая выразительность. Обличительная направленность богословских произведений и своеобразие стиля Аввакума обусловили употребление вульгарных бранных выражений в этих сочинениях. Так, эмоционально-экспрессивной инвективой *собака* Аввакум называет как самого патриарха Никона, так и его последователей – никониан-«еретиков»: *Завель его собака Никонъ за мысь: а то онъ – доброй человекъ былъ, знаю я ево* (Ав. Кн. бес., 418, 1669–1675 гг.), *Слышали ли еси, какъ собаки никонияня благословятъ, глаголя, яко не сугубъ Христосъ былъ?* (Там же), *Дайте толко срок, собаки, не уйдете у меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня в рукахъ!* (Ав. Кн. толк., 488. 1677 г.).

Таким образом, использование восточных слов в качестве образных средств – явление довольно редкое в языке произведений исследуемого периода. С одной стороны, это обусловлено особенностями самих заимствованных лексем, так как в основной своей массе ориентализмы – это «бытовизмы». С другой стороны, система литературных жанров средневековья с ее строгими канонами ограничивала доступ многим заимствованиям из восточных языков. Среди разножанровых памятников XV–XVII вв. относительно высокой частотностью характеризуется явление метафоризации восточных заимствований в публицистических текстах (у Грозного, Аввакума), что связано с эмоциональностью стиля изложения указанных авторов. Как средство выразительности, метафора является особым индикатором

глубины вхождения ориентального слова в лексическую систему русского языка анализируемого периода. При этом метафорическое использование отдельных заимствований продолжает развиваться и функционировать в парадигме образных средств литературного языка XIX–XX столетий, что, в свою очередь, свидетельствует о преемственности системы образов и образных средств русской литературы начиная от древности до современного ее состояния. Исследуемый материал является фрагментом в истории развития русского языка средневекового периода, который демонстрирует постепенное разрушение системы символов-метафор, носящих теологический характер (типа *бисер*, *небесный чертог*, *Ноев ковчег* и др.). Данные метафоры в литературном языке нового времени использовались и как поэтические элементы текста, и для выражения иронически-шутливого отношения к объекту оценки (*ковчег* – «большое, ветхое, старомодное судно, повозка», *чертог* – ирон. 'о комнате, помещении'). В итоге происходило постепенное освобождение литературного творчества и соответственно языка из-под власти теологической символики.

Примечания

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М., 2008. С. 25.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. М., 2004. С. 88.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев. М., 1979. С. 163.
4. Адрианова-Перетц, В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси [Текст] / В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1947. С. 93.
5. Шмидт, С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного [Текст] / С. О. Шмидт // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. 1958. С. 261–262.

Список сокращений

- Ав. Кн. бес. – Аввакум. Книга бесед [Текст] / Аввакум // Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927.
- Ав. Кн. толк. – Аввакум. Книга толкований [Текст] / Аввакум // Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927.
- Ав. Пис. – Аввакум. Письма [Текст] / Аввакум // Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927.
- Ж. Варл. Хут. – Житие Варлаама Хутынского. В двух списках [Текст] // Изд. ОЛДП. Вып. 14. СПб., 1881. XV в.
- Ж. Трифона – Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца [Текст]. Казань, 1868. (XVII в.).
- Ив. Гр. Посл. I – Послание царя Иоанна Грозного к князю Андрею Курбскому [Текст] // Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. I. (1564 г.).
- Ин. Сказ. – Так называемое Иное Сказание [Текст] // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909.

Курб. Ист. – История о великом князе Московском [Текст] // Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. I. (XVI в.).

Курб. Эп. – Эпистолия первая князя А. Курбского к царю и великому князю Московскому [Текст] // Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. I. (XVI в.).

Пов. Бор. Год. – Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов [Текст] // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909.

Сл. похв. Серг. Р. – Похвальное слово преподобному Сергию неизвестного сочинителя [Текст] // Древние жития преподобного Сергия Радонежского / собр. и изд. Н. Тихомировым. М., 1909. Отд. 2. (1418 г.).

СлРя XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII веков [Текст]. Вып. 1–25. М., 1975–2000.

СлРя XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–12 [Текст]. Л.; СПб., 1984–2000.

Срезневский – *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] / И. И. Срезневский. Т. I–III и Дополнение. СПб., 1893–1903.

А. И. Озтюрк

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОЙ КАТОЙКОНИМИКЕ

Катойконимы (наименования жителей населённых пунктов) женского рода, активно функционирующие в речи, всё чаще образуются при помощи суффикса *-чанка*. Он предпочтителен тем, что имеет однозначную семантику и не создаёт омонимии. Влиянию этой модели стали подвергаться и дериваты мужского рода: суффикс *-чанин* может вытеснять суффикс *-ец*, что сохраняет целостность всей словообразовательной парадигмы.

Kataikonoms (names of settlements inhabitants) of feminine gender actively used in oral speech are usually formed by suffix *-chanka*. It is more preferable because it has unambiguous semantics without homonyms generation. The derivatives of male gender are influenced by this model as well: suffix *-chandin* displaces suffix *-ets*, so the integrity of all word-formative paradigm is preserved.

В современной катойконимике наблюдается актуальная и интересная тенденция – постепенное выравнивание в количественном соотношении катойконимов, обозначающих мужчин и женщин. Однако этот активный процесс сопряжён с некоторыми трудностями, имеющими как собственно лингвистическую, так и историко-социологическую природу.

Прежде всего, необходимо отметить, что для катойконимов женского рода характерно отсутствие сложившейся традиции в функционировании. С древнейшей поры в истории катойконимии прослеживается традиционное отставание в количественном плане наименований лиц женского пола. Наиболее древние катойконимы выражали

значение принадлежности к населённому пункту через значение совокупности. Формально это выражалось в формах множественного числа, как правило, мужского рода, сохранявших черты категории собирательности. Катойконимы единственного числа (сингулятивы) употреблялись значительно реже, причем преимущественно это были наименования мужского рода. Парность катойконимов нарушалась, причем отсутствующее соответствие всегда приходилось на дериваты женского рода. В письменных источниках до XVIII в. почти отсутствуют наименования, обозначающие жителей населённых пунктов.

Вообще, с древности было нормой именование женщины по имени отца, мужа или их профессии, что отражало её бесправное положение в патриархальной семье. В дореволюционной России также редко употреблялись катойконимы женского рода, так как статус женщины того времени не позволял ей принимать участие в торгово-экономической, политической и других сферах жизни.

С течением времени социальная ситуация изменилась, и эти наименования стали появляться всё чаще и чаще. Представляет интерес статистика, приведённая одним из основоположников исследований в области оттопонимии В. А. Горпиничем. Выборка из украинских газет показала: в дореволюционной газете за целый месяц не встретилось ни одного катойконима единственного числа и лишь один – множественного. В газете же 1971 г. на 31 случай употребления катойконимов множественного числа приходится 16 катойконимов мужского рода и 12 женского рода единственного числа [1]. Правда, здесь есть элемент случайности, но тенденция к увеличению количества дериватов женского рода в речевой практике очевидна. Однако в Словаре названий жителей СССР (М., 1975) грамматическая форма множественного числа предлагается как основная, исходная, «удобная». Её «удобство», по мнению авторов, в том, что она выражает идею группы без указания на пол составляющих её лиц. На 36 наименований жителей Татарской АССР (ныне Республика Татарстан) в форме множественного числа и единственного числа мужского рода в данном словаре приходится всего 4 деривата женского рода [2].

Итак, первая и, возможно, основная причина отставания в количественном отношении дериватов женского рода экстралингвистическая. Однако отсутствие закрепившейся традиции в употреблении этих катойконимов не могло не отразиться и на определённых трудностях в области словопроизводства в настоящее время. Замечено, что для облегчения себе работы по словопроизводству катойконимов женского рода многие (например, журналисты) часто используют в трудных и сомнительных случаях описатель-

ные модели: *жительница села*... Осложняет ситуацию и отсутствие специального словаря-справочника по материалам оттопонимической лексики малых и неизвестных населённых пунктов.

Вряд ли можно в наше время говорить о редкой употребительности дериватов женского рода, но трудности, связанные с образованием этих наименований, остаются. Однако социальные причины теперь не являются ведущими, уступив место собственно лингвистическим, а точнее, словообразовательным. Некоторые из них будут рассмотрены ниже.

1. В современном оттопонимическом словопроизводстве подавляющее большинство катойконимов мужского рода образовано с помощью суффикса *-ец* от основы оттопонимического прилагательного. Но своеобразным парадоксом является малое количество названий женского рода на *-ка*, соотносимых с этой моделью. Принцип обязательности здесь неприменим, например: от *Алан* (здесь и далее примерами являются названия населённых пунктов Республики Татарстан и производные от этих названий) – *аланский*, *аланцы*, *аланец*, *аланка*, но *Каюки* – *каюкский*, *каюкцы*, *каюкец* и *каюкчанка*. В Словаре русских названий жителей (М., 2003) наименования женского рода по данной словообразовательной модели представлены в соотношении не более 8% от общего числа наименований [3].

Образование катойконимов женского рода на *-ка* – один из трудных случаев оттопонимического словопроизводства. В известной мере мешают появлению и нормальному функционированию таких наименований многочисленные названия географических реалий на *-ка*, которые создают нежелательную омонимию: *Александровка* (село) – *александровка* (жительница этого села), *Званка* (река и посёлок) и *званка* (жительница). Получившая распространение с XVI в. традиция образовывать топонимы с формантом *-ка* актуальна и сейчас: существуют тысячи населённых пунктов на *-ка*, *-овка*, *-инка*, *-евка*, охватывая территории современной России и ближнего зарубежья. Так в Республике Татарстан из 3076 населённых пунктов 273 имеют модель названия на *-ка*: *Дубовка*, *Вандовка* и т. д. Примечательно, что некоторые наименования не являются единичными. Так сельские населённые пункты с названием *Екатериновка* встречаются 6 раз, а *Красная Горка* – 5 [4].

Не является редкостью омонимия и со значением «лицо» – «не лицо». В большинстве славянских языков это явление связано с возросшей продуктивностью суффикса *-к(а)* и вытеснением других формантов не только в обозначении лиц по принадлежности к месту жительства, но и в целом классе слов, обозначающих женщин по профессии, внешнему виду и т. д. Одновременно формант *-ка* стал распространяться в

словах, обозначающих не лицо, а предметы, процессы. Это приводило к омонимии с именами, имеющими предметное (неличное) или процессуальное значение. Вообще, семантический веер образований на *-ка* значительно широк, например: жительница села Арбузово-Баран в РТ может быть *баранкой* и *баранка* – изделие из теста; *горка* – жительница населённого пункта с аналогичным названием и *горка* – возвышение. Однако омонимия – лишь одна из трудностей, в значительной степени уступающая место другой.

2. В современном русском языке формант *-ка* зачастую участвует в производстве слов, имеющих экспрессивно-сниженный оттенок или просторечный характер: *читалка*, *гадалка*, *нервотрёпка* и т. д. – а также инвективов, то есть слов, употребляемых с целью нанесения оскорбления адресату, например: *хулиганка*, *интриганка*, *спекулянтка* и т. д. По аналогии в катойконимы женского рода формант *-ка* может внести подобные нежелательные ассоциативные значения или препятствовать благозвучию, например: *агрызка* (от Агрыз), *бухарка* (от Бухар), *шунка* (от Шунь). Вообще, благозвучие – критерий скорее субъективный, но немаловажный, поскольку в современном русском языке может преодолеваться в некоторых случаях только с помощью описательного способа: *жительница деревни Бухар*. Примечательно, что затруднения в образовании форм женского рода испытывали и студенты во время экспериментального анкетирования. От названий населённых пунктов Республики Татарстан им было предложено образовать оттопонимические производные. Некоторые анкетированные выбор модели катойконима женского рода обосновывали исключительно критерием благозвучности.

3. Среди трудностей, связанных с ограниченными возможностями суффикса *-к(а)*, необходимо отметить и те, которые имеют морфонологическую природу. Катойконимы женского рода ограничены в образовании несочетаемостью форманта *-ка* с заднеязычными, то есть от топооснов на заднеязычный согласный данная модель становится практически невозможной. На территории Республики Татарстан зафиксировано 137 топонимов с основой на согласный *к*, например: *Кутук*, *Мадык*, *Наратлык*, *Ошняк*, *Шурняк* и т. д. Если дериваты мужского рода с суффиксом *-ец* от этих топооснов вполне возможны, например: *мадыкец*, *ошнякец*, – то для наименований женского рода приходится прибегать к другому способу. Более вероятны модели с суффиксом *-чанка*: *мадыкчанка*, *ошнякчанка*, *шурнякчанка*, – преимуществом которых является и отсутствие чередования *к/ч* на морфемном шве, традиционное для русского языка.

Потребность в катойконимах женского рода, проявившаяся с особой силой в новое время,

обусловила адаптацию имён женского рода к топонимическим основам с помощью интерфиксов, ликвидирующих как морфонологическую несовместимость основы и словообразующего форманта, так и возможную омонимию. Наиболее удобным и продуктивным оказался интерфикс *-чан-*, вычленившийся из катойконимического форманта *-чанин*, образующего имена мужского рода. Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что формант *-чанин* закономерен и жизненно необходим для дальнейшего развития русской оттопонимической лексики. Его прогрессирующее употребление в катойконимии обусловлено различными причинами:

- невозможностью по морфонологическим качествам некоторых основ топонимов образовывать катойконимы с другими формантами;
- общей тенденцией современного русского языка к ослаблению и даже устранению чередований на морфемном шве;
- цельностью и однозначностью значения суффикса *-чанин*, что устраняет многозначность в образуемых им словах и нейтрализует в них эмоционально-экспрессивную окрашенность;
- происходящим выравниванием форм мужского рода по их новым женским соответствиям. Последняя причина является определяющей в процессе стандартизации формирования катойконимов по модели с суффиксом *-чанин* [5].

Интерфикс *-чан-* нейтрализовал омонимию в катойконимах как женского, так и мужского рода: существительные на *-чанин/-чанка* однозначны, понятны и производятся без всяких морфонологических затруднений, например от *Тумутук* – *тумутукчанин*, *тумутукчанка*. Однозначность этого форманта дает ему громадные преимущества в конкуренции с другими синонимическими суффиксами. Именно поэтому суффикс *-чанин* начал вытеснять в катойконимах суффикс *-ец* даже в тех случаях, когда последний употреблялся в том или ином катойкониме на протяжении веков. Наблюдаемые в современной речевой практике случаи его избыточного употребления следует рассматривать как пример влияния модели дериватов женского рода на *-чанка*: два элемента *-чан-* и *-ка* подгоняют под свой шаблон и модель дериват мужского рода.

Однако следует признать и справедливость замечаний некоторых лингвистов относительно чрезмерно широкого «искусственного» распространения интерфикса *-чан-* даже в тех случаях, когда в этом нет особой необходимости [6]. Так, в образовании катойконимов от топонимов нерусского происхождения его использование нецелесообразно, поскольку иноязычная основа, как правило, не создает возможностей для формирования омонимов.

Итак, «неудобную» основу со словообразующим формантом можно примирить с помощью

интерфикса *-чан-*. В таком случае вся парадигма оттопонимических образований требует соответственных преобразований, чтобы не нарушать систему, но это пока не закреплено ни лексикографически, ни в практике, и факты дифференциации формирования дериватов женского и мужского рода в современном русском языке по-прежнему встречаются. Показательно, что в современной прессе наблюдается выравнивание формы мужского рода по образцу женского, однако подобная модель редко захватывает наиболее терминологическое наименование – форму множественного числа. Это происходит, видимо, потому что в ней наиболее безболезненно происходит процесс присоединения форманта *-цы* к топонимической основе.

Описанный материал ещё раз подтверждает тот факт, что словообразовательный процесс раньше совершенно не учитывал возможности формирования дериватов женского рода. В настоящее время это стало настоящей необходимостью, поскольку потребность в использовании наименований лиц женского пола по месту жительства значительно возросла. Характерно, что аналогичный процесс происходит и в сфере других наименований, например профессий.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что интенсивный рост дериватов женского рода в современной русской катойконимике и, как следствие, соответствующая корректировка катойконимов мужского рода имеют тенденцию к распространению. Это обусловлено существенными изменениями в социально-политическом положении женщин и появившимися словообразовательными возможностями. Новая тенденция к выравниванию в количественном отношении мужских и женских соответствий в названиях жителей является, пожалуй, главной приметой современного оттопонимического словопроизводства, так как всё настоятельнее требует качественных изменений всей катойконимической парадигмы.

Примечания

1. Горпинич, В. О. Теоретичні питання відтопонімного словотвору східнослов'янських мов [Текст] / В. О. Горпинич. Кієв, 1973. С. 30–31.
2. Словарь названий жителей СССР: Ок. 10000 названий [Текст] / под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М.: Рус. яз., 1975. 616 с.
3. Городецкая, И. А. Русские названия жителей [Текст] : словарь-справочник: более 14000 названий / И. А. Городецкая, Е. А. Левашов; под ред. Е. А. Левашова. М.: АСТ, 2003. 362 с.
4. Административно-территориальное деление Республики Татарстан [Текст] : статистический сборник. Татарстанстат РТ. Казань: Изд. центр Татарстанстата РТ, 2005. 215 с.
5. Ковалёв, Г. Ф. Этнос и имя [Текст] / Г. Ф. Ковалёв. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 234 с.
6. Борунова, С. Н. Витебляне, витебчане, витебцы [Текст] / С. Н. Борунова // Рус. речь. М., 1995. № 6. С. 66.

М. И. Закиров

ЛЕКСЕМА СНЕГ В РУССКИХ
И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ

Данная статья посвящена сопоставительному рассмотрению лексем СНЕГ/КАР в русских и татарских народных приметах. В работе рассматриваются культурологические основы изучения народных примет, приводятся значения слов *снег/кар* в сопоставляемых языках, дается подробная характеристика русских и татарских народных примет с исследуемой лексемой.

This article is devoted to comparative analysis of the lexeme SNOW in Russian and Tatar folk omens. From this work you will learn the culturological basis of the omen researches, the meanings of the word SNOW in both compared languages and detailed characteristics of the Russian and Tatar folk omens with the examined lexeme.

В последнее время в лингвистической науке превалирует тенденция не только комплексного изучения языковой системы в целом, но и детализированное изучение каждого ее компонента. При этом на современном этапе языковые формы изучаются «с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке» [1, с. 5–6]. Лексема СНЕГ, относящаяся к метеорологическим понятиям, отражающим природные явления, является одной из универсальных категорий концептуальной картины мира наряду с такими понятиями, как ДОЖДЬ, ВЕТЕР, ЗАСУХА и т. д. Поэтому она очень широко представлена в народных приметах, которые отражают непосредственный чувственный опыт человека, его предметную деятельность, в связи с чем народные приметы представляют большой интерес для исследования как лингвокультурные тексты и как объект лингвокультурологического изучения. Именно такой подход дает возможность раскрыть лексему как элемент языка и культуры, поскольку лингвокультурология выступает как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и неязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систем норм и общественных ценностей)» [2, с. 47].

Кроме того, необходимо отметить, что в лингвокультурологии сформировалось такое направление, как лингвофольклористика, которое изучает язык народного творчества как средство постижения этнической ментальности и тради-

ционно-культурных смыслов, исследует язык фольклора, поскольку фольклорные тексты коллективно-анонимны, минимально субъективны, традиционно устойчивы, являются «исповедью народа» и представляют собой образцы высокой культуры [11, с. 24, 29]

Народные приметы являются важной составляющей частью национальной и языковой культуры, поскольку в своем существовании и функционировании составляют языковую картину мира. Языковая картина мира – это сознательное представление человека о мире, которое формируется не столько языком, сколько повседневным опытом. Она позволяет установить какие-то свойства предметов, а их отношения находят отражение в языке, т. е. тем самым выявляется своеобразие мировидения, национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа.

Поскольку особенности культуры того или иного социума более четко выявляются при сравнении и сопоставительном изучении языков, в настоящей статье будут рассматриваться русские и татарские народные приметы с компонентом СНЕГ/КАР. По выражению Ю. С. Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные проблемы, “белые пятна” на семантической картине языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком» [9, с. 120].

Народные приметы, относящиеся к культурно-этнической сфере человеческого общества, отражают «языковую (наивную) картину мира» его носителей, связаны со многими сферами жизни и быта человека, обобщают многолетние наблюдения людей над природными явлениями и т. д. По определению М. А. Кульковой, «народные приметы представляют собой устойчивые конструкции, как правило, выражающие прогноз в отношении метеорологических явлений либо сельского хозяйства на основе эмпирического опыта этноса в результате длительного взаимодействия с окружающей средой» [5, с. 19].

Народные приметы с лексемой СНЕГ/КАР входят в лексико-семантическую группу «Атмосферные осадки», которая входит в семантическое поле концепта ВОДА и включает в себя такие лексемы, как: *дождь, снег, град, иней, изморозь* и другие в русском языке и *яңгыр, кар, боз, бәс* и другие – в татарском. Для определения значения исследуемой лексемы в каждом из анализируемых языках обратимся к словарю. «Снег – атмосферные осадки – белые пушистые хлопья, представляющие собой кристаллы льда, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю зимой» [7, с. 965]; «Кар – болытлардан ява торган кристалл сыман яки төрле формадасы ак

төсле атмосфера явым-төшем» [10, с. 667]. Из представленных дефиниций видно, что определения лексем *снег/кар* фиксируют внимание на выпадении атмосферных осадков в виде кристаллов льда (кристалл сыман), однако определение слова *снег* более широкое, оно включает в себя также «сплошную массу осадков, покрывающих землю зимой».

Ядро русской группы расширяется за счет форм *снеги(а) – снег – снежок*. Эти формы образуют бинарные привативные оппозиции: *снеги(а) – снег, снег – снежок*. Интегральные семы являются общими для членов оппозиций, а специфицирующие значения представлены дифференциальной семой *сильный – слабый*.

Характеризуя снег в языке народных примет, особое внимание следует уделить временной ориентации. Народные приметы о снеге построены на основе наблюдений за следующими темпоральными характеристиками. Эта группа оформилась в четыре подгруппы:

а) соотношенность выпадения ко времени года. Характеристика временной фиксации осуществляется с помощью атрибутивных и обстоятельственных конкретизаторов: *Зимой много снега нанесло – летом много хлеба уродится* [8, 190]; *Если выпадает снег осенью, когда еще деревья не сбросили листьев, то он скоро растает* [4, 213]; *Если в начале зимы шел сильный снег, то в начале лета пойдет сильный дождь* [3, 566];

б) соотношенность с определенным месяцем: *В декабре не тот снег, что низом метет, а тот, что сверху идет* [8, 185]; *В ноябре много снегу надует – на следующий год в закрома много хлеба придут* [4, 218]; *Коли в марте снежок задулинами, то будет урожай на огорожанину и ярицу* [3, 581];

в) соотношенность ко времени суток: *Дневной снег не лежит, а первый надежный снег выпадает ночью* [4, 213]; *Снег, выпавший днем, растает, а выпавший ночью – останется до весны* [8, 165]; *Снег идет утром – днем тепло будет* [3, 574];

г) соотношенность с определенным днем Месяцеслова: *На Евдокеи (1 марта) снег – урожай, теплый ветер – мокрое лето, ветер от Москвы (с севера) – холодное лето* [3, 581]; *В день св. Богоявления (19 янв.) падает снег большими хлопьями – к урожайному лету* [8, 192]; *На Татьянин день (25 янв.) идет снег – лето будет дождливым* [8, 192].

В татарском языке временная характеристика реализуется с помощью конкретизирующих обстоятельств с фиксацией:

а) определенного времени года: *Яз көне карлар эрегәндә юллар калса, бу елны күбрәк бодай, тары, арпа, борчак чәч* [6, 15]; *Көз көне кар яуган-*

чы кайсы көнне бәс төшсә, ашлыкны язын шул бәс төшкән көнгә туры китереп чәчсән, яхшы уңар [6, 103]; *Әгәр кар көзен озак ятмаса, ашлык нчар булыр* [6, 101];

б) определенного месяца (часто с указанием точной даты): *Беренче ноябрь көнне яңгыр өстендә кар булса, жәй салкын килер, печән бик уңар* [6, 108]; *Унсигезенче сентябрьдә кыф казлары китсә, Покрауда кар ятар* [6, 98]; *(Февраль) Икесендә иртә белән кар – ашлыкның иртә чәчкәне уңар*. [6, 118];

в) определенной части суток: *Кич белән кар яуса, гажәп түгел соң чәчкәне уңса* [6, 118];

г) дня Месяцеслова (встречается редко и только у крещеных татар): *Унсигезенче сентябрьдә кыф казлары китсә, Покрауда кар ятар* [6, 96].

Ряд примет, фиксирующих внимание на аналогичных природных явлениях, в русском и татарском языках совпадают, однако следует отметить, что в приметах татарского языка больше внимания уделяется влиянию погоды на урожай.

Значительная группа примет в анализируемых языках построена на наблюдении за *первым снегом – беренче кар*. Определение *первый/беренче* приобретает в таких сочетаниях не факультативный, а обязательный характер, при этом формируя устойчивые словосочетания: *В ноябре выпал первый снег – это еще не санний путь* [8, 154] – *Беренче кар һәрбакыт күңелгә сафлык, сөнеч тойгысы алып килә* [6, 101]. При выпадении первого снега важным становится время его выпадения, его свойства и качества, а также сопровождающие его природные явления: *Если первый осенний снег с бураном – то зима еще не установится* [4, 213]; *Если осенью первый снег лег на сырую землю толстым слоем – к хорошему урожаю ржи* [8, 156] – *Беренче кар көндөз яуса – кыш салкын, төнлә яуса – жылы була* [6, 103].

И в русских, и в татарских приметах при определении характеристик значительное внимание фиксируется на времени выпадения первого снега: *Первый снег выпадает за сорок дней до зимы* [3, 372]; *От первого снега до санного пути шесть недель* [4, 210]; *Первый снежок показался – на стоящий через месяц отзовется, а точнее, за сорок дней за зимы. Снег, выпавший днем, растает, а выпавший ночью – останется до весны* [8, 165] – *Беренче кар көндөз яуса – кыш салкын, төнлә яуса – жылы була* [6, 100]; *Беренче октябрьдә кар күренсә, кырык көннән кар ятар* [6, 102].

Важным является качество снега. Так, в русских приметах отмечается: *Первый снег с бураном – все еще растает* [8, 164]; *Первый снег сухой – обещает хорошее лето* [4, 211]; то же и в татарских приметах: *Әгәр беренче кар вак булса, кар тиз китмәс, жәй яхшы булыр, ашлык яхшы*

уңаф [6, 100]; Әгәр беренче кар коры булса, жәй яхшы булыр [6, 100].

Качественные и количественные признаки *плотность, рыхлость, глубина, сухость, много, мало* и так далее характеризуют не только первый снег. Данные признаки в русских приметах даны в градуальных оппозициях: *мокрый – сухой; мягкий (рыхлый, хлопьями, шершавый) – твердый, плотный; сильный – слабый*: *Мокрый снег на озимь – тот же назем* [3, 363]; *Рыхлый, шершавый снег – к урожаю* [4, 216]; *В день св. Богоявления (19 янв.) падает снег большими хлопьями – к урожайному лету* [8, 192]; *Если снег плотный и мокрый – к мокрому лету, сухой и легкий – к сухому* [4, 214]; *Зимой снегу мало выпало – лето будет с редкими дождями, а если зима снежная – к затяжной весне, к дождливому лету* [8, 190]. В татарских приметах градуальные оппозиции следующие: *вак – эре, күп; авыр – жиңзел, ябалак; коры – юеш; сай, юка – калын, күп – сай*: *Ябалак кар яуса, аннан соң һава жылы, юеш булыр* [6, 102]; *Юлда кар калын, кырда юка булса, иген уңаф* [6, 114]; *Кыш кар күп булса, жәй яңгырлы булыр* [6, 107]; *Әгәр беренче кар коры булса, жәй яхшы булыр* [6, 100]; *Әгәр кар вак кына бөртөклә, сирәк кенә төшкәләсә, бик озак суык булыр* [6, 109].

Представленные выше временные, качественные и количественные характеристики образуют лексическую сочетаемость лексем СНЕГ и КАР, которую можно представить в виде таблицы.

Лексическая сочетаемость лексем СНЕГ и КАР в русских и татарских народных приметах

СНЕГ	первый, мартовский, дневной
	много, мало
	сильный, слабый, тихий
	мокрый, сухой, мягкий, шершавый, рыхлый, хлопьями
	сходит, тает, ложится, налипает, надувает
КАР	беренче, мартта яуган, кышкы
	вак, эре, күп
	авыр – жиңзел
	юка, калын, сай, ябалак, коры, юеш, йомшак, әүвәлге
	өри, китә, ява

Второй член привативной бинарной оппозиции *снег – снежок* имеет синонимическое сочетание *малый снег* или *малый снежок*, в котором актуализируется сема «маленький, небольшой»: *В Новый год сильный мороз и малый снежок – к хорошему урожаю хлебов, а если тепло и нет снега – к неурожайному лету* [8, 189]; *Первый снежок показался – настоящий через месяц отзовется, а точнее, за сорок дней за зимы* [8, 165];

Коли в марте снежок задулинами, то будет урожай на огорожанину и ярицу [3, 581].

Также следует отметить, что в русских приметах для выражения процессуального действия используется специализированная лексема *снегопад* (снегопад – выпадение снега [7, 965]). Она же используется для выражения высокой степени интенсивности выпадения снега: *Гусь летит – к дождю, а лебедь – к снегопаду* [8, 172]; *Осенью после выпадания снега погода не проясняется – жди на следующий день опять снегопад* [8, 161]; *Много желудей уродилось на дубу – к строгой и холодной зиме и обильному снегопаду перед рождеством (7 января)* [8, 168]; *Если были обильные снегопады в начале зимы – к сильным дождям в начале лета, а ранний выпавший снег – к ранней весне* [8, 190]. В татарском языке специализированной лексемы, передающей значение *кар төшу* нет, это значение не передается и при помощи словосочетаний.

В культурологическом плане *снег* и *кар* в исследуемых русских и татарских народных приметах прогнозируют:

- изменение погодных условий в будущем;
- урожайность/неурожайность;
- состояние снежного покрова (таяние снега; его выпадение/невыпадение; время, в течение которого будет держаться снежный покров и др.);
- характер предстоящих осадков (буран, метель, снег, ветер и пр.).

Как в русских, так и татарских народных приметах важной является пространственная характеристика снега: *Снег после выпадания остается на деревьях – останется и на земле* [8, 161]; *Коли в благовеценье снег на крышах есть, так будет еще на Егорья в поле* [3, 321]; *Зимой мало снега на ветках деревьев – летом ни грибов, ни ягод не ищи* [8, 189]; *Снег круто лег на склоны гор и обрывов с северной стороны – к хорошему урожаю яровых хлебов* [8, 190] // *Кафа жиргә кар яуса, карны күрү бер зәвык* [6, 47]; *Кар бүрәнәгә сырышып яуса, жәй яңгырлы булыр* [6, 101]; *Кар стенага сылап яуса – жәй начар килә, стена арасы ачык калса – муллык, туклык булыр* [6, 114].

Важным при прогнозирующем наблюдении оказалось и то, на какую землю падает снег, как он падает: *Осенью снег ложится на гололедицу – к неурожайному следующему году* [8, 162]; *В декабре не тот снег, что низом метет, а тот, что сверху идет* [8, 185]; *Если осенью первый снег лег на сырую землю толстым слоем – к хорошему урожаю ржи* [8, 156]; *Первый снег упал на мокрую землю – останется, на сухую – скоро опять пойдет, на мерзлую – не растает* [8, 161] // *Кафа жиргә кар яуса, карны күрү бер зәвык* [6, 47]; *Кар лапа-лапа төшә: карга килер* [6, 47].

Важной является и форма снега, размер снежных хлопьев: *Первый осенний снег идет с бура-*

ном и большими хлопьями – к ненастью и слякоти [8, 161]; Крупа (крупа – снег в виде мелких круглых зерен. (прим. авт.)) падет – жди на неделю мороз [8, 154]; В день св. Богоявления (19 янв.) падает снег большими хлопьями – к урожайному лету [8, 192] // Ябалак кар яуса, аннан соң һава жылы, юеш булыр [6, 118]; Әгәр беренче кар вак булса, кар тиз китмәс, жәй яхшы булыр, ашлык яхшы уңар [6, 96]; Ябалак кар яуса, аннан соң һава жылы, юеш булыр [6, 92].

В русских и татарских народных приметах выпадение снега предсказывается и в зависимости от поведения животных: Зимой лисица в теплые дни лежит на снегу – к морозу [8, 201]; Лошади ложатся на землю – перед теплом или снегопадом [8, 202]; Свиньи визжат или расхрюкались – к ненастью или снегопаду [8, 203] // Чыпчыклар кыш көне жылышын бер урынды чыркылдашсалар, жылы булыт, кар явар [6, 88]; Кыш көнендә сарыклар абзардан чыгарга карышсалар – кар-буранга [6, 105]; Кыр казлары көз көне киткәндә түбәннән очып китсәләр, кар тиз булыр [6, 73].

Только в русских народных приметах при составлении прогнозирующего наблюдения внимание уделялось природным явлениям, которые сопровождали или предвещали выпадение снега: На Евдокеин день (14 марта) был снег с дождем и теплый ветер – к мокрому лету [8, 26]; Первый осенний снег идет с бураном и большими хлопьями – к ненастью и слякоти [8, 161]; Если стояло продолжительное затишье, и вдруг резко подул ветер – к скорому снегу [8, 196].

Таким образом, в обоих языках лексема СНЕГ имеет сходное значение, однако в русском языке его содержание несколько шире, чем в татарском, что отмечается толковыми словарями. Кроме того, только в русском языке при необходимости назвать не только природное явление, но и указать на процесс выпадения снега, не используя глагольные предикаты, употребляется специализированная лексема *снегопад*. Также следует отметить и тот факт, что в отличие от татарских примет семантическое поле лексемы *снег* в русских приметах расширяется за счет форм *снежок* и *снеги(а)*, в которых актуализируются дифференцирующие семы ядра лексемы.

В русском и татарском языках временной признаковый ряд рассматриваемого концепта реализуется в атрибутивной сочетаемости с аналогичными прилагательными (весенний, осенний, кышкы, яз) и при помощи обстоятельств, конкретизирующих временную ориентацию (январь, март, полдень, утро и т. д.). Только в русском языке подобная ориентация связана с указанием на день Месяцеслова, что обусловлено особенностями христианской религии, тесно взаимосвязанной с народными приметами. Это подтверж-

дается и тем, что только у крещеных татар приметы содержат подобные указания.

В анализируемых приметах обоих языков особое внимание уделяется наблюдению за *первым снегом/беренче кар*. При этом важными являются время выпадения первого снега и его качество.

Кроме того, можно отметить, что анализ лексической сочетаемости лексем СНЕГ/КАР свидетельствует об идентичности их связи почти с эквивалентными прилагательными, неопределенно-количественными словами и глаголами. Однако в русском языке прилагательные не только отражают качественную характеристику слова, но и его интенсивность, что не свойственно системе татарских признаков слов. Также лексема СНЕГ в русских народных приметах характеризуется наличием семантической связи с большим количеством глаголов, которые имеют дополнительное экспрессивно-эмоциональное, переносное значение, тогда как в системе татарских народных примет лексема КАР сочетается в основном с глаголами, эквивалентными русским *сходиться*, *таять*, *идти*. Данное явление определяется отсутствием определенной метафоричности в отношении этой лексемы.

Русские и татарские приметы с анализируемой лексемой фиксируют внимание на аналогичных природных явлениях: изменение погодных условий в будущем; урожайность/неурожайность; состояние снежного покрова; характер предстоящих осадков. Однако следует отметить, что в приметах татарского языка больше внимания уделяется влиянию снега на урожай.

И в том, и другом языках при составлении прогнозирующего наблюдения важными являются следующие аспекты: пространственная характеристика снега; размер снега, форма снежных хлопьев; зависимость от поведения животных; характер земли, на которую выпадает снег.

Примечания

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Текст] / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) [Текст] / В. В. Воробьев. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 332 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст] / В. И. Даль. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ИНН, 2005. С. 546–584.
4. Ермолов, А. С. Народное погодоведение [Текст] / А. С. Ермолов. М.: Русская книга, 1995. 432 с.
5. Кулькова, М. А. Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет [Текст] / М. А. Кулькова. Казань, РИЦ: «Школа», 2006. 192 с.
6. Мәхмүтов, Х. Ш. Ел тәүлегә – 12 ай (халык календаре битләреннән) [Текст] / Х. Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 128 б.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. А. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО

«Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 1200 с.

8. Степанов, В. А. Народные приметы о погоде (в четырех сезонах). Календарь природы [Текст] / В. А. Степанов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. 208 с.

9. Степанов, Ю. С. О трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю. С. Степанов. М.: Наука, 1985. 335 с.

10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Текст]. Казан: «Матбугат йорты нәшрияты», 2005. 848 б.

11. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии [Текст]: учеб. пособие / А. Т. Хроленко. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2005. 184 с.

А. Н. Денисова

ЧРЕЗМЕРНО-КРАТНЫЙ И ЧРЕЗМЕРНО-ИНТЕНСИВНЫЙ ТИПЫ ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ)

В статье впервые анализируются диалектные глаголы чрезмерно-кратного и чрезмерно-интенсивного способов действия в русских говорах на территории Мордовии в их взаимодействии с категорией вида и дополнительными неглагольными показателями аспектуальности. Исследуется процесс образования и функционирования диалектных глаголов указанных способов действия. Наряду с грамматическими и формальными характеристиками, общими с русским литературным языком, выявляется определенная специфика диалектных глаголов.

In the article are for the first time analyzed dialectal verbs of excessively-multiple and excessively-intensive mode of acting in Russian dialects on the territory of Moravia in their interaction with the category of aspect and additional non-verbal factors of aspectuality. It is researched the process of the formation and functioning of the dialectal verbs of the mentioned modes of acting. Alongside with grammatical and formal features general with Russian literary language is revealed the specificity of dialectal verbs.

В последнее время возрастает интерес исследователей к проблеме акциональных разрядов диалектных глаголов, так как под влиянием литературного языка постепенно утрачиваются специфические черты диалекта. Как отмечает О. Г. Ровнова, «без привлечения данных некодифицированных подсистем, к которым, в частности, относится и диалектный язык, аспектологическое описание современного русского языка нельзя считать полным» [Ровнова 1997: 169].

Способы действия диалектных глаголов, функционирующих в русских говорах, изучены недостаточно. В специальных работах затрагиваются лишь некоторые аспекты проблемы, приводятся наблюдения над отдельными акциональными разрядами, чаще всего с многократным значением. В русских говорах на территории Мордовии спо-

собы глагольного действия практически не изучены, в том числе группа способов действия со значением интенсивности. Имеются лишь отдельные статьи по данной проблематике (см. [Денисова 2006; 2007]). К этой группе на материале русского литературного языка М. А. Шелякин причисляет чрезмерно-кратный и чрезмерно-интенсивный способы глагольного действия (см. [Шелякин 1983: 190]).

Чрезмерно-кратный способ действия выражает отрицательно оцениваемую крайнюю степень (меру) кратного проявления действия исходного глагола, характерного для данного субъекта. В русском литературном языке к названному способу действия относятся глаголы с приставкой *из-* и постфиксом *-ся* типа *изволноваться*, *изболеться*, *исстрадаться*, *измучиться*, *изголодаться* и т. п. Такие глаголы, по замечанию А. В. Бондарко, обозначают действие, «которое вследствие его длительности и интенсивности доводит субъекта до состояния истощенности» [Бондарко 1967: 19]. Как отмечает М. А. Шелякин, «контекстуальное употребление образований с приставкой *из-* и постфиксом *-ся* показывает, что они обычно сочетаются с адвербиальными показателями типа *совсем*, *совершенно*, *весь (вся)*, *до такой степени, что...*, *так, что*. Например: *Я, может, об этом изболелся весь. Может, я другую жизнь прожил, вспоминая* (Шолохов)» [Шелякин 1972: 382].

Анализируя семантические свойства приставки *из-* в русском литературном языке, Е. Р. Добрушина выделяет группу возвратных глаголов с со значением «действие производилось очень долго или очень активно». По словам автора, у глаголов такого типа производителем действия всегда является человек (возможно, животное или нечто иное, но при антропоморфном описании, ср. *Щенок прямо излялся*) [Добрушина 1997: 129].

Некоторые исследователи отмечают широкую употребительность глаголов такого типа в русском литературном языке, особенно – в разговорной речи (см. [Садовская 1975: 471; Добрушина 1997: 129]). Однако в русских говорах на территории Мордовии глаголы чрезмерно-кратного способа действия относительно немногочисленны. Обычно они образуются от неопределенных глаголов с помощью приставки *из-* и постфикса *-ся*: *избрехаться* (≈ *браняться*, *дойти до истощения*) – *брехать* (≈ *браниться*); *исхалиться* (≈ *истомиться в ожидании угощения*) – *халить* [≈ *напращиваться на угощение (взглядом, поведением)*] и т. п. Например: *Как узнат, што я чово-небудь принёсла, так и крутиццо возли меня, так и заглядывёт мне в глаза-ти. Пока не даш, весь исхалїццо* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ *истомится в ожидании угощения*).

Иногда диалектные глаголы чрезмерно-кратного способа действия образуются от глаголов,

уже имеющих в своем составе постфикс *-ся*; ср.: *иссухотйтсья* (≈ ‘испытать сильное беспокойство, волнение’) – *сухотйтсья* (≈ ‘заботиться, беспокоиться’); *испрашитсья* (≈ ‘стать слишком шаловливым, озорным’) – *прашитсья* (≈ ‘шалить, озорничать’) и т. п. Например: *Тапор-тѣ с тилой аддала и иссухатйтльсья фся: вот скорѣ ни принисут, как драва станим рубить тады?* (Кулишейка, Рузаевский р-н) (≈ ‘испытала сильное волнение, беспокойство’).

В редких случаях глаголы с чрезмерно-кратным значением не имеют в своей структуре постфикса *-ся*; ср.: *иззнять* (≈ ‘истомиться в ожидании чего-либо’) – *знять* (≈ ‘томиться в ожидании чего-либо’). Например: *Уедиш с возъм-тѣ, как прѣпадѣш. Иззняш тея дѣждамыш* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘истомилсья в ожидании’).

Как и в литературном языке, диалектные глаголы чрезмерно-кратного способа действия нередко сочетаются с местоимением *весь* (*вся*), подчеркивая исчерпанность всех внутренних ресурсов. Например: *Сам-тѣ еш, а собаки-тѣ што не даш? Фся исхалйтльсья, нѣ тебя глядемыш* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘истомилась в ожидании угощения’).

Диалектные глаголы совершенного вида чрезмерно-кратного способа действия не образуют имперфективных форм. Чаще всего глаголы данного способа действия выражают конкретно-фактический тип употребления совершенного вида. Например: *Избрѣхалтльсья уш ты, бѣлалайка, высѣхлѣ фся* (Лаврентьево, Темниковский р-н) (≈ ‘дошла до истощения, бранясь’). В приведенном примере глаголы совершенного вида используются для выражения последовательности фактов, при этом глагол *высохла* указывает на последствия действия, передающиеся глаголом *избрѣхалась*.

Иногда в контексте с диалектными глаголами чрезмерно-кратного способа действия проявляется потенциальное значение конкретно-фактического типа употребления совершенного вида. Например: *Приведи тебѣ ф чужы люди, ты там испрашьтсья весь* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘можешь чрезмерно стать шаловливым, озорным’). Чрезмерно-кратное значение глагола осложняется здесь модальным оттенком действия.

При передаче повторяющихся ситуаций глаголы данного лексико-грамматического разряда выступают в наглядно-примерной функции совершенного вида. В конструкциях с диалектными глаголами чрезмерно-кратного способа действия обычность действия представлена на примере конкретного эпизода. Например: *Как узнат, што я чово-небуть принѣсла, так и крутищѣ възли миня, так и заглядывѣт мне в глаза-ти. Пока не даш, весь исхалйттѣ* (Суподеевка, Ар-

датовский р-н) (≈ ‘истомится в ожидании угощения’); *Ни с кем дабром ни гѣварит. Выдит кѣ двару, до нѣчы ни уйдѣт, пака ни избрѣшѣщѣ фся* (Лаврентьево, Темниковский р-н) (≈ ‘дойдет до истощения, бранясь’). Иногда кратность действия подчеркивается словами временной семантики (*бывает*). Например: *Когда, быват, выйдѣ к окошку сѣ старухѣми пѣсидѣт и ѣво с собой возъм, тѣк он весь там испрашьтѣщѣ* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘станет чрезмерно шаловливым, озорным’).

По своим аспектуальным признакам к чрезмерно-кратному способу действия близок чрезмерно-интенсивный способ действия, выражающий крайнюю степень продолжительности и интенсивности действия, связанную с усталостью, бессилием субъекта, невозможностью продолжать осуществление действия. Сюда относятся глаголы русского литературного языка с приставкой *у-* и постфиксом *-ся* типа *убегатсья*, *уфрыгатсья* и т. п.

Исследуя синхронические и диахронические синонимические параллели конфликтивных глаголов, А. Б. Бубекова отмечает несколько словообразовательных типов, вступающих в синонимические отношения: *за...ся – из...ся* (*забегатсья – избегатсья*); *из...ся – на...ся* (*изгорѣватсья – нагорѣватсья*) и т. п. По ее словам, «широкое варьирование синонимов, которое было отличительной чертой русского языка донационального периода, сменилось значительной дифференциацией словообразовательных значений конфликтивных синонимов» [Бубекова 2004: 16].

Наблюдения над диалектным материалом убеждают, что четкой демаркационной линии между чрезмерно-кратным и чрезмерно-интенсивным способами действия не существует. Е. Р. Добрушина характеризует группу возвратных глаголов с приставкой *из-* в русском литературном языке со значением «действие производилось очень долго или очень активно» следующим образом: «Человек как бы производил действие в таком объеме, что больше уже не может, не в состоянии его производить. Действие рассматривается как воздействующее на производящее его лицо таким образом, что оно меняется и в конце концов уже не может производить это действие» [Добрушина 1997: 129]. На наш взгляд, эта трактовка может быть применена и глаголам с приставкой *у-* и постфиксом *-ся* чрезмерно-интенсивного способа действия. Так, диалектные глаголы с приставкой *из-* и постфиксом *-ся* типа *изувѣчитсья*, *изломатсья* и тому подобные функционируют в русских говорах на территории Мордовии с общим значением ‘измучитсья, устать’. Это же значение имеют возвратные диалектные глаголы с приставкой *у-* типа *умучитсья* и т. п. Ср.: *Кой да домѣ дашла з базар, изувѣцылтльсья прѣмѣ* (Ефаево, Краснослободский р-н)

(≈ ‘измучилась, устала’); Я уш ни могу ничёво дельть, изломáльсь фся (Гудимовка, Большеигнатовский р-н) (≈ ‘измучилась, устала’); Нончи картошку нъ агароди матыжылъ, умучилъсь вусмирть (Енгальчево, Дубенский р-н) (≈ ‘измучилась, устала’). Заметим, что специфика диалектных глаголов проявляется в переосмыслении глаголов русского литературного языка; ср. (лит.) *изувечиться* (≈ ‘получить увечья, изувечить себя’), *изломаться* (≈ ‘сломаться совсем или во многих местах’). Диалектные глаголы могут иметь формальное сходство с глаголами русского литературного языка, различаясь в функциональном плане. При этом усматривается общий элемент смысла ‘утратить способность действовать’.

В русских говорах на территории Мордовии чрезмерно-интенсивный способ действия представлен глаголами с префиксом *у-* и постфиксом *-ся*, образующими преимущественно лексико-семантическую группу изменения физиологического состояния в результате трудовой деятельности. Диалектные глаголы данного способа действия образуются путем присоединения к исходному глаголу, уже имеющему в своем составе постфикс *-ся*, приставки *у-*: *упётаться* (≈ ‘измучиться, утомиться, устать’) – *пётаться* (≈ ‘мучиться’) и т. п., а также одновременным присоединением приставки *у-* и постфикса *-ся*: *ухётаться* (≈ ‘устать, утомиться от работы’) – *хётать* (≈ ‘работать, трудиться’) и т. п. Например: *С этим домъм-тѣ мы фсе прямъ упётъмси нынчи, каминицики-тѣ тароют, а народу-тѣ малъ* (Грачевник, Краснослободский р-н) (≈ ‘измучимся, устанем’); *Ухётълисъ сиводня нъ пакоси* (Шалы, Атюрьевский р-н) (≈ ‘устали, утомились’); *Эх, мы нончи и ухётълисъ, пъл-усады картошки абматыжили* (Красногорное, Чамзинский р-н) (≈ ‘устали, утомились’).

Диалектные глаголы чрезмерно-интенсивного способа действия *увайдѣхаться, ухрѣиться, ухрѣпаться, уметаться, упыхаться* и тому подобные со значением ‘сильно устать, утомиться от работы’ составляют синонимический ряд, причем бесприставочные исходные глаголы **вайдохать, *хорить, *хрѣпать* и тому подобные в наших материалах отсутствуют. Например: *Ухрѣпльсь фчяфась на свѣкли, нони фстать ни магу* (Рязановка, Старошайговский р-н) (≈ ‘устала, утомилась’). В этом случае происходит усиление семантической роли приставки *у-* в сочетании в постфиксом *-ся*, передающими значение «дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, исчерпанности) в процессе длительного или интенсивного действия, названного мотивирующим глаголом: *убегаться* “утомиться от длительного бега”» [Грамматика 1980: 389]. Анализируя диалектные глаголы подобной

структуры, Е. Н. Шаброва считает, что «членность основ с семантически диффузными корнями достаточно высока вследствие того, что аффиксы в структуре таких основ берут на себя основную семантическую нагрузку и сохраняют семантическую яркость» [Шаброва 2003: 109]. По ее наблюдениям, «в диалектной речи достаточно часто при актуализации лексико-грамматической семантики аффиксального оформления слова уменьшается “семантический вес” корневой морфемы» [Шаброва 2006: 28].

Диалектные глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся* в русских говорах на территории Мордовии нередко сочетаются с показателями интенсивности действия типа *совсем; совершенно; так, что; до такой степени, что* и т. п. Например: *Андрей так упыхълси в лясу, што ийдва дабралси да дому* (Лаврентьево, Темниковский р-н) (≈ ‘устал, измучился’); *Я нынчи увайгълльсь с картошкъми-ти, индѣ руки ни пѣдымаюцѣ* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘сильно устала, утомилась’); *Сафсем фцара умятълльсь! Никаковъ роздыху нет* (Новый Ковылай, Ельниковский р-н) (≈ ‘устала от долгой работы’).

Чрезмерно-интенсивное значение имеют некоторые диалектные глаголы с приставками *с-*, *по-* в сочетании с постфиксом *-ся*: *смáтиться* (≈ ‘утомиться’), *поморйться* (≈ ‘устать, измучиться от работы’) и т. п. Например: *Зѣ дѣлами-ти за динь смáтисся, индѣ гълва кругъм пойдѣт* (Суподеевка, Ардатовский р-н) (≈ ‘утомишься’); *Пѣмарйссси нъ работи за день, придѣш дамой, а аддыхать некѣда* (Чеберчино, Дубенский р-н) (≈ ‘утомишься, устанешь’).

В редких случаях глаголы указанного способа действия образуют видовые пары способом имперфективации (с помощью суффикса *-ива/-ыва-*) вроде *упётаться – упѣтываться*. Имперфективы используются обычно в ситуации повторяющегося действия (неограниченно-кратный тип употребления несовершенного вида). Например: *Нѣ работи знаиш как упѣтывѣшиси* (Атемар, Лямбирский р-н) (≈ ‘устаешь, утомляешься’). При этом кратность действия не подчеркивается какими-либо лексическими показателями, а исходит от окружающего контекста.

Большинство диалектных глаголов чрезмерно-интенсивного способа действия употреблено в конкретно-фактической функции совершенного вида, реализуемой в следующих конструкциях: *С этѣй картошкъѣй увайдѣхълльсь, мочи нет* (Константиновка, Ромодановский р-н) (≈ ‘устала, утомилась’); *Больнѣ уш он сиводни убѣйкълси* (Айкино, Большеберезниковский р-н) (≈ ‘устал, измучился’); *Я фчяфра так упыхтълльсь, так упыхтълльсь!* (Саловка, Лямбирский р-н) (≈ ‘устала от работы, утомилась’). В приведенных

конструкциях с диалектными чрезмерно-интенсивными глаголами действие передается как конкретный факт.

На основе указанной видовой функции совершенного вида развивается потенциальная разновидность. Например: *Пъл-усадъ картошки абматыжыш, ухётъшся, пажалуй* (Красногорное, Чамзинский р-н) (≈ ‘можешь устать, утомиться’). В данном предложении действие, передаваемое глаголом *ухётъшся*, обозначается как единичный, конкретный факт и осложняется дополнительным модальным признаком.

Нередко диалектные глаголы чрезмерно-интенсивного способа действия выступают в ситуации обычности действия, представляя наглядно-примерный тип употребления совершенного вида. Например: *Бываль, так усэхѣримси ф поли-ти, штѣ не руки, не ноги ни маячут* (Редкодубе, Ардатовский р-н) (≈ ‘устанем, измучимся’); *Бываль, кароф-ти руками дали, унѣтѣсси и уснеш как убитѣя* (Кочелаево, Ковылкинский р-н) (≈ ‘утомишься, устанешь’). В передаче ситуации повторяющегося действия используется аспектуальная частица *бывало*, указывающая на кратность действия в плане прошлого.

Названный тип употребления может выступать в потенциальной разновидности. Например: *А ты думѣш, ф поли-тѣ хѣрошо роботѣть? За динь так убайдѣхѣшся, штѣ до дому ели дѣползѣи* (Ведянцы, Ичалковский р-н) (≈ ‘можешь сильно утомиться устать’). Повторяемость действия, исходящая от окружающего контекста, обозначается как один из постоянно возможных случаев реализации действия.

В результате проведенного анализа можно заключить, что чрезмерно-кратный способ действия представлен диалектными глаголами с приставкой *из-* и постфиксом *-ся*, в единичных случаях – без постфикса *-ся*. Диалектные глаголы чрезмерно-интенсивного способа действия с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*, входящие в ЛСГ физиологического состояния, семантически близки глаголам с приставкой *из-* и постфиксом *-ся*, относящимся к чрезмерно-кратному способу действия: они имеют общую сему ‘утратить способность действовать’.

Диалектные глаголы данных способов действия образуются путем присоединения к исходному глаголу приставок *из-* и *у-* в сочетании с постфиксом *-ся*; иногда в структуре исходных глаголов постфикс уже имеется. Нередко соответствующие бесприставочные глаголы чрезмерно-интенсивного способа действия отсутствуют. В этом случае происходит усиление семантической роли приставки *у-* в сочетании в постфиксом *-ся*, передающими чрезмерно-интенсивное значение. Кроме того,

в указанном значении выступают иногда возвратные глаголы с приставками *с-* и *по-*.

В конструкциях с диалектными глаголами анализируемых способов действия проявляется конкретно-фактический тип употребления совершенного вида, а также его потенциальная разновидность. При передаче повторяющихся ситуаций глаголы данного способа действия выступают в наглядно-примерной функции совершенного вида, иногда в ее потенциальной разновидности.

Примечания

1. Ровнова, О. Г. Современные русские говоры в аспектологическом плане [Текст] / О. Г. Ровнова // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997. С. 169–179.

2. Денисова, А. Н. Диалектные глаголы с сативным значением в русских говорах на территории Мордовии [Текст] / А. Н. Денисова // Состояние национально-русского двуязычия в финно-угорских регионах Российской Федерации: м-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры (г. Саранск, 24–26 мая 2006 г.). Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2006. С. 58–61.

3. Денисова, А. Н. Усилительно-интенсивный способ глагольного действия в русских говорах на территории Мордовии [Текст] / А. Н. Денисова // Материалы Второй Международной конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов»: в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 265–269.

4. Шелякин, М. А. Категория вида и способы действия русского глагола [Текст] / М. А. Шелякин. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.

5. Бондарко, А. В. Русский глагол [Текст] / А. В. Бондарко, А. Л. Буланин. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.

6. Шелякин, М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Шелякин. Л., 1972. 46 с.

7. Добрушина, Е. Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* [Текст] / Е. Р. Добрушина // Глагольная префиксация в русском языке. М.: Русские словари, 1997. 220 с.

8. Садовская, Г. Н. Глаголы с приставкой *из-*, обозначающие полноту (высокую степень) проявления действия [Текст] / Г. Н. Садовская // Учен. зап. Ташкентского пед. ин-та. Т. 143. Ташкент, 1975. С. 468–471.

9. Бубекова, А. Б. Конфиксальные глаголы и их синонимические отношения в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Бубекова. Казань, 2004. 18 с.

10. Русская грамматика [Текст] : в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

11. Шаброва, Е. Н. Морфемика диалектного глагола [Текст] / Е. Н. Шаброва. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2003. 220 с.

12. Шаброва, Е. Н. Морфемика русских говоров [Текст] / Е. Н. Шаброва. Вологда, 2006. 108 с.

ПРАЗДНИКИ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ МОЛОГЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОГСКИХ ГОВОРОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматриваются наименования праздников и связанных с ними обычаев в мOLOGских говорах. Источником для данного исследования послужили этнографические материалы XIX в., содержащие сведения о традиционной народной духовной культуре жителей МOLOGского края Ярославской губернии. Выявление этнокультурной информации, заложенной в семантике диалектных лексем, соответствует современным лингвистическим подходам к изучению языковых явлений.

In the article are regarded the names of the holidays and the customs concerning the holidays. The source for this investigation was the ethnographic recordings of the XIX c. including the information about traditional folk spiritual culture of the inhabitants of the Mologa district of the Yaroslavl province. The reveal of the ethno cultural information, which is in the semantics of the dialectal lexical units, corresponds to the modern linguistic approaches to the studying of the language phenomena.

Одним из основных положений современных диалектологических исследований является тезис о том, что слово – это хранитель культурно-исторической информации. Представление о том или ином фрагменте внеязыковой действительности дают не отдельные слова, а их семантические объединения. Данная статья посвящена анализу наименований, связанных с праздничными традициями мOLOGжан. Такого рода лексика входит в состав тематической группы «Традиционная народная духовная культура», отдельные составляющие которой были рассмотрены в других наших работах [1]. Под мOLOGскими понимаются говоры территории бывшего МOLOGского уезда, находившегося в XIX в. в северо-западной части Ярославской губернии, и соответственно говоры современных Брейтовского и Некоузского районов, входивших до 1929 г. в состав МOLOGского уезда.

Известно, что праздники представляют собой сложное по составу и происхождению этнокультурное явление. Именно в праздничных традициях сохраняется много элементов, передающихся из поколения в поколение. Большая часть наименований праздников и связанных с ними обрядов, известных в мOLOGских говорах, носит общерусский характер, так как деревенские праздники – это в основном праздники церковного календаря. Однако на территории бывшего МOLOGского уезда существовали и свои праздничные традиции, о которых писали местные краеведы и которые в большей степени отражают мировосприятие мOLOGжан. Следует отметить, что

любое празднование всегда было ориентировано на коллективное времяпрепровождение: «то селение, где празднуется праздник, наполняется толпами пожилого люда и хороводами нарядных парней и девиц соседних сел, оглушается шумным говором и громкими песнями» [2].

Всесвятская неделя в МOLOGском уезде XIX в. называлась *ершовая* неделя, или *ерши*, и начиналась она сразу после Троицына дня. Её особенностью были ежедневные гулянья, преимущественно ночные. Последнее *ершово* гулянье проходило в день Всех Святых и считалось самым веселым и многолюдным, поскольку, как пишет А. Фенютин, «всякий спешит посмотреть в последний раз, взглянуть на публику, одетую в лучшие свои наряды, погулять и проститься с веселыми весенними удовольствиями» [3]. Автор не рассказывает о причинах появления номинации *ерши*, но приводит присловья, употребляемые детьми: «С самого начала ночного гулянья, мальчишки наломают сучьев от берез, налетут из них *линёков* и начнут ими хлестать друг друга, приговаривая: *ерши-солонь, ерши-солонь!*» [4]. Очевидно, что наименование *ерши* возникло в результате семантического переосмысления общеупотребительного слова, но что послужило причиной такого переосмысления, остается неизвестным.

Лексема *линёк* (*линёки*), представленная в приведенном выше контексте, обозначает верёвку или жгут, сплетенные из березовых сучьев и являющиеся непременным атрибутом *ершовой* недели. Кроме того, по наблюдениям А. Фенютина, *линёк* могли использовать как средство наказания проигравшего в карточной игре, ср.: «В игре картами *линёк* играл особенную роль»; «Пока игра продолжалась, один молодец свил из платка *линёк* для наказывания девушки, которая из них останется в дурочках» [5]. Как видим, в приведенных контекстах лексема *линёк* не связана с *ершовой* неделей. В русском языке XIX в. слово *линёк* называло «короткую смоленую веревку, которой наказывают морских служителей» [САР 3]. Указанная лексема зафиксирована в некоторых русских говорах как наименование рыбы или короткой тонкой снасти [СРНГ 17].

Народная традиция коллективно работать и отдыхать нашла отражение в мOLOGском осеннем обычае рубить капусту для квашения совместными усилиями: «рубить капусту девушки приходили с утра, чтобы днем изрубить всю *кисёлку*, а вечером, одевшись по-праздничному, повеселиться, попеть песен и поиграть парами» [6]. Так совместный труд переходил в совместный отдых: в тот же день, когда рубили капусту, «исправляли и вечер». В результате ассоциативного переноса осенние вечера, устраиваемые после того, как капуста была изрублена, получили на-

звание *кисёлки* – по наименованию капусты. В таком значении это слово зафиксировано только в моголских говорах [СРНГ 13]. Впоследствии, как пишет А. Фенютин, «стали вечер *исправлять по исправе*, т. е. спустя несколько дней после рубленья, иногда через неделю или даже две» [7]. Употребленный автором глагол *исправлять* связан с обычаем отмечать, праздновать какое-либо событие. С такой семантикой слово зафиксировано в севернорусских говорах [СРНГ 12]. В современных говорах Некоузского района отмечено употребление видовых коррелятов *исправлять – исправить*, входящих в состав устойчивых сочетаний *исправить загороду* ‘закончить посадку на приусадебном участке’ и *исправлять удворину* ‘готовить землю для посева’ («*Надо исправлять удворину*») [ЯОС 4].

Традиционным осенним развлечением моголских девушек были *братчины*: «целое гулянье девушек-подруг сделает между собою складчину деньгами; накупят гостинцев, соберутся все в одну горницу или избу и сидят, поют песни, угощаясь гостинцами. Вот и все тут, вот и *братчина*» [8]. Лексема *братчина* засвидетельствована в русских говорах с различной семантикой. В описаниях А. Фенютина *братчина* – это праздник, отмечаемый в складчину, причем отличительной чертой такого гулянья было отсутствие мужчин. В «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) данное слово зафиксировано в значении ‘пиво, сваренное в складчину на какой-нибудь праздник и которое вместе распивают’ как вологодское. Во многих ярославских говорах, а также вологодских, владимирских, нижегородских и калужских *братчины* – это наименование самого процесса сбора, внесения продуктов для общего угощения, праздника [ЯОС 2; СРНГ 3]. Видимо, народная традиция устраивать *братчины* была довольно распространенной. *Братчина* ‘празднество, устраиваемое на общий счет’ – это атрибут старинного крестьянского быта [БАС I]. *Смышлять братчины* означало устраивать совместное празднование и угощение. Это выражение аналогично другим устойчивым сочетаниям, распространенным в моголских говорах: *смыслить обед* ‘приготовить, сварить обед’, *смыслить пир* ‘приготовить, организовать, устроить пир’, *смыслить самовар* ‘поставить, разжечь, согреть самовар’ [ЯОС 9]. Существительные в этих сочетаниях играли роль конкретизаторов глагола *смыслить* ‘приготовить’, известного в моголских говорах в середине XIX в. [Опыт] Лексемы *братчина*, *смышлять братчины* отражают народные представления о коллективном проведении любого праздника, вовлеченности каждого участника в праздничное действо. Д. К. Зеленев приводит и другие диалектные наименования подобных угощений (*ссытчины*, *ссытки*), аналогичные *братчинам* [9].

К большим зимним праздникам традиционно относились Рождество и святки, которые начинались на следующий день после Рождества Христова. Первый вечер святок назывался *злобным*: в такой вечер, как пишет А. Фенютин, «все, девушки и *хары*, одеваются как можно лучше, потому что в этот вечер *харь* бывает множество, притом же девушки, по обыкновению, одеты в русское платье» [10]. Отличительной особенностью святок было обязательное присутствие *харь*, или ряженных. Кроме того, в моголских и других русских говорах *харями* могли называться маски ряженных; ср. толкование этого слова у В. И. Даля: «маска, личина и самый окрутник, переряженный» [Даль IV]. А. Фенютин так описывает начало святочных гуляний: «Мальчишки с радостью выбегают на улицу и, увидевши вдали несколько человек, кричат: “*Халявы, халявы, здесь игрище!*”» [11]. Слово *халявы* также обозначало ряженных. Как видно из контекста, ряженных надо было пригласить на игрище. *Игрищами* назывались святочные собрания молодежи с играми и посещениями ряженных. Данное слово в значении ‘празднество с играми, забавами, увеселениями, зрелищами’ представлено в древнерусских памятниках XI–XII вв.: «Скомрахъ бяше некто именемъ Гаинъ, и на *всехъ игрищихъ* с<вя>тою б<огороди>цею ругая ся кужаше ю» [СРЯ XI–XVII вв. 6]. В русских говорах существительное *игрище* употребляется в разных значениях: ‘различного рода молодежные игры’, ‘святочное гулянье, святочная игра’, ‘место сбора для гулянья, место гулянья, игр’, ‘место, где играет рыба, мечущая икру’ и др. Древнюю семантику лексема сохранила в новгородских, вологодских, архангельских и некоторых других говорах [СРНГ 12].

Приглашение ряженных на игрище осуществлялось по установленному порядку: «Маскированные (пародии медведя, козы, петуха) входят на вечеринку по призыву мальчика, который с каким-то непонятным удовольствием мерзнет целый вечер у ворот, покрикивая: *халява, погонай*, что значит по-здешнему: *маскированные, милости просим!*» [12]. Таких мальчиков в Моголском уезде называли *закликалами*. В слове отразилась та роль, которую *закликалы* выполняли в святочных игрищах: «Девушки ходили взад и вперед по горнице, расправляя ножки, и не видали, что мальчишки *закликалы* грелись у печки» [13]. Ср. у В. Даля: *закликала* – «зазывала, кто куда закликает: *Баня поспела, закликала стоит на кфыше, машет помелом*» [Даль I].

Несмотря на распространенность обычая ходить в святки ряженными, в Моголском уезде XIX в. бытовало суеверие, согласно которому считалось смертным грехом надевать на себя *харю* (маску), лица разрешалось лишь завязывать плат-

ком, а «для очищения от такого тяжкого греха не было иного средства, как в самое Крещение, вслед за освящением воды в проруби, *окупаться* в ней же, несмотря ни на какой мороз» [14]. Глагол *окупаться* ‘искупаться, окунуться’ отмечен в тверских, новгородских, вологодских и других русских говорах, ср. в архангельских: «*Богачи приезжали, бывало, окупаются и уезжают*» [СРНГ 23]; ср. в современных говорах Брейтовского района *окупнуться* – ‘искупаться’ [ЯОС 7]. Слово *окупаться* в значении ‘выкупаться, вымыться’ зафиксировано в памятниках деловой письменности XVI в.: «Въ осмый же день *окупався*, якоже и преже налагаеть другая одеяния на ся» [СРЯ XI–XVII вв. 12]. Следует отметить, что купание в проруби в Крещение являлось традиционным на Руси. И. Ю. Шустрова пишет, что, по представлениям крестьян, должен был искупаться или хотя бы умыться всякий рядившийся или гадавший на святках – «тешивший черта» [15].

Большим праздником, завершающим зимний цикл гуляний, была *Масленица*. Коллективный обычай встречать весну и провожать зиму возник еще в дохристианскую эпоху, поэтому для него характерны массовость, масштабность и сохранение некоторых архаичных черт (проводы Масленицы, зажигание костров). В ярославских говорах (Брейт., Рыбин. и др.) известно слово *маслёна* в значении ‘масленица’: «*Юрка-то Мишин вчера ся да как драл лошадь. – Праздник ведь, маслёна*». Брейт. [ЯОС 6].

Основные действия, сопровождающие празднование Масленицы, происходили на горе. Горы готовили заранее и, прежде чем открыть их для массовых катаний, «исправляли все неисправности, <...> а между тем молодцы пробуют гору, начинают на ней кататься на лотках и исправляют, где заметят, неисправность или *стрях*» [16]. Лексема *стрях* ‘неровность’, бытовавшая в мологских говорах XIX в., связана с глаголом (*в*)*стряхивать*, указывающим на то, что происходило с катающимися: «*лоток*, раскатившись, перелетает эту крутизну и сильно *встряхивает* сидящих на нем» [17].

К горе в период масленичных гуляний относились особым образом, следили за ее состоянием. Если гора приходила в негодность, ее *лечили*: «Если во время большого гулянья и беспрестанного катания гору разобьют, т. е. на ней сделаются выбоины, тогда запирают гору. <...> После сего *лечат гору*: в выбоины кладут мокрого снегу, сравнивают его и дают замерзнуть» [18]. Употребление этого глагола по отношению к горе было продиктовано антропоморфными представлениями мологжан.

Последний день Масленицы назывался в Мологском уезде, как и в других местах, *прощаль-*

ным воскресеньем. В этот день ездили к родственникам *прощаться*, то есть просить друг у друга прощение. Кроме того, *прощальное воскресенье* было ознаменовано проводами зимы, обрядом прощания с Масленицей: «Ребятишки, заранее приготовя несколько худых кадок, щеп, хворосту, всё это зажигают на конце горы. Это называется *жечь гору*» [19]. В. К. Соколова отмечает, что «обычай зажигать в последний день масленицы костры был общерусским» [20]. Однако наименования этого процесса были разные: *жечь гору* (в мологских говорах), *жечь Масленицу* (Брейт., Пошех. и др.), *сожечь соломенного мужика* (в костромских) [21].

В Мологском уезде существовали и местные праздничные традиции, не получившие широкого распространения в других местах России. Они могли быть связаны с каким-нибудь местным приходом, церковью. Так, в мологских говорах под словом *сенокос* понималось время, когда храм собирал большой доход в свою пользу: «Теперь у них *сенокос* – выражаются обыкновенно приходежане» [22]. Употребление общеизвестного слова в таком значении было обусловлено ассоциативным сходством сбора дохода в пользу храма с процессом заготовки сена на зиму. Как видим, хозяйственная деятельность крестьян и их быт оказывали влияние на их мировосприятие, что находило отражение в случаях семантической деривации. Так, в мологских говорах религиозный праздник *Петров день* (29 июня), связанный с сенокосом, получил особое название – *Коса*. В основу номинации было положено наименование основного сельскохозяйственного орудия, используемого в разгар сенокосной страды. Е. А. Березович называет такой принцип номинации «бытийным», то есть основанным на сравнении того или иного явления с конкретными предметами, окружающими диалектоносителя в повседневной жизни [23].

Известны были на территории Мологского уезда XIX в. *пивные* праздники. Это название указывает на *пиво*, которое, видимо, являлось главным напитком застолий. Свидетельств о том, к каким датам они были приурочены, не сохранилось, но в описаниях священника одного из приходов Мологского уезда содержится указание, что их в году было несколько: «жалуются на *пивные праздники*, которых в Княжичь-Городецком приходе немало, но отменить их пока не находится ещё смельчака: обычай, установленный дедами, всё ещё никак не решаются отменить» [24].

Ещё одним сельским праздником были *мольбы*, которые относились к числу храмовых или «обетных». В памятниках древнерусской письменности представлено слово *мольба* в значениях ‘мольба, просьба’, ‘молитва, моление’ [СРЯ XI–

XVII вв. 9]. Наименование *мольбы* связано по семантике с глаголом *молить(ся)*. Известно, что этот праздник возник из обычая крестьян отслужить молебен после посева яровых хлебов. Постепенно молебны начали сопровождаться угощением и стали восприниматься как обязательные праздники. Наименование *мольбы* отмечено и в других ярославских говорах, ср.: «Он рассказывал, что был у них весенний праздник после окончания полевых работ – мольбы» [ЯОС 6]. Н. Лисицын, описывая *мольбы* в Некоузской волости Мологского уезда (1889 г.), отмечал, что, несмотря на распространенность этого праздника, некоторые неправильно понимают его происхождение, связывая с традицией почитания иконы Божьей матери, именуемой *Мольбою*: «поэтому нередко можно услышать во время молебствий, совершаемых на этих праздниках, как прихожанки обращаются к Пресвятой Богородице» [25].

Распространенным и обязательным обычаем во время праздников было соблюдение гостеприимства. Этика гостеприимства у русских исключительно богата [26]. И. Ю. Шустрова пишет, что давней традицией и у крестьян, и у горожан было приглашение в гости, которое передавалось разными способами [27]. В Мологском уезде для этой цели приглашалась женщина, именуемая *зов* (слово мотивировано глаголом *звать*). В роли *зова*, как правило, выступала пожилая женщина, которой поручалось обойти родственников и сообщить инициаторам приглашения обо всех, кто придет в гости: «Накануне еще праздника хозяин и хозяйка дома призывают к себе пожилую женщину и просят ее сходить позвать всех родственников – пожаловать к ним завтрашний день хлеба-соли откусать. Женщина эта называется *зов*» [28].

Об искреннем радушии и хлебосольстве моголжан, как, впрочем, и других русских людей, сохранилось множество свидетельств: «Все посетители, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродят из избы в избы, где весьма радушно принимаются и угощаются от хозяев вином и домашнею брагою» [29]; «В праздник угощают всех гостей, не заботясь о том, свой он или чужой, и совершенно незнакомого человека не обнесут ковшом пива» [30]. Любопытный человек, случайно зашедший во время праздника в гости, принимался хозяевами дома так же радушно, как и свой близкий, родной. Такое отношение отражено в присловье: «Да покушай, родимый, да поневолясь, болезный (приятный) человек, да понагубь, кормилец!» Отказ от угощения расценивался как пренебрежение и вызывал недовольство: «Экой ты спесивый, упрямый!» [31]. Прилагательное *болезный* в значении ‘родной, милый, дорогой, любимый, близкий’ сохра-

няется во многих современных говорах: «*Пришел ты, мой болезный*» (Брейт.). Оно может употребляться и по отношению к нездоровому человеку (Некоуз., Б.-Сел., Яросл., Пересл. и др.); обозначать вызывающего жалость, сострадание (Брейт., Рыбин., Пошех., Яросл.); называть заботливого человека, добросовестно относящегося к своему делу (Рост.) [ЯОС 2]. Такие лексемы, как *родимый, болезный* ‘родной, милый, дорогой, любимый, близкий’, в ситуации гостеприимства теряют интимный характер, приобретая значение «ласкательного сообщения»: я к тебе отшошусь, как к родственнику [32].

Таким образом, рассмотренные наименования праздников и праздничных традиций моголжан отражают традиционную духовную культуру русского народа.

Примечания

1. Гапонова, Ж. К. «Ярославские губернские ведомости» как источник изучения моголских говоров XIX в. [Текст] / Ж. К. Гапонова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Т. 13. № 3. С. 85–89.
2. Преображенский, А. Приход Станиловский на Сити [Текст] / А. Преображенский // Этнографический сборник. СПб., 1853. С. 162.
3. Фенютин, А. А. Увеселения города Мологи в 1820–1832 гг. [Текст] / А. А. Фенютин // Труды Ярославского Губернского статистического комитета. Ярославль, 1866. С. 42.
4. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 23.
5. Там же. С. 123.
6. Там же. С. 67.
7. Там же. С. 68.
8. Там же. С. 67.
9. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография [Текст] / Д. К. Зеленин. М.: Наука, 1991. С. 382.
10. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 116.
11. Там же. С. 119.
12. Лавров, В. Кое-что о городе Мологе [Текст] / В. Лавров // Ярославские губернские ведомости. 1863. Ч. неофиц. № 11. С. 66.
13. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 127.
14. Там же. С. 129.
15. Шустрова, И. Ю. Указ. соч. С. 9.
16. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 149.
17. Там же.
18. Там же.
19. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 153.
20. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. [Текст] / В. К. Соколова. М.: Наука, 1979. С. 18.
21. Соколова, В. К. Указ. соч. С. 20.
22. Соколов, В. С. Шексны («Отводины» в Княжичь-Городецком приходе) [Текст] / В. Соколов // Ярославские губернские ведомости. 1888. Ч. неофиц. № 24. С. 2.
23. Березович, Е. А. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст] / Е. А. Березович. М.: Индрик, 2007. С. 41.
24. Соколов, В. Указ. соч. С. 2.
25. Лисицын, Н. Из Некоузской волости Мологского уезда (о так называемых «мольбах» и о пре-

вратном понимании местными жителями их значения) [Текст] / Н. Лисицын // Ярославские губернские ведомости. 1889. Ч. неофиц. № 50. С. 3.

26. Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. [Текст] / М. М. Громыко. М., 1986. С. 269.

27. Шустрова, И. Ю. Указ. соч. С. 20.

28. Фенютин, А. А. Указ. соч. С. 2.

29. Преображенский, А. Приход Станиловский на Сити [Текст] / А. Преображенский // Этнографический сборник. СПб., 1853. С. 162.

30. Овсянников, А. Нравы поселян в Мологском уезде. (Этнографический очерк) [Текст] / А. Овсянников // Ярославские губернские ведомости. 1870. Ч. неофиц. № 21. С. 81.

31. Там же.

32. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 481.

Список сокращений

САР – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный [Текст]. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. М.; Л. (СПб.), 1965–2007. Вып. 1–40.

ЯОС – Ярославский областной словарь [Текст] : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря [Текст]. СПб., 1852.

БАС – Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. М.; Л., 1950–1965.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. М., 2003.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. М., 1975–2006. Вып. 1–27.

Сокращенные названия районов Ярославской области

Б.-Сел. – Большесельский район
 Брейт. – Брейтовский район
 Молог. – Мологский район (уезд)
 Некоуз. – Некоузский район
 Пересл. – Переславский район
 Пошех. – Пошехонский район
 Рост. – Ростовский район
 Рыбин. – Рыбинский район
 Яросл. – Ярославский район

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская и зарубежная литература

О. В. Лихонина

«МЫШЕЛОВКА» КАК ФОРМА ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА 1920–1930-х гг.

В статье автор обращается к одному из аспектов проблемы театральности советской культуры конца 1920-х – 1930-х гг. Являясь одной из форм театральности как культурной игры, «мышеловка», однажды сыгранная Гамлетом, в советской культуре данного периода превращается в методику манипулирования массовым сознанием.

In the article the author appeals to one of the aspects of the problem of soviet culture theatricality in the last of 1920–1930. Being one of theatricality forms as a cultural game, “a mousetrap” once acted by Hamlet evolved into the technique of mass consciousness manipulation in the soviet culture of this period.

В последнее время в обществе и современной науке все чаще возникает интерес к культуре СССР, особенно ко времени правления И. В. Сталина, его «театральным постановкам». Интерес к личности Вождя обусловлен тем фундаментальным обстоятельством, что он служит символом колоссальной по своей значимости советской эпохи первой половины XX в.

Особое место в истории советской культуры занимают конец 1920-х – 1930-е гг. – один из наиболее насыщенных переменами периодов развития. Это время становления советских форм устройства страны, существенных изменений историко-культурной ситуации, когда общество дифференцировалось заново, его структура перестраивалась. В такой социокультурной ситуации тема игры и театральности занимала совершенно особое, едва ли не центральное место.

В связи с этим очень остро встает проблема театральности как явления культуры, которая своими корнями восходит не к театру как таковому, а к игровой природе бытия. Сегодня много говорят о генетической связи между игрой и театральностью, что, с одной стороны, их сближает, с другой, – противопоставляет. Так, точками их соприкосновения является присутствие схожих структурных элементов: пространство, правила, роли, сюжетные ходы, иллюзия и прочее, –

без которых они не могут существовать. Но, выходя за пределы игры в социальное или историческое пространство, театральность приобретает особую значимость. Это становится возможным лишь благодаря тому, что однажды сыгранная игра закрепляется как культурная форма, её содержательное наполнение во многом определяется театральностью, которая, в свою очередь, предстаёт как культурная игра: «...первый дом, выстроенный человеком, был не помещением для семьи, а клубом... Отсюда следует, что отряд древнее семьи, а общежитие – древнее семейного дома» [1]. Таким образом, театральность преобразовывает игру, наполняет содержанием созданные в игре формы. Являясь культурной игрой, театральность может воплощаться в многообразных формах.

Одной из таких форм является «мышеловка» с её строго организованным, продуманным характером, направленным на достижение конкретной цели. «Мышеловка», нашедшая своё художественное воплощение в драматургии Шекспира (У. Шекспир «Гамлет», III, 2), также становится одним из основных методов детективной практики. Таким образом, однажды сыгранная игра, в частности в литературном произведении, выступает в качестве формы, а, перенесённая в жизнь и получающая новое содержательное наполнение через театральность, становится культурной игрой.

«Мышеловка» как форма театральности в советской культуре 1920–1930-х гг. перерастает в эффективную методику манипуляции массовым сознанием.

Актёрский талант в совокупности с режиссёрским даром Сталина позволяли ему воплощать в жизнь свои проекты. Реальная действительность с населяющими её людьми для Сталина-режиссёра была всего лишь материалом, из которого можно было построить «новую жизнь» по-сталински. Вместе с тем появление уникального режиссёра-тирана было продиктовано театральностью самой советской культуры как её онтологического свойства, таким образом, «театр И. В. Сталина» и театральность советской действительности взаимобусловлены и взаимосвязаны.

Особенно ярко таланты вождя-демиурга проявились в организации судебных процессов над деятелями партии. Английский журналист Фиц-

рой Маклин, присутствующий на процессе Бухарина и Рыкова, в своей статье метко подчеркивает особенности сталинских инсценировок: «Весь процесс, тщательно написанный басней, призван донести до населения страны некоторое число тщательно отобранных моралей. Лейтмотивом процесса было утверждение, что противоречить власти невозможно... утверждая, что предатели находятся везде, можно поднять до абсурда бдительность, закрывая, таким образом, путь к любому проявлению самостоятельной жизни» [2]. Подобного рода спектакли Сталин разыгрывал с завидным постоянством, механизм их в действительности напоминал «мышеловку». Только целью этих инсценировок были отнюдь не «актёры», над которыми вершился суд, а зрители. Сталин воспринимает людей, окружающих его, куклами-марионетками своего действия; он постоянно держит их в страхе и наслаждается этим, удовлетворяя своё самолюбие и утверждаясь в прочности своей власти.

Таким образом, «гений всех времен и народов» прекрасно осознавал и сознательно использовал в своих целях «фетишизм народной психики», стремление народа иметь царя. Эта мысль неоднократно была озвучена самим Сталиным и его соратниками: «... если это есть свойство психики всех народов, то у нас это иначе – каждый в нём видит проводника своих стремлений, своих мечтаний, своих волевых импульсов – ведь всё это делается для народа и от народа, если даже моментально кажется, что что-то навязано, то в конечном итоге выясняется, что это толчок, а всё остальное уже свершается по доброй воле» [3]. В силу этого все действия вождя-царя были направлены на выполнение воли самого народа, тем самым создавался механизм «круговой поруки» – ответственности за содеянное зло. Но в традиционной народной нравственной парадигме советской властью кощунственно смещается акцент с коллективной совести народа как «со-вести», объединяющей всех и каждого виной и взаимной ответственностью за совершённые грехи, на «круговую поруку» как правоты за действие против врага своего. Так рождалась взаимная связь, но уже через освобождение от вины, соучастием в едином злодеянии.

Безликая масса становилась орудием убийства, соучастником, и одновременно с этим в этой же в толпе выискивались очередные жертвы. Так, в советской культуре была создана «гармония» между действиями власти и массой. Властью постоянно проигрывались подобные спектакли с целью закрепить в сознании масс нужные реак-

ции, мысли и чувства, так как именно в толпе, «сдавливая другого, сдавливаешь себя сам, чувствуя его, чувствуешь себя самого. Всё начинает происходить как бы внутри одного тела» [4]. И в отдельности взятый человек из толпы подспудно ощущал животный страх не только перед действием власти, но и перед сметающей всё на своём пути универсальной, биологической машиной.

Принцип «мышеловки» срабатывал и в отношении толпы, так как не власть выносила приговоры о казни, а именно сама масса, в своём стремлении получить успокоение и наслаждение от увиденного и пережитого.

Таким образом, однажды разыгранная героем великого Шекспира ситуация в эпоху правления Сталина обрела статус эффективной методики манипуляции с сознанием масс, внедрения в психологию толпы необходимых режиму стереотипов и стандартов поведения.

Сознательный обман толпы, невинная жертва – всё это подспудно утверждало Сталина в его могуществе и одновременно рождало покорность толпы. Так возникает чудовищное пере рождение духа эпохи, начертавшей на своих знаменах свободу человеческого духа, в атмосферу дегуманизации.

Насилие, всегда имевшее место в истории, в советской и в любых других тоталитарных системах не выступает только как средство достижения важной исторической цели, оно сакрализуется, так как способно разрушить связи человека с реальностью. Человек превращается в марионетку, страх, порожденный «сакральным» насилием, способствует выживанию самой культуры. А внедренная в массовое сознание память о «сакральном» насилии остается жить в «подкорке» последующих поколений даже после смерти самой тоталитарной культуры. И одним из эффективных способов подобной манипуляции с массовым сознанием в советской тоталитарной культуре и становится использование приема «мышеловки», специфической формы театральности данной культуры.

Примечания

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Философия науки. 1991. № 12. С. 140.
2. Хронограф 90. Ежегодник [Текст]. М., 1991. С. 283.
3. *Соколов, Б. В.* Иосиф Сталин : Власть и кровь [Текст] / Б. В. Соколов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 166.
4. *Федяева, Т. А.* Масса и карнавал: Элиас Канетти и Михаил Бахтин [Текст] / Т. А. Федяева // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 45.

Е. А. Пинегина

**«ПРОГУЛКИ
В РАСПРЕКРАСНОМ ПЕТЕРБУРГЕ»:
ПАСТОРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ
В ПОЭМЕ-ПЬЕСЕ А. Н. ЕГУНОВА
«БЕСПРЕДМЕТНАЯ ЮНОСТЬ»**

Статья посвящена исследованию пасторальной образности в поэме-пьесе А. Н. Егунова «Беспредметная юность». Обращение Егунова к пасторали объясняется его представлениями о судьбе античного наследия в культуре XX столетия. Подчеркивается, что трансформация традиционных пасторальных мотивов и образов связана с «омертвлением» античной традиции в условиях революционного переустройства мира.

The article is devoted to the research of the pastoral imagery in the play in verse «Aimless Youth» by A. N. Yegunov. Yegunov's interest in the pastoral is explained by his idea about the fate of the ancient heritage in the culture of the 20th century. The author accentuates that the change of traditional pastoral motives and images is connected with the «deadening» of the ancient tradition under the circumstances of the world's revolutionary reorganization.

Пастораль как литературный жанр возникла из античной буколки; она обладает характерными особенностями, касающимися специфики героев, хронотопа, конфликта. Несмотря на разнообразие произведений, так или иначе относящихся к пасторальному жанру, можно говорить об общей для них традиции, оказавшейся весьма продуктивной и в искусстве XX в. «Причины не исчезающей актуальности пасторального идеала, восходящего к мифу о Золотом веке, подразумевающего гармонию социальную, природную и любовную, носят не только имманентно-эстетический, но и общефилософский характер, – указывала Т. В. Саськова. – Пасторальные ценности на протяжении многих столетий входят неотъемлемой составной частью в культурные парадигмы разных эпох, обеспечивая их преемственность, способность сопротивляться разрушительным, энтропийным процессам <...>» [1].

В настоящей статье речь пойдет о пасторальной традиции в поэме-пьесе Андрея Николаевича Егунова «Беспредметная юность» (1918–1933; 1933–1936). Данному произведению посвящен ряд отдельных работ [2], однако среди них нет таких, в которых бы специально исследовалась его пасторальная природа.

В пасторали гармоничный мир природы и сельская безбедная жизнь противопоставлялись городскому существованию, негармоничному и бедственному. В «Беспредметной юности» Егунов использовал подобное противопоставление, дав два вида пейзажа: городской и природный. Два пейзажа –

городской и сельский (идиллический) – на протяжении всего произведения вступают в различные отношения: от явной параллельности, автономности друг по отношению к другу, когда между ними нет никаких отношений, до полного взаимного отрицания, когда противоречия слишком велики и приводят к конфликту.

«Канат, дымок и уголь, / мост пахнет детством..., / с горба над Зимней канавкою / слежу плывущие тучи» [3], – слова главного героя Унтера, которыми начинается «Беспредметная юность». Это откровенно не пасторальная «картинка», в которой автором были акцентированы памятные всем городские реалии: Зимняя канавка – Нева – Петербург. Далее в действиях поэмы-пьесы, названных Егуновым «бездействиями», события и разговоры происходят на фоне петербургских улиц: «А кучер среди внезапной стужи / ...мчится, несмотря на давку, / калеча Зимнюю канавку» (52); «Пока что рядом с лавкою, / над Зимнею канавкою» (54), «прогулки в распрекрасном Петербурге» (55).

Картины города «полны» ощущений присутствия смерти: «Ах, размельченных смертных прах / расплодился просто страх, / рассыпан он, столбами / пыли бывает виден на свету, / так что куда б мы ни заплыли, / он у меня всегда во рту» (53). Из уст Фельдшерицы, которая олицетворяла новое время, звучали слова: «требуются казни» (56), «разрешите вас казнить» (55). Рядом с ней другим героям было неуютно: «И после дали, после шири / вдруг оказаться в этом мире!» (57)

Подобное изображение города с его бедствиями, недобрыми или несчастливыми горожанами было характерно для пасторали. Например, у Лонга в романе «Дафнис и Хлоя» мирные сельские, счастливо жившие среди зеленых лугов и виноградников, подвергались нападению со стороны горожан-метимнейцев, в городе Метилена жили несчастные родители влюбленных, Дафнис и Хлоя не хотели городской свадьбы, прося пастушескую.

Кроме указанных городских видов в «Беспредметной юности» есть другой пейзаж, где «дух неистовых лип, / шиповника шип, / травы-травинки, / были-былинки / и пути-тропинки» (58); «парк старинный / прадедовских времен / дубов, дубов дуплистых» (53). Такие изображения вызывают ряд ассоциаций с пасторалью, которой свойственно было изображать идиллические картины природы.

В отличие от античной пасторали, в «Беспредметной юности» у этих описаний есть характерная особенность: они чаще всего оказываются воспоминаниями: «Ужель лишь там, в минувшем, / приветливая кровля, / приют минувших лет» (53), фантазиями: «...заманчивы нездешние сады» (56), снами: «...добраться бы скорей до родной

кроватки, / всех милей мне ее общество, / в ней забуду свое имя и отчество. / Вот как надо разрешить / вечное быть или не быть» (54); «...не ваши ли причуды воплощали / далеких стран чужие времена, / когда нас плавно, на рессорах, мчало / скопленье чайний и сна» (56) – чем угодно, только не принадлежащими к реальной действительности явлениями.

На протяжении поэмы-пьесы идиллические пейзажи возникали в памяти положительных героев Егунова: Унтера, Лизы, Фельда. В отличие от них Ящерица утверждала: «Природа хороша, но в меру» (57). Установленная мера красоты, правильного, нужного была неприемлема для людей, которые остались принадлежать прошлому.

Контраст двух миров, воссозданных Егуновым в виде пейзажа сельского и городского – иллюзорного и реального, ощутим в их цветовом восприятии героями. Фантазийный идиллический пейзаж полон чистых ярких красок: «синие испарения», «латы... / золото-золото-синеваты», «златовесеннесиний», «тело струйками пророзовело», «златые облака», «зелень трав». В противовес ему – действительность: «серый день и облака», «как жизнь я серо-серая», «серо-зеленая», «зелено-серая». Такая концентрация серого цвета не случайна. Символика серого цвета – безликость, будничность, безрадостность. Здесь Егунов использовал игру слов, основанную на неполной омонимии: краткое прилагательное *сефа* и существительное *сефа*. Безрадостный, унылый цвет и вещество, которым пахнет в аду. Ящерица – inferнальный образ поэмы-пьесы – говорила о наступлении адского времени, о смерти: «Юноша дохлый / и запах серы, / раны засохли» (59). «Адская» тематика получала свое продолжение: Ящерица открыто заявляла: «и предпочитаю серу, – / виновата, веру» (59), а также уверяла: «Но эти взгляды брось косые, / мы не в аду ведь, а в России» (57).

Подобное восприятие времени свойственно поэтам 1920–1930-х гг. XX в., которые отождествляли Петербург и смерть, жизнь и адские страдания (ср. строки О. Мандельштама: «В Петербурге жить, точно спать в гробу», «Твой брат, Петрополь, умирает», «В Петрополе прозрачном мы умрем»; А. Ахматовой: «Там, у устья Леты-Невы» [4]).

На этом фоне особое звучание обретали такие признания, как «не стоит рваться в мир иной – / он здесь уже и без молений / ты промелькнешь, как неземной, среди твоих минутных тлений» (59). В настоящем героев не ожидали ни любовь, ни покой, а в будущем: «Возможное возможно, но требуются казни» (56).

Этический идеал автора «Беспредметной юности» и близких ему героев ассоциировался с до-

революционной петербургской Россией, с имперским величием и Золотым веком русской культуры. Мечты и покой положительных героев Егунова (Унтера, Лизы и Фельда) связаны с местом, которое обозначено как «небывалая империя» и о своей принадлежности к которому они заявили с начала поэмы-пьесы: приветствие Унтером Фельда спародировано Егуновым на старый манер: «...здравия желаю ваше высокопревосходительство». Монолог Фельда во втором «бездействии» был посвящен воспоминаниям о славном прошлом: «Вдоль по Лете, вдоль по Лете... / В эполетах на балете, / у вельможи в аван-ложе / пролепетала империя / иноческий обет. / Верю в это теперь и я» (55). Иноческий обет – отрешение от мирской жизни, обет безбрачия и бедности – участь России прежней и того, что было дорого в ней героям. Тоска по прошлому и осознание необратимости перемен были постоянным предметом их разговоров: «А в стеклах лунная темень, / и нету на свете Лиз, / а есть только наше время, / и всюду какая-то слизь» (55). Сквозь эту тоску отчетливо проступали «плохие предчувствия»: «Слезы, слезочки и слезки / лейся о минувшем плач – Скоро явится палач» (55).

Особую связь автор и герои «Беспредметной юности» чувствовали с городом, который «лучше всякого Парижа / город, город мне родной, / создан он мечтой одной, / быть нельзя полней и ближе» (61). В имперской России Петербург был центром политической и культурной жизни на протяжении двухсот лет. После революции 1917 г. ему предстояло уйти в небытие, что заключалось не только в смене имени: вслед за статусом столицы были утрачены и ее особые культурные традиции, в числе которых традиция античная. Поэтому у Егунова появилось упоминание о смерти, связанное с рекой забвения Летой: «Ох уж эти мне прогулки / в распрекрасном Петербурге, / в Петербурге-городке, / вдоль по Лете по реке» (55). Здесь Егунов умело обыграл сразу два мифа, совместив разные временные пласты – античность и XX в.: Лета-Нева, кануть в Лету – судьба Петербурга, связанная с мифом античным, а также мифом о водной гибели города на Неве, навеянным петербургской мифологией и эсхатологией [5].

«Хотя в почти-потустороннем мире / бывали с вами мы почти знакомы» (53), – слова Фельда, относящиеся к минувшему веку, указывают степень отдаленности прошлого от настоящего. Несмотря на то что в рамках исторического процесса время, отделившее Советскую Россию от имперской, не столь велико, огромен и непреодолим разрыв культурный, ценностный, поэтому о настоящем Фельд говорил: «...здесь в расцветном мундире / себя не чувствуем мы дома» (53).

Егунов с присущей ему афористичностью «материализовал» этот разрыв: «вдруг проступает расстояние – цветы далеко» (53). Образ «далеких цветов» у Егунова был связан с образом исчезнувшей красоты; цветы – «цветочки, да цветочки, веселенькие точки» (53) – символ красоты, должны быть принесены в жертву требованиям нового, сугубо материалистического, настоящего, поэтому героям Егунова предлагали вместо пустых разговоров: «А вы пока нарвите / цветения к обеду» (53). В таком прочтении сорванные цветы обозначали смерть, разные варианты которой можно видеть на протяжении всей поэмы-пьесы.

Свойственный пасторали «языческий» колорит создается в «Беспредметной юности» упоминаниями о Венерах, Купидонах, Фебе, Психеях, Амуре, Плеядах. В отчаянии что-либо изменить Лиза констатирует: «О Венеры, Купидоны / вы над пропастью бездонной» (59). Эти слова – показатель возникшего разрыва между ушедшим веком и наступающим временем. Пропась, разделившая жизнь автора и его героев на *до* и *после*, стала одним из устойчивых мотивов «Беспредметной юности».

«Неожиданно широк разверзается поток» (59) – фраза, в которой Егунов использовал художественный прием, распространенный в творчестве поэтов XX в., когда в тексте нарушается традиционная валентность [6]: глагол *разверзается* вместо требуемого существительного *пропасть* сочетается со словом *поток*. Пропась и поток выступили у Егунова символами нового времени. Поток символизировал разрушительную стихийную силу, с которой нельзя совладать. Это ощущение усилилось обращением Унтера к дождю, смывающему дали: «...смоешь ты черты неустраиваемой мечты» (51), затем в диалоге Унтера и Ящерицы, когда Егунов прибегнул к языковой игре: «ты про пропасть? / Я про пасть / ...Злая пропасть» (58). Поток-пропасть принес в город смерть, разрушение, хаос.

Античная красота, воплощенная в городской архитектуре, в скульптуре, составляла особенность петербургского пейзажа. У Егунова красота утратила былое величие, омертвела: «О как он ладен, / как он хладен, / как статно он окоченел! / Краса – завиднейший удел цветущих мертвых тел» (53). Фельд признавался: «Безносых Мельпомен / щербатую поверхность / дала мне жизнь взамен / уверенности, увы» (53). Античные идеалы перестали быть идеалами, несли на себе печать ущербности. Фельд замечал: «Феб небо приодел тканью червленной» (54), Фельдшерца называла Феба «прохвостом» (54).

Снижение и гибель античных идеалов – одна из главных тем поэмы-пьесы «Беспредметная юность». Г. С. Кнабе, рассматривая произведение

Егунова в связи с судьбой античности в Ленинграде 1920-х гг., увидел в нем (как и в «Комедии города Петербурга» Д. Хармса, «Козлиной песне» К. Вагинова) «гротескный эпилог классической драмы». Он относил автора поэмы-пьесы к тем людям, которым на исходе первого революционного десятилетия стало понятно, что «не просто мертвы были <...> обе вступившие в противоречие стихии, но каждая на фоне другой приобретала карикатурный гротескный смысл, культура классики и истории без живой, сиюминутной, надвигающейся жизни и живая, сиюминутная надвигающаяся жизнь без подлинной культурно-исторической памяти и укорененного в истории масштаба становились неразличимы в своем взаимном пародировании, в рождающемся из него кривлянии и гаерстве» [7].

В «Беспредметной юности» «сельский» пейзаж с садами, парками, песчаными берегами, домашним уютом не только резко контрастирует с видами города, «в котором засела ночь», но и сближается с ними. «В зелень света и теней / входит спутник синих дней, / с намерением там остаться / и на счастливой поляне / чуточку попрыгать, как поселяне, / а потом распасться» (57). «Пасторальная» сцена поражает своей мрачностью: мотив распада-разложения, часто проявлявший себя в творчестве Егунова, даже на бытовом уровне понимания создавал впечатление скоротечности времени, неизбежности конца жизни. Это присутствие смерти переместилось из города в мир природы.

Итак, в художественном мире «Беспредметной юности» пастораль существовала в виде отвлеченных воспоминаний, размышлений, фантазий, что свидетельствовало о намеренном стремлении автора «вывести» ее за пределы реального, действительного мира. Пастораль локализуется не столько в конкретном, осязаемом месте, сколько в памяти. Именно память становится единственным местом, где сохранилась красота, гармония, уют и покой. Поэтому, отвлекаясь от собственных мыслей, герои Егунова чувствуют дискомфорт.

Пастораль у Егунова условна: в реальности нет ни деревенских пейзажей, ни влюбленной молодой пары, нет легкого ощущения свободы и радости земного существования. Использование пасторальной образности в пейзажных зарисовках, наделение героев такими качествами, как сентиментальность, наивность и чувствительность (Унтер «нечеловеческой давкою / людей и вещей / мечтать еще не отучен» и от этого «совершенно ничей» (51); Лиза хранит память о той родине, где травы, шиповник, тропинки), усиливает контраст между трагедийным восприятием своего времени и светлой, легкой, но «бездейственной», «беспредметной» культурной традицией.

Примечания

1. Саськова, Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века [Текст] / Т. В. Саськова. М., 1999. С. 5.

2. Казанский, Н. О «Беспредметной юности» А. Н. Егунова [Текст] / Н. Казанский // Московский наблюдатель. 1991. № 12. С. 60; Топоров, В. Н. Рассказ Л. Добычина «Встречи с Лиз» в контексте бедной Лизы «железного века» [Текст] / В. Н. Топоров // «Вторая проза». Русская проза 20–30-х годов XX века. Trento, 1995. С. 95–106; Кнабе, Г. С. Гротескный эпилог классической драмы: Античность в Ленинграде 20-х годов [Текст] / Г. С. Кнабе. Российский государственный гуманитарный ун-т. М., 1996. С. 18–33.

3. Егунов, А. Н. Беспредметная юность [Текст] / А. Н. Егунов // Московский наблюдатель. 1991. № 12. С. 51. Далее текст цитируется по данному изданию с указанием страницы в круглых скобках.

4. О связи «Реквиема» А. Ахматовой с «Беспредметной юностью» Егунова см.: Казанский, Н. О «Беспредметной юности» А. Н. Егунова. Указ. соч. С. 60.

5. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) [Текст] / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 211.

6. О внимании поэтов начала XX века к игре со словом см.: Валиева, Ю. Игра в бессмыслицу: поэтический мир А. Введенского [Текст] / Ю. Валиева. СПб., 2007. С. 21.

7. Кнабе, Г. С. Указ. соч. С. 17.

А. М. Атрохин

ТВОРЧЕСТВО Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ (МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ)

В статье рассматривается взаимосвязь эмигрантского и доэмигрантского творчества Д. С. Мережковского, прослеживается преемственность и трансформация основных метафизических и историософских концептов писателя.

The article deals with connection of D. S. Merezhkovsky's pre-revolutionary and exile's writings. The article also shows the transformation of main metaphysical and historiosophical concepts of Merezhkovsky.

Литература о Д. С. Мережковском – мыслителе и писателе – достаточно велика. Его выдающаяся роль в становлении русского модернизма изучена достаточно полно. Однако большинство исследователей его творчества ограничивались рассмотрением основных метафизических и историософских концептов дореволюционного периода творчества писателя. Антиномия «бездны плоти» и «бездны духа», ницшеанский генезис эстетизма Мережковского, трансформация

общественно-политических взглядов писателя между двумя русскими революциями получили достаточно широкое освещение как при жизни Дмитрия Сергеевича, так и в современной отечественной и зарубежной критике [1].

Безусловно, все это важно и при обращении к эмигрантскому периоду творчества писателя, так как в основных мировоззренческих позициях оно не претерпевает принципиального изменения. Однако в эмиграции выявились его новые смысловые и художественно-философские аспекты, обусловленные как экзистенциальной ситуацией изгнания, определившей интерес русской эмиграции к историко-документальному материалу, так и потребностью писателя в переосмыслении литературной традиции (в частности её жанрово-стилевого компонента). И, несмотря на то, что попытки анализа этого богатого художественного материала предпринимаются в литературоведении (главным образом зарубежном) [2], взгляд на эмигрантское творчество Мережковского в его целостности, развитии и глубоком внутреннем единстве страдает определенной неполнотой. Доказательством тому служит характеристика Мережковского его современниками, которые то отказывали писателю в каком-либо таланте мыслителя [3], то, наоборот, отмечали необычайную стройность и последовательность его философско-художественных построений [4].

В критической и исследовательской литературе о Мережковском обращает на себя внимание не только полное отсутствие согласия по поводу достоинств и недостатков писателя, но и зачастую неоднозначный взгляд на способность его художественно-философских взглядов к эволюции. Большинство авторов исходят из характеристики Мережковского как автора, все творчество которого посвящено одной-единственной теме. Сразу же после публикации первой трилогии утвердилось мнение, получившее затем широкое распространение: для писателя характерны схематизм художественно-исторических построений и совершенная неспособность их к развитию [5]. И если применительно к художественной стороне его творчества критика снисходительно признавала эти особенности в качестве внутренних законов символистского романа, являющегося «важной вехой на пути литературы от “полифонического” (Бахтин) романа Достоевского к концептуальному роману XX века» [6], то сами философские концепции, взятые вне связи с эстетическими формами выражения, не удастаивались даже снисхождения.

По этой причине представляется актуальным обращение к особенностям эволюции художественно-эстетической системы мыслителя, составившей основу историософских текстов эмигрантского периода – «Тайна Трех. Египет и Вави-

лон», «Тайна Запада. Атлантида-Европа», «Иисус Неизвестный», «Данте», «Наполеон», «Лица святых от Иисуса к нам», «Испанские мистики» и «Реформаторы». Связь этих произведений с до-революционными мировоззренческими установками Мережковского несомненна. Но эти установки, оказавшись в сфере влияния жанровой природы произведений, естественно, претерпели определенную эволюцию.

В частности, известно, что попытка синтеза «нового язычества», утверждающего культурные ценности, но нарушающего принцип гуманистического универсализма (т. е. «отрицающего Бога») с «новым христианством», «принимаящим Бога», но платонизирующим мир, заставила Мережковского обратиться к хилиазму, к идее тысячелетнего Царства вторично пришедшего Христа. К хилиастическим идеям писатель пришел еще в процессе работы над романом «Петр и Алексей» в 1903–1904 гг. Историческое обоснование идеи получили в написанной еще в 1908 г. книге «Не мир, но меч». Тем не менее правомерность подобного рода синтеза сразу была поставлена под сомнение современниками, отказывавшими антиномиям Мережковского в диалектических потенциях. И все же именно хилиазм, закономерно окрасившись в сугубо эсхатологические тона, стал центральной концепцией эмигрантского периода творчества писателя, проявившись в целом ряде связанных друг с другом идейных импликаций (неорелигиозный христоцентризм, идее Вселенной Церкви, концепциях бисексуализма, женственности-материнства-духа и др.) и определив содержательную сторону практически всех произведений эмигрантской поры.

Как уже отмечалось в литературоведении [7], основное влияние на формирование хилиазма и его проявление в мировоззрении Мережковского периода эмиграции оказало наследие Иоахима Флорского, родоначальника концепции «третьего завета», возвещавшего неизбежное пришествие Царства Святого Духа, калабрийского монаха, учение которого лежало у истоков францисканства и породило множество средневековых еретических движений. При этом стоит отметить, что интерес к истории францисканства и его представителям проявляется у Мережковского еще доэмигрантский период. Так, до революции этот интерес воплотился в поэме «Франциск Ассизский», ставшей поэтическим жизнеописанием основателя францисканства. В эмиграции Мережковский переосмысливает жизнь Франциска Ассизского в сильно эсхатологизированных тонах, делая его частью своей книги «Лица святых от Иисуса к нам».

В концептуальном отношении историософские воззрения Иоахима и Мережковского чрезвычай-

но близки. Особое эсхатологическое напряжение, характерное для концепции истории, приводит их обоих к переживанию современной им эпохи как времени неминуемо приближающегося конца, апокалиптической гибели «зона века сего», за которым последует Суд над миром и установление Царства Третьего Завета, сообщества святых, обновления неба и земли зиждительной силой Святого Духа. При этом, если для самого Иоахима эта идея оставалась все же интеллектуальным построением на основе толкования библейских текстов, то для Мережковского периода эмиграции апокалиптическая битва за Царство Духа представляется реальностью. Поэтому в своих эмигрантских произведениях и публицистических статьях Мережковский выступает против большевизма и материализма не с политической, а с эсхатологической позиции. С этой точки зрения большевизм для него не политический противник, а новая маска онтологического врага, препятствующего установлению Царства Третьего Завета на протяжении всей человеческой истории.

Еще одной схемой Мережковского является тринитарная диалектика, лежащая в основе его историософского мифа, а следовательно, и содержания всех поздних произведений писателя. В книге «Египет и Вавилон» он так представляет читателю свой концепт «Трех в Одним» [8]: «В Элевсинских мистериях присутствовало Трое: Отец Дионис, Мать Деметра и их Божественный Сын... Египетские предки почитали Трех: Отца Озириса, Мать Изиду и сына Гора» [9].

Понятие Бога-пастыря распространилось, в соответствии с интерпретацией писателя, из Вавилона до Израиля через трехчастное божество Таммуз-Адонис-Адонай, откуда в лице Христа достигла современной цивилизации. Бедфорд так определял специфику тринитарной системы писателя: «Бог-Мать – понятие, обеспечивающие цельность христианства, поскольку Бог-Отец не мог родить сына без женской божественной субстанции. Мережковский признавал значимость земной Матери Христа, но видел в Ней лишь символ, отсылающий к Небесной Матери, которая одна может восполнить и исполнить Троицу: Троица в Боге начинается и кончается Матерью-Духом» [10].

Примечания

1. *Stammler, H. A. Russian Metapolitics: Merezhkovsky's Religious Understanding of the Historical Process [Text] / H. A. Stammler // California Slavic studies. Berkeley. 1976. № 9. P. 123–138; Bedford, C. H. D. Merezhkovskiy. The Third Testament & the Third Humanity [Text] / C. H. Bedford // The Slavonic & East European Studies, vol. 42. 1963. № 98. P. 140–161; Rosenthal, B. G. D. S. Merezhkovsky and the Silver Age. The Development of a Revolutionary Mentality [Text] / B. G. Rosenthal. Hague, 1975; Vacu-*

льев, В. Е. Метаисториософия Д. С. Мережковского [Электронный ресурс] / В. Е. Васильев. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/vasiljev_ve/guseur_09.html

2. Pachmuss, T. D. S. Merezkovsky in Exile: The Master of the Genre of Biographie Romancee [Текст] / T. Pachmuss // T. Pachmuss (American University Studies Series XII, Slavic Languages and Literature). 1990.

3. Для наиболее характерного примера критики см. Бердяев, Н. Новое христианство (Д. С. Мережковский) [Текст] / Н. Бердяев // Бердяев Н. Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 368.

4. См., например, Брюсов, В. (Аврелий). Чорт и хам [Текст] / В. Брюсов // Весы. 1906. № 3–4.

5. Резюме критических высказываний о доэмигрантском творчестве Мережковского см.: Флорова, А. Н. Проблемы творчества Д. С. Мережковского [Текст] / А. Н. Флорова. М., 1996. С. 43.

6. Минц, З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» [Текст] / З. Г. Минц // Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. М., 1989. С. 10.

7. Stammer, H. Russian Metapolitics: Merezkovsky's Religious Understanding of the Historical Process [Text] / H. Stammer // California Slavic Studies. Berkeley. 1976. № 9. P. 133.

8. В этом смысле показательно противопоставление Мережковским собственной троичной системы мировоззрению Гете, творчество которого в начальный период творчества оказывало на него большое влияние.

9. Мережковский, Д. С. Тайна Трех. Египет и Вавилон [Текст] / Д. С. Мережковский. Прага, 1925. С. 49.

10. Bedford, C. H. Op. cit. P. 161.

А. Ю. Курмелев

АМЕРИКАНСКАЯ «ЧАЙКА». А. П. ЧЕХОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Т. УИЛЬЯМСА

В статье проводится сравнительный анализ пьес «Чайка» А. П. Чехова и «Записная книжка Тригорина» Т. Уильямса с точки зрения своеобразия национальных культурных миров с целью определить, насколько версия американского драматурга близка к оригиналу. Результатом исследования стало подтверждение гипотезы, что Т. Уильямс создал не адаптацию русской пьесы, а самобытное произведение с характерными для американской концептосферы чертами, более понятными американской публике.

The article presents a comparative analysis of two plays: "The Seagull" by A. Chekhov and "The Notebook of Trigorin" by T. Williams (the latter is a free interpretation of the Russian play). The aim of the analysis is to see how the American playwright managed to adjust the Russian play to American reality, to make it closer to American audience. The result shows that Williams created his own original play with ideas typical of his cannon and artistic worldview.

Теннеси Уильямс познакомился с творчеством великого русского прозаика и драматурга А. П. Чехова, влияние традиций которого ощутимо на протяжении всего творческого пути американского драматурга, еще в юности. Он постоянно проводил параллели между своей жизнью и пьесами Чехова: Уильямс рассматривал свою семью как кучку несчастных людей, связанных между собой обстоятельствами и родственными узами и проживающих свою жизнь в постоянном разочаровании.

На вопрос, кто из писателей оказал наибольшее влияние на его жизнь и творчество, Уильямс всегда с уверенностью называл имя А. П. Чехова. Обоих авторов объединяет чувство отчужденности человека, ощущение невозможности взаимного понимания между людьми. Ранние одноактные пьесы американского драматурга напоминают рассказы русского писателя: короткие, не всегда законченные описания жизни героев в поворотный или важный момент их жизни.

Долгое время Теннеси Уильямс вынашивал идею о том, чтобы адаптировать чеховскую «Чайку», которую он считал первой великой современной пьесой, к американской сцене. Писатель полагал, что русской пьесе «никогда не удавалось вырваться из смиренной рубашки перевода...» [1], что необходимо интерпретировать сюжет чеховского произведения для англоязычной публики, чтобы сделать великого русского писателя ближе американским зрителям, которые не особенно знакомы с тайнами загадочной русской души, а малонасыщенная внешними событиями чеховская жизнь человеческого духа может показаться зачастую неинтересной. И, несмотря на то, что к 70-м гг. у Теннеси Уильямса уже были громкое имя и коммерческий успех, драматург не оставил эту идею. Результатом кропотливой работы стала пьеса «Записная книжка Тригорина», воплощение многолетней мечты американского писателя создать собственную интерпретацию пьесы А. П. Чехова «Чайка».

В небольшом предисловии к пьесе – обращении к американским читателям – Теннеси Уильямс четко излагает общий смысл проекта, свои намерения и цель: «Чехов был спокойным и тонким писателем, огромная сила которого всегда удерживалась им в узде. Я знаю, что моя версия может дисквалифицировать меня как "интерпретатора" его первой и самой великой из современных пьес. Но, если я потерплю неудачу, это произойдет вопреки всем моим усилиям, каким-то образом, используя мои собственные особенности как драматурга, сделать Чехова ближе вам (американским зрителям. – А. К.), слышнее для вас, чем это было во всех виденных мною американских постановках. Наш театр должен кричать, чтобы вообще быть услышанным...» [2] (здесь и далее перевод автора статьи).

Интересно, что Уильямс в числе прочих приемов, приближающих русскую пьесу к американскому зрителю, заставил чеховских героев кричать в буквальном смысле. В «Записной книжке Тригорина» появляется сцена скандала между Аркадиной и Тригориным, которая отсутствует в «Чайке» Чехова. К тому же речь в эпизоде идет о том, что успех, «услышенность» целиком зависит от того, сколько шума произведет то или иное событие (в данном случае признание творческой личности, таланта).

Поставив перед собой задачу донести идейное содержание великой русской пьесы до американского зрителя, Уильямс не мог не столкнуться с проблемой передачи не только специфического местного колорита, но и основных концептов русского культурного мира.

Уже в приведенной выше небольшой по объему авторской заметке, представляющей собой своеобразный эпиграф к «Записной книжке Тригорина», Уильямс намечает основное различие между русской классической пьесой и своей версией чеховского произведения. Крик в художественном мире Уильямса воплощает откровенность, прямоту, свойственную не только творчеству американского драматурга, но и для всей американской нации, ее менталитету. В американском мире концепт «directness» (прямота, открытость, откровенность) занимает одно из центральных мест и является одной из главных ценностных ориентаций.

Уильямс, соблюдая, на первый взгляд, флегматичную чеховскую интонацию («люди пьют, едят, говорят, а в это время рушатся их жизни»), постепенно увеличивает напряжение, выводя все, что у Чехова за сценой, на нее. Неопределенности проясняются путем добавления реплик и целых сцен, расставления акцентов. Взаимоотношения между героями у Уильямса конкретизируются: с первых сцен становится ясно, кто к кому испытывает какие чувства, в то время как у Чехова межличностные отношения туманны, и ключ к их пониманию необходимо искать в подтексте. Уильямс избегает общих фраз и философских рассуждений в речах своих героев. Расставляя акценты, конкретизируя тот или иной момент, американский драматург затрагивает проблемы, свойственные его культуре, современной ему действительности. Таким образом, можно говорить о том, что под влиянием типично американской ценностной установки, выраженной в концепте «directness», происходит разрушение чеховского подтекста — определяющей особенности художественного мира русского драматурга.

Преображение чеховского текста нередко происходит совершенно независимо от намерений Уильямса. Это случается там, где в поле зрения попадают исконно русские концепты. Яркий

пример — концепт «усадьба», который в английском переводе приобретает образ «estate» — тоже концепт, но уже американской жизни (в особенности южных штатов). Прочие «переключения» из одной концептосферы в другую связаны с такими ключевыми для русской культуры словами, как «тоска» (у Уильямса «melancholy»), «нахальство» («insolence»), «сглаз» («bad luck»).

Такие основополагающие элементы русской концептосферы, как «душа» и «тоска», в которых, по мнению А. Вежбицкой, раскрываются «в наиболее полной мере особенности русского национального характера» [3], чаще всего вообще уходят из пьесы Уильямса, так как они непонятны ни драматургу, ни американской нации в целом. В связи с исчезновением эпизодов, связанных с размышлениями о душе, из пьесы Уильямса исчезают многие душевные переживания героев, так же, как и чуткое восприятие чужих душевных состояний, которое характерно для русского народа. Например, в центральном для обеих пьес монологе Тригорина о жизни, творчестве, назначении художника русский и американский драматурги делают различные акценты. Тригорин у Чехова размышляет о душевных переживаниях писателя, о его высоком назначении, раскрывает тонкую и лирическую натуру творческого человека, в то время как «американский» Тригорин, выражающий точку зрения самого драматурга, сетует на общественное мнение и материальный успех, которым американская культура измеряет талант художника. Так же и для «американской» Аркадиной важен не процесс творческого созидания, как для героини Чехова, а ее социальная активность, признание, карьерный рост.

В результате в интерпретации Уильямса исчезает лиризм, присущий русской пьесе. Духовность чеховской «Чайки» сводится на нет, а на ее место приходит материализм как одна из центральных ценностных ориентаций американского народа. Для русских же материализм связан с меркантилизмом и вызывает негативное отношение, а нередко и осуждение.

Материализм проявляется в американской пьесе как в отношении к собственности, которое выражено через такой характерный для американского мира концепт, как «private property», так и в межличностных отношениях, вмешивается в чувственную сферу человеческой жизни. Тема протivостояния духовного и плотского начал и преобладания последнего из них проникает в пьесу Уильямса и через то, что физическая близость между влюбленными трактуется здесь как основное проявление их чувств. Персонажи Уильямса, страдающие от неразделенной любви, говорят о физической близости как о наивысшем выражении любви (Полина Андреевна признается своей

дочери в том, что в молодости предлагала себя в знак любви Дорну; Маша, не только желая унижить своего мужа, но и из искренних сердечных чувств, испытываемых к Треплеву, мечтает о физической близости с Константином; Медведенко страстно жаждет именно физического выражения своей любви к супруге и, не скрывая своей ревности, готов пойти даже на крайние меры; недостатком пьесы Треплева, по мнению Нины, является отсутствие любовной сцены («a love scene» – словосочетание, которое точнее было бы перевести как «постельная сцена»), в то время как у Чехова акцентируется чувство, любовь мыслится как способность души и сердца).

Другой аспект, отличающий отношение к жизни персонажей пьесы Уильямса и их русских прототипов, связан с оппозицией «чувство – разум». В «Записной книжке Тригорина» преобладает рационализм, свойственный западному (в частности, американскому) мышлению.

А. В. Сергеева в своей книге «Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность» высказывает мнение, что для русских тяжело перенести свои предчувствия и эмоции в рациональную форму конкретных решений. Они долго и серьезно размышляют над серьезными вопросами бытия, но это не означает, что долгие раздумья приведут к определенным решениям или решительным переменам в жизни. Для иллюстрации данного положения исследователь приводит в качестве примера сюжеты пьес Чехова и отмечает, что они построены именно на этой ментальной особенности русских, что приводит к трудностям восприятия содержания этих произведений представителями других культур. «В течение нескольких часов герои пьесы неизменно страдают, много говорят, пытаются найти выход из неприятной ситуации, в кульминации пьесы – обязательный скандал. В конце концов, герой доведен до истерики, и все зрители ждут развязки. Но нет, увы! Все остается по-прежнему» [4].

Такая жизненная установка определяется А. Вежбицкой как «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена» [5]. Эта пассивность наблюдается в поведении чеховских персонажей и тесно связана с концептами «фатализм», «смирение», «покорность», характерными для русской ментальности. Пассивность русского человека в пьесе Чехова (как и в творчестве в целом) проявляется через концепт «рыбалка», который не является актуальным для американской ментальности. У Уильямса, как и у Чехова, Тригорин удит рыбу, но рассуждения о рыбалке, о медитативном свойстве этого занятия, отсутствуют.

Герои Уильямса, наоборот, активны. В сложных ситуациях русский человек импульсивен, он

может сам довести себя до отчаяния и истерики, но ему трудно решиться на что-то окончательно. При угрозе конфликта он предпочитает не бороться, а уступить. В пьесе Уильямса смирение и фатализм, присущие русской ментальности, заменены западной активностью. Чеховским героям гораздо важнее сохранить нормальные отношения с окружающими людьми, чем вступить с ними в конфликт, даже если при этом страдает справедливость, столь важная для них. В то время как действующие лица американской пьесы готовы на решительные действия ради своего блага («американский» Сорин более категоричен в своем желании жить активной жизнью, чем апатичный герой Чехова, он занимает активную позицию по отношению к судьбе своего племянника – услышав отказ сестры в предоставлении денег Константину, Сорин сам решает любыми путями материально обеспечить его, он готов на решительные действия по отношению к дерзкому поведению Шамраева, в то время как у Чехова он пассивен и беспомощен, и поэтому Дорн называет его «бабой»; «американский» Треплев дерзок и резок не только по отношению к Тригорину, но и без зазрения совести груб с матерью, он не только способен парировать издевки со стороны доктора Дорна, но даже и вызвать его на дуэль из-за неблагоприятных отзывов последнего о Нине; Маша решительно настроена на изменение своего образа жизни, даже если для этого придется действовать вопреки законам морали).

Концепт «решительность», сменивший концепты «смирение», «терпение», изменил идейное содержание размышлений Нины о жизни в последнем действии. Чеховское «уменье терпеть», «умей нести свой крест и веруй» сменились американским «still go on» («продолжай идти, не смотря ни на что»). Здесь также выражена позиция американского драматурга, который был всегда уверен, что нельзя сдаваться, несмотря ни на какие трудности, что необходимо продолжать творить и реализовывать свое призвание.

Чтобы не утратить русский компонент полностью, сохранить национальный колорит, «чуждость» чеховского текста, Уильямс вводит специфические элементы русского быта, которых в оригинале нет. Так число действующих лиц «Записной книжки Тригорина» увеличено за счет введения двух вспомогательных персонажей с типично русскими именами – работники Иван и Саша. Появляются в пьесе Уильямса и такие исконно русские реалии, как самовар и дорожки, обычай присесть и помолиться перед дурагой (у Чехова все эти колоритные детали отсутствуют). В ремарках четвертого действия американский драматург вносит приветствия и ругательства, которые, согласно ремаркам, должны произно-

ситься на русском языке (какие именно – Уильямс предоставляет решать режиссеру, поскольку сам не знал русского языка).

Как представляется, Уильямсу удалось перевести язык «Чайки» на язык его народа, но получился не упрощенный для англоязычной публики вариант, а совершенно новая пьеса. По-видимому, автор чувствовал это. Не случайно он дал своей интерпретации другое название – «Записная книжка Тригорина». Пьеса Уильямса ни в чем не превосходит и ничем не уступает «Чайке» Чехова. Это самобытная оригинальная пьеса, которая стоит в одном ряду со своим русским источником и вдохновителем. Уильямс черпает основные элементы сюжета из чеховского

текста, но переосмысляет их как в духе своей собственной картины мира, так и в духе американской национальной концептосферы.

Примечания

1. Уильямс, Т. Мемуары [Текст] / Т. Уильямс. М.: Подкова, 2001. С. 67.
2. Williams, Tennessee. The Notebook of Trigorin [Text] / Tennessee Williams. New Directions, N.Y., 1997. P. XXIII.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1997. С. 33.
4. Сергеева, А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А. В. Сергеева. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 144.
5. Вежбицкая, А. Указ. соч. С. 34.

А. В. Шабанова

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПОЭМЫ О. УАЙЛЬДА «СФИНКС» В ПЕРЕВОДЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

В статье рассматриваются особенности индивидуальной переводческой манеры Н. С. Гумилева, проявившиеся при передаче внутренней формы поэмы О. Уайльда «Сфинкс», анализируются средства передачи в переводе орнаментального стиля Уайльда, символического содержания произведения.

The article deals with individual style of N. S. Gumilyov as translator of O. Wilde's poem "Sphinx". Means of rendering O. Wilde's ornamental style and symbolism of the poem are considered.

Н. С. Гумилев как тонкий ценитель и знаток западноевропейской литературы не мог не заинтересоваться поэтическим наследием Оскара Уайльда. Поэтов роднило особое отношение к творчеству, осознание своей причастности к «самому священному из существующих искусств» [1]. Оба были неординарными (каждый по-своему) натурами, стремящимися к идеалу и жестко реагирующими на банальность и посредственность. Гумилева привлекала пластичность и музыкальность стихотворной манеры О. Уайльда. Ко времени перевода ряда произведений английского поэта у Гумилева уже были опубликованы несколько сборников собственных стихотворений: «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», подготовлен сборник «Чужое небо», где он выступил как «искатель и обретатель экзотики» [2]. Любитель истории и мифологии, страстный путешественник, он не мог остаться равнодушным к поэме О. Уайльда «Сфинкс». Гумилев сразу же откликнулся на просьбу К. И. Чуковского и перевел произведение «умело и быстро» [3]. В данной статье мы проследим художественную манеру перевода русского поэта и рассмотрим, как он отразил внутреннюю форму поэмы.

Образ Сфинкса явился привлекательным для многих представителей символистского искусства. К. Н. Савельев в своей работе «О. Уайльд и французская литература второй половины XIX века» упоминает, что к образу Сфинкса обращались Г. Моро, Ж.-К. Гюисманс в романе «Наоборот», Ш. Бодлер в сборнике «Цветы зла» [4]. О. В. Ковалева обращает внимание на схожесть интерпретации этого образа у представителя парнасского искусства Т. Готье и О. Уайльда. Работа над поэмой «Сфинкс» (1874-1894) – долгий путь исканий О. Уайльда. За это время О. Уайльд пишет ряд произведений: «Сфинкс без загадки» (1887), «Счастливый принц» (1888), «Портрет Дориана Грея» (1890). Но именно в «Сфинксе» – «парад самоцитат», орнаментальное плетение мотивов создает единое полотно» [5]. Исследуя внутреннюю форму, следует учитывать разнообразие воплощений образа Сфинкса. В поэме автор объединяет разные трактовки. По облику уальдовский Сфинкс близок «греческому типу» – чудовище с лицом и грудью женщины и туловищем льва. По греческой мифологии Сфинкс – порождение стоголового дракона Тифона и Ехидны, но в тексте не упоминается о крыльях, символе вдохновения. Можно предположить, что Уайльд лишает Сфинкса крыльев, чтобы представить его более приземленным, не способным на возвышенные чувства, стремящимся

лишь к утолению плотских страстей. Как и в мифах разных народов, в произведении Сфинкс – это тайна, которую необходимо разгадать. Легендарное чудовище в поэме не несет гибели физической, оно поражает изнутри, будит самые смелые мечты и порочные фантазии. Сфинкс О. Уайльда схож и с «египетским типом». Он своего рода созерцатель, дух-охранитель прошлого, символ разума, знания, молчания и воли. Автор акцентирует внимание на когтях и боках Сфинкса, что характерно для «ассирийского типа», но если у ассирийцев это знаки смелости и труда, то у О. Уайльда – жестокости, свирепой страсти, могучей силы.

Н. С. Гумилев сумел отразить в своем переводе основные особенности произведения. К. И. Чуковский назвал его работу «литературным чудом» [6]. Поэт не использует «размер подлинника», как это сделал А. Дейч. Он разбивает ее на катрены, что более близко русской традиции. Если графически представить двусстишия оригинала в виде катренов, то можно увидеть, что автор применил четырехстопный ямб и опоясывающую рифмовку abba:

In a dim corner of my room	— — — — — — — —
for longer than my fancy thinks	— — — — — — — —
A beautiful and silent Sphinx	— — — — — — — —
has watched me through the shifting gloom [7]	— — — — — — — —

Так же поступает и Гумилев, но переводчик придерживается сочетания мужской и женской рифмы и равномерного использования открытых слогов. При этом он чередует катрены по схеме ЖММЖ / МЖЖМ. Для английского произведения характерно преобладание мужской рифмы и закрытых слогов. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
In a dim corner of my room for longer than my fancy thinks A beautiful and silent Sphinx has watched me through the shifting gloom	В глухом углу, сквозь мрак неясный Угрюмой комнаты моей, Следит за мной так много дней Сфинкс молчаливый и прекрасный
Inviolable and immobile she does not rise she does not stir For silver moons are naught to her and naught to her the suns that reel [8]	Не шевелится, не встает, Недвижный, неприкосновенный, Ему ничто – луны изменной И солнц вращающихся ход [9]

Как в и подлиннике, в переводе Сфинкс предстает как символический образ. Он прекрасен и притягателен своей таинственностью и мощью. «Полуженщина и полужверь» проникает не просто в комнату лирического героя, а в темные глубины его сознания. Она символ его тайных желаний и стремлений. Непреодолимую притягательность Сфинкса автор и переводчик передают с помощью развернутых метафор. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Upon the mat she lies and leers and on the tawny throat of her Flutters the soft and silky fur or ripples to her pointed ears	Она лежит на мате пестром И смотрит пристально на всех, На смуглой шее вьется мех, К ее ушам струится острым
Come forth, my lovely seneschal! so somnolent, so statuesque! Come forth you exquisite grotesque! half woman and half animal!	Ну что же, выступи теперь Вперед, мой сенешаль чудесный! Вперед, вперед, гротеск прелестный, Полужена и полужверь

Вероятно, в связи с невозможностью дословной передачи Гумилев опускает ряд эпитетов. Например, он не использует словосочетание «so somnolent, so statuesque», которое можно перевести как «такой спокойный, такой величественный». Эпитет «exquisite» имеет более сильную экспрессивную окраску и обозначает не просто «прелестный», а «изысканный», «совершенный». Автор и переводчик сравнивают Сфинкса с рысью – прекрасным, но своевольным и опасным животным, порой жестоким в своих проявлениях. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Come forth my lovely languorous Sphinx! and put your head upon my knee! And let me stroke your throat and see your body spotted like the Lynx [10]!	Сфинкс восхитительный и томный, Иди, у ног моих ложись, Я буду гладить, точно рысь – Твой мех пятнистый, мягкий, темный [11]

Следует отметить, что в оригинале, обращаясь к Сфинксу, лирический герой употребляет словосочетание «let me» – «разреши», «позволь». Он испытывает трепет и страх перед неизвестным существом. В восприятии Гумилева непреодолимое желание оказывается сильнее всего. Лирический герой уже не спрашивает разрешения, а сам делает первый шаг навстречу, что воплощается в тексте в виде ярких метафор и сравнений. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
And let me touch those curving claws of yellow ivory and grasp The tail that like a monstrous Asp coils round your heavy velvet paws!	И я коснусь твоих когтей, И я сожму твой хвост проворный, Что обвился, как Аспид черный, Вкруг лапы бархатной твоей

Заметим, что в русском переводе опущено развернутое описание «curving claws of ivory and grasp» – «изогнутые когти цвета слоновой кости» – и введена метафора «твой хвост проворный», чем поэт не искажает смысла, а лишь старается сохранить размер и рифму. Более того, пластика образа и даже динамика его контуров «фиксируется» не столько самой словесной живописью, сколько соположением ассонансов и аллитераций.

Юный герой поэмы, пытаясь разгадать тайны привлекательности древнего Сфинкса, обращается к далекому прошлому. Автор и переводчик снова прибегают к яркому стилистическому приему – развернутой метафоре. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
A thousand weary centuries are thine while I have hardly seen Some twenty summers cast their green for Autumn's gaudy liveries	Столетий счет тебе был веден, Меж тем как я едва видал, Как двадцать раз мой сад менял На золотые ризы зелень

Гумилеву удается отразить декоративность стиля О. Уайльда, который проявляется в обилии мифологических образов, названий экзотических растений и животных, что лишь усиливает «внешний эффект пышного величия» [12]. Переводчик передает нарочитое смешивание древнегреческой и древнеегипетской мифологий. В один ряд встают образы царицы Клеопатры и проконсула Антония, греческой Ио и египетской Изиды, Антиноя и Осириса, римского императора Адриана, египетского бога мудрости и правосудия Тота, царя эфиопов Мемнона, Афродиты и Адониса, Аменалка, бога Солнца Амона, финикийской богини Астарты. В поэме упоминается о культе почитания животных и звероподобных богов: священного быка Аписа, Пашт, богини с головой кошки, морского чудовища Левиафана, Химеры, священного Ибиса – символа Тота. Помимо этого в общую канву влетают отголоски событий, описываемых в Библии. Из Ветхого Завета – упоминание о реках Авана и Фарфар. Только в одном эпизоде Сфинкс играет положительную роль, когда автор и переводчик повествуют о Деве Назаретской со Святым Младенцем – сюжете из Нового Завета. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Sing to me of the Jewish maid who wandered with the Holy Child, And how you led them through the wild, and how they slept beneath your shade [13]	Как со Святым Младенцем шла С равнины Дева назаретской; Ведь ты хранила сон их детский И по пустыням их вела [14]

Сфинкс оказывается «символом глубинной связи прошлого с настоящим», к тому же он сам – «реализация сочетаемости человеческих, животных и мифических существ», и в этом его тайна [15]. Гумилев, так же как и О. Уайльд, делает акцент на магической силе женственности. Сфинкс дарует свободу или делает рабом, открывает тайны радости или награждает муками творчества.

Следует обратить внимание на способы передачи динамичности в произведении. О. Уайльд считал, что «движение... может быть передано одной Литературой. Она одна показывает нам тело в его стремительности и душу в ее беспокойстве» [16]. Поэма «Сфинкс» априори должна бы толковать о статике. Ведь мощный облик его на памяти каждого. Однако мастерство Уайльда, а вслед за ним и Н. Гумилева в том и состоит, что образ Сфинкса создается рядом приемов, сочетающих словесное живописание с выразительным аллитерационным рисунком и инверсионностью синтаксиса. Так, Гумилев старается по возможности акцентировать многочисленные инверсии, повторы союзов «and» и «or» в начале почти каждой строфы. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
<i>And</i> the great torpid crocodile within the tank shed slimy tears, <i>And</i> tare the jewels from his ears and staggered back into the Nile [17]	И плакал в вязком водоеме Огромный, сонный крокодил И , сбросив ожерелья, в Нил Вернулся в тягостной истоме [18]
<i>Or</i> had you shameful secret quests and did you harry to your home... [19]	Иль были у тебя ночами Желанья тайные, и в плен... [20]
<i>Or</i> did you treading through the froth call to the brown Sidonian...	Иль ты бежала в пене вод К Сидонцу смуглому, заранее...
<i>Or</i> did you when the sun was set climb up the cactus-covered slope...	Иль ты, когда уж солнце село, Прокрадывалась в мрак тущоб...

Порой одно предложение составляет несколько строф. Данный прием замедляет повествование, вносит нагнетающий оттенок Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Ten hundred shaven priests did bow to Ammon's altar day and night, Ten hundred lamps did wave their light through Ammon's carven house and now	Пятьсот жрецов хранили дверь, Пятьсот других молились, стоя, Пред алтарем его покоя Гранитного, – и вот, теперь
Foul snake and speckled adder with their young ones crawl from stone to stone For ruined is the house and prone the great rose-marble monolith [21]!	Ехидны ползают открыто Среди поверженных колонн, А дом разрушен, и склонен Надменный мрамор монолита [22]

Ритмические повторы и перепады интонации, «нанизывание уподоблений» способствуют экспрессивному нарастанию атмосферы тревоги, страха или даже отчаяния. Переводчик сумел талантливо показать, что Сфинкс воплотил в себе все загадки человеческой души. Он олицетворяет не только красоту, но и уродство, а также способен вызвать отвращение. Он становится олицетворением чувственных наслаждений, порочных страстей, которые способны завладеть человеком, поработить его волю. Лирический герой не способен бороться с собой. Гумилев передает яркий контраст в облике Сфинкса в начале и в конце поэмы, используя метафоры, эпитеты, позволяющие создать емкий образ, основанный на ярких и смелых ассоциациях. Если вначале перед нами «Сфинкс молчаливый и прекрасный» («a beautiful and silent Sphinx») [23], то затем «тайна, мерзкая вдвойне», «пес ненавистный» («loathsome mystery», «hideous animal») [24]. Он вызывает утонченные и в некотором роде изощренные переживания, которые с «жаждой чуда» пробуждают «мысли скотские» («You wake in me each bestial sense...») [25]. Для той же цели служат и сравнения. Гумилев передает от простых до живописных, детализированных сравнений. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Your eyes are like fantastic moons that shiver in some stagnant lake, Your tongue is like a scarlet snake that dances to fantastic tunes,	Твои глаза страшны, как луны, Дрожащие на дне ручья, Язык твой красен, как змея, Которую тревожат струны.
Your pulse makes poisonous melodies, and your black throat is like the hole Left by some torch or burning coal on Saracenic tapestries [26]	Твой рот, как черная дыра, Что факел или уголь красный Прожег на пестроте прекрасной Месопотамского ковра [27]

В ряде строф, где в центре внимания оказывается лирический герой, в переводе Гумилева заметна экспрессивная окраска личных и притяжательных местоимений. Их употребление придает речи оттенок взволнованности, искренности.

Все тропы и риторические фигуры, разнообразие воплощений образа Сфинкса помогают Гумилеву показать мучительное недовольство лирического героя собой, горечь из-за покорности страстям, крик души. В конце поэмы герой заявляет о своем желании очиститься, остаться «пред крестом» (в оригинале перед распятием – «leave me to my crucifix») [28]. В последнем катрене возникает ярчайшая деталь – «утомленные скорбью глаза» Спасителя. Ср.:

О. Уайльд	Н. С. Гумилев
Whose pallid burden, sick with pain, watches the world with wearied eyes, And weeps for every soul that dies, and weeps for every soul in vain	Где слезы льются незаметно Из утомленных скорбью глаз, Они оплакивают нас И всех оплакивают тщетно

Таким образом, Н. С. Гумилев смог раскрыть внутреннюю форму поэмы О. Уайльда «Сфинкс», раскрыть индивидуальный стиль автора. В переводе отражены принцип декоративности, орнаментальность с ее знаковой природой, способы раскрытия образной системы и глубина лирических переживаний.

Примечания

1. Чуковский, К. И. Воспоминания о Н. С. Гумилеве [Текст] / К. И. Чуковский // Н. С. Гумилев: pro et contra / сост. Ю. В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 1995. С. 299.
2. Айхенвальд, Ю. И. Гумилев [Текст] / Ю. И. Айхенвальд // Н. С. Гумилев: pro et contra / сост. Ю. В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 1995. С. 491.
3. Чуковский, К. И. Указ. соч. С. 287.
4. Савельев, К. Н. О. Уайльд и французская литература второй половины XIX века [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Н. Савельев. М., 1995. С. 12.
5. Ковалева О. В. О. Уайльд и стиль модерн [Текст] / О. В. Ковалева. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 99.
6. Баскер, М. Николай Гумилев и Оскар Уайльд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev.ru>
7. Уайльд, О. Стихи [Текст]: сборник / О. Уайльд; сост. К. Атарова. М.: Радуга, 2004. С. 171.
8. Там же. С. 171.
9. Там же. С. 170.
10. Там же. С. 173.
11. Там же. С. 172.
12. Савельев, К. Н. Указ. соч. С. 13.
13. Уайльд, О. Указ. соч. С. 174.
14. Там же. С. 175.
15. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы: Сфинкс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
16. Уайльд, О. Критик как художник [Текст] / О. Уайльд // Избр. произв. Т. 2, 1993. С. 283.
17. Там же. С. 176.
18. Там же. С. 177.
19. Там же. С. 178.
20. Там же. С. 179.
21. Там же. С. 188.
22. Там же. С. 189.
23. Там же. С. 170-171.
24. Там же. С. 190-191.
25. Там же. С. 196-197.
26. Там же. С. 194.
27. Там же. С. 195.
28. Там же. С. 198-199.

Д. Н. Черниговский

**А. В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС
ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДАХ ПУШКИНА**

В статье рассмотрена реконструкция политического мировоззрения Пушкина, сделанная автором лучшей из написанных в эмиграции биографий великого поэта.

In the article is considered reconstruction of Pushkin's political outlook, made by the author of best of the biographies of the great poet written in emigration.

А. В. Тыркова-Вильямс (1869–1962) является одной из интереснейших фигур русской эмиграции первой волны. С молодых лет она находилась в самой гуще политической борьбы в России, а после революции, оказавшись в эмиграции, продолжила политическую деятельность, сочетая ее с интенсивной литературной, научной и публицистической работой [1].

Наиболее значительным научно-литературным достижением писательницы является двухтомная биография А. С. Пушкина, над которой она работала около 30 лет. Первый том этой книги вышел в 1929, а второй в 1948 г. Особенность данного издания заключается, во-первых, в том, что оно представляет собой самое полное из созданных в эмиграции жизнеописаний великого поэта, а во-вторых, в том, что опубликовано оно было на русском языке. Последнее обстоятельство представляется нам не менее важным, чем первое, поскольку предшествующие биографические книги о Пушкине, написанные эмигрантами кн. Д. П. Святополк-Мирским и М. А. Гофманом, были выпущены соответственно на английском и французском языках и были рассчитаны не столько на русскую, сколько на иностранную аудиторию [2].

Задача Тырковой-Вильямс была иной. Она желала, чтобы русские люди на чужбине, храня в сердце память о Пушкине, сберегли духовную связь с покинутой Родиной. Именно поэтому, живя в Лондоне, а в 40-е гг. в США, писательница напечатала оба тома своей книги в Париже, который тогда являлся культурным центром русской эмиграции.

Книга Тырковой-Вильямс, безусловно, нуждается в серьезном и многоаспектном анализе, так как автор ее выступила не только в качестве популяризатора академических знаний о Пушкине, но и выдвинула ряд интересных гипотез, касающихся творческой эволюции великого поэта. Заслуживает внимания и стиль данной пушкинской биографии, по словам О. Михайлова,

«написанной раскованно и свободно, великолепным живым языком» [3]. Однако узкие рамки этой небольшой статьи позволяют нам обратиться лишь к одному, но очень важному аспекту содержания биографического двухтомника. Речь идет о реконструкции писательницей политического мировоззрения Пушкина.

С конца 20-х и в 30-е гг., в преддверии столетнего пушкинского юбилея, между пушкинистами Советского Союза и русского зарубежья началась идеологическая борьба за Пушкина. В СССР он был объявлен великим национальным поэтом, поскольку будто бы был революционером и безбожником. Эмигранты подготовили адекватный ответ, ударившись в иную крайность, объявив Пушкина религиозным писателем и верным другом монархии. И только наиболее крупные мыслители в эмиграции – И. А. Ильин, Г. П. Федотов, С. А. Франк [4] – нашли золотую середину, вспомнив мнение кн. П. А. Вяземского, определившего политическое мировоззрение Пушкина как «либеральный консерватизм» [5].

Тыркова-Вильямс поддержала религиозных философов: развернув их сухие теоретические выкладки на страницах своей книги и как бы наполнив их жизнью, она сделала их доступными для самого широкого читателя.

Итак, обратимся к анализу политического аспекта пушкинской биографии в интерпретации Тырковой-Вильямс, поскольку сюжетнообразующей канвой этого труда явилась именно эволюция политического мировоззрения великого поэта. На этот факт указал еще в 1934 г. Д. Д. Благой, познакомившийся тогда еще только с первым томом книги.

Благой, отметив ряд фактических ошибок и стилистических погрешностей в этом труде, все же отдал должное его концептуальности: «Однако есть в работе Тырковой-Вильямс одно неотъемлемое достоинство. У автора есть своя концепция Пушкина как культурно-исторического явления. Пушкин для Тырковой – литературный эквивалент предельной мощи “русской государственности”, участник и пособник “роста империи”, “переживавшей”, по утверждению автора, “в конце 10-х и начале 20-х гг.”, до “роковой трещины 14 декабря”, “последние счастливые годы национального единства, всеобщей веры в Россию”: “Непрерывный рост его гения совпал с ростом империи, с расцветом всенародного русского творчества, государственного и художественного. Еще в лице стал он действительной частью этого процесса”. Концепция эта насквозь произвольна, отражает не подлинную историческую сущность Пушкина, а тоску по “могучей” “великой российской империи”, не расколотой революционной “трещиной”, русских эмигрантов 1929 г... Но все же именно наличие некоей общей

концепции – какой бы куцой, антиисторичной и узко-тенденциозной она ни была – позволило Ариадне Тырковой отважиться на попытку написания большой биографии Пушкина» [6].

Хотя Благой сформулировал концепцию пушкинской биографии, написанной Тырковой-Вильямс, опираясь только на первый том этого труда, формулировка его оказалась справедливой и для всей книги в целом. Однако нам представляется необходимым конкретизировать и уточнить данную советским ученым оценку политической концепции данного пушкинского жизнеописания с учетом содержания второго тома книги.

Прежде всего надо сказать о том, какова была политическая платформа самой Тырковой-Вильямс. Этот вопрос был изучен О. Н. Михайловым [7], согласно которому автор пушкинской биографии до революции проделала сложный путь от поверхностного увлечения марксизмом до серьезного усвоения кадетской идеологии. Однако уже в годы гражданской войны Тыркова-Вильямс переживает «окончательный приступ разочарования в либеральных иллюзиях» [8]. В эмиграции она порывает с кадетами, а в период работы над книгой является консервативно и религиозно настроенным человеком.

Концепцию политической биографии Пушкина Тыркова-Вильямс позаимствовала у П. В. Анненкова, на труды которого она, судя по сноскам и библиографическому списку, опиралась очень широко. Д. Д. Благой не обратил на это обстоятельство никакого внимания потому, что рецензируемая книга рассматривалась им в качестве враждебного идеологического продукта, исходившего из современной ему эмигрантской среды. Кроме того, ссылки на Анненкова появились только во втором томе данной пушкинской биографии.

Тыркова-Вильямс начинает анализ политических взглядов Пушкина, описывая его последицейскую жизнь в Петербурге. По мнению исследовательницы, поэт в то время был близок к декабристам, в связи с чем она называет его «якобинцем, или либералистом» [9]. Анализируя пушкинскую политическую лирику конца 1810-х гг., Тыркова-Вильямс делает следующий вывод: «В посланиях Чаадаеву, в “Вольности”, в “Деревне”, в эпиграммах он высказал политическую идеологию передовой интеллигенции» (т. 1, с. 219–220).

Вместе с тем Тыркова-Вильямс не считает Пушкина идейным борцом с самодержавием, подчеркивая то обстоятельство, что поэт не был членом тайных обществ (т. 1, с. 218). Политическую платформу молодого Пушкина исследовательница обуславливает духом времени и пишет о том, что великий поэт «и в Петербурге, и поз-

же на юге, жил в самой гуще заговорщиков», «дружеское общение» с которыми «не могло пройти бесследно ни для него, ни для них» (Там же). Самого царя-реформатора она называет «первым декабристом» (т. 1, с. 207), замечая, что таковым он был «задолго до образования тайного общества» (т. 1, с. 213–214). В такой атмосфере революционность Пушкина выглядит неорганичной, привнесенной извне. Во втором томе биографии Тыркова-Вильямс, очевидно, учтя опыт Милюкова и религиозных философов, называет Пушкина «Эоловой арфой либерализма» (т. 2, с. 123). Иначе говоря, по мнению Тырковой-Вильямс, Пушкин не был декабристом, но был певцом декабристов.

В начале южной ссылки Пушкин был еще во власти либеральных иллюзий. Он, будучи «лично знаком с самыми видными заговорщиками, знал их мысли, перековал их идеи в стихи, за которые раньше всех пострадал» (т. 1, с. 252). Однако в революционных увлечениях поэт не перешел заветной черты, сумев остаться «на краю» (Там же). Более того, по замечанию Тырковой-Вильямс, «вечно работающий мозг Пушкина раньше многих понял ошибочность крайних программ, а может быть, и революционных методов» (с. 253). Следуя за Анненковым, Тыркова-Вильямс касается, правда, очень бегло, вопроса об идейном кризисе, который Пушкин пережил на юге.

В результате южной ссылки, как полагает биограф, у Пушкина сложилось зрелое политическое мировоззрение. Вот как выглядит в кратком изложении Тырковой-Вильямс эволюция этого мировоззрения к моменту окончания ссылки в Михайловское: «Ощущение государства как живого организма окрепло у Пушкина на юге среди вновь завоеванных просторных областей, где чуткий слух поэта с восторгом ловил державный шелест российских знамен. Впервые услышал он этот шелест отроком, в Царском Селе, когда русские полки один за другим уходили на запад защищать русскую землю от вторгнувшихся в нее наполеоновских полчищ. Позже отвлеченные речи Чаадаева, Николая Тургенева и других членов “общества умных” заглушили песни знаменосцев. Но только на время. Стоило ему побывать на Кавказе, послушать Раевского-отца, всмотреться в русское дело в Бессарабии, и сразу в его стихах зазвучали державные ноты. В псковской глуши, слушая няню и певцов, приглядываясь к жизни мужиков, читая летописи, воссоздавая один из труднейших переломных моментов русской истории, Пушкин снова ощутил живую силу русской державы и нашел для нее выражение в “Годунове”. С тех пор и до конца жизни он в мыслях не отделял себя от империи. Оттого и Петру поклонялся. В “Полтаве”, в

«Медном всаднике» тоже шелест державных знамен» (т. 2, с. 91–92).

Однако в понимании Тырковой-Вильямс великодержавным патриотизмом не ограничивалась сущность пушкинского политического мировоззрения. Для того чтобы придать характеристике общественно-политических взглядов поэта законченный вид, исследовательница воспользовалась выражением кн. П. А. Вяземского, назвавшего Пушкина «либеральным консерватором, а не разрушающим либералом» (т. 2, с. 123). Возможно, что эта ссылка на Вяземского – след знакомства Тырковой-Вильямс с работами Милюкова и религиозных философов – И. А. Ильина, Г. П. Федотова и С. Л. Франка, так как в первом томе биографии этот термин, ставший у эмигрантов популярным в дни пушкинского юбилея 1937 г., не использовался. Заметим, однако, что в библиографическом списке труды названных авторов Тыркова-Вильямс не указывает, что не означает, что она не была с ними знакома. Так, например, она, по ее собственному признанию, прочла книгу о Пушкине кн. Д. П. Святополк-Мирского, но, будучи несогласной с его взглядом на великого поэта, не включила ее в библиографический перечень (с. 424).

Итак, Пушкин Тырковой-Вильямс – это либеральный консерватор, вся творческая деятельность которого определяется идеей российской великодержавности. С этих позиций биограф и рассматривает своего героя во втором томе книги. В этом смысле звеньями единой цепи являются «его новый шекспировский подход к декабрьской трагедии» (т. 2, с. 137) и встреча с царем в Кремле, после которой «он вышел из царского кабинета с веселым счастливым лицом» (Там же, с. 145) и его поддержка политики правительства по отношению к польскому восстанию. Одним словом, можно сказать, что, по мнению биографа, зрелый Пушкин был полностью адекватен политической реальности 1830-х гг. Однако Тыркова-Вильямс далека от того, чтобы рисовать отношения поэта и царя в розовом свете. Трагедия Пушкина заключалась в том, что «не только правительство, но даже и друзья не понимали, что... поэт не колебал основ, а был могучим источником русской творческой великодержавной силы» (Там же, с. 92). Мысль эта принадлежала еще Анненкову, и Тыркова-Вильямс, сославшись на первого пушкиниста, пишет: «Анненков объяснял это непонимание отчасти тем, что порывистая, страстная натура поэта сбивала многих с толку. За внешними вспышками окружающие просмотрели его духовную ясность и мудрость» (Там же).

Здесь, однако, в системе рассуждений автора мы видим некоторое противоречие. Заключается оно в том, что Тыркова-Вильямс, объявив Пуш-

кина либеральным консерватором, анализирует политическое мировоззрение поэта с явным акцентом на пушкинском консерватизме, игнорируя характер и качество пушкинского либерализма. Во втором томе биографии эта тенденция стала особенно очевидной, что дало повод М. М. Карповичу, в целом положительно оценившему труд исследовательницы, упрекнуть ее в этом: «А. В. Тыркова совершенно права, возражая против “революционной” интерпретации политических и историософских взглядов Пушкина, но иногда она сама несколько “стилизует” их – в противоположном направлении» [10].

Завершая анализ книги Тырковой-Вильямс, признаем, что она явилась весьма полезным для эмигрантов пособием по изучению жизни Пушкина [11]. Однако в плане разработки концепции эволюции пушкинского политического мировоззрения биография оказалась вторичной и даже архаичной, поскольку в ней не было учтено большое количество работ по данному вопросу, написанных после Анненкова, на труды которого главным образом опирается исследовательница. Не удивительно поэтому, что, по справедливому замечанию О. Михайлова, «эмигрантские специалисты пушкиноведения – от Владислава Ходасевича до Модеста Гофмана – промолчали, “не заметив” книги» [12].

Но оценка современников оказалась слишком несправедливой, и вопреки ей книга Тырковой-Вильямс обрела второе дыхание в наши дни в России, будучи дважды переиздана в серии «Жизнь замечательных людей» в 1998 и 1999 гг.

Примечания

1. Михайлов, О. Н. «Два чувства дивно близки нам...» (Об А. В. Тырковой-Вильямс) [Текст] / О. Н. Михайлов // Тыркова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 7–26.
2. Mirsky, D. S. Pushkin [Текст] / D. S. Mirsky. London; New York, 1926; Hofmann, M. Pouchkine [Текст] / M. Hofmann. Paris, 1931.
3. Михайлов, О. Н. Указ соч. С. 25.
4. Ильин, И. А. Пророческое призвание Пушкина [Текст] / И. А. Ильин // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 328–355; Федотов, Г. П. Певец свободы и империи [Текст] / Г. П. Федотов // Указ. изд. С. 356–375; Франк, С. Л. Пушкин как политический мыслитель [Текст] / С. Л. Франк // Указ. изд. С. 396–422.
5. Вяземский, П. А. Приписка к статье «Цыганы, поэма Пушкина» [Текст] / П. А. Вяземский // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 120–121.
6. Благой, Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина [Текст] / Д. Д. Благой // Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 264.
7. Михайлов, О. Н. Указ соч. С. 8–25.
8. Там же. С. 17.
9. Тыркова-Вильямс, А. В. Жизнь Пушкина [Текст] / А. В. Тыркова-Вильямс: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 182. Далее ссылки в тексте с указанием тома и страницы.

10. Карпович, М. М. Ариадна Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина [Текст] / М. М. Карпович // Новый журнал. 1950. Кн. 23. С. 303.

11. См.: Бродский, Б. А. Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина [Текст] / Б. А. Бродский // Руль. Берлин. 1929. № 2733. С. 5; Пильский, П. М. Пушкин. О новой книге Ариадны Тырковой-Вильямс [Текст] / П. М. Пильский // Сегодня. Рига. 1929. № 151. С. 4; Раевский, Г. Жизнь Пушкина [Текст] / Г. Раевский // Возрождение. Париж. 1929. № 1416. 18 апр. С. 3.

12. Михайлов, О. Н. Цит. соч. С. 25.

А. М. Раскова

ГЕРТРУДА СТАЙН: ПОЭТИКА АВТОБИОГРАФИЗМА

Цель настоящей статьи – проанализировать связь поэтики автобиографий Г. Стайн («Автобиографии Элис Б. Токлас» и «Автобиографии каждого») с проблемой автобиографизма. Особое внимание уделяется принципам построения текста, разбору перспектив, которые дает подобный анализ для определения места автобиографий Стайн в контексте жанровой парадигмы.

The article gives the analysis of the link between the poetics of G. Stein's autobiographies (Autobiography of Alice B. Toklas, Everybody's Autobiography) and the problematics of autobiographism. The author especially concentrates on the the principles of text structuring, and perspectives' examination, which are given by this analysis for the purpose of defining the place of an autobiography in the context of the genre's paradigm.

На протяжении всей творческой карьеры Гертруда Стайн исповедовала теоретические принципы, которые, казалось бы, исключают из поля своего применения автобиографический жанр. И действительно, отрицание идентичности, борьба с припоминаниями, воссоздание «длежащего настоящего», на первый взгляд, противоречат канонам традиционной автобиографии. Биография кого-либо им самим написанная, а именно так часто понимают автобиографическую матрицу, с трудом накладывается на творческую задачу воспроизвести непрерывность движения в настоящем времени, отказавшись от воспоминаний, самовыражения, изображения. Однако именно автобиографии становятся для Стайн предметом особого поиска. Стремясь преодолеть «сопротивление материала», не изменив при этом собственным убеждениям, она пишет автобиографию за автобиографией, создав в итоге четыре произведения: «Автобиографию Элис Б. Токлас», «Автобиографию каждого», «Войны, которые я видела» и «Париж. Франция».

Каждое из них по-своему решает проблему объективной репрезентации. Стайн вновь обращается к поиску художественной формы отлич-

ной от прямого описания и обнаруживает, что именно автобиографический жанр парадоксальным образом несет в себе возможность реализации проекта её письма. Особым значением в этом контексте обладают две первые автобиографии Гертруды Стайн: «Автобиография Элис Б. Токлас» и «Автобиография каждого». Разные в отношении использованных в них текстовых стратегий, они стали материалом, на котором Стайн отшлифовала свою теорию повествования.

«Автобиография Элис Б. Токлас» написана от лица верного друга и соратника Гертруды Стайн – Элис Токлас. Строго говоря, это произведение нарушает главный канон традиционной автобиографии: совпадение в одном лице автора и субъекта повествования.

Для Стайн-автора рассказчик Токлас – это «Другой в себе», вечное чередование внешней и внутренней точек зрения. Фигура неопределенности и есть необходимое условие возникновения подлинной автобиографии. Стайн прекрасно осознает, что автобиографический жанр предполагает зеркальное удвоение «я», но такое удвоение лишь имитирует реальные взаимоотношения повествователя и героя рассказа. Прием, который использует автор, вводя в свое повествование фигуру реального Другого – Токлас, усиливает эффект двойственности, но, поскольку субъект и объект автобиографического повествования получают воплощение в двух разных лицах, создается эффект историчности, как если бы сторонний наблюдатель рассказывал историю какого-то человека. Кроме того, повествование от чужого имени добавляет автобиографии иллюзию объективности. Создается ощущение правдоподобия, как если бы это было биографическое, фактуальное повествование.

«Автобиография Элис Б. Токлас» действительно в большей степени напоминает биографию, чем автобиографию – историю Стайн, рассказанную Токлас. В психологическом аспекте это и в самом деле могло бы быть так. Токлас была настолько поглощена Стайн, ее жизнью и интересами, что если бы она действительно написала эту автобиографию, то, скорее всего, в центре повествования все равно оказалась бы Гертруда, как если бы это была ее биография в чистом виде.

Стайн решает воссоздать в повествовании сознание Другого, чтобы таким образом выйти за пределы собственной истории, временной последовательности и хронологии. В «Трансатлантическом Интервью» [1] автор призналась, что, начав писать «Автобиографию Элис», она сделала для себя открытие: повествование – это не то, что существует в вашем сознании, а то, что существует в сознании кого-то другого. Шекспир осуществил своего рода «перевод» на язык

другого, именно поэтому его сонеты такие гладкие. В «Автобиографии Эллис Б. Токлас» Стайн предприняла нечто похожее. Введя в повествование третье лицо, она достигла чистой нарративности. Низведя себя, с одной стороны, до уровня персонажа, историю, которого рассказывает условный повествователь (чья условность лишней раз подчеркнута исторической реальностью фигуры Элис), Стайн, с другой стороны, утверждает себя в иной ипостаси – авторской. Она создает произведение, живущее собственной жизнью. Личное время Гертруды Стайн, полное историй и припоминаний, замещается историческим временем рассказчика – Токлас, которое в свою очередь, благодаря своей условности, превращается в чистое время повествования.

Стайн мастерски смешивает биографию, автобиографию и повествование от третьего лица. Вскрывая принципы работы этих жанров, писательница обнаруживает их невидимые связи. Введя в повествование фигуру Элис Токлас, она получила возможность следовать собственным творческим принципам. «Автобиография» не связана с нарциссическим желанием раскрыть в тексте собственное «я». Писать от лица Элис означало для Стайн отказаться от последовательности собственной индивидуальности, выйти за пределы собственной истории и хронологии. Не стоит забывать, что автор «Автобиографии Элис Б. Токлас» – это Гертруда Стайн, то, что о себе она говорит голосом Эллис, лишь подчеркивает ее желание быть чуть более убедительной и правдоподобной.

В «Автобиография каждого» все гораздо менее очевидно. На первый взгляд, этот текст кажется вполне каноническим. И действительно, с формальной точки зрения соответствует классической формуле автобиографии, предложенной Ф. Леженом. Напомним, что, согласно его модели, автор автобиографии должен совпадать с рассказчиком, который тождествен персонажу, совпадающему с автором. Развивая логику Лежена, Ж. Женетт предложил несколько схем, описывающих взаимоотношения трех сторон (автора, повествователя и персонажа соответственно) [2]. Анализируя эти связи, он пришел к выводу, что в определении характера повествования соотношение автора и рассказчика, без сомнения, является решающим, однако эти отношения не всегда ярко выражены и чаще всего выявляются только при помощи других нарративных характеристик. Повествование от первого лица может принимать форму вымысла (гомодиегетический вымысел, гетеродиегетическая автобиография, автовымысел), а может оставаться правдивой историей (каноническая автобиография, историческое повествование), и значит, утверждение «Я Гертруда Стайн» не всегда явля-

ется достаточным основанием для отнесения текста к какому-либо из этих типов.

Гораздо важнее обозначить объем знания, которым владеют в тексте рассказчик и персонаж, иными словами, найти для повествователя степень дистанцированности от рассказываемого. Фокализация, а именно так обозначает Женетт возможность излагать что-либо с той или иной точки зрения, определяет перспективу, «глубину резкости» повествовательного кадра. Для канонической автобиографии характерна внутренняя фокализация – точка зрения персонажа находящегося внутри истории. Однако пишущий автобиографию может ограничить степень своей осведомленности, подчеркнув, таким образом, дистанцию между собой теперешним и тем, кем был какое-то время назад.

В «Автобиографии каждого» Гертруда Стайн решает этот вопрос механистически. Со страниц книги она неоднократно замечает, что в настоящий момент еще не наступило время говорить о том-то и том-то, или же подчеркивает, что тогда ей не могло быть известно того, что она знает сейчас, поэтому и рассуждать об этом пока не стоит. Вот характерный пример: «Сейчас в этой книге мы пока еще не в Америке, пока еще нет, так что пока мы еще не можем говорить о возвращении» [3]. Смещая фокус, расширяя угол зрения, Стайн обнажает дистанцию, которая существует между пишущим сейчас автором – рассказчиком и предметом его изображения – «я» существовавшим когда-то. Она превращает повествование в свободное течение времени-письма. Так возникает длающееся настоящее, о котором Гертруда Стайн рассуждала в своих теоретических работах. Такое время не предполагает обязательной последовательности. Оно может, кружиться, сгущаться и разреживаться, ускоряться и замедляться. Персонаж выходит из зоны фокуса, его история стирается. Вместо линейного и последовательного изложения событий, обусловленного, как правило, самим автобиографическим жанром, возникает калейдоскопическая смена лиц и картин – вот сейчас мы в Париже, а строкой ниже уже в Испании, вот речь идет о пуделе Баскете, а вот о Пабло Пикассо. Главное это внутренняя логика развития повествования. Недаром Стайн, подчеркивает – «в этой книге».

Отказавшись от внутренней фокализации, Гертруда Стайн смогла обойти еще одну жанровую ловушку. Пространство устремленной в бесконечность перспективы, приближает автора к чистой нарративности с характерными для неё нулевой фокализацией и всезнающим автором-повествователем. Вместо развертывания собственной индивидуальности, раскрытия собственного я, Стайн вплотную подходит к литературе в том виде, в котором она её понимает. Историю она

превращает в художественную конструкцию. Вместо сложного портрета, построенного на психологии и воспоминаниях, Стайн создает абстрактный артефакт. И действительно, несмотря на то, что «Автобиография каждого» изобилует фактами из жизни автора, в ней, тем не менее, сохраняется особая форма безличности. Даже название отсылает нас не к конкретному человеку, а к абстрактному любому, каждому. «Элис Б. Токлас написала свою а теперь каждый напишет свою», – так начинает Стайн свою книгу. Далее текст начинает буквально кружить вокруг обобщений, имеющих в основе нагромождения так называемые неопределенные квантификаторы (anything, everybody, nothing). «Ничто не должно выглядеть как ничто» [4], «Что-то пугает меня, что-то пугает кого-то но потом когда осознаешь как все опасно ничто не пугает» [5]. Каждый эпизод биографии, рассказанный Стайн, начинается или завершается подобными обобщениями. Принцип, на котором строится текст, напоминает организацию научного дискурса. За тезисом следует доказательство, а любой описанный случай служит иллюстрацией общего положения. Ширли Ньюман, автор ряда исследований, посвященных проблеме автобиографизма, замечает, что «Стайн моделирует техники научного наблюдения, которые отвечают потребностям её лишенной темпоральности литературы» [6]. Наукообразность становится очередным инструментом в передаче истинного знания. Модель исследования, взятая за основу в «Автобиографии каждого», позволяет автору апеллировать напрямую к «человеческому разуму» (human mind), лишенному памяти, идентичности. Появляется еще одна перспектива, угол зрения смещается. Теперь повествование становится «объективным» и концентрируется вокруг наблюдений извне. Возникает внешняя фокализация. По определению И. Ильина, она «обозначает взгляд того, на что или на кого направлен взгляд повествователя» [7]. Читатель при этом не допускается к знанию мыслей или чувств героя. Поступки и действия не объясняются, а просто предлагаются вниманию. Мы следим за фактами, лишенными психологического напряжения. Так было – вот Стайн позирует Пикассо, а вот принимает гостей в загородном доме. Рассказчик лишь линза, которая помогает нам разглядеть произошедшее. Рождается текст, который в известном смысле является посторонним автору, противостоит ему и его собственному, личностному дискурсу. Иллюзия объективности, с одной стороны, добавляет «Автобиографии каждого» убедительности и правдоподобности, с другой стороны, подчеркивает её литературность, нарративность. Если в «Автобиографии Элис Б. Токлас» Стайн воссоздает сознание другого,

друга и компаньона Элис, то в «Автобиографии каждого» она воспроизводит точку зрения внешнюю по отношению к себе. Автор не придает форму прошлым переживаниям, а участвует в динамичном процессе становления в настоящем. Это и есть становление Другим. Литература возникает тогда, когда внутри автора рождается третье лицо, лишаящее его силы говорить «я». Писать – это не значит рассказывать воспоминания, а участвовать в процессе бесконечного становления, которое заставляет язык писателя изменяться, перерождаться. Появляется новый синтаксис, новая пунктуация. Как заметил в своей работе «Критика и клиника» Ж. Делез, литература «вычерчивает» внутри себя своего рода иностранный язык, омолаживает язык старший, изобретает внутри старого языка какой-то новый [8]. Отсюда и синтаксическая сложность произведений Стайн. «Автобиография каждого», как и другие её тексты, изобилует повторами, в ней пропущены запятые, кавычки, двоеточия. Точка остается единственным знаком препинания, принятым писательницей безоговорочно. Нормативный синтаксис разрушается, язык приобретает признаки чужеродности. Это не выражение чувств Гертруды Стайн, а конструкция, воплощающая собой колебание между внутренней и внешней точками зрения. Стайн показывает, что повествование вообще и автобиография в частности «предполагает» перевод на язык другого, воссоздание внешней по отношению к автору точки зрения при помощи столкновения различных дискурсов.

В середине второй главы «Автобиографии каждого» Гертруда Стайн приводит любопытный эпизод. Она рассказывает о том, как был написан небольшой текст с детективным сюжетом «Кровь на полу столовой». Фрагмент стал для Стайн очередным воплощением накопленных идей относительно современной художественной формы. Детективная история, как замечает Стайн, это идеальная повествовательная структура, которая в силу своих особенностей исключает главные недостатки традиционного нарратива: изображения индивидуальности и линейность рассказа. «Единственный роман, который может существовать в наши дни, это детектив, где единственное мало-мальски важное лицо мертво» [9]. В таком повествовании нет места для раскрытия субъективности. Кроме того, детективная история подразумевает особую временную организацию, в ней не может быть строгой последовательности событий. Различные эпизоды связываются воедино в сознании детектива, а затем и читателя. Из кусочков реальности, кадров, бесконечное число раз повторяющихся друг друга и отличных лишь в малых деталях, создается единый образ, не изображение, а живая картинка. Это не последовательная смена – мелькание кад-

ров киноленты, а одномоментное наложение – когда сквозь слои начинает проступать целостный вид. Такой рассказ – не изображение и не изложение событий, а своеобразное интеллектуальное воссоздание в настоящем времени. Для Стайн это совершенная форма повествования от третьего лица, построенного не на сентиментальном припоминании, а на свободном бытии человеческого разума, способного вызвать к жизни новую реальность.

«Автобиография каждого» строится по схожим принципам. В ней, как и в детективном романе, нет четкой временной последовательности, события рассматриваются как чистые феномены. Индивидуальная история стирается, и на её месте проступает совершенно другая история – текстуальная. Стайн не дает оценки произошедшему, не пытается выстроить повествование в соответствии с порядком, продиктованным течением времени самой жизни. Из отпечатков событий, сцепленных звеньями обобщений, возникает пространство текста, лишенное каких бы то ни было связей с миром реальности. Вместо портрета Стайн мы видим фантом, лишенный субъективности. Это она и не она, это каждый, любой, автобиография без лица.

Рефлексии относительно автобиографических текстов, в том числе собственного опыта автора («Автобиографии Элис Б. Токлас»), добавляют тексту «Автобиографии каждого» еще одно измерение. Деконструируя автобиографический жанр, Стайн демонстрирует, насколько он далек как от вымысла, так и от документальности и в то же время как проступает на границе их пересечения. Это автобиография каждого, универсальная автобиография, автобиография самой автобиографии. Недаром в ней так много теоретических отступлений – это наука об автобиографическом модусе.

Место автобиографии в кругу других литературных практик до сих пор остается трудноопределимым. Любое исследование, направленное на изучение автобиографического материала, неизбежно сталкивается с проблемой несоответствия биографических фактов и их интерпретации в автобиографическом произведении. Отсюда и различные теоретические спекуляции как вокруг самого термина *автобиография*, так и вокруг автобиографического явления. Для основного корпуса исследований отправной точкой является вопрос: возможно ли рассматривать автобиографию как особый литературный жанр или же это повествование, строго подчиненное подающимся проверке фактам. Иными словами, допустим ли в автобиографическом повествовании вымысел и как он в конечном итоге соотносится с реальными фактами.

Само понятие *автобиография* несет в себе неоднозначность. Оно возникает из противостояния

префикса авто (я со всем своим субъективизмом) и объективности жизненной правды – био (биография). Стайн улавливает это и мастерски применяет. Она смешивает биографию, автобиографию, и повествование от третьего лица, нарратив в чистом виде. Вскрывая принципы работы этих жанров, она обнаруживает их невидимые связи. Не изменяя собственным творческим принципам, она создает произведение-обманку. Это пространство бесконечного становления, зона неопределенности, амальгама зеркальной поверхности. На месте исчезновения обладающих границами (реальностью) предметов (жанров, людей) возникают их подобию. Воссозданные заново, они, однако, еще не обладают определенностью реально существующих вещей, в них все зыбко. Одержимая объективным знанием, Стайн с усердием ученого препарировывает язык, форму, ломает омертвевшие конструкции, чтобы научиться новому живому языку. Автобиографическое повествование становится для нее полем для эксперимента. В рамках этого поля и возникают новые построения, образы-отражения, живые, но лишенные человеческого измерения, разговаривающие на своем языке, знакомые и в то же время чужие.

Литературность «Автобиографии Элис Б. Токлас» и «Автобиографии каждого» освобождает тексты от опасности стать пустыми копиями реальности. В них ничего не «изображается». Словами Кристевой Стайн «угадывает стирание самой системы репрезентации». Подобно фотореактивам автобиографии «проявляют» формообразующую важность языка. Эти текстовые реальности конструируют образы, лишенные эго. В них нет миметического подражания, копирования натуры.

Автобиографии Гертруды Стайн – это бесконечное становление, женеттовское «головокружение смыслов». Её опыты явственно демонстрируют невозможность провести четкую границу между художественной литературой как вымыслом и автобиографией. В контексте художественной системы, выработанной Стайн, факты, правда, истории теряют свое значение. Жанр преодолевает свою ограниченность, рождается заново.

Примечания

1. A Transatlantic interview [Text] // A Primer for the gradual Understanding of Gertrude Stein. Los Angeles, 1974. С. 19.
2. См. Женетт, Ж. Вымысел и слог [Текст] / Ж. Женетт // Фигуры III // Ж. Женетт. Фигуры. Т. 2. М., 1998. С. 342–451.
3. Stein, G. Everybody's Autobiography [Text] / G. Stein. London, 1985. С. 106.
4. Там же. С. 44.
5. Там же. С. 45.
6. Neuman, S. C. Gertrude Stein: Autobiography and the Problem of Narration [Text] / S. C. Neuman. University of Victoria, 1979. С. 46.

7. Ильин, И. П. Постмодернизм [Текст]: словарь терминов / И. П. Ильин. М., 2001. С. 318.

8. Делез, Ж. Критика и клиника [Текст] / Ж. Делез. СПб., 2002. С. 11–12.

9. Stein, G. Everybody's Autobiography [Text] / G. Stein. London, 1985. С. 82.

Д. Г. Алилова

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ ПОЗДНИХ ОД Т. ГРЕЯ (НА ПРИМЕРЕ ОДЫ «РОКОВЫЕ СЕСТРЫ»)

В статье рассматриваются композиционные особенности и полифоническое звучание оды Грея «Роковые сестры». Дается анализ оды в контексте предпринятого Греем уникального амбициозного проекта по написанию «Истории английской поэзии» как эволюции английской просодии, восходящей и получившей развитие также и на основе поэтики древнескандинавских сочинений в процессе модификации метра, ритма, строф.

The article deals with a structure and polyphony of Gray's «Fatal Sisters». The analysis focuses on «The Fatal Sisters» in context of Gray's unique and ambitious project to write a «History of English Poetry» as his challenge to illustrate the evolution of English prosody originated and developed on the basis of ancient Scandinavian poetics too in its modification of metre, rhythm, strophe.

«Это, главным образом, обращение к черной магии (dark diableries) готических времен, и если «гаинственное» и «возвышенное» – есть одно и то же, то и эти глубокие произведения, вне всякого сомнения, должны быть представлены именно таким образом», – написано в одной из рецензий [1], появившейся вскоре после издания в 1768 г. одических сочинений Томаса Грея, автора знаменитой английской элегии. Со страниц авторитетного критического издания того времени «Мансли Ревью» (The Monthly Review, May, 1768) рецензент не преминул при этом выразить свое сожаление по поводу «отхода музыки Грея от той изысканно-чистой простоты, характерной для его элегии». Подобный отзыв на сочинения Грея, отнесенные самим автором к «готическим» (Gothic), к большому разочарованию их создателя, по существу, выражал самое распространенное мнение о его позднем творчестве в целом, так и оставшемся «неясным», «непонятым» как для искушенного читателя, так и для литературной критики того времени. Разумеется, поэтический гений Грея был безоговорочно признан несколькими значительными поэтами (О. Голдсмит, Дж. Макферсон и впоследствии У. Каупер), тем не менее общепринятое совершенно недвусмысленное отношение к его позднему творчеству, «диктуемое» самым влиятельным критиком

эпохи С. Джонсоном, в очередной раз заставит поэта признаться: «Меня не понимают» [2].

Сочинения Грея, обращенные, по мнению современников, к «черной магии готических времен», составляют оды: «Роковые сестры» (The Fatal Sisters), «Нисхождение Одина» (The Descent of Odin) и фрагмент «Триумф Оуэна» (The Triumphs of Owen). Первые две оды были созданы не позднее 5 мая 1761 г. – этим числом датировано письмо Хораса Уолпола, близкого друга Грея, к Джорджу Монтэю: «Грей выполнил перевод двух благородных “заклинаний” Бог знает кого, некоего датского Грея, который жил Бог знает когда. Они должны “проиллюстрировать” историю английских бардов» [3]. Уже по этим строкам будущего автора первого английского готического романа, человека широкой эрудиции, можно достаточно отчетливо представить, насколько узок был круг тех «просвещенных», к которым апеллировал Грей в 1757 г., опубликовав две оды «в стиле Пиндара»: «Шествие Поэзии» (The Progress of Poetry) и «Бард» (The Bard). Тогда, предпослав своему одическому «диптиху» общий эпиграф, строку из Второй Олимпийской песни Пиндара – «Ясно для просвещенных», Грей, по его собственному признанию, и не предполагал, «насколько узким окажется этот круг просвещенных» [4]. Неудивительно, что и его «готические» сочинения, изданные спустя 10 лет после пиндарических од и через шесть лет после их создания, ожидала та же самая участь.

В просветительскую эпоху сама тема, восходящая к готическим временам, когда образованность совершенно не исключала глубокую и искреннюю веру в предрассудки и суеверия, оставалась довольно щекотливой, зачастую небезопасной, учитывая неослабевающую суровость ряда религиозных постулатов. Достаточно заметить, что до Грея одна из единичных попыток освещения этой тематики была предпринята Уильямом Коллинзом в «Оде народным суевериям Шотландии» (Ode on the Popular Superstitions of the Highlands of Scotland). Показательно, что ода Коллинза, созданная одновременно с греевской элегией в конце 1749 – начале 1750 г., вышла в свет в последующую литературную эпоху – в 1791 г. через десять лет после того, как была обнаружена. Однако сам метод освещения «готических» времен, избранный Коллинзом, отличен. Как точно подметил один из исследователей его творчества (Б. Грум), в «Оде суевериям» поэт стремится «осуществить полет воображения на крыльях редких слов» [5]. Грей же как поэт и исследователь английского стихосложения преследует совершенно иные цели.

Во вступлении к готическому «триптиху», открывающемуся одой «Роковые сестры», Грей пишет о своем намерении «создать несколько

образцов стиля» (some specimens of Style), которые доминировали в древние века у соседних народов или у тех, которые покорили большую часть Острова и были нашими Прародителями» [6]. Далее Грей предлагает читателю «три имитации, в которых представлены некоторые из этих образцов» [7]. Оду «Роковые сестры», в свою очередь, предваряет предисловие: «В XI в. Сигурд, граф Оркнейских островов, снарядив флот и огромное войско, отправился в Ирландию на помощь Сиктрюгу Шелковой Бороде, который в то время сражался против своего свекра Брайана, короля Дублина. Граф и его войско было разбито, а Сиктрюгу угрожало полное поражение, однако враг понес еще более значительные потери в лице Брайана, их короля, павшего на поле брани. На Рождество [8] (в день битвы) житель Кейтнисса, что в Шотландии, увидел вдали группу всадников, скачущих во весь опор к подножию холма, словно намереваясь войти в него. Любопытство взяло вверх, и он последовал за ними, пока не увидел проход в скалах и 12 гигантских фигур, напоминающие женские: все они ткали полотно; и пока они ткали – они пели следующую жуткую песню, по окончании которой они разорвали полотно на двенадцать кусков (по одному на каждую) и помчались галопом прочь – шестеро на север и столько же на юг» [9].

«Песнь валькирий», восходящая к старинным исландским сказаниям, была избрана Греем для переложения как один из ярких образцов древнескандинавской поэзии, обнаруживающий стилиевые особенности как эддической, так и скальдической поэзии. Выбор Греем этого образца старинной северной песни предопределил как сам захватывающий сюжет, так и стилиевые особенности поэтического языка скальдов. Сюжетная основа песни, в которой отражено историческое событие, – а именно битва при Клонтарфе 1014 г. – отражает ее общность со скальдической поэзией (древнеисландской и древненорвежской), относящейся к «начальному этапу в развитии осознанного авторства в поэзии» (М. И. Стеблин-Каменский), который ознаменован «переходом от певца к поэту» (А. Н. Веселовский) [10]. По стилю «Песнь валькирий» принадлежит к эддической поэзии, на что указывают, прежде всего, ее ритмические особенности, ее своеобразная мелодика, восходящая к воинственному кличу.

Грей был знаком как с латинским переводом «Песни валькирий», выполненным известным скандинавским ученым Т. Бартолином (*Antiquitatum danicarum de causis contemptae a danis adhuc gentilibus mortis*, 1689) и переизданным Т. Торфэусом (*Orcades seu rerum orcadensium historiae*, 1697), так и с самим оригиналом исландской песни. Как «самому просве-

щенному человеку» своего времени (каковым Грея не без оснований считали некоторые современники), поэту не составляло особого труда и без совершенного знания скандинавских языков уловить характерные особенности метра и ритма исландской песни, варьирование ее модуляций, сам принцип применения богатейшего набора поэтических приемов и стихотворных размеров скальдов, чьи песни, отличающиеся неповторимой полифонией, зачастую сочинялись для исполнения двумя певцами и даже хором голосов [11]. Как поэт и исследователь поэтики старинных стихотворных сказаний, Грей, впитав в себя многоголосие, многоязычие эмоциональной средневековой атмосферы соседних стран, создает поэтический аналог на национальном языке, в котором звучит то же многоголосие, что и в его древнем северном оригинале, а именно – песнь воинственных дев – валькирий, возвещающая о жизни и смерти и накануне кровавого сражения предвещающая скорую гибель героям. Именно вещим валькириям – «сестрам рокам» (*fatal sisters*), согласно старинным северным сказаниям, волей Отца богов и людей – великого Одина дано бесстрашно появляться на поле брани – и там – в разгар сражений – предопределять роковую участь воинов, причем их выбор падает на самых лучших. Затем воинственные девы препровождают павших в Вальхаллу – этот, по словам Грея, «рай для храбрецов» (*paradise of the Brave*), где те пополняют войско Одина – ряды эйнхериев. Само упоминание о Вальхалле – славном чертоге великого Одина, впервые в английской поэзии встречается у Грея. Показательно, что даже известный издатель того времени Роберт Додсли, при выпуске в свет оды «Роковые сестры», несмотря на каллиграфический подчерк ее создателя, вместо *Valhalla* использует ошибочное *Valkalla*.

Согласно уникальному замыслу Грея стихотворные переложения образцов древнескандинавской («Роковые сестры», «Нисхождение Одина») и древневаллийской поэзии (фрагменты «Триумф Оуэна», «Смерть Хоэла (*The Death of Hoel*, опубли. 1775) должны были войти в приложение к задуманной им «Истории английской поэзии». Сложность поэтического замысла Грея состояла не только в передаче самой атмосферы средневековья – той далекой эпохи «трепетного преклонения перед святыней пергамента и букв» [12], само наличие которых позволяет поэту-исследователю «документально» проследить эволюцию поэтического слова, но и в умении продемонстрировать многоступенчатое «шестивие поэзии» в модификации стиха, варьировании метра, ритма, рифм, строф. Считая историю стиха важнейшей частью истории поэзии, Грей еще в конце 40-х – начале 50-х гг. глубоко и досконально изучает роман-

скую, германскую и кельтскую поэтики, которые и послужили основой английской просодии. Об этом свидетельствуют его научные работы: «Исследование псевдоритма» (Observations of the Pseudo-Rhythmus), «Исследование по использованию рифмы» (Observations on the Use of Rhyme), «Исследование английского стихосложения» (Observations on English Metre, 1747, все опубликовано в 1814). Взяв за основу результаты «Исследований по английским поэтам» (Observation on the English Poets) выдающегося просветительского классициста А. Поупа и частично их переработав, Грей намеревается показать многовековой процесс становления и развития национальной поэзии. Для этого при творческом освоении образцов древнескандинавских и кельтских сказаний Грей использует экспрессивные возможности английской языковой системы, а именно: поэтические приемы и стихотворные размеры, наиболее близкие к некогда бывшим в арсенале древних бардов и скальдов.

В «Роковых сестрах» Грею удастся виртуозно переложить стихи скальдов размером, близким к оригинальному, а именно: хорейским тетраметром с воспроизведением аллитераций, в том числе «главных аллитераций», рассчитанных на слуховое восприятие образа, посредством «связки» двух стихов в двустипхию (ст. 51–52), где благодаря многократному повторному звучанию согласных создается насыщенный звуковой образ:

Sisters, *weave* the web of death,
Sisters, *cease*. the work is done. (ст. 51–52).

Так, повторяющиеся звуки «s», «w», «d» передают и свист ветра, и шуршание травы под копытами коней грозных воительниц и само ржание коней, на которых мчатся валькирии, ткущие кровавый саван из человеческих кишок, украшая его черепами, окровавленными копьями и щитами избранных ими героев, чьи часы пребывания на земле уже сочтены ими – валькириями.

Соразмерность текста достигается и благодаря внутренним рифмам (полным и неполным), выполняющим заданную ритмическую функцию. В конечных рифмах перекрестной рифмовки, отмечающих звуковым повтором клаузулы, прослеживается определенная закономерность, а именно чередование неточных рифм, допускаемое в нечетных стихах, с полноточностью точных рифм в четных стихах:

Low the dauntless Earl is laid
Gor'd with many a gaping wound;
Fate demands a nobler head,
Soon a King shall bite the ground. (ст. 41–44).

Здесь, при подчеркивании междустрочной паузы, рифма в ее интонационной функции способствует возникновению логического ударения и, таким образом, рифмующиеся слова

(wound-ground, ст. 42, 44) образуют ассоциативный ряд – «рана» (wound), полученная на поле брани, и «земля» (ground), на которой оказывается поверженный ниц герой. В нечетных стихах также зарифмованы (хотя и не столь полнозвучно, как в четных) наиболее существенные по смыслу слова: «laid» – «head» – «сложить» – «голову». Именно к этим рифмующимся словам привлекается особое внимание, поскольку они наиболее важны в семантическом отношении, и прежде всего благодаря им достигается усиление ассоциативной сферы стиха.

Таким образом, в поздних «готических» одах Грея литературная критика «века Джонсона» отметила прежде всего неясно очерченную сюжетную канву, основанную на сказаниях, связанных с «черной магией и колдовством готических времен», так же, как и в его ранее опубликованных «кельтских» сочинениях – «незрелость устаревшей мифологии» (puerilities of obsolete mythology) [13]. Английский ученый Э. Д. Снайдер, автор фундаментального исследования «Кельтское возрождение в Англии. 1760–1800», в предисловии к своему труду восклицает: «...мы можем только удивляться, как критики восемнадцатого века постоянно смешивали друидизм кельтов и верование Вальхаллы скандинавов – веры, восходящей к временам викингов! Но то, что они не делали никаких различий между ними, – несомненно [14]. Справедливости ради отметим, что и довольно известные литераторы, поэты и даже историки того времени также допускали серьезные неточности – среди которых У. Мейсон в поэме «Caractacus» (на что неоднократно обращал его внимание Грей), историк Э. Гиббон, назвавший Эдду «священной книгой древних кельтов» и др. Имя Грея, бесспорно, не может пополнить этот список – об этом свидетельствует его высокохудожественное освоение древнескандинавской и древневаллийской поэзии, благодаря которому сочинения скальдов и кельтов обрели «новое» поэтическое звучание на английском языке, сохранив при этом своеобразие поэтики старинных северных сказаний.

Примечания

1. Northup, C. S. A Bibliography of Thomas Gray [Text] / C. S. Northup. New York, 1970. P. 205.
2. The Correspondence of Thomas Gray [Text] / ed. P. Toynbee and L. Whibley. 3 vols. Oxford, 1935. Vol. 2. P. 522.
3. Horace Walpole's Correspondence with George Montagu [Text] / ed. W. S. Lewis and R. S. Brown, Jr. New Haven, London, 1941. Vol. 9. P. 364.
4. The Correspondence of Thomas Gray [Text]. Vol. 2. P. 518.
5. Groom, B. The Diction of Poetry from Spencer to Bridges [Text] / B. Groom. Toronto, 1956. P. 152.
6. The Complete Poems of Thomas Gray [Text]. Oxford, 1966. P. 27–28.

7. Ibid. P. 28.
8. Битва при Клонтарфе 1014 г. в действительности происходила в Страстную пятницу. Маловероятно, что Грей, при его энциклопедических знаниях всемирной истории, мог просто ошибиться при указании дня этой самой известной в истории Ирландии битвы.
9. The Complete Poems of Thomas Gray. P. 27–28.
10. *Стеблин-Каменский, М. И.* Скальдическая поэзия [Текст] / М. И. Стеблин-Каменский / Поэзия скальдов. М., 2004. С. 78.
11. Там же. С. 99.
12. *Аверинцев, С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы IV–IX веков [Текст] / С. С. Аверинцев. М., 1970. С. 208.
13. *Johnson, S.* Lives of the English Poets. London, Paris, New York and Melbourne. 1889. P. 182.
14. *Snyder, E. D.* Celtic Revival in English Literature. 1760–1800. Gloucester, 1965. P. 9.

Г. С. Кабулова

ВОСПРИЯТИЕ И ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЫ – ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

Традиция взаимодействия с природой осетинского народа уходит корнями в далекое прошлое. Для предков осетин природа была вторым домом, они всегда осознавали ценность природы и бережно относились к ней. В то же время она являлась воспитателем и покровителем народа, учила трудолюбию, наблюдательности, помогала выжить в трудных условиях.

The article deals with the problem of interaction of the Ossetians with nature. For the ancestors of the Ossetians nature was like home, they always appreciated the significance of nature in their life and took care of it. Meanwhile nature was the peoples' guardian, taught them to work hard, to observe, to survive in difficult conditions.

Культурный кризис, который переживает сегодня общество, имеет общее измерение – экологическое. Антропогенные факторы стали преобладающей силой в изменении характеристик окружающей среды, что привело к напряженной экологической ситуации. Экологически опасные воздействия на природу порождены социальными механизмами, управляющими основными сферами деятельности общества.

В настоящее время современное общество оказалось перед выбором: либо сохранить существующий способ взаимодействия с природой, что неминуемо может привести к экологической катастрофе, либо сохранить биосферу, пригодную для жизни, но для этого необходимо изменить сложившийся тип деятельности. Последнее возможно при условии коренной перестройки мировоззрения людей, ломки ценностей в области

как материальной, так и духовной культуры и формирования новой – экологической культуры, которая охватывает стороны мышления и деятельности человека, соотносящиеся с природной средой.

Сегодня признаком высокой культуры вообще и экологической культуры в частности становится не степень отличия социального от природного, а степень их единства. Таким единством достигается стабильность и природы и общества, образующих социоприродную систему, в которой природа становится «человеческой сущностью человека», а сохранение природы – средством сохранения общества и человека как вида. Для поддержания именно нового типа экологической культуры общество также нуждается в специальных социальных институтах в широком понимании данного научного термина. Прежде всего, это научные и управленческие учреждения и предприятия экологического профиля, социальные институты, средства массовой информации и др.

Одним из наиболее существенных социальных механизмов, способствующих решению задач в этой области, является возможность закрепления некоторых целесообразных нововведений через новые традиции. Традиция – это как раз тот социальный институт, который передает из поколения в поколение приобретенные обществом приспособительные реакции, используя при этом деятельность надстроечных институтов, систему обучения и воспитания. Обращение научной мысли современности к вековым традициям и опыту народной педагогики, к богатству нравственного освоения мира естественно, так как задача экологического сознания в связи с усугубляющимся обострением противоречий во взаимодействии общества и природы приобретает сегодня особую значимость [1]. Наличие у осетинского народа природоохранных традиций, основанных на религиозно-мистическом почитании некоторых объектов природы, является одной из особенностей национальной культуры. Традиция взаимодействия с природой осетинского народа уходит корнями в далекое прошлое. Для предков осетин природа была вторым домом, они всегда осознавали ценность природы и бережно относились к ней. В то же время она являлась воспитателем и покровителем народа, учила трудолюбию, наблюдательности, помогала выжить в трудных условиях. Весь традиционный образ жизни горцев определялся спецификой конкретных климатических и природно-географических условий, в которых протекала национальная жизнь. Многие стороны культуры, быта, психологии национально специфичны именно благодаря своеобразию окружающей природной среды [2]. Народная мудрость находилась в тесной связи с жи-

тейской философией и моралью, с агрономическими, метеорологическими, астрономическими знаниями. Понимание сути природных явлений и процессов в окружающей среде приблизило осетин к глубокому осмыслению объективной действительности и, как следствие, предоставляло возможность создания собственной системы экологических знаний. Так, «гармония природы перерастала, при условии сознательной деятельности взрослых, в совершенство личности, способной не только созерцать и объяснять природу, но и активно преобразовывать ее. Именно в этом преобразовании окружающей действительности – природы и общества – и состоит высший смысл гармонического совершенства человеческой личности» [3].

Усваивая народные запреты, предписания экологического характера, горцы становились носителями нравственных устоев жизнедеятельности. Важным в содержании развития горцев считались знания, умения и навыки по выполнению разных видов труда, связанных с сельскохозяйственным производством, всецело зависящим от «капризов» природы. Поэтому в процессе усвоения знаний формировался определенный подход к познанию разнообразия природы и объяснению природных явлений. Первичные природоохранные традиции, связанные с религиозно-мистическим почитанием объектов природы, испокон веков существовали и в Северной Осетии. Смешение различных народов и культур, особенности природы – все это оказало огромное влияние на формирование собственно осетинской природоохранной культуры, имеющей ряд специфических особенностей.

Одной из таких важных особенностей является наследование языческих культов поклонения природе более поздними религиями – христианством и исламом, с использованием этих культов в приемлемой для новой религии форме. Природный объект, избранный в качестве племенного тотема, исключался из хозяйственной деятельности: если это было животное, то мог быть наложен полный или частичный запрет на охоту, вводилось табу на посещения мест его обитания.

Другой важной особенностью основ природоохранной культуры осетин является использование общих традиций поклонения объектам природы – *дзуарам*, совместное почитание которых, как мусульманами, так и христианами, являлось результатом долгого добрососедского сожительства и взаимопроникиновения друг в друга этих религий на территории республики. *Дзуарам* осетины называют святого, патрона, духа-покровителя. Но то же название прилагается к известному месту, пользующемуся религиозным почитанием.

Религиозные верования осетин свидетельствуют о преобладании земледельческих и скотоводческих культов, относящихся в своем большинстве к аланской эпохе, а отчасти к древнекавказскому и скифскому периодам [4]. Многие местные традиции способствовали сохранению природы гор: обожествление природных объектов (священных кустов, деревьев, рощ, камней, водных источников и др.) и запрет на прикосновение к ним с хозяйственными целями сохранили до нынешних времен нетронутой красоту многих природных уголков Северной Осетии.

В Осетии много следов древних языческих верований, но ни один из примечательных природных объектов нашей республики не привлекал столько внимания, как священная роща Хетага. И, хотя чудесное образование рощи Хетага в различных легендах освещается различно, суть их одна: роща возникла, чтобы спасти жизнь Хетага, бежавшего от преследователей и ставшего родоначальником фамилии Хетагуровых. В самой распространенной легенде Хетаг представляется как абрек, отнимающий драгоценности у зажиточных людей и угоняющий скот кабардинских князей. Все награбленное делил с простым народом, чтившим его, как святого. Однажды кабардинские князья, узнав о его намерении, организовали засаду, но он чудом спасся – с помощью необыкновенного образования рощи. В другом варианте Хетаг предстает поссорившимся с братьями при разделе имущества деда Пиала. В результате ссоры два сына Хетага (Увижики и Еналдики) были убиты, а сам он спасся также благодаря чуду. Все эти легенды говорят о том, что культ «священной» рощи Хетага, возникший на основе социальных антагонизмов и распри в осетинском обществе, остается весьма почитаем и в настоящее время.

Как отмечает К. П. Попов: «Реликт равнинных лесов – роща Хетага – ценнейший лесной участок, сохранить его для потомков – наше общее дело» [5]. Вопрос о ее охране поднимался давно. Ф. И. Горепекин писал: «Необходимо предупредить посетителей не нарушать чем-либо вскоренившегося народного чувства почитания священной рощи» [6]. Н. А. Троицкий (1930) также опасался за судьбу подобных святынь: «С ростом просвещения имеются факты разрушения как ценных памятников старины, так и природы, пользовавшихся ранее суеверным почитанием и оказавшихся теперь “беспризорными”. От лучей просвещения развеваются суеверия, связанные с почитанием священных рощ, и надо, чтобы от этого они не погибли» [7]. Эти слова актуальны и сейчас. В нынешних условиях роща Хетага не просто памятник природы, а главная святыня осетин, символ их консолидации, своеобразная Мекка Осетии. По мнению М. И. Гиоева, роща

Хетага – это университет пропаганды передовых традиций и обычаев осетин [8].

В осетинских праздниках и обрядах, во многом сохранивших элементы язычества, связанных с хозяйственной и трудовой деятельностью, особенно ярко проявляется бережное отношение и любовь к родной природе. Сопровождаемые обрядовой поэзией, они способствовали формированию экологической культуры у молодого поколения и привитию высоконравственных качеств. К их числу относятся «Праздник урожая», «Праздник покровителя волков», «Обрядовое хождение по воду».

В пантеоне осетинских божеств одно из основных мест занимает Уацилла. Он является покровителем хлебных злаков и всего того, что произрастает на земле для пользы человека. Его называют также Богом-громовержцем.

Уацилла поклонялись предки осетин – аланы, когда поселились у подножья Кавказских гор и начали заниматься земледелием. Он является очень могущественным божеством: чтобы трава на пастбищах и сенокосах была сочной, молятся Уацилла, во время засух и длительной непогоды поклоняются ему же.

Самым добрым, кротким божеством у осетин является Фалвара – покровитель домашнего скота.

По словам В. И. Абаева, в дохристианской религии алан-осетин было пастушеское божество, чей праздник отмечался весной. После, в процессе христианизации, он получил новое имя в честь канонического святого, и получилось так, будто было два Фалвара: первый – в Фомину неделю, а второй – в августе – сентябре, перед началом стрижки овец [9].

В недавнем прошлом считалось, что «до этого праздника никто не осмеливается подносить к огню молоко, сыр или сыворотку. Вечером, заколов барана, так называемую голову скота – первого родившегося в текущем году в стаде, готовят дзыкка – кушанье, делаемое из одного сыра. В этот праздник молятся Фалвара, чтобы он даровал домохозяевам много хорошей скотины» [10].

В субботу этой же недели, или спустя две недели после Пасхи, осетины отмечали еще один праздник – Касута. Это был весенний праздник, связанный с плодородием. К этому дню готовили общественное пиршество по общепринятому механизму. Подворно собирали солод для праздничного пива, приносили по три пирога от семьи, а жертвенное животное выделял устроитель праздника в текущем году. Одновременно в домах каждая семья варила различные каши, которые с ритуальными пирогами и пивом носили на засеянные поля и к водным источникам. Девушки и молодые невесты собирались группами у

воды, где устраивали женские трапезы, игры и развлечения. После этого праздника молодым женщинам разрешалось ходить за водой [11].

Особое значение в жизни горцев имели магические обряды, связанные с культом животного или растения. Так, у осетин широко был распространен культ волка: в качестве оберега от «нечистой силы», от болезней использовались различные кости волка и волчья шкура. Этот культ вырабатывал в сознании подрастающего поколения особое, уважительное отношение к этому животному, которое, несмотря на свою агрессивность, покровительствует человеку. Также распространены культы многих других животных (медведя, оленя, барса, кабана, коровы, быка) и растений (ясеня, дуба, тиса, березы). Все эти мероприятия исходили из принципов традиционной экологической этики: природу нужно любить и относиться к ней бережно, даже из-за крайней нужды нельзя истреблять все.

Поклонение «святым» объектам природы и связанные с ними культурные традиции и в настоящее время играют главную роль в формировании экологического мышления народов Осетии. Исключительно благодаря религиозно-мистическому почитанию некоторых природных территорий, до нашего времени дожили не только сами эти места, но и в значительной степени сохранился их биоресурсный потенциал. Почти все территории, почитавшиеся как «святые» места, включены в состав национального парка «Алания». А часть из них восстанавливает свою былую славу природных святынь и притягивает к себе на поклон богомольней со всех уголков Республики Северная Осетия-Алания.

Экологическая нравственность, или мораль, экологическая этика – эти извечные темы всегда волновали человека осознанно или даже неосознанно. Несмотря на то на ранних ступенях общественного развития знания законов природы нашли весьма ограниченный характер, тем не менее всегда предварительно планировались природовосстановительные мероприятия. Анализ традиционной культуры Республика Северная Осетия-Алания позволяет утверждать, что этнокультурная специфика и локальные ее проявления всецело основывались на экологическом познании, и традиционная экологическая этика так же, как и мораль, играла далеко не второстепенную роль. В народе на протяжении веков накопились огромное рациональное знание и опыт, которые в современных условиях почти полностью игнорируются, что зачастую приводит к непредсказуемым результатам.

Во все времена одним из важнейших факторов культуры осетин являлась природа. Осознавая всю полноту ответственности перед ней, осетины передавали от поколения к поколению уважительное отношение к своему природному ок-

ружению, формируя тем самым экологическую культуру своего народа. Важным средством формирования нового экологического идеала может стать традиционная этноэкологическая культура осетинского народа, формировавшаяся в течение многих веков в условиях вынужденного замкнутого проживания в суровых горных ущельях Северного Кавказа. Исторически сложившийся уклад жизни выработал устойчивые стереотипы поведения осетин, направленные на достижение и сохранение равновесия между антропогенной активностью и природой. Культурное наследие осетинского народа раскрывает величайшую глубину традиционных ценностей, оказывающих непосредственное воздействие на формирование нравственных качеств и развитие духовности поколений. В современных условиях возрастает потребность в сохранении и популяризации обычаев и традиций народа, составляющих его национальную гордость и отражающих его мировосприятие [12].

Примечания

1. Кочисов, В. К. Гуманистические основы осетинской народной педагогики и их значение в воспитании подрастающего поколения [Текст] / В. К. Кочисов. Владикавказ: СОГУ, 1995. С. 48.
2. Основы национальных и федеративных отношений [Текст]: учеб. пособие / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. М.: РАГС, 2001. С. 71.
3. Джиоева, А. Р. Этнопедагогический аспект воспитания младших школьников на уроках чтения [Текст] / А. Р. Джиоева, В. К. Кочисов, З. В. Гахова. Владикавказ: Олимп, 2001. С. 27.
4. Тменов, В. Х. Пантеон и религиозные праздники осетин [Текст] / В. Х. Тменов, Е. Н. Гонобоблев. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005. С. 55.
5. Попов, К. Священная роща Хетага [Текст] / К. Попов. Владикавказ: ИР, 1995. С. 102.
6. Горепекин, Ф. И. Путеводитель по горам Терской области [Текст] / Ф. И. Горепекин. Владикавказ: Ир., 1925. С. 60.
7. Троицкий, Н. А. «Священная роща» осетин в верховьях Арагви [Текст] / Н. А. Троицкий // Закавказский краеведческий сборник. Сер. Естествознание, т. 1, 1930. С. 385.
8. Попов, К. Указ. соч. С. 122.
9. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка [Текст] / В. И. Абаев. М.; Л., 1958.
10. Астахов, С. Х. Ритуальные действия народов Северного Кавказа [Текст] / С. Х. Астахов. СПб., 1996. С. 69.
11. Уарзиати, Вилен. Праздничный мир осетин [Текст] / Вилен Уарзиати // Уарзиати Вилен. Избранные труды. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. С. 226.
12. Тменов, В. Х. Указ. соч. С. 245.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 3 (2)

Подписано в печать 18.08.2008 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0. Тираж 1000. Заказ № 1039.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674